МАРГАРЕТ

ЭТВУД

Winner
The Booker Prize 2019

18+

ЗАВЕТЫ

Заветы

Маргарет Этвуд

Аннотация
Маргарет Этвуд. Заветы
I. Статуя
II. Цветок драгоценный
III. Гимн
IV. «Борзая модница»
V. Фургон
VI. Шесть – это тлен
VII. Стадион
Viii. «Карнарвон»
IX. Палата «Исполать»
X. Весенняя зелень
XI. Власяница
XII. «Коврык»
XIII. Секатор
XIV. Ардуа-холл
XV. Лис и кошка
XVI. Жемчужные девы
XVII. Идеальные зубы
XVIII. Читальный зал
XIX. Кабинет
XX. Родословные

XXI. Мало не покажется
XXII. Стоп-сердце
XXIII. Стена
XXIV. «Нелли Дж. Бэнкс»
XXV. Подъем
XXVI. Земля
XXVII. Прощай
Тринадцатый симпозиум
Благодарности

Аннотация

Больше пятнадцати лет прошло с момента событий «Рассказа Служанки», республика Галаад с ее теократическим режимом по-прежнему удерживает власть, но появляются первые признаки внутреннего разложения. В это важное время судьбы трех очень разных женщин сплетаются – и результаты их союза сулят взрыв. Две из них принадлежат первому поколению, выросшему при новом порядке. К их голосам присоединяется третий – голос Тетки Лидии. Ее непростое прошлое и смутное будущее таят в себе множество загадок.

В «Заветах» Маргарет Этвуд приподнимает пелену над внутренними механизмами Галаада, и в свете открывшихся истин каждая героиня должна понять, кто она, и решить, как далеко она готова пойти в борьбе за то, во что верит.

Маргарет Этвуд
Заветы

Margaret Atwood
THE TESTAMENTS

Copyright © O.W. Toad, Ltd. 2019
Interior and case art by Suzanne Dean (fountain pen) and Noma Bar (girl profi les)

© Грызунова А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Всякой женщине надлежит иметь те же мотивы, что у прочих женщин, – иначе она чудовище.

Джордж Элиот, «Даниэль Деронда»

Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим не только на ненавистное лицо, мы смотрим в зеркало… Разве вы не узнаете себя, свою волю в нас? Оберштурмбанфюрер Лисс – старому большевику Мостовскому.

Василий Гроссман, «Жизнь и судьба»

Свобода – это груз, который может оказаться не по силам для слабого. Свобода – не подарок, свобода – выбор, иногда нелегкий.

Урсула К. Ле Гуин, «Гробницы Атуана» [1]

---

[1] Сноски: 1

Перев. С. Славгородского. (*Здесь и далее примеч. перев. Переводчица благодарит за поддержку Бориса Грызунова.*)

I
Статуя

Автограф из Ардуа-холла

1

Статуи дозволительны только мертвым, а вот мне статуя досталась при жизни. Я уже окаменела.

Статуя — небольшой знак благодарности за мой обширный вклад; об этом говорилось в приказе, который зачитала Тетка Видала. Что она сделала по поручению нашего руководства и не испытывая ни капли благодарности. Призвав на помощь всю свою скромность, я сказала «спасибо», потянула за бечевку и сдернула свой тканый саван; ткань спорхнула на землю — и мне явилась я. У нас в Ардуа-холле гикать не принято, однако сдержанные хлопки раздались. Я в ответ склонила голову.

В камне я больше, чем в жизни — со статуями так бывает сплошь и рядом, — и статуя моложе, худее и в лучшей форме, нежели последние годы была я. Спина прямая, плечи расправлены, губы

изогнуты в стоической, но великодушной улыбке. Глаза мои устремлены к некоей космической точке отсчета, каковая, очевидно, олицетворяет мой идеализм, мою несгибаемую верность долгу, мою решимость идти вперед вопреки любым препонам. Моя статуя, впрочем, никаких небесных явлений не узрит — ее поставили в кустах посреди угрюмой рощицы, обок от тропинки, что бежит вдоль фасада Ардуа-холла. Нам, Теткам, даже в камне кичливость не к лицу.

За мою левую руку, доверчиво взирая снизу вверх, цепляется девочка лет семи-восьми. Моя правая рука возлежит на темени женщины, что скорчилась рядом, — волосы под вуалью, взгляд заведен на меня, в лице читается то ли робость, то ли признательность: кто-то из наших Служанок, — а за моей спиной стоит одна из моих Жемчужных Дев, готовая приступить к миссионерским трудам. На поясе у меня висит электробич. Оружие напоминает о моих изъянах: если б я работала плодотворнее, этот инструмент мне бы не понадобился. Я убеждала бы одним лишь голосом.

Не самая удачная скульптурная группа — чересчур перегруженная. Лучше бы внятнее сделали акцент на мне. Зато на вид я хотя бы в здравом

рассудке. А могло выйти иначе: престарелая скульпторша — правоверная, уже скончалась — имела обыкновение передавать благочестивый пыл, наделяя свои изваяния выпученными глазами. Бюст Тетки Хелены страдает бешенством, у бюста Тетки Видалы — гиперфункция щитовидки, а бюст Тетки Элизабет с минуты на минуту грозит лопнуть.

На открытии скульпторша нервничала. Льстит ли мне статуя? Одобряю ли я? Одобрю ли зримо? Я подумывала нахмуриться, едва упадет простыня, но отказалась от этой мысли: у меня все-таки есть сердце.

— Прямо как живая, — сказала я.

Было это девять лет назад. Время не пощадило статую: меня изукрасили голуби, мои повлажневшие складки заросли мхом. Почитательницы завели привычку оставлять подношения у моих ног: яйца — знак плодовитости, апельсины — намек на вынашивание, круассаны — аллюзия на луну. Хлебные изделия я оставляю — как правило, их успевает полить дождь, — а вот апельсины забираю себе. Апельсины весьма освежают.

Я пишу в своем личном кабинете в библиотеке Ардуа-холла — одной из немногих библиотек, что сохранились после увлеченного сжигания

книг, прокатившегося по нашей земле. Прошлое оставило уродливые и кровавые отпечатки пальцев — следовало их стереть, дабы освободить пространство чистому душой поколению, которое, несомненно, явится со дня на день. Так гласит теория.

Но кровавые отпечатки пальцев оставляли и мы, а их так просто не сотрешь. За долгие годы я захоронила немало костей, а теперь склоняюсь вновь извлечь их из-под земли хотя бы тебе в назидание, безвестный мой читатель. Если ты это читаешь, значит, моя рукопись по крайней мере уцелела. Впрочем, возможно, я фантазирую: возможно, у меня никогда не будет читателя. Возможно, единственным собеседником моим будет стенка — во многих смыслах.

На сегодня довольно бумагомарания. Ноет рука, ломит спину, и меня ждет еженощная чашка горячего молока. Сочинение свое я сокрою в тайнике, избегая камер наблюдения — где они, я знаю, я сама их устанавливала. Невзирая на такие предосторожности, я вполне сознаю, чем рискую: писания бывают опасны. Какие вероломства, а затем и доносы уготованы мне? В Ардуа-холле найдутся те, кто с дорогой душой наложил бы лапу на эти страницы.

Не спешите, безмолвно советую им я: будет хуже.

II
Цветок драгоценный

Протокол свидетельских показаний 369А

2

Вы просите рассказать, каково мне было расти в Галааде[2]. Вы говорите, что это поможет, и да, я хочу помочь. Вы, вероятно, ожидаете сплошных ужасов, но на самом деле в Галааде, как и повсюду, дети зачастую окружены любовью и заботой, и в Галааде, как и повсюду, взрослые зачастую добры, хотя и не лишены слабостей.

И надеюсь, вы примете во внимание, что все мы скучаем по доброте, которую видели детьми, сколь ни абсурдными видятся обстоятельства нашего детства всем прочим. Я согласна с вами, Галаад должен сойти на нет — слишком много

---

[2] Сноски: 2

Галаад — гора, а также гористая страна за Иорданом, которая славилась богатством и плодородием. «И взял Иаков камень и поставил его памятником. И сказал Иаков родственникам своим: наберите камней. Они взяли камни, и сделали холм, и ели [и пили] там на холме. [И сказал ему Лаван: холм сей свидетель сегодня между мною и тобою.] И назвал его Лаван: Иегар-Сагадуфа; а Иаков назвал его Галаадом» (Быт. 31:45–47). «Галаад — город нечестивцев, запятнанный кровью» (Ос. 6:8).

в нем дурного, слишком много ложного, слишком многое, безусловно, противоречит Божьему Замыслу, — но все же дозвольте мне оплакать то хорошее, что будет утрачено вместе с дурным.

В школе у нас весной и летом носили розовый, осенью и зимой — сливовый, а белый — по особым дням, по воскресеньям и праздникам. Руки покрыты, волосы покрыты, до пяти лет юбки по колено, а после — не более двух дюймов над лодыжкой, ибо мужские страсти ужасны и их надлежит укрощать. Мужчины вечно шныряют взглядом тут и там, подобно тиграм, глаза у них — что прожекторы, и их надлежит защищать от притягательной и, более того, ослепительной нашей силы — от наших лепных, или тощих, или толстых ног, от наших изящных, или шишковатых, или сосисочных рук, от нашей персиковой или прыщавой кожи, от наших вьющихся блестящих локонов, или жесткой непослушной овчины, или соломенных жидких кос — детали значения не имеют. С любыми формами, любыми чертами, вопреки своей воле мы — ловушки, приманки, мы — чистые и безвинные корни зла, сама природа наша пьянит мужчин похотью, и они колеблются, и шатаются, и падают, преступив грань (Грань чего? — недоумевали мы. Это

как с обрыва?), и рушатся в бездну, объятые пламенем, точно снежки, вылепленные из горящей серы и запущенные в полет рассерженной рукою Бога. Мы — хранительницы заветного сокровища, что незримо таится внутри нас; мы — цветы драгоценные, кои следует беречь за стеклом оранжерей; а иначе нас подстерегут, оборвут наши лепестки, украдут наше сокровище, иначе нас разорвут на час-ти и затопчут алчные мужчины, что прячутся за каждым углом в лютом и безнравственном мире, раскинувшемся снаружи.

Так рассказывала нам в школе сопливая Тетка Видала, пока мы мелкой гладью вышивали носовые платки, и пуфики, и картинки в рамочках — предпочтительно изображения цветов в вазе, фруктов в чаше. А вот Тетка Эсте, наша любимая учительница, говорила, что Тетка Видала чрезмерно усердствует и пугать нас до полусмерти ни к чему, это внушит нам отвращение, а оно дурно повлияет на счастье нашей будущей замужней жизни.

— Не все мужчины таковы, девочки, — успокаивала Тетка Эсте. — У лучших из них — превосходный нрав. Некоторые неплохо держат себя в руках. А замужем вам все увидится совсем иначе, отнюдь не так страшно.

Ей самой, правда, неоткуда было знать, поскольку Тетки замуж не выходили — им не разрешалось. Поэтому им позволяли писание и книги.

— Когда придет время, мы, и ваши отцы, и ваши матери с умом подберем вам мужей, — говорила Тетка Эсте. — Так что ничего не бойтесь. Учите уроки, слушайтесь старших, они все сделают, как надо, и все случится, как до́лжно. Я буду об этом молиться.

Но, невзирая на ямочки и располагающую улыбку Тетки Эсте, в наших умах господствовала версия Тетки Видалы. Эта картина всплывала в моих кошмарах: раскалывалось стекло оранжереи, затем все трещало, и рвалось, и грохотали копыта, и розовые, и белые, и сливовые ошметки меня разлетались по земле. Я страшилась повзрослеть — повзрослеть и дорасти до свадьбы. Я не верила, что Тетки сделают выбор с умом: я боялась, что в итоге меня выдадут за какого-нибудь горящего козла.

Особенным девочкам, таким как мы, полагались розовые, белые и сливовые платья. Обычные девочки из Эконосемей всегда носили одно и то же — разноцветное полосатое уродство и серые накидки, как у их матерей. Эти девочки

даже не учились вышивать мелкой гладью или вязать крючком — только шить и складывать бумажные цветы, всяким таким занятиям. Они не избранные и не выйдут замуж за лучших мужчин, за Сынов Иакова и других Командоров и их сыновей, — они не как мы, хотя их могут избрать, когда повзрослеют, если они вырастут красивыми.

Вслух этого не говорили. Не полагалось щеголять красотой, это нескромно, и не полагалось замечать чужую красоту. Хотя мы знали правду: лучше быть красивой, чем уродкой. Даже Тетки больше внимания уделяли красивым. Но, если ты уже избранная, не так важно, красивая ты или нет.

Я не косила, как Олдама, у меня не было встроенной надутой гримасы, как у Сонамит, и почти отсутствующих бровей, как у Бекки, однако я была еще не готова. Лицо, как тесто, как печенье, которое пекла мне Цилла, моя любимая Марфа, — глаза-изюмины и зубы, как тыквенные семечки. Но я, хотя и не замечательная красавица, была очень-очень избранная. Дважды избранная, и не только для того, чтобы выйти замуж за Командора: сначала меня избрала Тавифа — это была моя мама.

Тавифа сама мне так рассказывала.

— Я пошла погулять в лесу, — говорила она, — и наткнулась на зачарованный замок, и внутри сидело взаперти много-много маленьких девочек, и ни у одной не было матери, и их всех заколдовали злые ведьмы. У меня было волшебное кольцо, которое отпирало ворота замка, но спасти я могла только одну девочку. Я оглядела всех очень внимательно и из целой толпы девочек выбрала тебя!

— А остальные? — спрашивала я. — Что случилось с остальными девочками?

— Их спасли другие мамы, — отвечала она.

— У других мам тоже были волшебные кольца?

— Ну конечно, милая моя. Чтобы стать мамой, нужно волшебное кольцо.

— А где это волшебное кольцо? — спрашивала я. — Где оно сейчас?

— У меня на пальце, — отвечала она и гладила безымянный палец левой руки. Она говорила, этот палец — сердечный. — Но в моем кольце было только одно желание, и я истратила его на тебя. И теперь это обычное, неприметное мамино кольцо.

Тут мне разрешалось примерить кольцо — зо-

лотое, с тремя брильянтами: один крупный и два маленьких по бокам. На вид такое, будто некогда и впрямь было волшебным.

— И ты меня взяла на руки и унесла? — спрашивала я. — Из леса?

Историю я знала наизусть, но любила слушать снова и снова.

— Нет, сокровище мое, ты была уже слишком большая. Если б я несла тебя на руках, я бы закашлялась и нас бы услышали ведьмы. — (Я и сама знала, что это правда: Тавифа действительно много кашляла.) — Поэтому я взяла тебя за руку, и мы вышли из замка на цыпочках, чтобы ведьмы не услышали. Мы обе говорили: «Тш-ш, тш-ш», — тут она прижимала палец к губам, и я тоже поднимала палец и в восторге повторяла за ней: «Тш-ш, тш-ш», — а потом мы быстро-быстро побежали по лесу, спасаясь от злых ведьм, потому что одна заметила, как мы вышли за порог. Мы сначала бежали, а потом спрятались в дупле. Было очень опасно!

У меня осталось расплывчатое воспоминание о том, как я бегу по лесу и кто-то держит меня за руку. И я пряталась в дупле? Кажется, да, я где-то пряталась. Может, все это было на самом деле.

— А потом что? — спрашивала я.

— А потом я привела тебя в этот красивый дом. Ты ведь счастлива? Ты нам всем так дорога! Нам с тобой повезло, что я выбрала тебя, правда?

Я приникала к ней, а она меня обнимала, и я головой прижималась к ее худому телу, к твердой ряби ее ребер. Я ухом притискивалась к ее груди и слышала, как внутри колотится сердце — все быстрее и быстрее, казалось мне, потому что Тавифа ждала ответа. Я знала, что мои слова могущественны: либо Тавифа улыбнется, либо нет.

Что я могла сказать? Только да и да. Да, я счастлива. Да, мне повезло. Это же правда.

3

Сколько мне было тогда? Лет шесть, должно быть, или семь. Трудно сказать — обо всем, что было до того, у меня нет ясных воспоминаний.

Тавифу я обожала. Она была красавица, хотя и ужасно худая, и она играла со мной часами. У нас был кукольный дом, один в один наш собственный — гостиная, и столовая, и большая кухня для Марф, и отцовский кабинет со столом и книжными шкафами. Все понарошечные книжечки на полках были пусты. Я спрашивала, почему в них ничего нет — у меня было смутное подозрение, что на страницах должны быть знач-

ки, — и мама отвечала, что книжки — это такие украшения, как вазы с цветами.

Сколько же ей приходилось лгать ради меня! Чтобы меня уберечь! Но лгала она доблестно. Она была очень изобретательная.

На втором этаже кукольного дома у нас были прелестные большие спальни с занавесками, и обоями, и картинами — красивыми, с фруктами и цветами, — и маленькие спаленки на третьем этаже, и целых пять уборных, хотя одна была туалетной (почему она так называется? что такое «туалет»?) и еще погреб с припасами.

В этом кукольном доме у нас были все куклы, каких только можно пожелать: кукла-мама в голубом платье Жены Командора, маленькая кукла-девочка с тремя платьицами, розовым, белым и сливовым, в точности, как у меня, и три куклы-Марфы в тускло-зеленых платьях и фартуках, и Хранитель Веры в фуражке — водить машину и косить газон, и два Ангела — караулить ворота с крохотными пластмассовыми винтовками наперевес, чтоб никто не забрался и не обидел нас, и кукла-отец в жестком мундире Командора. Этот почти ничего не говорил, только много ходил из угла в угол и сидел во главе обеденного стола, и Марфы таскали ему

еду на подносах, а потом он удалялся в кабинет и закрывал дверь.

В этом отношении кукольный Командор походил на моего отца Командора Кайла, который улыбался мне, интересовался, хорошо ли я себя веду, а затем исчезал. Разница, впрочем, была: чем занимался кукольный Командор у себя в кабинете, я видела — он сидел за столом перед Комптактом и кипой бумаг, — а про настоящего отца я не знала ничего: заходить в отцовский кабинет запрещалось.

Говорили, что отец занимается там чем-то ужасно важным — важными мужскими делами, слишком важными, женщинам нечего совать нос, у женщин мозги меньше и не справляются с большими мыслями, — так говорила Тетка Видала, которая преподавала нам Религию. Все равно что учить кошку вязать крючком, говорила Тетка Эсте, которая преподавала нам Рукоделие, и мы смеялись, потому что это же нелепица! У кошек даже пальцев нет!

То есть у мужчин в головах как бы пальцы, но такие, которых нет у девочек. И это все объясняет, говорила Тетка Видала, и хватит уже вопросов на эту тему. Ее губы захлопывались, запирая другие слова, невысказанные. Я знала, что наверняка

должны быть и другие слова, потому что даже в те времена аргумент про кошек вызывал сомнения. Кошки не хотят вязать крючком. А мы не кошки.

Запретное открыто воображению. Потому Ева и отведала Яблоко Познания, говорила Тетка Видала: воображение у нее было слишком развитое. Так что кое-чего лучше вовсе не знать. Не то разлетятся лепестки.

В кукольном наборе была и кукла-Служанка — красное платье, раздутый живот, белые крылышки прячут лицо, — но мама сказала, что Служанка нам в доме ни к чему, у нас ведь уже есть я, а если одна девочка у нас уже есть, не к лицу жадничать. Поэтому Служанку мы завернули в папиросную бумагу, и Тавифа сказала, что можно подарить эту куклу какой-нибудь другой девочке, у которой нет такого чудесного кукольного дома, — ей кукла-Служанка очень пригодится.

Я только рада была убрать Служанку в коробку, потому что настоящие Служанки меня пугали. Мы встречались с ними на школьных прогулках, шагая парами, длинной колонной, с Теткой в голове и Теткой в хвосте. Ходили мы в церкви или в парки, где можно было водить хороводы

или смотреть на уток в пруду. Позднее нам разрешили бы в белых платьях и вуалях посещать Избавления и Молитвонады, смотреть, как людей вешают или женят, но тогда Тетка Эсте говорила, что мы пока еще слишком маленькие.

В одном парке были качели, но о таких вольностях нам не полагалось и думать — мы же в юбках, в юбки надует ветер, и кто-нибудь подглядит. Только мальчики могли вкусить подобной свободы; только мальчикам разрешалось взлетать и парить; только их пускали в небеса.

Я до сих пор ни разу не качалась на качелях. Это у меня мечта по сей день.

Мы маршировали по улице строем, а Служанки с корзинками для покупок шагали парами. Служанки на нас не смотрели — почти не смотрели, не смотрели в упор, — а нам не полагалось смотреть на них, потому что пялиться невежливо, говорила Тетка Эсте, ведь невежливо пялиться на калек и вообще на тех, кто на тебя не похож. Расспрашивать о Служанках нам тоже не разрешали.

— Вырастете и все это узнаете, — говорила Тетка Видала.

Все это — Служанки тоже были *все это*, вместе со всем прочим. Значит, плохое — вредное

или поврежденное, что, быть может, одно и то же. А прежде Служанки были как мы — белые, и розовые, и сливовые? Не убереглись, что-то притягательное у себя оголили?

Теперь-то их почти не разглядеть. Даже лиц не видно, потому что у них эти белые крылышки. Служанки были все одинаковые.

В кукольном доме была кукла-Тетка, хотя в доме ей не место, ей место в школе или в Ардуахолле, где, по слухам, жили Тетки. Играя одна, я запирала куклу-Тетку в подполе, и это был недобрый поступок. Кукла-Тетка колотила в дверь подпола и кричала: «Выпустите меня!» — но кукла-девочка и кукла-Марфа, которая ей помогала, не обращали внимания, а порой смеялись.

Я без удовольствия описываю свою жестокость, хотя жестока я была всего лишь к кукле. Натуре моей свойственна мстительность, и эту черту мне, увы, так и не удалось совершенно подавить. Но в повествованиях подобного рода о своих оплошностях, как и обо всех прочих поступках, лучше говорить начистоту. Иначе никто не поймет, как рождались твои решения.

Честности перед собой меня научила Тавифа, что, ввиду всей ее *лжи*, несколько парадоксально. Справедливости ради должна отметить, что

с собой она, вероятно, была честна. Изо всех сил старалась — так мне кажется — быть хорошим человеком в предложенных условиях.

Каждый вечер, рассказав мне историю, она укладывала меня в постель с моей любимой плюшевой игрушкой — игрушка была китом, потому что Господь дозволил рыбам большим резвиться в море[3], и играть с китом разрешалось, — а потом мы вместе молились.

Молитва была, как песенка, и мы пели ее дуэтом:

Когда я усну и погаснут огни,
Боже, душу мою сохрани,
А если я не проснусь уже,
Вечную жизнь подари душе.

Четверо ангелов рядом со мной,
Два впереди и два за спиной:
Один – следить, другой – просить,
А двое – душу мою уносить[4].

---

[3] Сноски: 3

«И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее» (Быт. 1:21).

[4] Сноски: 4

«Когда я усну» *(Now I Lay Me Down to Sleep)* — английская детская песенка, известная с XVIII века.

Голос у Тавифы был чудесный — как серебряная флейта. Порой по ночам, засыпая, я почти слышу, как она поет.

Но местами песня меня смущала. Во-первых, ангелы эти. Я понимала, что ангелы должны быть в белых ночнушках и с перьями, но мне они представлялись иначе. Мне они представлялись нашими Ангелами: мужчинами в черном, с нашитыми тканными крыльями на мундирах и с винтовками. Неприятно было думать, что, пока я сплю, вокруг моей постели стоят четверо Ангелов, потому что они же все-таки мужчины — а вдруг я что-нибудь нечаянно высуну из-под одеяла? Ноги, например? Это ведь разожжет в них страсти? Неминуемо разожжет, деваться некуда. Так что мысль о четверых Ангелах отдохновению не способствовала.

И вдобавок неутешительно было молиться о смерти во сне. Я не думала, что во сне умру, но мало ли? И что такое моя душа — эта штука, которую унесут ангелы? Тавифа говорила, душа — это дух, который не умирает с телом вместе, и в этом мне полагалось черпать ободрение.

Но какая она, моя душа? Я воображала, будто она в точности как я, только меньше: маленькая, как кукла-девочка в кукольном доме. Она внутри

меня — может, она и есть заветное сокровище, которое Тетка Видала велела так зорко сторожить. Души можно лишиться, говорила Тетка Видала, сморкаясь, и тогда душа упадет за грань, и полетит в бездну, и вспыхнет пламенем, как козлиные мужчины. А такого поворота я не желала допустить ни в коем случае.

4

В начале следующего периода, который я опишу, мне было, вероятно, лет восемь или, может, девять. События я помню, точный возраст — нет. Трудно запоминать календарные даты, тем более что календарей у нас не было. Но я продолжу, как смогу.

Меня тогда звали Агнес Емима. Агнес — это «агнец», говорила моя мама Тавифа.

И читала стишок:

Агнец, милый Агнец,
Кем ты создан, Агнец?[5]

Там еще было продолжение, только я его не помню.

---

[5] Сноски: 5

Первые строки стихотворения Уильяма Блейка «Агнец» *(The Lamb),* вошедшего в его сборник «Песни невинности» (*Songs of Innocence*, 1789), перев. Д. Смирнова-Садовского.

Что до Емимы, это из Библии. Емима была очень особенная девочка, потому что на ее отца Иова Господь наслал несчастье — это было такое испытание, — и хуже всего то, что всех детей Иова убило. Всех его сыновей, всех его дочерей — убило![6] Всякий раз, когда я об этом слышала, меня мороз по коже подирал. Страшно подумать, что было с Иовом, когда ему сказали.

Но Иов выдержал испытание, и Господь подарил ему других детей — нескольких сыновей и трех дочерей, и Иов опять стал счастливым. А одной из этих дочерей была Емима[7].

— Господь подарил ее Иову, как мне — тебя, — сказала мама.

— У тебя было несчастье? До того как ты меня выбрала?

— Да, — улыбнулась она.

— А ты прошла испытание?

---

[6] Сноски: 6

«Приходит другой ‹вестник› и сказывает: сыновья твои и дочери твои ели и вино пили в доме первородного брата своего; и вот, большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе» (Иов 1:18–19).

[7] Сноски: 7

«И было у него ‹Иова› семь сыновей и три дочери. И нарек он имя первой Емима, имя второй — Кассия, а имя третьей — Керенгаппух. И не было на всей земле таких прекрасных женщин, как дочери Иова, и дал им отец их наследство между братьями их» (Иов 42:13–15).

— Видимо, — сказала мама. — Иначе как бы я выбрала такую прекрасную дочь?

Эта история мне была по нраву. Лишь позднее я задумалась: как Иов это допустил — чтоб Господь подсунул ему кучу новых детей и при этом ждал, что Иов прикинется, будто мертвых детей можно просто выбросить из головы?

Когда я была не в школе и не с мамой — а с мамой я бывала все реже, потому что она все чаще лежала в постели наверху, «отдыхала», как это называли Марфы, — я любила торчать на кухне, смотреть, как Марфы пекут хлеб, и печенье, и пироги, и пирожные, и варят супы, и томят жаркое. Все Марфы назывались Марфами, потому что они были Марфами[8], они все носили одинаковую одежду, но у каждой было и собственное имя. Наших звали Вера, Роза и Цилла — у нас было три Марфы, потому что мой отец был очень важный человек. Я больше всех любила Циллу, потому что

[8] Сноски: 8

«В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:38–42).

она говорила очень тихо, а Вера говорила резко, а Роза хмурилась. Она, правда, не виновата — это у нее просто лицо так было сделано. Она была из них самая старая.

— Давайте я помогу? — спрашивала я наших Марф.

Тогда они давали мне кусочки теста, и я с этим тестом играла, лепила из него человечка, а они потом запекали его вместе с остальным, что они там пекли. Я всегда лепила хлебных мужчин, а хлебных женщин никогда, потому что, когда их выпекали, я их съедала, и мне казалось, что так у меня есть тайная власть над мужчинами. Уже становилось понятно, что, невзирая на страсти, которые я, по словам Тетки Видалы, возбуждала в мужчинах, иной власти у меня над ними нет.

— А можно я испеку хлеб с самого начала? — как-то раз спросила я, когда Цилла доставала миску для теста. Я часто смотрела, как они пекут, — я была уверена, что умею.

— Тебе про это незачем думать, — сказала Роза, хмурясь больше обычного.

— Почему? — спросила я.

Вера засмеялась — получилось, как это за ней водилось, резко.

— У тебя для этого будут Марфы, — сказала

она. — Когда тебе выберут хорошего жирного мужа.

— Он будет не жирный.

Жирного мужа я не хотела.

— Само собой. Это просто так говорится, — сказала Цилла.

— И за покупками тебе не надо будет ходить, — сказала Роза. — За покупками будут ходить твои Марфы. Или Служанка, если она тебе понадобится.

— Ей, может, и не понадобится, — сказала Вера. — Мать-то ее…

— Молчи, — сказала Цилла.

— Что? — спросила я. — Что моя мать?

Я знала, что про маму есть секрет — они так говорили «отдыхает», что сразу становилось ясно, — и это меня пугало.

— Просто она могла родить ребеночка сама, — успокоила Цилла, — так что наверняка и ты сможешь. Ты же хочешь родить ребеночка, правда, лапушка?

— Да, — сказала я, — только я не хочу мужа. По-моему, они мерзкие.

Марфы рассмеялись на три голоса.

— Не все, — сказала Цилла. — Твой отец — он тоже муж.

На это мне возразить было нечего.

— Уж позаботятся, чтоб у тебя был хороший муж, — сказала Роза. — Не просто завалящий какой-нибудь.

— Гордость-то надо поберечь, — сказала Вера. — За кого попало тебя не отдадут, даже и не думай.

Дальше мне вообще стало скучно думать про мужей.

— А если я захочу? — спросила я. — Печь хлеб? — Мне было обидно: они как будто очертили себя кругом, а меня не впускали. — А если я захочу печь хлеб сама?

— Само собой, Марфы тебе разрешат, куда им деваться? — сказала Цилла. — Ты же будешь в доме хозяйка. Но они тебя за это будут презирать. И решат, что ты занимаешь место, которое по праву принадлежит им. Не даешь им делать то, что они умеют лучше всех. Ты же не хочешь, лапушка, чтоб они так про тебя думали?

— И муж твой не обрадуется, — сказала Вера, опять испустив резкий смешок. — Для рук вредно. Ты на мои посмотри! — И она вытянула руки — пальцы узловатые, кожа шершавая, ногти короткие, с подранными кутикулами — совсем не как худые и изящные мамины руки с волшебным кольцом. — Тяжкая работенка — она для рук

очень вредная. Муж ведь не захочет, чтоб от тебя тестом несло.

— Или отбеливателем, — сказала Роза. — От мытья.

— Он захочет, чтоб ты вышивкой всякой занималась, — сказала Вера.

— Мелкой гладью, — прибавила Роза. С насмешкой в голосе.

Вышивка мне давалась плохо. Меня вечно критиковали за рыхлые и неаккуратные стежки.

— Я ненавижу гладью. Я хочу печь хлеб.

— Не всегда можно делать, что хочется, — мягко сказала Цилла. — Даже тебе.

— А иногда приходится делать то, что ненавидишь, — сказала Вера. — Даже тебе.

— Ну и не разрешайте! — сказала я. — Вы вредные!

И я выскочила из кухни.

Я уже плакала. Мне велели не тревожить маму, но я все равно прокралась наверх к ней в спальню. Она лежала под прелестным белым покрывалом с синими цветами. Глаза у нее были закрыты, но, наверное, она меня услышала, потому что они открылись. Всякий раз, когда мы виделись, эти глаза были все громаднее и сияли все ярче.

— Что случилось, маленькая моя? — спросила мама.

Я заползла под покрывало и притулилась к ней. Она была очень горячая.

— Так нечестно, — всхлипнула я. — Я не хочу замуж! Почему я должна?

Она не сказала: «Потому что это твой долг», как ответила бы Тетка Видала, или: «Захочешь, когда время придет», — так ответила бы Тетка Эсте. Поначалу она не говорила ничего. Только обнимала меня и гладила по голове.

— Помни, что я тебя выбрала, — сказала она. — Тебя одну из всех.

Но я была уже большая и не верила в историю про то, как она меня выбрала, — про запертый замок, волшебное кольцо, злых ведьм, побег.

— Это просто сказка, — ответила я. — Я у тебя из желудка родилась, как все дети.

Она этого не подтвердила. Ни слова не сказала. И отчего-то это перепугало меня.

— Я же у тебя родилась из желудка? — спросила я. — Мне Сонамит рассказывала. В школе. Про желудки.

Мама обняла меня крепче.

— Что бы ни случилось, — помолчав, ответила она, — помни всегда, пожалуйста, что я тебя

очень любила.

5

Вы, вероятно, и сами догадались, что было дальше — ничего хорошего дальше не было.

Мама умирала. Знали все, кроме меня.

Я узнала от Сонамит, которая утверждала, что она моя лучшая подруга. Лучших подруг нам не полагалось. Нехорошо сбиваться в замкнутые кружки, говорила Тетка Эсте: из-за этого другим девочкам кажется, будто их отталкивают, а мы все должны помогать друг другу стать идеальными девочками.

Тетка Видала говорила, что лучшие подруги — это значит перешептывания, и интриги, и секретики, а интриги и секретики — это значит, ты не повинуешься Богу, а неповиновение ведет к бунту, а маленькие бунтарки становятся взрослыми бунтарками, а взрослые бунтарки — это еще хуже, чем взрослые бунтари, потому что взрослые бунтари становятся изменниками родины, а взрослые бунтарки — прелюбодейками.

Тут раздался мышиный голосок Бекки, которая спросила:

— Что такое прелюбодейка?

Мы все удивились, потому что Бекка очень ред-

ко задавала вопросы. Отец ее не был Командором, как наши отцы. Он был всего-навсего стоматологом — самым лучшим стоматологом, все наши семьи к нему ходили, отчего Бекку и приняли в нашу школу. Но из-за этого другие девочки смотрели на нее сверху вниз, а она должна была их слушаться.

Бекка сидела со мной — она всегда старалась сесть со мной, если Сонамит ее не выпихивала, — и я чувствовала, как она дрожит. Я боялась, Тетка Видала накажет Бекку за то, что надерзила, но никто на свете, даже Тетка Видала, не смог бы упрекнуть Бекку в дерзости.

Сонамит перегнулась через меня и шепнула Бекке:

— Ты что, дура?

Тетка Видала улыбнулась — ну, в пределах своих возможностей — и сказала, мол, она надеется, что Бекка никогда не узнает этого на собственном опыте, поскольку тех, кто становится прелюбодейками, забивают камнями или вешают, нацепив им мешок на голову. Тетка Эсте сказала, что не надо пугать девочек почем зря; а потом улыбнулась и прибавила, что мы же цветы драгоценные, где вы видели бунтующие цветы?

Мы смотрели на нее, изо всех сил округляя

глаза, изображая невинность, и кивали — мол, согласны. Тут у нас бунтующих цветов не проросло!

У Сонамит в доме была всего одна Марфа, а у нас три, так что мой отец был главнее. Теперь-то я понимаю, что она потому и хотела меня в лучшие подруги. Была она коротышка, с двумя длинными толстыми косами, которым я завидовала — у меня косички были тоньше и короче, — и черными бровями, с которыми она казалась взрослее своих лет. Она была задиристая, но лишь когда Тетки отвернутся. В наших спорах ей непременно надо было оставить последнее слово за собой. Если ей возражать, Сонамит снова повторяла то, что уже говорила, только громче. Со многими другими девочками она была груба, особенно с Беккой, и, к стыду своему, должна признаться, что мне недоставало сил ее унимать. Со сверстницами я выказывала слабость характера, хотя наши Марфы сказали бы, что я своевольная.

— Твоя мама умирает, да? — как-то раз в обед шепнула мне Сонамит.

— Ничего не умирает, — шепотом ответила я. — У нее просто такое состояние!

Так это называли Марфы: «состояние твоей матери». В этом своем состоянии мама очень

много отдыхала и кашляла. В последнее время Марфы таскали ей подносы прямо в спальню; подносы возвращались с почти не тронутой едой на тарелках.

Меня к маме пускали редко. А когда пускали, у нее в спальне царил полумрак. И пахло не ею — не легкой сладостью лилейных хост в саду, — а как будто затхлый и грязный чужак пробрался в спальню и прячется под кроватью.

Я садилась подле мамы, свернувшейся калачиком под бело-сине-цветастым покрывалом, и брала ее за худую левую руку с волшебным кольцом, и спрашивала, когда закончится ее состояние, — она молится, отвечала мама, о том, чтобы у нее скорее прошла боль. Это утешало меня: значит, мама поправится. Потом она спрашивала, хорошо ли я себя веду, счастлива ли я, и на это я неизменно отвечала «да», а она сжимала мою ладонь и просила помолиться вместе с ней, и тогда мы пели песенку про ангелов, которые рядом с мамой. А потом она говорила «спасибо» — и на сегодня хватит.

— Она правда умирает, — прошептала Сонамит. — Вот у нее какое состояние. Умирание!

— Неправда! — прошептала я слишком громко. — Она поправляется. У нее скоро пройдет

боль. Она об этом молилась.

— Девочки, — сказала Тетка Эсте. — Когда я ем, я глух и нем — за обедом наши рты жуют, а не разговаривают. Нам ведь повезло, что у нас такой вкусный обед, правда?

На обед были сэндвичи с яйцом — вообще-то, я их любила. Но в тот день меня мутило от одного их запаха.

— Я от моей Марфы слышала, — прошептала Сонамит, когда Тетка Эсте отвлеклась. — А ей сказала ваша Марфа. Так что правда.

— Какая наша Марфа? — спросила я.

Не верилось, что любая из наших Марф, даже хмурая Роза, может так вероломно наврать, будто мама умирает.

— Мне-то откуда знать? Все они Марфы, — ответила Сонамит, мотнув длинными толстыми косами.

В тот день, когда наш Ангел привез меня из школы домой, я пошла в кухню. Цилла раскатывала тесто для пирога; Вера разделывала курицу. На дальней конфорке побулькивал суп в кастрюле: туда отправятся лишние куриные запчасти, и все обрезки овощей, и кости. Наши Марфы еду расходовали экономно и ничего не выбрасывали.

Роза споласкивала тарелки в большой двойной

раковине. В доме была посудомоечная машина, но Марфы включали ее, только если у нас ужинали Командоры, потому что, объясняла Вера, посудомоечная машина сжирает слишком много электричества, а с электричеством перебои, потому что война. Иногда Марфы называли ее войной на маленьком огне, потому что никак не закипает, или войной Колеса Иезекииля[9], потому что вечно крутится, а никуда не катится; но такое они говорили только промеж себя.

— Сонамит говорит, кто-то из вас сказал ее Марфе, что мама умирает, — выпалила я. — Это кто сказал? Что вы врете?

Все три бросили свои занятия. Как будто я махнула волшебной палочкой и всех заморозила: Циллу с поднятой скалкой, Веру с тесаком в одной руке и длинной бледной куриной шеей в другой, Розу с тарелкой и посудной мочалкой. Потом они переглянулись.

— Мы думали, ты знаешь, — мягко сказала

---

[9] Сноски: 9

«И видел я: и вот четыре колеса подле Херувимов, по одному колесу подле каждого Херувима, и колеса по виду как бы из камня топаза. И по виду все четыре сходны, как будто бы колесо находилось в колесе. Когда шли они, то шли на четыре свои стороны; во время шествия своего не оборачивались, но к тому месту, куда обращена была голова, и они туда шли; во время шествия своего не оборачивались. И все тело их, и спина их, и руки их, и крылья их, и колеса кругом были полны очей, все четыре колеса их» (Иез. 10:9–12).

Цилла. — Мы думали, мама тебе скажет.

— Или отец, — прибавила Вера.

Вот это прямо глупости, потому что как бы отец мне сказал? Он теперь почти не появлялся дома, а когда появлялся, одиноко ужинал в столовой или запирался в кабинете и занимался там своими важными делами.

— Мы тебе сочувствуем, — сказала Роза. — Твоя мать — добрая женщина.

— Образцовая Жена, — прибавила Вера. — Терпит свои страдания без единого слова жалобы.

Я уже плюхнулась за кухонный стол и плакала, закрыв лицо руками.

— Нам всем надлежит сносить недуги, что ниспосланы нам во испытание, — сказала Цилла. — Нельзя терять надежду.

«Надежду на что? — думала я. — На что тут надеяться? Впереди мне предстояли только утрата и тьма».

Мама умерла две ночи спустя, но я узнала лишь наутро. Я злилась на нее за то, что смертельно заболела, а мне не сказала, хотя она, в общем-то, сказала: она молилась, чтоб у нее скорее прошла боль, и ее молитва была услышана.

Когда я перестала злиться, от меня словно отрезали кусок — кусок сердца, наверняка он тоже

умер. Я надеялась, что четыре ангела рядом с мамой все-таки были не понарошечные и унесли ее душу, как пелось в песенке. Я старательно воображала, как они возносят маму все выше и выше, в золотое облако. Но взаправду поверить не могла.

III
Гимн

Автограф из Ардуа-холла

6

Вчера вечером, готовясь ко сну, я распустила волосы — ну, что от них осталось. Неведомо сколько лет назад в одной из животворящих своих гомилий я внушала нашим Теткам пагубность тщеты, коя прокрадывается в наши души, как ее ни порицай.

— Над жизнью власы не властны, — сказала я тогда лишь отчасти шутливо.

И это правда, но равно правда и то, что власы — тоже жизнь. Волосы — пламя телесной свечи, и оно убывает, когда усыхает и тает тело. Некогда мне хватало волос на пучок — во времена пучков; и на узел — в эпоху узлов. А сейчас волосы у меня — как наши трапезы в Ардуа-холле: скудны и коротки. Пламя жизни моей угасает — медленнее, чем кое-кому в моем окружении, вероятно, хотелось бы, но быстрее, чем им представляется.

Я вгляделась в свое отражение. Изобретатель

зеркала мало кому из нас оказал услугу: наверняка мы были счастливее, пока не знали, как выглядим. «Могло быть хуже, — сказала я себе, — мое лицо не выдает слабости. Оно сохраняет кожистую текстуру, характерную родинку на подбородке, гравировку знакомых морщин». Я никогда не обладала легкомысленной прелестью, но в свое время была благообразна, чего больше обо мне не скажешь. Максимум, на что я могу рассчитывать, — *солидная*.

«Чем все кончится?» — гадала я. Доживу ли я до помаленьку позабытой старости, постепенно костенея? Обернусь ли собственной почетной статуей? Или рухнем и я, и режим, моя каменная копия падет вместе со мной, и нас уволокут прочь, продадут на сувениры, на украшение газона — предметом отвратительного китча?

Или меня отправят под суд, объявив чудовищем, поставят перед расстрельным взводом, повесят на фонаре, на обозрение публике? Разорвет ли меня толпа, насадит ли мою голову на кол, пронесет ли по улицам под хохот и улюлюканье? Это вполне вероятно — я внушаю немало ярости.

У меня пока есть некий выбор. Умирать или не умирать — выбора нет, но когда и как — есть. Это разве не своего рода свобода?

Ах да — и кого прихватить с собой. Список я уже составила.

Я очень ясно постигаю, как ты осуждаешь меня, читатель, — в том случае, если моя репутация меня обогнала и тебе стало ясно, кто я есть — или же кем была.

В моем настоящем времени я — легенда, живая, но не просто живая, мертвая, но не просто мертвая. Я — обрамленная голова, что висит в глубинах классных комнат у девочек, которым хватает высоты положения посещать классные комнаты: угрюмо улыбаюсь, безмолвно укоряю. Я — страшная бука, мною Марфы пугают малолетних детей: «Не будете хорошо себя вести, Тетка Лидия придет и вас заберет!» Вдобавок я образец морального совершенства — и для подражания: «А Тетка Лидия как велела бы вам поступить?» — я судья и арбитр в туманном недоумении фантазий: «А что бы на это сказала Тетка Лидия?»

Я от власти распухла, это да, но и затуманилась — я бесформенна, переменчива. Я везде и нигде: я тревожной тенью заволакиваю даже умы Командоров. Как мне вновь обрести себя? Как съежиться до нормальных размеров, до размеров обычной женщины?

Впрочем, может быть, время упущено. Делаешь первый шаг, а затем, дабы уберечься от последствий, делаешь следующий. В наше время есть только два пути: наверх или падай.

Сегодня было первое полнолуние после 21 марта. В прочем мире забивают и едят ягнят; также поглощают пасхальные яйца — связано это с неолитическими богинями плодородия, которых предпочитают не вспоминать.

Здесь, в Ардуа-холле, мы обходимся без ягнячьей плоти, а вот яйца оставили. По особому случаю я всех порадовала — разрешила покрасить яйца в младенческие цвета — розовый и голубой. Не представляете, сколько радости это принесло Теткам и Послушницам, собравшимся в Трапезной на ужин! Рацион наш рутинен, и небольшое разнообразие приходится кстати, пусть даже и цветовое.

После того как чаши пастельных яиц были внесены и удостоились восхищения, но, прежде чем мы приступили к нашему убогому застолью, я, как обычно, произнесла Благословение: «Благослови пищу сию на благо нам и не дай нам сбиться

с Пути, да отверзнет Господь»[10], — а затем особое Благословение на Весеннее Равноденствие:

> *Как раскрывается год по весне, так пусть раскроются и сердца наши; да будут благословенны дщери наши, да будут благословенны Жены наши, да будут благословенны Тетки наши и Послушницы, да будут благословенны наши Жемчужные Девы, что посвятили себя миссионерскому служению за границей, и да изольется Милость Господня на падших Служанок наших, дабы они, наши сестры, искупили свои грехи телами своими и родильными трудами по воле Его.*

[10] Сноски: 10

«Господь узрел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была неплодна» (Быт. 29:31); «И вспомнил Бог о Разили и услышал ее Бог, и отверз утробу ее» (Быт. 30:22).

И да будет благословенна Младеница Николь, – украденная своей матерью, коварной Служанкой, и сокрытая безбожниками в Канаде; и да будут благословенны все невинные, коих она олицетворяет, все обреченные на воспитание под водительством растленных. Мы помним и молимся о них. Да возвратится к нам Младеница Николь, молимся мы, – да вернет ее нам Милость Божья.

Per ardua cum estrus. Аминь.

Я довольна, что сварганила настолько обтекаемый девиз. «Ardua» — это «тернии» или «женский репродуктивный труд»? «Estrus» — это про гормоны или про языческие весенние ритуалы? Обитательницы Ардуа-холла не знают и не интересуются. Твердят правильные слова в правильном порядке, а посему спасены.

И вдобавок Младеница Николь. Пока я молилась о ее возвращении, все глаза устремлялись к ее портрету на стене позади меня. Полезная младеница: будоражит верных, внушает ненависть к нашим врагам, свидетельствует возможность измены внутри Галаада, а также злокозненность и хитроумие Служанок, коим нельзя доверять

ни за что. И этим ее польза не исчерпывается, рассуждала я: в моих руках — попади она ко мне — Младенице Николь открылось бы ослепительное будущее.

Вот о чем я раздумывала под финальный гимн, согласно спетый трио наших молодых Послушниц. Голоса их были чисты и ясны, и все мы слушали с жадностью. Вопреки всему, что, вероятно, представляется тебе, мой читатель, в Галааде была красота. Отчего же нам было ее не алкать? Мы же все-таки тоже были люди.

Я вижу, что заговорила о нас в прошедшем времени.

Музыку позаимствовали из старого псалма, а вот слова были наши:

Пред Его Очами луч правды пронзит покров темноты,

Ведом нам всякий грех и ложь;

Мы будем следить, как выйдешь отсюда ты

И как ты войдешь.

Мы – тайным душевным порокам жестокий палач,

Ты Богу обязана жертвой – молись и плачь.

Мы сами клялись и требуем повиновенья во всем,

Мы не свернем с пути!

Мы с песнею в сердце служенье свое несем,

Даем клятву всегда нести.

Праздным мыслям и наслажденьям мы объявляем бой,

Отрекшись навеки от «я», мы пренебрегаем собой.

Банальны эти слова и лишены очарования, — я могу рассуждать, я же сама их сочинила. Но подобным гимнам и не следует быть поэзией. Им следует лишь напоминать поющим, сколь высокую цену придется заплатить, если собьешься с предуготовленной дороги. Мы в Ардуа-холле не славимся снисхождением к проступкам друг друга.

За пением последовало праздничное жевание. Я углядела, как Тетка Элизабет взяла на одно яйцо больше, чем ей положено, а Тетка Хелена взяла на одно меньше и еще удостоверилась, что все заметили. Что до Тетки Видалы, хлюпавшей в салфетку, я увидела, как ее покрасневшие глаза стрельнули в одну, в другую, потом в меня. Что

она замышляет? Куда подует ветер?

После нашего скромного пира я безмолвной тропою под луной, мимо собственной затененной статуи отправилась в еженощное паломничество в Библиотеку Хильдегарды[11] в дальнем конце Ардуа-холла. Вошла, поздоровалась с ночной библиотекаршей, миновала Общий Зал, где три наши Послушницы сражались с недавно обретенной грамотностью. Я прошла сквозь Читальный Зал, куда требуется особый допук, где в запертых шкатулках, во мраке испуская сокровенное сияние, угрюмятся Библии.

Затем я отомкнула запертую дверь и пробралась сквозь Генеалогический Архив Родословных с засекреченными данными. Необходимо записывать, кто с кем в родстве, официально и на деле: из-за системы Служанок ребенок у супружеской пары может и не быть биологически связан с элитной матерью или даже официальным отцом, ибо Служанка в отчаянии вполне может добиваться зачатия любыми путями. Наше

---

[11] Сноски: 11

Хильдегарда Бингенская (1098–1179), святая Хильдегарда — немецкая монахиня, философ, мистик, писательница и музыкант, автор книг по медицине, настоятельница бенедиктинского монастыря Рупертсберг; веками почиталась как святая и была официально канонизирована как «Учитель Церкви» в 2012 г.

дело — быть в курсе, поскольку надлежит препятствовать инцесту: Нечад нам и без того хватает. И вдобавок наше дело — ревностно охранять это знание: Архив — живое сердце Ардуа-холла.

В конце концов я добираюсь в свою святая святых, в глубинах отдела Запрещенной Мировой Литературы. У себя в шкафах я разместила свою личную коллекцию крамольных книг, нижним чинам недоступных. «Джейн Эйр», «Анна Каренина», «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», «Потерянный рай», «Жизнь девушек и женщин»[12] — если выпустить их на волю, какую смуту каждая из них посеет в душах Послушниц! Здесь же я храню еще кое-какие материалы, доступные очень немногим, — мне они видятся тайной историей Галаада. Не все то золото, что гниет, но из них можно извлечь выгоду и помимо денег: знание — сила, а компромат — и подавно. Не я первая это поняла, не я первая наживаюсь на этом при любой возможности: все спецслужбы мира давным-давно в курсе.

Уединившись, я достала свою зачаточную рукопись из тайника — прямоугольной дыры,

---

[12] Сноски: 12

«Жизнь девушек и женщин» (*Lives of Girls and Women*, 1971) — цикл рассказов канадской писательницы Элис Манро, история взросления девушки в маленьком городке и ее отношений с матерью.

вырезанной в одной из наших непристойных книг, «Apologia Pro Vita Sua: В защиту моей жизни» кардинала Ньюмена[13]. Этот весомый том больше никто не открывает: католицизм считается ересью, в одном шаге от вуду, так что едва ли кому придет в голову заглянуть внутрь. Хотя, если кто заглянет, я схлопочу пулю в затылок, да еще прежде времени, — я пока что отнюдь не готова попрощаться с этим миром. Если и когда момент настанет, я планирую помирать с музыкой — и погромче.

Обложку я выбрала нарочно, ибо чем же я тут занимаюсь, если не защищаю свою жизнь? Жизнь, которую проживаю. «Жизнь» — говорю я себе, — которую я проживаю, ибо выбора нет. Некогда, до прихода нынешнего режима, я и не думала защищать свою жизнь. Не видела нужды. Я была судьей, заседала в суде по семейным делам — должность, которой добивалась

[13] Сноски: 13

Джон Генри Ньюмен (1801–1890) — английский богослов, писатель и поэт, англиканский священник, лидер Оксфордского движения, которое положило начало англокатолицизму; в 1845 г. перешел в католицизм, в 1879 г. стал кардиналом, а в 2019 г. канонизирован Католической церковью. Его трактат «В защиту моей жизни: ответ на памфлет под названием «Так что же имеет в виду доктор Ньюмен» (*Apologia Pro Vita Sua, Being a Reply to a Pamphlet Entitled «What, Then, Does Dr Newman Mean?»*, 1864) был написан в ответ на критику англиканского священника Чарльза Кингсли.

десятилетиями изнурительной работы и мучительного карьерного роста, — и суд вершила, как могла, беспристрастно. Трудилась на благо мира — как сама понимала это благо — в рамках своей профессии. Жертвовала на благотворительность, голосовала на выборах, федеральных и муниципальных, высказывала ценные мнения. Полагала, будто живу праведно; полагала, будто праведность моя заслуживает умеренного восхищения.

Я, впрочем, поняла, до чего ошибалась — и на этот счет, и насчет многого другого, — в тот день, когда меня арестовали.

IV
«Борзая модница»

Протокол свидетельских показаний 369Б

7

Мне сказали, шрам останется насовсем, но я почти поправляюсь, так что да, я думаю, сил мне сейчас хватит. Вы хотите, чтоб я рассказала, как впуталась в эту историю, и я попробую, только не знаю, с чего начать.

Начну перед моим днем рождения — ну, это я считала, что у меня день рождения. Нил и Мелани соврали — по велению души, желали только добра, но я ужасно злилась на них, когда узнала. Правда, злиться долго было нелегко, потому что они к тому времени уже погибли. На мертвых злиться можно, только с ними же никак не поговоришь о том, что они натворили, — то есть поговоришь, но в одно лицо. И я не только злилась, меня мучила совесть, потому что их убили, а я тогда думала, что виновата я.

Мне должно было исполниться шестнадцать. Больше всего я предвкушала, как мне выдадут

водительские права. Я считала, для деньрожденного праздника я слишком взрослая, хотя Мелани всегда покупала мне торт с мороженым и пела «А звали ее Лили, Лилия Запада»[14] — это старая песенка, в детстве я ее любила, а теперь смущалась. Торт мне потом достался — шоколадный торт, ванильное мороженое, все, как я люблю, — но тогда они уже в меня не лезли. Тогда Мелани уже больше не было.

В тот день рождения выяснилось, что я — фуфло. Ну, не фуфло, не как плохой фокусник, — липа, как липовый антиквариат. Я была подделка, меня подделали нарочно. Тогда я была совсем юная — казалось бы, с тех пор прошла доля секунды, а юность позади. Как стремительно меняется лицо — как время режет по нему, точно по дереву, как лицо твердеет. Прежних моих ясноглазых грез наяву больше нет. Я стала резче, сфокусировалась. Сузилась.

Нил и Мелани были моими родителями; держали лавку под названием «Борзая модница». Бывшие в употреблении шмотки — Мелани

[14] Сноски: 14

Вариация народной ирландской и американской песни «Лилия Запада» («The Lily of the West») периода ранних колонистов, записывалась, помимо прочих, Джоан Баэз, Бобом Диланом, Бертом Дженшем, Марком Нопфлером, *Peter, Paul and Mary* и т. д.

их называла «некогда любимые», потому что, говорила она, «употребление» означает «эксплуатацию». На вывеске снаружи была нарисована улыбающаяся розовая пуделиха в пышной юбке, с розовым бантом на голове и с магазинной сумкой в лапе. Внизу слоган, курсивом и в кавычках: «И не подумаешь!» Это означало, что ношеная одежда жуть как хороша — и не подумаешь, что ношеная, но это полное вранье, потому что в основном-то одежда была фиговая.

Мелани говорила, что унаследовала «Борзую модницу» от своей бабушки. Еще она говорила, что да, вывеска старомодная, это понятно, но люди привыкли и менять ее было бы неуважительно.

Наша лавка стояла на Куин-Уэст, в кварталах, где прежде, говорила Мелани, только такое и было — текстиль, пуговицы и фурнитура, дешевые ткани, лавки «все за доллар». А теперь район облагораживался: втирались кафе с этичной торговлей и органикой, аутлеты крупных брендов, бутики. Мелани откликнулась на новые веяния, повесив на окно табличку «Носибельный арт». Но внутри лавка была битком набита всевозможными тряпками, которые носибельным артом ни за что не назовешь. Один угол был как бы дизай-

нерским, хотя взаправду дорогие вещи в «Борзую модницу» и не попадали. А в остальном — с миру по нитке. И кто только не приходил: молодежь, старики, приглядеть что подешевле, или пораритетнее, или просто поглядеть. Или продать что-нибудь: даже бездомные выторговывали пару-тройку долларов за футболки, прихваченные на гаражных распродажах.

Мелани работала на первом этаже. Одевалась в яркое — оранжевое, к примеру, или ослепительно-розовое, — потому что, говорила, такие цвета создают позитивную деятельную атмосферу, и, вообще, в душе она отчасти цыганка. Всегда бодрая, улыбчивая, но за магазинными воришками следила зорко. После закрытия сортировала и паковала: это на благотворительность, это на тряпки, это носибельный арт. Сортируя, напевала номера из мюзиклов — из старых, совсем давнишних. Любила «О, что за чудесное утро» и еще «Когда идешь сквозь бурю»[15]. Меня ее пение бесило; сейчас стыдно.

---

[15] Сноски: 15

И то и другое — песни из мюзиклов американского композитора Ричарда Роджерса и либреттиста Оскара Хаммерстайна II: «О, что за чудесное утро» («Oh, What a Beautiful Mornin'») — из мюзикла «Оклахома!» (*Oklahoma!*, 1943), «Когда идешь сквозь бурю» — а точнее, «Ты никогда не будешь одна» («You'll Never Walk Alone») — из мюзикла «Карусель» (*Carousel*, 1945).

Иногда у нее заканчивалось терпение: столько ткани — ткань была точно океан, накатывала валами и грозила потопить Мелани. Кашемир! Да кто купит кашемир, которому тридцать лет? «Кашемир с возрастом лучше не становится», — говорила она, в отличие от нее самой.

Нил носил бороду, седеющую и не всегда подстриженную, а волос у него было мало. На бизнесмена не походил, но занимался, как они выражались, «денежной стороной»: накладные, бухгалтерия, налоги. У него был кабинет на втором этаже — туда вел марш крытых резиной ступеней. У Нила были компьютер, и картотека, и сейф, но в остальном кабинет был какой-то не очень кабинетный: там было тесно и захламлено, как и в лавке, потому что Нил чего только не коллекционировал. Заводные музыкальные шкатулки — их у него было немало. Часы — куча разных часов. Старые арифмометры — такие, знаете, у которых ручку надо крутить. Пластмассовые игрушки, которые ходили или прыгали по полу, — медведи, лягушки, вставные челюсти. Диапроектор для цветных слайдов, каких давным-давно ни у кого нет. Фотоаппараты — Нил любил древние фотоаппараты. Некоторые, говорил, снимают лучше любых современных. У него

был целый шкаф, а в нем одни фотоаппараты и больше ничего.

Как-то раз он не запер сейф, и я туда заглянула. Я думала, там пачки денег, а там ничего, только крохотная штучка из металла и стекла — я подумала, тоже игрушка, как прыгучие вставные зубы. Но мне было не видно, где она заводится, а трогать я побоялась, потому что она была старая.

— Можно с ней поиграть? — спросила я Нила.

— С чем поиграть?

— С игрушкой в сейфе.

— Не сегодня, — улыбнулся он. — Может, когда подрастешь.

А потом он захлопнул дверцу сейфа, и я позабыла странную мелкую игрушку, пока не настало время вспомнить и понять, что это было.

Нил чинил всякие вещи, но часто из этого ничего не получалось, потому что деталей не найти. Тогда вещи стояли на полках, «собирали пыль», говорила Мелани. Выбрасывать Нил ненавидел.

По стенам у него висели старые плакаты: «ВОЛЮ ДАЙ ГОВОРУНУ — КОРАБЛИ ПОЙДУТ КО ДНУ» со стародавней войны; женщина в комбинезоне играет бицепсом, доказывая, что и женщины способны собирать бомбы, — это с той же войны

давних дней; и один красно-черный, где человек и флаг. Нил говорил, это из России тех времен, когда она еще не стала Россией. Плакаты достались ему от прадеда, который жил в Виннипеге. Про Виннипег я не знала ничегошеньки — только что там холодно.

В детстве я обожала «Борзую модницу» — он был как пещера с сокровищами. Мне не полагалось ходить в кабинет Нила одной, потому что вдруг я буду «трогать вещи» и их сломаю. Но если под присмотром, мне разрешали играть с заводными игрушками, и музыкальными шкатулками, и арифмометрами. А с фотоаппаратами нет, потому что, говорил Нил, они слишком ценные и, вообще, в них же нет пленки, толку-то?

Жили мы не над лавкой. Наш дом стоял далеко, в жилом районе, каких было немало, — такой, знаете, где есть старые бунгало, а есть дома поновее и побольше, которые построили на месте снесенных бунгало. Мы жили не в бунгало — у нас был второй этаж, со спальнями, — но все равно дом был не новый. Из желтого кирпича и совсем-совсем обыкновенный. Ничего в нем не было особенного — глянешь и забудешь. Сейчас я подозреваю, что так и было задумано.

8

По субботам и воскресеньям я часто торчала в «Борзой моднице», поскольку Мелани не хотела, чтоб я сидела дома одна. «Почему?» — стала спрашивать я, когда мне исполнилось двенадцать. «Потому что а вдруг пожар?» — отвечала Мелани. И вообще, оставлять детей дома одних незаконно. Тогда я возражала, что уже не ребенок, а она вздыхала и говорила, что я не разбираюсь, кто ребенок, а кто нет, и дети — большая ответственность, я вырасту и пойму. Потом она говорила, что у нее из-за меня разболелась голова, мы садились в ее машину и ехали в лавку.

В лавке мне разрешали помогать — сортировать футболки по размеру, лепить на них ценники, откладывать те, которые в стирку или на выброс. Это я любила: я сидела за столом в дальнем углу в легком облаке нафталина и смотрела, как в лавку заходят люди.

Не только покупатели. Иногда заходили бездомные, которым надо было в наш служебный туалет. Мелани их пускала, если знакомые, — особенно зимой. Один пожилой бездомный заходил довольно часто. Носил твидовые пальто, которые покупал у Мелани, и вязаные безрукавки.

К тринадцати годам я решила, что он криповый, — мы в школе проходили педофилов. Звали его Джордж.

— Зря ты пускаешь Джорджа в уборную, — сказала я Мелани. — Он извращенец.

— Лили, ну это жестоко, — ответила она. — С чего ты взяла?

Разговаривали мы дома, в кухне.

— Потому что извращенец. Вечно торчит в лавке. Попрошайничает прямо под дверью. И за тобой шпионит.

Я могла бы сказать, что он шпионит за мной, и тогда бы все подняли тревогу, но это была неправда. На меня Джордж и не смотрел.

Мелани засмеялась:

— Ничего не шпионит.

Я решила, что она наивная. Я была в том возрасте, когда родители из тех, кто знает все, вдруг превращаются в тех, кто не знает ничего.

Был еще один человек — она тоже заходила в лавку очень часто, но она была не бездомная. Лет сорока, наверное, или, может, ближе к пятидесяти — я не различала пожилых по возрасту. Обычно она носила черную кожаную куртку, черные джинсы и тяжелые ботинки; длинные темные волосы забирала назад и совсем не

красилась. Смахивала на байкершу, только не настоящую — скорее на рекламу байкерши. Ничего не покупала — заходила через заднюю дверь и забирала одежду на благотворительность. Мелани говорила, они старые подруги, поэтому, когда Ада просит, трудно отказать. И вообще, утверждала Мелани, она отдает Аде только то, что сложно продать, и хорошо, если люди извлекут из этих вещей хоть какую-то пользу.

На благотворительницу Ада не походила. Не мягкая и улыбчивая — угловатая, и не ходила, а носилась. В лавке никогда надолго не задерживалась и всегда забирала с собой пару картонных коробок с тряпьем — их она складывала в машины, которые парковала в проулке у нас на задах. Машины мне из-за стола было видно. Всякий раз машина была другая.

И случались посетители третьего рода — тоже приходили в «Борзую модницу» и ничего не покупали. Молодые женщины в длинных серебристых платьях и белых шляпках — называли себя Жемчужными Девами, говорили, что они миссионерки, посланы Галаадом творить богоугодные дела. Эти были гораздо криповее Джорджа. Обходили дозором центр города, беседовали с бездомными, заходили в лавки и всех

донимали. Кое-кто им в ответ грубил, а Мелани никогда — потому что, говорила она, что толку-то?

Они всегда заявлялись парами. Носили белые жемчужные ожерелья и много улыбались, только не по правде. Всучивали Мелани брошюры с картинками — опрятные улицы, счастливые дети, закаты — и заглавиями, которые должны были заманить читателя в Галаад. «Падшая? Господь еще может тебя простить!» «Бездомная? В Галааде тебя ждет дом».

И всякий раз была хотя бы одна брошюра про Младеницу Николь. «Верните Младеницу Николь!» «Младенице Николь место в Галааде!» Нам в школе показывали документальное кино про Младеницу Николь: ее мать была Служанка и контрабандой вывезла Младеницу Николь из Галаада. Отец Младеницы Николь был крупной шишкой, ужасным каким-то галаадским Командором, так что вышел огромный скандал, и Галаад потребовал вернуть ребенка законным родителям. Канада сначала тянула резину, потом сдалась, пообещала, что постарается изо всех сил, но к тому времени Младеница Николь исчезла, и ее так и не нашли.

А теперь Младеница Николь стала лицом Гала-

ада. На всех брошюрах Жемчужных Дев — одна и та же фотография. Ребенок и ребенок, ничего такого особенного, но в Галааде, рассказывала наша преподша, Младеница Николь считалась прямотаки святой. И у нас она тоже стала иконой: на каждой антигалаадской акции протеста в Канаде мелькали ее фотография и лозунги «Младеница Николь! Символ свободы!». Или «Младеница Николь! Ведет верной дорогой!» «Младеница вас далеко заведет, ага», — думала я.

Я-то невзлюбила Младеницу Николь с тех пор, как писала про нее сочинение. Мне влепили тройбан: я написала, что обе стороны футболят ее туда-сюда, как мячик, и великие множества вздохнут с великим облегчением, если просто взять и ее вернуть. Преподша сказала, что я черствая, надо научиться уважать права и чувства других людей, а я сказала, что в Галааде тоже люди, их права и чувства уважать, что ли, не надо? Она вышла из себя и сказала, что это какой-то детский сад, и, пожалуй, это она по делу, я ее нарочно изводила. Но я злилась из-за тройбана.

Всякий раз Мелани брала у Жемчужных Дев брошюры и обещала выложить пачку на кассе. Порой даже возвращала им старые: Жемчужные Девы собирали остатки, чтоб раздавать в других

странах.

— Ты это зачем? — спросила я у Мелани, когда мне исполнилось четырнадцать и я живее заинтересовалась политикой. — Нил говорит, мы атеисты. Чего ты им потакаешь?

У нас в школе было три курса по Галааду: кошмарная, кошмарная страна, где женщинам нельзя работать и водить машину, где Служанок насильно заставляют беременеть, как коров, только вот коровам в жизни больше повезло. Что за люди такие выступают за Галаад — наверняка же чудовища? Особенно если они женского пола.

— Почему нельзя сказать им, что они гадины?

— С ними бесполезно спорить, — ответила Мелани. — Они фанатички.

— Тогда я им сама скажу.

Мне казалось, я понимаю, что не так с людьми — особенно со взрослыми. Мне казалось, я могу их вразумить. Жемчужные Девы старше меня, все-таки не дети малые — как они могут верить в этот бред собачий?

— Нет, — обрубила Мелани. — Сиди тихо, к ним не выходи. Не разговаривай с ними.

— Почему? Я прекрасно могу…

— Они пудрят мозги таким вот девчонкам, заманивают в Галаад. Они скажут, что Жемчужные

Девы помогают женщинам и девушкам. Будут взывать к твоему идеализму.

— Да я не куплюсь, ты что! — возмутилась я. — Бля, ну я же не безмозглая!

Обычно я при Мелани и Ниле не материлась, но иногда могла и ляпнуть.

— За языком следи, — сказала Мелани. — Некрасиво.

— Извини. Но я правда не безмозглая.

— Конечно, нет, — сказала она. — Но их не трогай. Они уйдут, если я возьму брошюры.

— А жемчуг у них настоящий?

— Липа, — сказала Мелани. — Они насквозь липовые.

9

Мелани много для меня делала, но все равно смутно попахивала. Она пахла, как цветочное мыло для гостей в чужом доме, куда я заехала ненадолго. То есть я вот о чем: она не пахла матерью.

В детстве одна из моих любимых книжек в школьной библиотеке была про человека, который угодил в волчью стаю. Человеку этому ни за что нельзя было мыться, потому что тогда с него смылся бы запах волчьей стаи и волки его

прогнали бы. А нам с Мелани, наоборот, надо было обмазаться лишним слоем стайного запаха, который пометил бы нас как нас — нас-вместе. Только этого так и не случилось. К обнимашкам мы были не склонны.

Вдобавок Нил и Мелани не походили на других родителей. Слишком бережные со мной, точно я вот-вот разобьюсь. Точно я чья-то любимая кошка, а они со мной дежурят: на своей-то кошке особо не зацикливаешься, кошка и кошка, а вот чужая — другое дело, потому что, если чужая потеряется, совесть будет мучить совсем иначе.

Или вот еще: у ребят в школе были фотографии — целая куча. Родители документировали их жизнь поминутно. У некоторых были даже фотки, где они рождаются, — кое-кто приносил на «Покажи и расскажи». Я считала, что это фу — кровь, громадные жирные ляжки, а между ними вылезает маленькая голова. И у других ребят были младенческие фотографии, сотнями. Чуть ребенок отрыгнет, какой-нибудь взрослый целит объективом и просит повторить — они все как будто проживали жизнь дважды, один раз по правде, второй для фото.

А я нет. Коллекция фотоаппаратов у Нила была крутая, но рабочих камер в доме не водилось.

Мелани сказала, что все мои ранние фотографии сгорели в пожаре. Во что поверит только идиот, так что мне удалось.

Я сейчас расскажу вам, какую натворила глупость и про ее последствия тоже. Я собой не горжусь — сейчас понимаю, что сильно протупила. Но тогда не понимала.

За неделю до моего дня рождения должен был состояться марш протеста против Галаада. Оттуда контрабандой вывезли съемки очередной серии казней, показали по телику: женщин вешали за ересь, и за отступничество, и за то, что пытались переправить детей за границу, — по галаадским законам это измена родине. У нас в школе два старших класса освободили от уроков, чтоб мы пошли на марш под эгидой «Мирового общественного самосознания».

Мы сделали плакаты: ЗАПРЕТИТЬ ТОРГОВЛЮ С ГАЛААДОМ! СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЛЯ ЖЕНЩИН ГАЛААДА! МЛАДЕНИЦА НИКОЛЬ, ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА! Кое-кто из ребят подбросил зелени: ГАЛААД ОТРИЦАЕТ КЛИМАТОЛОГИЮ! ГАЛААД ХОЧЕТ НАС ПОДЖАРИТЬ! — и фотографии лесных пожаров, и мертвых птиц, и рыб, и людей. Чтобы нам там ненароком не досталось, с нами должны были пойти несколько учителей и ро-

дители-волонтеры. Я предвкушала — это же был мой первый марш протеста. И тут Нил с Мелани сказали, что мне туда нельзя.

— Это почему? — спросила я. — Все же идут!

— Ни в коем случае, — сказал Нил.

— Вы сами вечно твердите, что надо защищать свои принципы, — сказала я.

— Тут другое дело. Это небезопасно, Лили, — сказал Нил.

— Жизнь небезопасна, сами же говорите. И вообще, с нами будет толпа учителей. И это учеба — если не пойду, мне оценки снизят!

Это была натяжка, но Нил и Мелани хотели, чтоб я хорошо училась.

— Может, пусть пойдет? — сказала Мелани. — Попросим Аду сходить с ней?

— Я не ребенок, мне нянька не нужна.

— Ты что, совсем в бреду? — сказал ей Нил. — Там от журналистов будет не продохнуть! В новостях покажут!

Он сам себя тягал за волосы — ну, за остатки: верный признак, что нервничает.

— Так в том и *смысл*, — сказала я. Я сама нарисовала один из наших плакатов — большие красные буквы и черный череп. ГАЛААД = СМЕРТЬ МОЗГА. — И надо, чтобы в новостях показали!

Мелани зажала уши руками:

— У меня разболелась голова. Нил прав. Нет. Все, я сказала: нет. После школы поможешь мне в лавке, точка.

— Прекрасно, тогда еще под замок меня посадите.

Я умчалась к себе, грохнула дверью. Они меня не остановят.

Школа наша называлась Школой Уайл. Назвали в честь Флоренс Уайл, стародавней скульпторши[16], в центральном вестибюле висел ее портрет. Предполагалось, что школа способствует развитию творческих наклонностей, говорила Мелани, а также постижению демократических свобод и самостоятельному мышлению, говорил Нил. Еще они оба говорили, что потому и записали меня туда, хотя в целом-то они против частных школ; однако в государственных уровень очень низкий, и мы, конечно, должны совершенствовать систему, но тем временем они не хотят, чтоб меня пырнул ножиком какой-нибудь малолетний барыга. Сейчас я подозреваю, что Школу

[16] Сноски: 16

Флоренс Уайл (1881–1968) — американо-канадская скульптор, дизайнер и поэт, соосновательница Канадского общества скульпторов, первая женщина, ставшая действительным членом Канадской королевской академии искусств (1938).

Уайл они выбрали не поэтому. В Уайл было очень строго с посещаемостью — не прогуляешь. Так что Мелани и Нил всегда знали, где я.

Я не питала любви к Школе Уайл, но и ненависти тоже не питала. Школу надо было просто перетерпеть в ожидании настоящей жизни — а очертания этой жизни вот-вот прояснятся. Незадолго до того я хотела быть ветеринаром, лечить мелких животных, но эта мечта уже казалась мне ребячеством. Потом я решила стать хирургом, но посмотрела в школе видео про хирургию, и меня затошнило. Кое-кто у нас хотел стать певцом или дизайнером, выбирали всякие творческие штуки, но это было не для меня: мне медведь на ухо наступил и я неуклюжая.

В школе у меня были друзья: на посплетничать — девчонки, на списать домашку — те и другие. Я старалась получать оценки глупее, чем я есть — не хотела выделяться, — и домашки мои высоким спросом не пользовались. А вот спортзал и физкультура — там нормально, там можно было и преуспевать, и я преуспевала, особенно в тех видах спорта, где пригождались рост и скорость: баскетбол, например. В командных видах я была нарасхват. Но за пределами школы моя жизнь умещалась в узких рамках, потому что

Нил и Мелани вечно дергались. Мне не разрешали бродить по торговым центрам, потому что там кишмя кишат наркоманы на крэке, говорила Мелани, и гулять в парках, говорил Нил, потому что там шныряют незнакомцы. Моя светская жизнь равнялась примерно нулю — она вся состояла из того, что мне разрешат, когда я стану старше. Дома у Нила было волшебное слово, и это было слово «нет».

Однако на сей раз я уступать не желала: я пойду на марш протеста и хоть вы мне что. Школа заказала нам пару автобусов. Мелани и Нил постарались мне помешать — позвонили директрисе, сказали, что запрещают, и директриса велела мне остаться, и я заверила ее, что, конечно, все понимаю, без вопросов, я подожду Мелани, она заедет на машине и меня заберет. Но всех поименно проверял только водитель автобуса, а он не знал, кто есть кто, и все бродили туда-сюда, а родители и учителя не вникали и не знали, что мне ехать не положено, поэтому я обменялась пропусками с одной нашей баскетболисткой, которая не хотела ехать, и вместо нее проникла в автобус, страшно довольная собой.

10

Поначалу на марше протеста было захватывающе. Проходил он в центре города, у здания Законодательного собрания, только получился никакой не марш, никто никуда не маршировал — все тесно сбились в одну кучу. Разные люди толкали речи. Канадская родственница женщины, которая умерла в Галаадских колониях на радиационной очистке, говорила про рабский труд. Председатель «Жертв геноцида в Галаадских Землях Предков» рассказал про марш-броски в Северную Дакоту, где людей сгоняли, все равно что овец, в огороженные города-призраки, без еды, без воды, и как они там гибли тысячами, и как люди рисковали жизнью, уходили на север, к канадской границе, среди зимы, и он показал кисть, на которой недоставало пальцев, и сказал: «Обморожение».

Потом представительница «СанктОпеки» — организации, опекающей беженок из Галаада, — говорила про тех, у кого отняли детей, и что это жестоко, и что, если пытаешься вернуть ребенка, тебя обвиняют в непочтении к Богу. Я не все речи слышала, потому что усилители иногда вырубались, но смысл в целом уловила. Пол-

но было плакатов с Младеницей Николь: «ВСЕ МЛАДЕНЦЫ ГАЛААДА — МЛАДЕНИЦА НИКОЛЬ!»

Потом наша школьная делегация что-то покричала и подняла плакаты, и у разных людей тоже были всякие плакаты: ДОЛОЙ ГАЛААДСКИХ ФАШИСТОВ! УБЕЖИЩЕ НЕМЕДЛЕННО! Тут явились провокаторы с другими плакатами: ЗАКРЫТЬ ГРАНИЦУ! ГАЛААД, ОСТАВЬ СЕБЕ ШЛЮХ И ВЫРОДКОВ, НАМ СВОИХ ХВАТАЕТ! ОСТАНОВИТЬ ВТОРЖЕНИЕ! КУРТИЗАНКИ, ВОН! Среди них была стайка этих Жемчужных Дев в серебристых платьях и при жемчугах с плакатами «СМЕРТЬ ДЕТОКРАДАМ!» и «ВЕРНИТЕ МЛАДЕНИЦУ НИКОЛЬ». Наши кидались в них яйцами и гикали, когда попадали в цель, но Жемчужные Девы только улыбались — остекленело, как за ними водится.

Завязались потасовки. Группа людей в черном и с платками на лицах уже била витрины. Вдруг возникла толпа полицейских в защитном обмундировании. Вот прямо откуда ни возьмись. Они грохотали дубинками по щитам и надвигались, и этими дубинками били и детей, и всех остальных.

До этого меня распирало от восторга, а тут стало страшно. Я хотела выбраться, но меня сплющило

так, что не шевельнуться. Мои одноклассники все куда-то подевались, а толпа запаниковала. Люди накатывали волнами, туда и сюда, визжали и орали. Мне чем-то заехали в живот — я думаю, локтем. Я задыхалась, и из глаз потекли слезы.

— Сюда, — проскрипел голос позади меня.

Ада. Она цапнула меня за воротник и поволокла за собой. Не знаю, как она расчищала дорогу, я думаю, пиналась. А потом мы очутились на улице позади массовых беспорядков, как это потом назвали по телевизору. Я смотрела репортаж и думала: вот, значит, что такое — оказаться посреди массовых беспорядков; как будто тонешь. Правда, я никогда не тонула.

— Мелани сказала, ты можешь быть здесь, — сообщила Ада. — Я везу тебя домой.

— Нет, но… — сказала я. Не хотела признаваться, что страшно.

— Сию секунду. В темпе вальса. Никаких «если» и «но».

В тот вечер я увидела себя в новостях: я держала плакат и кричала. Я думала, Нил и Мелани рассвирепеют, но нет. Они перепугались.

— Зачем ты так? — спросил Нил. — Мы же сказали, ты что, не слышала?

— Вы всегда говорите, что надо выступать про-

тив несправедливости, — сказала я. — И в школе тоже так говорят.

Я понимала, что перешла грань, но извиняться не собиралась.

— Что будем делать? — спросила Мелани, но не меня, а Нила. — Лили, принеси мне воды, будь добра. Там в холодильнике есть лед.

— Может, все не так плохо, — сказал Нил.

— Рисковать нельзя, — услышала я ответ Мелани. — Надо переезжать — типа вчера. Я звоню Аде, она найдет фургон.

— Вот так сразу резерва нет, — сказал Нил. — Не получится…

Я вернулась со стаканом воды.

— Что такое? — спросила я.

— А уроки тебе делать не нужно? — спросил Нил.

11

Спустя три дня кто-то влез в «Борзую модницу». В лавке стояла сигнализация, но взломщики вошли и вышли, не успел кто-нибудь приехать, в чем, собственно, и есть проблема с сигнализациями, сказала Мелани. Никаких денег в лавке не нашли, наличку Мелани там никогда не хранила, но забрали какой-то носибельный арт и разнесли

вдребезги кабинет Нила — все папки по полу расшвыряли. И прихватили с собой кое-что из его коллекций — часы, старые фотоаппараты, антикварного заводного клоуна. Лавку подожгли, но по-любительски, сказал Нил, так что пожар быстро потушили.

Приходила полиция и спрашивала, есть ли у Нила и Мелани враги. Они сказали, что нет и ничего страшного, это, наверное, бездомные залезли, искали деньги на наркотики, но я видела, что они переживают: они так разговаривали, как обычно, когда не хотели, чтоб я услышала.

— Забрали фотоаппарат, — как раз говорил Нил Мелани, когда я вошла в кухню.

— Какой фотоаппарат? — спросила я.

— Да просто один старый фотоаппарат, — сказал Нил. И опять давай тягать себя за волосы. — Правда, редкий.

С того дня они оба психовали все больше. Нил заказал в лавку новую сигнализацию. Мелани сказала, что, может быть, мы переедем в другой дом, но я стала расспрашивать, и она прибавила, что это она просто подумала. Про взлом Нил сказал: «Ни малейшего ущерба». Несколько раз повторил, отчего я задумалась, каков же был ущерб помимо исчезновения его любимого фо-

тоаппарата?

Вечером после взлома Нил и Мелани смотрели телик. Обычно-то они его не смотрели — он просто всегда работал, — а тут прямо впились в него.

Жемчужная Дева, в новостях названная просто «Тетка Адрианна», найдена мертвой в квартире многоэтажного дома, которую она снимала вместе с другой Жемчужной Девой. Висела на дверной ручке, ее собственный серебристый пояс обернут вокруг шеи. С момента смерти прошел не один день, сказал судмедэксперт. Владелец другой квартиры почуял запах и сообщил в полицию. По версии полиции, совершено самоубийство: самоудавление подобным способом — распространенный метод.

Показали портрет умершей Жемчужной Девы. Я вгляделась повнимательнее: иногда Жемчужных Дев трудно было различать, они же все одинаково одеты, но я вспомнила, что эта Дева недавно заходила в «Борзую модницу», приносила брошюры. И ее партнерша тоже — звали ее «Тетка Салли», и она, отметил телеведущий, пропала без следа. Ее портрет тоже показали: полиция просила при обнаружении сообщить. Консульство Галаада комментариев пока не дало.

— Какой ужас, — сказал Нил Мелани. — Бедная девочка. Просто катастрофа.

— Почему? — спросила я. — Жемчужные Девы работают на Галаад. И ненавидят нас. Все знают.

Тут они оба на меня посмотрели. Как бы описать этот взгляд? *Безутешный*, пожалуй. Я опешила: им-то что до нее?

По-настоящему плохое случилось в мой день рождения. Утро началось, как будто все нормально. Я проснулась, надела клетчатую зеленую форму Школы Уайл… я не сказала? У нас была форма. На зеленые носки натянула черные ботинки со шнурками, волосы забрала в хвост, как полагалось носить в школе — никаких распущенных локонов, — и сошла вниз.

Мелани была в кухне — у нас там стоял гранитный островок. Мне больше нравилось не так, а как у нас в школьной столовке — столешница из стекла и эпоксидки, сквозь эпоксидку видно, что внутри, а в столовке внутри одной столешницы был скелет енота, поэтому всегда было на что посмотреть.

За кухонным островком мы обычно и ели. Столовая-гостиная у нас тоже была. Считалось, что она для праздников, но Мелани и Нил не устраивали праздников — они устраивали совещания

по разным общественно полезным поводам. Накануне вечером приходили люди: на столе так и остались кофейные чашки и тарелка с крошками от крекеров и сморщенными виноградинами. Что за люди приходили, я не видела, потому что отсиживалась у себя наверху, пряталась от последствий того, что натворила. Было ясно, что это я не просто ослушалась.

Я вошла в кухню и села у островка. Мелани стояла ко мне спиной — смотрела в окно. Из окна видно было наш двор — круглые бетонные кадки с кустами розмарина, патио с садовым столом и стульями, а дальше перекресток.

— Доброе утро, — сказала я.

— Ой! Лили! — сказала Мелани, развернувшись. — А я тебя не слышала! С днем рождения! Шестнадцать — большое дело!

Нил спустился к завтраку, когда мне уже пора было в школу. До этого он наверху говорил по телефону. Я немножко обиделась, но не особо: он был очень рассеянный.

Отвезла меня, как обычно, Мелани: она возражала против того, чтоб я ездила в школу одна на автобусе, хотя остановка была прямо у нашего дома. Сказала — как обычно, — что едет в «Борзую модницу», может и меня заодно подвезти.

— Сегодня будет деньрожденный торт, с мороженым, — сказала она, задрав тон в конце фразы, словно вопрос задавала. — Я за тобой заеду после школы. Мы с Нилом хотим кое-что тебе сказать — ты уже взрослая.

— Ладно, — ответила я.

Думала, речь пойдет про мальчиков и что такое согласие, а я об этом наслушалась в школе. Неловкий предстоит разговор, но придется перетерпеть.

Я хотела извиниться за то, что пошла на марш протеста, но тут мы подъехали к школе, и я не извинилась. Молча вылезла из машины; Мелани подождала, пока я дойду до дверей. Я ей помахала, и она помахала в ответ. Не знаю, почему я так сделала, — обычно-то не махала. Наверное, это я как бы извинилась так.

Что было в школе, я толком не помню — ну а с чего мне помнить? Нормальный был день. Нормальный — это как из окна машины смотреть. Все пролетает мимо, такое, сякое, всякое, разное, ничего особенного. Эти часы не запоминаешь — они привычны, как чистить зубы.

За обедом в столовке несколько моих друзей по домашке спели «С днем рожденья тебя». Еще кто-то похлопал.

Потом день пошел к вечеру. Воздух застыл, часы застопорились. Я сидела на французском, где нам задали читать страницу из одной новеллы Колетт — из «Мицу»[17], про звезду мюзик-холла, которая прячет у себя в гардеробе мужчин. Мало того что новелла была французская, она еще якобы повествовала о том, сколь ужасна была прежде женская жизнь, однако я не заметила в жизни Мицу ничего особо ужасного. Прятать в шкафу красивого мужчину я бы тоже не отказалась. Но, даже знай я такого мужчину, куда бы я его запрятала? Вряд ли в шкаф у себя в спальне — Мелани просечет на раз-два-три, а если и нет, мужчину ведь надо чем-то кормить. Об этом я некоторое время поразмыслила: что удастся стащить тайком от Мелани? Сыр и крекеры? Секс с мужчиной исключается: слишком рискованно выпускать его из шкафа, а я к нему туда не влезу — места нет. В школе я часто грезила наяву — под грезы время шло быстрее.

В том и была моя проблема. Я никогда ни с кем не встречалась, потому что мне не попадались

---

[17] Сноски: 17

Колетт (Сидони-Габриэль Колетт, 1873–1954) — французская писательница, классик французской литературы, звезда Прекрасной эпохи, с 1945 г. — член Гонкуровской академии, а с 1949 г. — ее президент. «Мицу» *(Mitsou)* — ее новелла 1919 г.

те, с кем хотелось бы встречаться. И откуда бы им взяться? Парни из Школы Уайл — и речи быть не могло: я училась с ними с первого класса, видела, как они ковыряют в носу, некоторые даже в штаны писались. Какая романтика, если представляешь себе такое?

На меня навалилось уныние — в день рождения это бывает: ждешь волшебных превращений, а никаких превращений нет. Чтобы не заснуть, я дергала себя за волосы, за правым ухом, щипала по два-три волоска. Я знала, что, если дергать слишком часто в одном месте, то там может получиться лысинка, но эта привычка завелась у меня всего за несколько недель до того.

В конце концов время истекло и можно было домой. Коридором, обшитым полированными панелями, я дошла до парадной двери и выступила наружу. Моросило; я не взяла плащ. Оглядела улицу — машина Мелани меня не поджидала.

И вдруг рядом возникла Ада в черной кожаной куртке.

— Пошли. Давай в машину.

— Что? — переспросила я. — Почему?

— Нил и Мелани. Кое-что случилось.

Я посмотрела ей в лицо и мигом поняла: случилось что-то совсем плохое. Будь я постарше,

я бы спросила тут же, но я не спросила — я хотела оттянуть момент, когда узнаю, что же это. В книжках мне попадались слова *безымянный ужас*. Прежде это были просто слова, а в тот миг именно он меня и накрыл.

Когда мы сели и машина тронулась, я сказала:

— У кого-то инфаркт?

Больше в голову ничего не пришло.

— Нет, — сказала Ада. — Слушай меня внимательно и не психуй. Домой тебе нельзя.

В животе стало еще ужаснее.

— Что такое? Там пожар?

— Взрыв, — сказала она. — Заминировали машину. Перед «Модницей».

— Блин. Лавку разнесло? — спросила я.

Мало нам взлома.

— Машину Мелани. И она, и Нил были в машине.

С минуту я сидела молча; я ничего не понимала. Какому маньяку приспичило убивать Нила и Мелани? Они же такие обыкновенные.

— То есть что, они умерли? — наконец спросила я.

Меня трясло. Я пыталась вообразить взрыв, но перед глазами была лишь пустота. Черный квадрат.

V
Фургон

Автограф из Ардуа-холла

12

Кто ты, мой читатель? И когда ты? Быть может, завтра, быть может, спустя полвека, быть может, никогда.

Не исключено, что ты — какая-нибудь Тетка из Ардуа-холла, наткнулась на это повествование ненароком. Пережив мгновение ужаса пред лицом моей греховности, сожжешь ли ты эти страницы, дабы сохранить нетронутым мой беспорочный образ? Или поддашься вселенской жажде власти и помчишься к Очам[18] стучать на меня?

Или ты заграничный шпион, что роется в архивах Ардуа-холла, когда этот режим уже пал? В каковом случае коллекция компрометирующих документов, которые я собираю столько лет,

---

[18] Сноски: 18

«Ибо очи Господа обозревают всю землю» (2 Пар. 16:9). «На всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых» (Притч 15:3).

всплывет не только на моем суде — если судьба злокозненна и если я доживу до появления на оном, — но и на судах многих прочих. Я почитаю своей обязанностью знать, где захоронены трупы.

Сейчас ты, вероятно, гадаешь, как я избежала гибели в чистках от рук вышестоящих — если не в первые дни бытования Галаада, то хотя бы позднее, когда пауки в своей банке достигли степенной зрелости. К тому времени уже немало прежних патрициев болтались на Стене, ибо те, кто занял высочайшую вершину, позаботились о том, чтобы никакой амбициозный соперник их оттуда не спихнул. Тебе, вероятно, представляется, что, будучи женщиной, я была особо уязвима пред подобными веяниями, однако ты ошибаешься. Просто-напросто, будучи женщиной, я выпала из списка потенциальных узурпаторов, поскольку ни одной женщине в Совет Командоров ходу нет: парадоксальным образом с этого фланга я была прикрыта.

Но моему политическому долгожительству имеются еще три причины. Во-первых, режиму я нужна. Женской стороной всего предприятия я правлю железной рукой в кожаной перчатке под шерстяной варежкой, и я слежу за порядком:

позиция моя уникальна, как у евнуха в гареме. Во-вторых, мне слишком многое известно о вождях — слишком много грязи, — а они не знают наверняка, что я сделала с этой грязью в смысле документирования. Если меня вздернуть, не просочится ли грязь наружу? Они вполне могут подозревать, что я заранее приняла меры — и тут они правы.

В-третьих, я неболтлива. Всякий туз считает, что доверять мне тайны безопасно, однако — и окольным манером я даю это понять — лишь коль скоро в безопасности я сама. В систему сдержек и противовесов я верю много лет.

Невзирая на эти меры, расслабляться негоже. Галаад — земля скользкая, несчастья приключаются здесь на каждом шагу. Мой погребальный панегирик уже кем-то составлен — это как пить дать. Я вздрагиваю: кто прошелся по моей могиле?

Времени, умоляю я пустой воздух, еще чуточку времени. Мне больше ничего не надо.

Вчера пришло нежданное приглашение на приватную беседу с Командором Джаддом. Подобное приглашение я получаю не впервые. В ранних наших встречах приятного было мало; другие же, более поздние, были взаимовыгодны.

Шагая лоскутом хилой травы, что покрывает территорию между Ардуа-холлом и штаб-квартирой Очей, затем взбираясь — не без труда — на склон по внушительной белой лестнице, что ведет к многоколонному парадному входу, я гадала, какой окажется эта встреча.

Должна признаться, сердце мое билось быстрее обычного, и не только лестница тому виной: не все, кто переступал этот порог, выходили назад.

Очи воцарились в бывшей громадной библиотеке. Здесь больше не хранятся книги, кроме их собственных, — изначальное содержимое сожжено или, если представляло ценность, дополнило частные коллекции всевозможных вороватых Командоров. Тщательно изучив Писание, я теперь могу привести главу и стих, где говорится о пагубе присвоения добычи, запретной пред Господом[19], однако благоразумие — главное достоинство храбрости[20], так что я воздерживаюсь.

С удовольствием сообщаю, что никто не тронул

---

[19] Сноски: 19

«И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд. 1:22–23).

[20] Сноски: 20

Слегка искаженная цитата из: *Уильям Шекспир*. Генрих IV. Часть 1, акт V, сцена 4, перев. Е. Бируковой.

фрески по сторонам от внутренней лестницы этого здания: изображают они погибших солдат, ангелов и лавровые венки, а посему вполне благочестивы и считаются приемлемыми, хотя флаг былых Соединенных Штатов Америки на правой фреске закрасили флагом Галаада.

С первой нашей встречи Командор Джадд многого в жизни добился. Муштровать галаадских женщин для его эго слишком мелко и надлежащего пиетета не вызывает. А вот Командора, руководящего Очами, страшатся повсеместно. Кабинет у него в глубине здания, где некогда располагались книгохранилище и рабочие места научных сотрудников. В центре двери — крупное Око с настоящим хрусталем в зрачке. Так Командору видно, кто вот-вот к нему постучится.

— Заходите, — сказал он, едва я подняла руку.

Два сопровождавших меня младших Ока сочли это приказом удалиться.

— Дражайшая Тетка Лидия, — сказал Командор Джадд, просияв мне улыбкой из-за гигантского стола. — Спасибо, что навестили мой скромный кабинет. Надеюсь, вы здоровы?

Надеется он на другое, но придираться я не стала.

— Хвала, — ответила я. — А вы? А ваша Жена?

Эта Жена протянула дольше обычного. Жены его имеют свойство умирать: подобно царю Давиду и всевозможным наркобаронам Центральной Америки, Командор Джадд свято верит в целебную силу молодых женщин. Всякий раз, выдержав пристойный период траура, он сообщает, что ищет новую малолетнюю невесту. Тут надо понимать: сообщает он об этом мне.

— И я, и моя Жена здоровы, хвала Господу, — ответил он. — У меня для вас чудесные новости. Садитесь, прошу вас.

Я так и поступила и приготовилась внимательно слушать.

— Наши агенты в Канаде успешно идентифицировали и ликвидировали двух крайне активных оперативников подполья «Мой день». Работали под прикрытием — держали лавку подержанной одежды в сомнительном районе Торонто. Предварительный осмотр помещения наводит на мысль, что эти люди были ключевыми пособ-

никами Подпольной Женской Дороги[21].

— Провидение к нам благосклонно, — сказала я.

— Операцию провели наши молодые и энергичные канадские агенты, но путь им указали ваши Жемчужные Девы. Весьма полезно было с вашей стороны поделиться плодами их женской интуиции.

— Они наблюдательны, хорошо обучены и послушны, — сказала я.

Жемчужных Дев я и придумала: в прочих религиях есть миссионеры — а нам что мешает? И прочие миссионеры обеспечивают приток новообращенных — а нам что мешает? И прочие миссионеры собирают информацию, плодотворную для шпионажа, — а нам что мешает? — но, поскольку я не дура или, во всяком случае, не такая дура, я ни словом не возразила, когда Командор Джадд поставил этот план в заслугу себе.

---

[21] Сноски: 21

Парафраз названия «Подпольная (она же Подземная) Железная Дорога» — тайная система организации побегов чернокожих рабов из южных американских штатов на Север и в Канаду в период перед Гражданской войной в США. Была создана освободившимися рабами и белыми аболиционистами, среди которых было немало квакеров. Все элементы системы назывались в согласии с железнодорожной метафорой: в частности, в ней имелись «станции», «проводники» и «партии товара», подлежавшие переброске.

Официально Жемчужные Девы ходят с докладом ко мне одной, ибо неприлично Командору вникать в подробности женской, по сути дела, работы, однако я, разумеется, должна передавать ему все, что сочту необходимым или неотвратимым. Перебор данных — и я лишусь власти, недобор — и окажусь под подозрением. Завлекательные брошюры Жемчужных Дев пишутся нами, верстаются и печатаются в маленькой типографии в одном из подвалов Ардуа-холла.

Мой проект с Жемчужными Девами возник в критический для Командора Джадда период, как раз когда невозможно стало отрицать его абсурдное фиаско с Землями Предков. Международные правозащитные организации обвиняли нас в геноциде, и от этих упреков Галаад конфудливо ерзал; поток беженцев из Первой Земли Предков, из Северной Дакоты через канадскую границу стал необорим, а нелепая афера Джадда под названием «Паспорт Белизны» провалилась под шквалом подделок и мздоимства. Запуск проекта с Жемчужными Девами спас его шкуру, хотя я с тех пор не раз задумывалась, мудро ли было ее спасать. Джадд мне задолжал, но может статься, что это минус. Не все любят быть в долгу.

В ту минуту, впрочем, Командор Джадд расто-

чал улыбки.

— Они поистине Драгоценные Жемчужины[22]. А поскольку два оперативника «Моего дня» выведены из строя, у вас, будем надеяться, головной боли станет меньше — меньше Служанок убежит.

— Хвала.

— Нашу блистательную операцию точечного уничтожения и очищения мы, разумеется, публично не объявим.

— Ее все равно повесят на нас, — ответила я. — И канадцы, и зарубежные СМИ. Естественно.

— А мы будем все отрицать, — сказал он. — Естественно.

Повисла пауза — мы глядели друг на друга через стол, точно шахматисты, пожалуй, или старые товарищи — ибо мы оба пережили три волны чисток. Одно это выковало между нами некие узы.

— Меня тем не менее кое-что смущает, — сказал он. — У этих двух террористов из «Моего дня» должен быть пособник в Галааде.

— Неужели? Быть такого не может! — вскри-

---

[22] Сноски: 22

«Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее» (Мф. 13:45–46).

чала я.

— Мы проанализировали все известные побеги, и высокий процент успеха не объясняется ничем, кроме утечек. Некто в Галааде — некто, имеющий доступ к данным о дислокации сотрудников наших служб безопасности, — наверняка передает информацию Подпольной Женской Дороге. На каких маршрутах КПП, где, скорее всего, чисто — в таком духе. У нас война, и, как вы знаете, сухопутный личный состав рассеян, особенно в Вермонте и Мэне. Нам требуется усилить свое присутствие в других районах.

— Кто в Галааде способен на подобное коварство? — спросила я. — Предать нашу будущность!

— Мы над этим работаем, — ответил он. — А между тем, если вам что-нибудь придет в голову…

— Конечно.

— И еще кое-что, — прибавил он. — Тетка Адрианна, Жемчужная Дева, найдена мертвой в Торонто.

— Да. Сердце кровью обливается, — сказала я. — Что-то прояснилось?

— Ждем новостей из консульства. Я вам сообщу.

— Помогу всеми силами. Можете на меня рассчитывать, сами знаете.

— Вы моя опора, дорогая Тетка Лидия. Цена ваша воистину выше жемчугов[23].

Комплименты я люблю, чем я хуже прочих?

— Благодарю вас, — сказала я.

Жизнь моя могла сложиться совсем иначе. Если б только я огляделась, посмотрела шире. Если б только я пораньше собрала вещички, как некоторые, и уехала из страны — страны, которую по глупости полагала той же самой страной, где мне годами было место.

От подобных сожалений толку чуть. Снова и снова я делала выбор, после чего выбора всякий раз оставалось меньше. В тот день на распутье в осеннем бору путь я хоженый выбрала себе[24]. Он был завален трупами, что на таких путях — обычное дело. Но, прошу заметить, моего трупа там нет.

В этой моей исчезнувшей стране дела шли под откос многие годы. Потопы, пожары, торнадо,

---

[23] Сноски: 23

«Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов» (Притч 31:10).

[24] Сноски: 24

Аллюзия на стихотворение американского поэта Роберта Фроста «Другая дорога» (*The Road Not Taken*, 1916): «В тот день на распутье в осеннем бору… путь я нехоженый выбрал себе», перев. Н. Винокурова.

ураганы, засухи, дефицит воды, землетрясения. Перебор того, недобор сего. Ветшающая инфраструктура: почему не закрыли атомные реакторы, зачем тянули, пока не стало поздно? Экономика рушилась, плюс безработица, плюс падение рождаемости.

Люди испугались. Потом озлились.

Отсутствие действенных мер. Поиск тех, на кого можно свалить вину.

Почему я считала, что жизнь все равно будет двигаться по накатанной? Потому, видимо, что мы слушали все это годами. Не верится, что небо падет на землю, пока осколок неба не долбанет по голове.

Арестовали меня вскоре после теракта Сынов Иакова, который уничтожил Конгресс. Исламисты поначалу говорили нам: объявили чрезвычайное положение, но сказали, мол, живите, как прежде, Конституцию скоро вернут, а чрезвычайное положение быстро отменят. Что и случилось, однако иначе, нежели мы предполагали.

Жара в тот день стояла зверская. Суды закрылись — временно, уверяли нас, пока не выстроили действующую систему инстанций и не восстановили верховенство права. Несмотря на это, кое-кто пришел на работу: раз время

освободилось, можно и разгрести накопившиеся бумаги — во всяком случае, таким предлогом пользовалась я. На самом деле просто хотелось побыть с людьми.

Странно, что у наших коллег-мужчин подобной нужды не возникало. Может, они находили утешение в кругу жен и детей.

Я читала материалы какого-то дела, и тут в кабинет зашла коллега помоложе — Кэти, недавно назначенная, тридцать шесть лет, на четвертом месяце беременности, оплодотворение через банк спермы.

— Надо ехать, — сказала она.

Я на нее вытаращилась:

— То есть?

— Надо уезжать из страны. Происходит что-то не то.

— Ну еще бы — чрезвычайное положение…

— Да нет, не только. Мне закрыли банковскую карту. И кредитки — обе. Я пыталась купить билет на самолет — так и узнала. Ты на машине?

— Что? — переспросила я. — Почему? Тебе же не могут просто взять и отрубить деньги на счету!

— Похоже, могут, — сказала Кэти. — Если ты женщина. Мне в авиакомпании сказали. Временное правительство только что приняло новый

закон: деньги женщин отныне переходят к их ближайшим родственникам мужского пола.

— Все еще хуже, — сказала Анита, коллега чуть постарше. Она тоже зашла ко мне. — Гораздо хуже.

— У меня нет родственников мужского пола, — сказала я. Меня все это огорошило. — Это же совершенно антиконституционно!

— Про Конституцию забудь, — сказала Анита. — Ее только что отменили. Я слышала в банке, пыталась там… — И она заплакала.

— Возьми себя в руки, — сказала я. — Надо подумать.

— Какой-нибудь родственник у тебя найдется, — заметила Кэти. — Похоже, они это годами планировали: мне сказали, что мой ближайший родственник мужского пола — мой двенадцатилетний племянник.

В этот миг парадную дверь суда вышибли. Ворвались пятеро мужчин, двое парами, один замыкающим, все с автоматами на изготовку. Мы с Кэти и Анитой вышли из моего кабинета. Наша секретарша Тесса заорала и нырнула под стол.

Двое были молоды, где-то двадцать с хвостом, но еще трое — средних лет. Молодые подтянуты, у остальных пивные пуза. Все в камуфляже и до

того стереотипны, что, если б не автоматы, я бы, может, рассмеялась, не понимая еще, до чего дефицитен скоро станет женский смех.

— Что тут такое? — спросила я. — А постучать нельзя было? Дверь же открыта!

Мужчины пропустили это мимо ушей. Один — вожак, надо думать, — сказал своему спутнику:

— Список у тебя?

Я подбавила негодования:

— Кто ответит за ущерб? — Меня накрывал шок: стало холодно. Что происходит — ограбление? Захват заложников? — Вам чего? Денег мы здесь не храним.

Анита пихнула меня локтем, чтоб я умолкла: она уже постигала наше положение лучше меня.

Помощник вожака поднял повыше лист бумаги.

— Кто тут беременная? — спросил он.

Мы переглянулись. Кэти выступила вперед:

— Я.

— Мужа нет, так?

— Нет, я…

Кэти обеими руками прикрывала живот. Как многие женщины в то время, она предпочла одинокое материнство.

— В школу, — сказал вожак.

Те, что помоложе, шагнули к Кэти.

— Пройдемте с нами, мэм, — сказал первый.

— Зачем? — спросила Кэти. — Вы что себе думаете — врываетесь сюда и…

— Пройдемте, — сказал второй.

Они подхватили ее под локти и потащили. Она закричала и все равно исчезла за дверью.

— Ну-ка прекратите! — сказала я.

Из коридора слышался ее голос — чем дальше, тем тише.

— Распоряжаюсь здесь я, — сказал вожак.

Он был в очках и с закрученными усами, которые, впрочем, не добавляли ему добродушия.

По ходу моей, если можно так выразиться, галаадской карьеры мне не раз выпадал повод отмечать, что мелкие сошки, дорвавшись до внезапной власти, зачастую злоупотребляют ею хуже всех.

— Не переживайте, никто ее не тронет, — сказал помощник вожака. — Отвезут в безопасное место.

Он зачитал наши имена по списку. Отнекиваться было без толку: они и так знали, кто мы.

— Где секретарша? — спросил вожак. — Тесса эта.

Бедная Тесса вылезла из-под стола. От ужаса

ее трясло.

— Ну чего? — спросил человек со списком. — Гипермаркет, школа или стадион?

— Тебе сколько лет? — спросил вожак. — Ладно, молчи, тут все написано. Двадцать семь.

— Дадим девчонке шанс. Гипермаркет. Может, на ней кто-нибудь женится.

— Отойди вон туда, — велел вожак Тессе.

— Господи Иисусе, она описалась, — сказал третий немолодой.

— Не кощунствуй, — сказал вожак. — Вот и хорошо. Боязливая — может, будет делать, что велят.

— Дождешься от них, как же, — сказал третий. — Одно слово — бабы.

По-моему, это он так шутил.

Вернулись двое молодых, которые увели Кэти.

— Она в фургоне, — сообщил один.

— А еще две так называемые судьи женского пола где? — спросил вожак. — Лоретта какая-то? И Давида?

— Обедают, — сказала Анита.

— Мы заберем этих двух. Дождитесь тех, приглядите за этой, — скомандовал вожак, ткнув пальцем в Тессу. — Потом эту заприте в фургоне, который в гипермаркет. Потом привезите обе-

денных.

— В гипермаркет или на стадион? Этих двух?

— На стадион, — сказал вожак. — Одна возрастная, у обеих высшее юридическое, обе судьи. Ты же слышал приказ.

— Бывают случаи, когда прямо жалко, — сказал второй, кивнув на Аниту.

— Это как Провидению будет угодно, — ответил вожак.

Нас с Анитой свели вниз по лестнице, пять пролетов. А лифт работал? Даже не знаю. Потом нам наручниками сковали запястья спереди и засунули нас в черный фургон со сплошной перегородкой между нами и водителем и железными сетками в зачерненных оконных стеклах.

Мы все это время помалкивали — ну а что тут сказать? Ясно было, что призывы о помощи останутся без ответа. Пользы нет кричать или бросаться на стенки фургона — зряшная трата сил, а больше ничего. Так что мы ждали.

Зато в фургоне был хотя бы кондиционер. И кресла — можно сесть.

— Что они будут делать? — шепнула Анита.

За окнами ничего не видать. Мы и друг друга не видели — только смутные силуэты.

— Не знаю, — сказала я.

Фургон затормозил — на КПП, вероятно, — и снова двинулся, и снова затормозил.

— Конечная, — объявил чей-то голос. — На выход!

Задние двери фургона распахнулись. Анита выбралась первой.

— Шевелись, — велел другой голос.

Со скованными руками вылезать сложно; кто-то схватил меня за локоть, дернул, и я ступила на землю, едва не упав.

Фургон отъехал, а я шатко стояла и озиралась. Поле под открытым небом, группы других людей — других женщин, стоит добавить, — и немало мужчин с автоматами.

Я очутилась на футбольном стадионе. Только здесь уже был не футбол. Здесь была тюрьма.

VI
Шесть – это тлен

Протокол свидетельских показаний 369A

13

Мне было очень трудно рассказывать вам, что было, когда умерла мама. Тавифа любила меня безусловно, а теперь ее не стало, и все поплыло, все стало зыбко. Наш дом, сад, даже моя спальня — все было ненастоящее, словно вот-вот растворится в тумане и исчезнет. В голове у меня крутился библейский стих, который Тетка Вида-ла заставляла нас вызубрить:

Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты как наводнением уносишь их; они — как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает[25].

Засыхает, засыхает. Точно сип, точно Господу

---

[25] Сноски: 25
Пс. 89:5–6.

не хватает дыхания. Когда мы декламировали наизусть, у многих из нас на этом слове перехватывало горло.

На мамины похороны мне выдали черное платье. Присутствовали несколько других Командоров с Женами и наши Марфы. Мамины бренные останки лежали в закрытом гробу, и мой отец произнес краткую речь о том, до чего прекрасной Женой была мама, как она всегда думала о других, забывая о себе, какой она пример для всех женщин Галаада, а затем прочел молитву, поблагодарил Бога за то, что Бог избавил маму от боли, и все сказали «Аминь». А в Галааде из-за похорон женщин особо не суетились, даже если женщина была из высокопоставленной семьи.

С кладбища важные люди приехали к нам домой, и там были небольшие поминки. Цилла напекла сырных палочек — они были в числе ее фирменных блюд — и разрешила мне помочь. Это меня немножко утешило: надеть фартук, натереть сыр, выдавить тесто из кондитерского шприца на противень, а потом в стеклянное окошко посмотреть, как оно поднимается. Сырные палочки мы пекли в последний момент, когда все уже прибыли.

Потом я сняла фартук и в черном платье вы-

шла к гостям, как мне велел отец, и ни слова не проронила, как он тоже мне велел. Большинство гостей смотрели сквозь меня, кроме одной Жены, которую звали Пола. Она была вдова, немножко знаменитая, потому что ее мужа, Командора Сондерса, шампуром убила Служанка у него в кабинете — скандал, о котором годом раньше много перешептывались в школе. Откуда Служанка взялась в кабинете? Как она туда проникла?

По версии Полы, девушка была безумна, ночью прокралась вниз, стащила шампур из кухни, а когда бедный Командор Сондерс выглянул из кабинета, застигла его врасплох — убила мужчину, который с неизменным уважением относился и к ней, и к ее работе. Служанка сбежала, но ее поймали и казнили, и повесили на Стене.

Другую версию принесла Сонамит от своей Марфы, а та — от главной Марфы дома Сондерсов. В этой версии были страсти, насилие и греховная связь. Видимо, Служанка чем-то соблазнила Командора Сондерса, и он велел ей прокрадываться вниз по ночам, когда всем полагалось спать. И Служанка проскальзывала в кабинет, где ее ждал Командор, и тогда глаза у Командора вспыхивали, как два фонаря. Кто знает, каким похотливым домогательствам он ее подвергал?

Наверняка противоестественным, они-то и свели Служанку с ума, хотя с некоторыми Служанками и стараться особо не надо, они и так на грани, но эта, видимо, с головой дружила еще хуже прочих. «Никаких нет сил об этом думать, — говорили Марфы, — которые больше ни о чем думать не могли».

Когда муж не явился к завтраку, Пола отправилась его искать и обнаружила без штанов на полу в кабинете. Прежде чем вызвать Ангелов, Пола натянула ему штаны. Пришлось звать на помощь одну Марфу: мертвые люди — они либо как деревянные, либо как плюшевые, а Командор Сондерс был грузный и неудобной формы. Сонамит сказала, что ей Марфа сказала, что Пола вся извозюкалась в крови, пока натягивала одежду на труп, и нервы у нее, должно быть, железные, потому что она поступила как полагается, чтобы все сохранили лицо.

Версия Сонамит мне понравилась больше. Про это я и думала на поминках, когда отец знакомил меня с Полой. Она жевала сырную палочку; смерила меня оценивающим взглядом. Я такое лицо видела у Веры, когда она тыкала в кекс соломинкой — проверяла, испекся ли.

Затем Пола улыбнулась и сказала:

— Агнес Емима. Какая прелесть, — и погладила меня по голове, как будто мне пять лет, и сказала, что я, наверное, рада новому платьицу.

Хотелось ее укусить: она что думает, новое платье заменит мне мертвую маму? Но лучше было придержать язык, чем высказывать, что на уме. У меня не всегда получалось, но в тот раз получилось.

— Спасибо, — сказала я.

И вообразила, как она стоит на коленях в луже крови, натягивает штаны на мертвеца. От того, что я вообразила Полу в неловком положении, мне полегчало.

Через несколько месяцев после маминой смерти отец женился на вдове Поле. У нее на пальце появилось мамино волшебное кольцо. Должно быть, отец решил: а чего добром разбрасываться? Зачем покупать новое, если уже есть одно, красивое и дорогое.

Марфы ворчали.

— Твоя мать хотела, чтобы кольцо досталось тебе, — сказала Роза.

Но Марфы, само собой, ничего поделать не могли. Я была в бешенстве, но тоже ничего поделать не могла. Я куксилась и дулась, но ни отец, ни Пола не обращали внимания. Завели привычку,

как они выражались, «мне потакать», что на практике означало закрывать глаза на любые мои настроения, внушая мне, что мое упрямое молчание на них все равно не подействует. Эту педагогическую методику они даже обсуждали в моем присутствии, говоря обо мне в третьем лице. *Я вижу, Агнес нынче опять не в духе. Да, это как погода, скоро пройдет. Девочки есть девочки.*

14

Вскоре после свадьбы отца и Полы у нас в школе был страшный эпизод. Я о нем рассказываю, не чтобы жути нагнать, а потому, что он поразил меня до глубины души и, быть может, объяснит вам, почему кое-кто из нас, детей того времени и той страны, поступал так, а не иначе.

Это случилось на Религии, которую, как я уже говорила, нам преподавала Тетка Видала. Она отвечала за нашу школу и за другие такие же — они все назывались Школы Видалы, — но ее портрет на дальней стене в каждом классе был меньше портрета Тетки Лидии. Всего портретов было пять. Сверху — Младеница Николь, потому что каждый день нам полагалось молиться о ее благополучном возвращении. Затем Тетка Элизабет и Тетка Хелена, затем Тетка Лидия,

затем Тетка Видала. Младеница Николь и Тетка Лидия — в золотых рамочках, а остальные три просто в серебряных.

Мы все, конечно, понимали, кто эти четыре женщины: они были Основательницы. Основательницы чего — другой вопрос: мы не знали наверняка и не смели спрашивать — не хотели обидеть Тетку Видалу, обратив внимание на то, что портрет меньше всех. Сонамит говорила, что глаза Тетки Лидии на портрете следят за тобой, куда ни отойдешь, и что портрет слышит все, что ты говоришь, но Сонамит вообще много присочиняла и выдумывала.

Тетка Видала сидела на своем большом столе. Она любила, чтоб нас было хорошо видно. Велела нам сдвинуть столы поближе и потеснее. Потом сказала, что мы уже взрослые и нам пора послушать одну из самых важных историй в Библии — важных, поскольку это послание Господа исключительно для девушек и женщин, так что слушать надо внимательно. История была про Наложницу, Разрезанную на Двенадцать Частей.

Сонамит, сидевшая рядом со мной, прошептала:

— Это я знаю.

Бекка по другую сторону от меня подползла

рукой к моей руке под столом.

— Сонамит, тихо, — велела Тетка Видала.

А потом высморкалась и поведала нам вот что.

Наложница одного человека — это как бы такая Служанка — убежала от своего господина к отцу. Очень своенравно поступила. Тот человек пошел ее забрать и, поскольку был добрым и снисходительным, попросил только, чтоб наложницу ему вернули. Отец наложницы понимал правила, ответил: «Да», — его огорчило, что у него такая своенравная дочь, — и по случаю достигнутого согласия мужчины устроили пир. Однако в результате тот человек и его наложница поздно отправились в обратный путь и, когда стемнело, укрылись в городе, где тот человек никого не знал. Но тут один великодушный горожанин сказал путнику, что тот может переночевать у него в доме.

А какие-то другие горожане, побуждаемые греховными страстями, пришли к этому дому и потребовали, чтобы путника выдали им. Они хотели сделать с ним постыдные вещи. Похотливые и греховные вещи. Когда подобные вещи делаются между мужчинами, это особенное зло, и, чтобы такого не допустить, великодушный горожанин и путник выставили за дверь налож-

ницу.

— Ну она ведь заслужила, согласитесь? — сказала Тетка Видала. — Нечего было убегать. Вы представьте, сколько горя она принесла людям!

Но когда настало утро, продолжала Тетка Видала, путник открыл дверь, а наложница лежала на пороге.

— Вставай, — сказал ей путник. Но она не встала, потому что умерла. Грешники ее убили.

— Как? — спросила Бекка. Голос ее был едва ли громче шепота; она изо всех сил стискивала мне ладонь. — Как они ее убили? — По щекам ее катились две слезы.

— Много мужчин могут убить девушку, если делают похотливые вещи все одновременно, — сказала Тетка Видала. — В этой истории Господь говорит нам, что следует довольствоваться своей участью, а не бунтовать.

— Женщина должна почитать господина, — сказала Тетка Видала. — А иначе вот что бывает. За каждое преступление Господь нашлет соразмерное наказание[26].

Конец истории я узнала позднее — про то, как путник разрезал тело наложницы на двенадцать

---

[26] Сноски: 26

«Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор. 19:21).

частей, разослал всем коленам Израилевым и призвал их отомстить за злоупотребление его наложницей, казнить убийц, а колено Вениаминово отказалось, потому что убийцы были сыны Вениаминовы. Потом была война отмщения, колено Вениаминово чуть не искоренили подчистую, а их жен и детей всех поубивали. Потом остальные одиннадцать колен рассудили, что, если уничтожить двенадцатое, получится нехорошо, и прекратили смертоубийство. Оставшиеся сыны Вениаминовы не могли официально жениться на любых других женщинах и рожать новых детей, потому что остальные колена принесли такую клятву, но сынам Вениаминовым сказали, что им можно красть девушек и жениться неофициально, чем те и занялись.

Однако тогда мы конца истории не услышали, потому что Бекка разрыдалась.

— Какой ужас, какой ужас! — лепетала она.

Мы все замерли.

— Возьми себя в руки, Бекка, — сказала Тетка Видала.

Но Бекка не могла. Она так плакала — я боялась, она задохнется.

— Можно я ее обниму? — наконец спросила я.

Нам рекомендовали молиться за других дево-

чек, а трогать друг друга — нет.

— Ну наверное, — проворчала Тетка Видала.

Я обхватила Бекку руками, и она заплакала мне в плечо.

Тетку Видалу Беккино состояние раздосадовало, но и встревожило. Отец Бекки был не Командор, он был всего-навсего стоматолог, но он был важный стоматолог, а у Тетки Видалы болели зубы. Она встала и вышла из класса.

Спустя несколько минут явилась Тетка Эсте. Когда нас надо было успокоить, звали ее.

— Бекка, все нормально, — сказала она. — Тетка Видала не хотела тебя пугать.

Что не совсем правда, но Бекка перестала плакать — она икала.

— На эту историю можно посмотреть и по-другому. Наложница сожалела о том, что натворила, хотела искупить свое ослушание и пожертвовала собой, чтобы злые люди не убили доброго путника.

Бекка чуть-чуть повернула голову — она прислушивалась.

— Наложница поступила храбро и благородно, согласись?

Бекка легонечко кивнула. Тетка Эсте испустила вздох.

— Мы все должны чем-то жертвовать ради других людей, — утешила она. — Мужчины жертвуют собой на войне, а женщины жертвуют собой иначе. Такая вот разница. А теперь давайте чуточку порадуем себя. Я принесла нам овсяное печенье. Можете поговорить, девочки.

Мы сидели и жевали овсяное печенье.

— Что ты как маленькая? — через мою голову прошептала Сонамит Бекке. — Это же просто история, подумаешь.

Бекка будто и не услышала.

— Я никогда-никогда не выйду замуж, — пробубнила она себе под нос.

— Еще как выйдешь, — возразила Сонамит. — Все выходят.

— Не все, — сказала Бекка, но только мне.

15

Через несколько месяцев после свадьбы Полы и моего отца к нам в дом прибыла Служанка. Звали ее Кайлова, потому что моего отца звали Командор Кайл.

— Раньше у нее было какое-то другое имя, — сказала Сонамит. — Другого мужчины. Их переводят из дома в дом, пока не родят ребеночка. Все равно они шлюхи, зачем им настоящие имена?

Сонамит сказала, что шлюха — это женщина, которая ходила не только с мужем, но и с другими мужчинами. Хотя мы толком не понимали, что значит «ходила с».

А Служанки, наверное, вдвойне шлюхи, сказала Сонамит, потому что у них и мужей-то никаких нет. Но не полагается грубить Служанкам или обзывать их шлюхами, сказала Тетка Видала, утирая нос, потому что они искупают свои грехи, оказывая услугу обществу, и за это мы все должны сказать им «спасибо».

— Не понимаю, что это за услуга такая — быть шлюхой, — прошептала Сонамит.

— Потому что дети, — прошептала в ответ я. — Служанки умеют делать детей.

— Некоторые другие женщины тоже умеют, — сказала Сонамит, — а они не шлюхи.

Это правда, некоторые Жены умели и некоторые Экономены тоже: мы видели, у них были раздутые животы. Но многие женщины не умели. Каждая женщина хочет ребенка, говорила Тетка Эсте. Каждая женщина, если она не Тетка и не Марфа. Потому что если ты не Тетка и не Марфа, говорила Тетка Видала, что от тебя проку, раз у тебя даже ребенка нет?

Прибытие Служанки означало вот что: моя но-

вая мачеха Пола хотела ребенка, поскольку меня за своего ребенка не считала: моей мамой была Тавифа. А что же Командор Кайл? Он, видимо, тоже не считал меня за своего ребенка. Для них обоих я как будто стала невидимкой. Они смотрели на меня сквозь меня — и видели стенку.

Когда у нас в доме появилась Служанка, я уже почти повзрослела — ну, по меркам Галаада. Я подросла, лицо удлинилось, вырос нос. У меня были темные брови — не мохнатые гусеницы, как у Сонамит, и не редкие, как у Бекки, а изогнутые полукружьями — и темные ресницы. Волосы стали гуще и перекрасились из мышастого в каштановый. Все это радовало меня, и я разглядывала свое новое лицо в зеркале, крутилась так и сяк, вопреки всем предостережениям от тщеты.

Пугало то, что набухали груди, и вдобавок я нарастила волосы на тех частях тела, о которых не полагалось думать: на ногах, под мышками и на постыдном органе, что обладает множеством уклончивых названий. Когда с девочкой приключается такое, она больше не цветок драгоценный — она другое существо, гораздо опаснее.

Нас к этому готовили в школе — Тетка Видала прочла серию неловких иллюстрированных лекций: они должны были прояснить нам,

каковы физические обязанности и роль женщины — роль замужней то есть женщины, — но прояснили мало что и не утешили ни капли. Когда Тетка Видала спросила, есть ли у нас вопросы, вопросов ни у кого не нашлось, потому что как тут подступиться-то? Я хотела спросить, почему все непременно должно быть так, но и сама знала ответ: потому что это Замысел Божий. Тетки всякий раз так выкручивались.

Вскоре у меня между ног потечет кровь — со многими девочками это уже произошло. Почему Бог не мог замыслить иначе? Но Бога живо интересовала кровь, о чем мы знали из библейских стихов, которые нам читали: кровь, очищение, опять кровь, опять очищение, кровь пролитая, дабы очистить нечистых, хотя вот руки не должны быть в крови. Кровь оскверняла, особенно если она из девушек, но некогда Бог любил, чтобы кровь проливали на его алтари. А потом Он от этого отказался, говорила Тетка Эсте, в пользу фруктов, овощей, безропотного страдания и добрых дел.

Насколько понимала я, взрослое женское тело — одна сплошная мина-ловушка. Если дырка есть, туда непременно что-нибудь засунут, а оттуда непременно что-нибудь вылезет, и так

с любыми дырками: дыркой в стене, жерлом в горе, могилой в земле. Столько всего можно сделать с этим взрослым женским телом, с ним столько всего может пойти не так — я уже заподозрила, что лучше бы обойтись без него. Я подумывала уменьшить себя, бросив есть, и провела так целый день, но ужасно проголодалась, решимость оставила меня, я среди ночи спустилась в кухню и съела куриные ошметки из суповой кастрюли.

Тревожило меня не только кипучее тело: мой престиж в школе зримо понизился. Меня больше не слушали, моего внимания не добивались. При виде меня девочки осекались и посматривали косо. Кое-кто даже поворачивался спиной. Бекка нет — Бекка все еще старалась сесть рядом, но глядела прямо перед собой и больше не нащупывала мою руку под столом.

Сонамит по-прежнему уверяла, что она моя подруга — отчасти, несомненно, потому, что в остальном популярностью не пользовалась, — но теперь это она делала одолжение мне, а не наоборот. Меня все это задевало, но я не понимала, откуда такие перемены в атмосфере.

А вот другие знали. Должно быть, пошла молва, изо рта в ухо, а оттуда снова через рот: от моей мачехи Полы к нашим Марфам, которые подме-

чали все, а от них к другим Марфам, с которыми наши встречались, выходя по делам, а от тех Марф — к их Женам, а от Жен — к дочерям, моим однокашницам.

О чем молва? Помимо прочего — о том, что я впала в немилость у своего могущественного отца. Моей покровительницей была мама, Тавифа, но ее не стало, а мачеха не питала ко мне добрых чувств. Дома она подчеркнуто не замечала меня или рявкала: «Ну-ка подбери! Не сутулься!» Я старалась пореже попадаться ей на глаза, но ее оскорбляла даже моя закрытая дверь. Пола прямо точно знала, что я, прячась за этой дверью, думаю ядовитые думы.

Однако я упала в цене отнюдь не только потому, что лишилась отцовского фавора. Разлетелись новые сведения, весьма для меня пагубные.

Если всплывал какой-нибудь секрет, особенно скандальный, Сонамит обожала растрезвонить первой.

— Угадай, что я узнала, — как-то раз сказала она, когда мы обедали сэндвичами.

Полдень был погожий, нам разрешили устроить пикник на школьном газоне. Территория была огорожена высоченным забором с колючей лентой поверху, на воротах два Ангела, ворота

отпирались, только если приезжали или уезжали Тетки, — нам совершенно ничего не грозило.

— Что? — спросила я.

Сэндвичи были с заменителем сыра — его стали класть в школьные сэндвичи вместо настоящего, потому что настоящий сыр нужен был нашим солдатам. Солнце грело, трава была мягкая, я в тот день улизнула из дома, не попавшись на глаза Поле, и в этот краткий миг я была слегка довольна жизнью.

— Твоя мать — не твоя настоящая мать, — сказала Сонамит. — Тебя забрали у настоящей матери, потому что она была шлюха. Но ты не переживай, ты же не виновата, ты была совсем маленькая и не знала.

Живот скрутило. Я выплюнула на траву недожеванный кусок сэндвича.

— Что ты врешь! — чуть не заорала я.

— Успокойся, — сказала Сонамит. — Я же говорю, ты не виновата.

— Я тебе не верю.

Сонамит улыбнулась мне жалостливо и со смаком:

— Это правда. Моя Марфа слышала от твоей Марфы, а *она* слышала от твоей новой мачехи. Жены знают — некоторые и сами так детей заве-

ли. Меня вот нет — меня родили как положено.

В этот миг я ее взаправду ненавидела.

— А моя настоящая мать тогда где? — осведомилась я. — Раз ты такая умная!

Ты очень-очень жестокая — вот что я хотела сказать. Я уже догадывалась, что она меня предала: до того как рассказать мне, рассказала другим девочкам. Вот почему они со мной холодны: я запятнана.

— Не знаю — может, умерла, — сказала Сонамит. — Она пыталась украсть тебя из Галаада, бежала через лес, хотела перейти с тобой через границу. Но они ее поймали и тебя спасли. Везуха тебе!

— Кто? — пролепетала я.

Сонамит говорила, не переставая жевать. Я смотрела ей в рот, откуда исторгался мой смертный приговор. У нее в зубах застрял оранжевый заменитель сыра.

— Ну, они. Ангелы, Очи, они. Тебя спасли и отдали Тавифе, потому что она не могла родить ребенка. Они тебе сделали добро. У тебя сейчас дом гораздо лучше, чем с этой шлюхой.

Убежденность охватывала мое тело параличом. Тавифина история — как она меня спасла, как бежала от злых ведьм — была отчасти правдива.

Только за руку я держала не Тавифу, я держала за руку свою настоящую мать — настоящую мать, шлюху. И преследовали нас не ведьмы — нас преследовали мужчины. Наверняка с автоматами — у таких мужчин всегда автоматы.

Впрочем, Тавифа и в самом деле меня выбрала. Выбрала меня из всех детей, отнятых у матерей и отцов. Тавифа выбрала меня, дорожила мною. Любила меня. Тут все по правде.

Но теперь я осталась без матери, потому что где моя настоящая мать? Я осталась и без отца — Командор Кайл мне такой же отец, как человек на луне. Командор Кайл терпел меня, потому что я была проектом Тавифы, ее игрушкой, ее зверушкой.

Неудивительно, что Пола и Командор Кайл завели Служанку: вместо меня они хотели настоящего ребенка. А я была ничейная.

Сонамит жевала, удовлетворенно наблюдая, как до меня доходит.

— Я за тебя заступлюсь, — пообещала она, сочась лицемерным благочестием. — Твоей душе-то все равно. Тетка Эсте говорит, на небесах все души равны.

«То на небесах, — подумала я. — А мы не там. Мы там, где лестницы и змеи, и прежде я стояла

на высокой ступеньке лестницы, прислоненной к Древу Жизни, а теперь сползла по змее. Как отрадно остальным наблюдать мое падение! Неудивительно, что Сонамит не устояла перед соблазном распространить столь приятную тлетворную весть. Я уже слышала, как хихикают у меня за спиной: «Шлюха, шлюха, шлюшья дочь».

Наверняка Тетка Видала и Тетка Эсте тоже знали. Эти две должны были знать с самого начала. Теткам такие тайны ведомы. Отсюда у них и власть, говорили Марфы: потому что им ведомы тайны.

А Тетка Лидия — хмуро-улыбчивая, в уродском буром платье, с портрета в золотой рамке на дальней стене в каждом классе, — ей, должно быть, ведомо больше всего тайн, потому что власти у нее больше всех. Что сказала бы Тетка Лидия о моих невзгодах? Помогла бы мне? Поняла бы мое горе, спасла бы меня? Тетка Лидия — она, вообще, настоящая? Я ее никогда не видела. Может, она как Бог — настоящая и ненастоящая одновременно. А если ночью помолиться ей, а не Богу?

Спустя пару дней я попробовала. Однако молиться женщине было слишком немыслимо, и я бросила.

16

Остаток этого страшного дня я прожила сомнамбулой. Мы мелкой гладью вышивали наборы платков для Теток, с цветами, подходившими к их именам: эхинацея для Элизабет, хризантема для Хелены, васильки для Видалы. Я трудилась над ландышами для Лидии, вогнала в палец полиголки и не замечала, пока Сонамит не сказала:

— У тебя кровь на вышивке.

Габриэла — костлявая колкая девочка, популярная, как прежде я, поскольку ее отца повысили до трех Марф, — шепнула:

— Может, у нее наконец-то месячные начались, из пальца? — И все засмеялись, потому что месячные уже начались почти у всех, даже у Бекки.

Тетка Видала услышала смех, оторвалась от книги и сказала:

— Ну-ка хватит.

Тетка Эсте отвела меня в уборную, и мы смыли кровь с моей руки, и Тетка Эсте забинтовала мне палец, а вот вышивку пришлось отмачивать в холодной воде — так нас учили отстирывать кровь, особенно с белой ткани. Будущим Женам надо уметь отстирывать кровь, говорила Тетка Видала, это наша обязанность: придется надзи-

рать за Марфами, следить, чтоб они все делали правильно. Отчищать кровь и прочие субстанции, которые выделяются из организма, — тоже забота женщин об окружающих, особенно о маленьких детях и стариках, говорила Тетка Эсте: она неизменно все представляла в радужных красках. Это у женщин такой талант, потому что у них особенные мозги, не жесткие и сгущенные, как у мужчин, а мягкие, и влажные, и теплые, и окутывают, как… как что? Она не стала договаривать.

«Как ил под солнцем, — думала я. — Вот что у меня в голове: нагретый ил».

— Что-то не так, Агнес? — спросила Тетка Эсте, промыв мне палец.

Нет, сказала я.

— Тогда чего ты плачешь, миленькая?

Оказывается, и впрямь: как я ни сдерживалась, слезы лились из глаз, из моей влажной заиленной башки.

— Потому что больно! — ответила я, уже рыдая в голос.

Тетка Эсте не спросила, отчего мне больно, хотя понимала, должно быть, что не из-за уколотого пальца. Она приобняла меня и легонько сжала.

— Очень многое причиняет боль, — сказала

она. — Но надо радоваться жизни. Бог любит жизнерадостность. Он любит, когда мы ценим все, что есть в мире прекрасного.

От Теток мы только и слышали, что любит и не любит Бог, особенно от Тетки Видалы, которая, видимо, дружила с Богом очень тесно. Сонамит как-то раз пообещала спросить Тетку Видалу, что Бог любит на завтрак, — девочки позастенчивей были шокированы, но она так и не спросила.

«Интересно, — думала я, — какое у Бога мнение про матерей, настоящих и ненастоящих. Впрочем, ясно было, что бесполезно расспрашивать Тетку Эсте о моей настоящей матери, и о том, как Тавифа меня выбрала, и даже о том, сколько мне тогда было лет. Тетки в школе старались не обсуждать с нами родителей».

В тот день, вернувшись домой, я загнала Циллу в угол на кухне, где она пекла печенье, и пересказала все, что за обедом сообщила мне Сонамит.

— У твоей подруги язык больно длинный, — сказала на это Цилла. — Лучше бы прикусывала почаще.

Для Циллы это очень резкие слова.

— Но это правда?

Я еще отчасти надеялась, что Цилла все опровергнет.

Она вздохнула:

— Помоги мне печенье испечь, хочешь?

Но я была уже взрослая — простыми дарами не подкупить.

— Скажи, — не отступила я. — Пожалуйста.

— Что ж, — ответила она. — Если верить твоей новой мачехе — да. Это правда. Ну примерно.

— То есть Тавифа мне не мать, — сказала я, сглатывая вновь подступившие слезы, стараясь, чтоб не сорвался голос.

— Смотря кого считать матерью, — сказала Цилла. — Кто тебя родила или кто больше всех тебя любит?

— Не знаю, — сказала я. — Наверное, кто больше всех любит?

— Значит, Тавифа была тебе матерью, — сказала Цилла, нарезая печенье. — И мы, Марфы, тоже твои матери, потому что мы тоже тебя любим. Даже если тебе не всегда верится. — Кругляши печенья она по одному поддевала лопаткой и перекладывала на противень. — Мы все желаем тебе добра.

Тут я в ней немножко усомнилась: что-то похожее, про желание добра, говорила и Тетка Видала — обычно она после этого наказывала. Она любила стегать нас по ногам, где потом не

видно, а иногда и выше — велела нагибаться и задирать юбки. Иногда поступала так с девочками перед всем классом.

— Что с ней случилось? — спросила я. — С моей другой матерью? Которая бежала по лесу? Когда меня забрали?

— Я, честное слово, не знаю, — ответила Цилла, не глядя на меня, ставя печенье в духовку.

Я хотела спросить, нельзя ли мне печенье, когда будет готово — ужасно хотелось горячего печенья, — но разговор был серьезный, а просьба слишком ребяческая.

— Ее застрелили? Ее убили?

— Ой, нет, — сказала Цилла. — Они бы не стали.

— Почему?

— Потому что она могла рожать. Она же родила тебя, да? То есть известно, что она могла. Такую ценную женщину ни за что бы не убили — только если иначе никак. — Она помолчала, подождала, когда я это переварю. — Скорее всего, они бы ее определили в… Тетки в Центре Рахили и Лии помолились бы с ней; побеседовали бы сначала, постарались убедить, чтобы передумала.

В школе о Центре Рахили и Лии поговаривали, но невнятно: никто не знал, что там происходит.

Однако если над тобой молится толпа Теток, это уже страшно. Не все Тетки добрые, как Тетка Эсте.

— А если они ее не убедили? — спросила я. — Тогда ее убили? Она умерла?

— Ой, да наверняка убедили, — сказала Цилла. — Это они умеют. У них любая и передумает, и перехочет.

— А тогда где она? — спросила я. — Моя мать… настоящая… ну, другая?

Интересно, она меня помнит? Наверняка помнит. Она меня, наверное, любила — иначе не взяла бы с собой, когда убегала.

— Мы не знаем, лапушка, — сказала Цилла. — Когда они становятся Служанками, у них больше нет старых имен, а одеты они так, что лиц не разглядишь. Все одинаковые.

— Она Служанка? — переспросила я. Выходит, Сонамит не соврала. — Моя мать?

— В Центре этим и занимаются, — сказала Цилла. — Переделывают их в Служанок, так или иначе. Тех, кого ловят. Ты как — хочешь печенья? Горячее. Масла у меня сейчас нет, но могу медом помазать.

Я сказала «спасибо». Я съела печенье. Моя мать — Служанка. Вот почему Сонамит уверяла,

что моя мать шлюха. Всем известно, что прежде Служанки поголовно были шлюхами. И остались, только по-другому.

С тех пор наша новая Служанка завораживала меня. Когда она только появилась, я на нее не смотрела, как и было велено, — это добрее всего, говорила Роза, потому что либо Служанка родит ребеночка и ее куда-нибудь переведут, либо она не родит ребеночка и ее все равно куда-нибудь переведут, но в любом случае она у нас ненадолго. Им вредно привязываться, особенно к детям, все равно же придется с ними расстаться, а ты представь, как им будет тяжело.

И я отводила глаза от Кайловой, притворялась, будто вовсе ее не вижу, когда она в своем красном платье вплывала в кухню, забирала корзинку для покупок и шла гулять. Служанки каждый день гуляли парами — мы встречали их на улицах. Со Служанками никто не заговаривал, не трогал их, не прикасался, потому что были они, в общем-то, неприкасаемые.

Но отныне я косилась на Кайлову при любом удобном случае. У нее было бледное вытянутое лицо — пустое, как отпечаток пальца в перчатке. Пустое лицо я и сама умела делать, поэтому не верила, что у нее там взаправду пусто. Прежде она

жила совсем иначе. Как она выглядела, когда была шлюхой? Шлюхи ходили не только с мужем, но и с другими мужчинами. Сколько было мужчин, с которыми она ходила? Что это вообще значит: ходить с мужчинами и с какими мужчинами? Она что-то высовывала из-под одежды? Носила мужские брюки? В голове не укладывается, до чего порочно! Но если да — как смело! Она тогда, наверное, была совсем другая. Гораздо живее.

Я смотрела из окна в спину Кайловой, когда та удалялась на прогулку — по саду, по дорожке, до ворот. Потом я снимала туфли, на цыпочках пробегала по коридору и прокрадывалась к ней в комнату в глубине дома на третьем этаже. Комната была средних размеров, с отдельной ванной. Вязаный коврик; на стене картина с синими цветами в вазе — раньше была Тавифина.

Должно быть, Пола перевесила картину сюда, чтоб глаза не мозолила, — мачеха вычищала из зримых пределов дома все, что могло напомнить новому мужу о первой Жене. Не в открытую — Пола действовала тоньше, убирала или выбрасывала по одной вещице, — но я все понимала. Лишняя причина ее недолюбливать.

Чего я тут рассусоливаю? Теперь-то незачем. Я не просто недолюбливала ее — я ее ненавидела.

Ненависть — очень дурное чувство, от него леденеет душа, нас Тетка Эсте так учила, и я собой не горжусь, и раньше я молилась, чтоб меня за это простили, но да, я ненавидела Полу.

Тихонько прикрыв дверь, я рылась в Служанкиных вещах. Кто она на самом деле? А вдруг она и есть моя пропавшая мать? Я понимала, что это все понарошку, но мне было ужасно одиноко; приятно воображать, как бы все было тогда. Мы бы кинулись друг другу в объятия, мы были бы так счастливы снова друг друга отыскать… Ладно, а потом что? У меня не было версий дальнейших событий, но я смутно подозревала, что в дальнейшем нас бы ждали неприятности.

Ничто в комнате ни единым намеком не выдавало, кто такая Кайлова. В шкафу аккуратным рядком висели ее красные платья, на полках лежало опрятно свернутое простенькое белое белье и ночные рубашки, похожие на мешки. У нее была вторая пара туфель, и еще одна накидка, и запасной белый чепчик. Зубная щетка с красной ручкой. И чемодан, в котором она все это принесла, но в чемодане было пусто.

17

В конце концов нашей Служанке удалось забеременеть. Я это поняла еще прежде, чем мне сказали, потому что Марфы перестали относиться к ней, как к приблудной собачонке, которую терпят из жалости, — с ней носились как с писаной торбой, кормили сытнее, на подносы с завтраком ставили цветы в вазочках. Я одержимо следила за ней и потому подмечала такие детали.

Я подслушивала, как Марфы, считая, что меня поблизости нет, возбужденно щебечут в кухне, но не всегда удавалось расслышать слова. При мне Цилла много улыбалась сама себе, а Вера понижала пронзительный голос, будто в церкви. Даже Роза смотрела самодовольно, точно съела особо вкусный апельсин, но никому не расскажет.

Что до мачехи Полы, та вся светилась. Была со мной любезнее, когда мы сталкивались, а я старалась, чтобы это происходило пореже. Я проглатывала завтрак в кухне, потом меня увозили в школу, а за ужином я побыстрее выскакивала из-за стола, ссылаясь на уроки: вышивать гладью, или вязать, или шить, или закончить рисунок, или написать акварель. Пола никогда не возражала: ей тоже неохота было меня видеть.

— Кайлова беременна, да? — как-то утром спросила я Циллу.

Спрашивала я эдак невзначай — мало ли, вдруг ошиблась? Цилла опешила:

— Ты откуда знаешь?

— Я же не слепая, — высокомерно сказала я; вероятно, мой тон ее раздосадовал. Такой у меня был возраст.

— Нам не полагается говорить, — сказала Цилла, — пока не пройдет три месяца. Первые три месяца — опасное время.

— Почему? — спросила я.

Из сопливого иллюстрированного доклада Тетки Видалы про зародышей я толком ничего не почерпнула.

— Потому что, если Нечадо, оно может… оно тогда рождается слишком рано, — сказала Цилла. — И умирает.

Про Нечад я знала: про них не учили, но перешептывались. Ходили слухи, что их очень много. Беккина Служанка родила девочку: у ребенка не было мозга. Бедная Бекка ужасно расстроилась, потому что хотела сестру. «Оно в наших молитвах. Она», — сказала тогда Цилла. От меня не ускользнуло это «оно».

Однако Пола, видимо, обмолвилась про бере-

менность Кайловой другим Женам, потому что мой престиж в школе вдруг опять взлетел под небеса. Сонамит и Бекка вновь соперничали за мое внимание, как прежде, а другие девочки слушались, будто меня окутала незримая аура.

Будущий ребенок отбрасывал отблески на весь свой ближний круг. Точно золотистая дымка окутала наш дом — и золотилась ярче день ото дня. Когда миновала трехмесячная веха, в кухне устроили междусобойчик, и Цилла испекла кекс. Сама Кайлова, судя по тому, что я мельком читала в ее лице, не столько радовалась, сколько вздыхала с облегчением.

Посреди этого затаенного торжества я витала темной тучей. Неведомый ребенок у Кайловой в животе забирал себе всю любовь — мне как будто ничего и не оставалось. Я была совсем одна. И я ревновала: у этого ребенка будет мать, а у меня никогда не будет. Даже Марфы больше не смотрели на меня — их притягивало сияние, что источал живот Кайловой. Стыдно признаваться — ревновать к младенцу! — но от правды не спрячешься.

В тот период случилось событие, которое стоило бы пропустить, хорошо бы забыть о нем вовсе, однако вскоре оно повлияло на мой скорый

выбор. Теперь-то я стала старше, повидала мир и понимаю, что не все сочтут это чем-то прямо из ряда вон, но тогда я была юная галаадская девушка, ни единожды не попадала в подобные ситуации, и для меня это была отнюдь не мелочь. Напротив: это был ужас. И стыд — когда с тобой делают постыдное, стыд остается и на тебе. Ты словно замаралась.

Начало банальное: мне нужно было к стоматологу на ежегодный осмотр. Стоматолог был отец Бекки, и звали его доктор Гроув. Лучше не бывает стоматологов, утверждала Вера: к нему ходили все высокопоставленные Командоры и их семьи. Кабинет у него был в Корпусе Благодати Здравия — там работали только врачи и стоматологи. На вывеске были нарисованы улыбчивое сердце и улыбчивый зуб.

К врачу или стоматологу со мной всегда ходила какая-нибудь Марфа, ждала меня в приемной — так приличнее, говорила Тавифа, не объясняя почему. Но Пола сказала, что пусть меня просто отвезет Хранитель, дома дел по горло, скоро все изменится, то есть родится ребенок, надо готовиться, посылать Марфу — зряшная трата времени.

Я не возражала. Более того, чувствовала себя

страшно взрослой — я же ехала одна. Всю дорогу просидела с прямой спиной позади нашего Хранителя. Потом зашла в здание и нажала в лифте кнопку с тремя зубами, и отыскала нужный этаж и нужную дверь, и посидела в приемной, разглядывая развешанные по стенам картинки с прозрачными зубами. Когда подошла моя очередь, я зашла в кабинет, как велел помощник стоматолога мистер Уильям, и села в кресло. Вошел доктор Гроув, мистер Уильям принес мою карту, вышел и закрыл дверь, а доктор Гроув посмотрел в карту и спросил, не болят ли у меня зубы, а я сказала, что нет.

Он, как обычно, повозился у меня во рту со своими ложками, и зондами, и зеркальцем. Я, как обычно, видела вблизи его глаза, увеличенные очками — голубые и покрасневшие, с веками, как у слона коленки, — и старалась не вдыхать, когда он выдыхал, поскольку дышал он на меня, как обычно, луком. Он был мужчина средних лет, без выразительных черт.

Он со щелчком содрал белые резиновые перчатки и вымыл руки в раковине у меня за спиной.

Сказал:

— Идеальные зубы. Идеальные. — А потом сказал: — Ты скоро будешь большая девочка, Агнес.

А потом он рукой накрыл мою маленькую, но растущую грудь. Было лето, и я носила летнюю школьную форму — розовую, из тонкого хлопка.

Я потрясенно застыла. Значит, это все правда — про мужчин, про их буйные, ярые страсти, и эти страсти я пробуждаю, просто сидя в стоматологическом кресле. Мне было до ужаса неловко — что тут полагается сказать? Я не знала и сделала вид, что не происходит ничего.

Доктор Гроув стоял позади меня, то есть его левая рука лежала на моей левой груди. В остальном я его не видела — только его кисть, крупную и с рыжеватыми волосками на тыльной стороне. Ладонь была горячая. Лежала у меня на груди большим горячим крабом. Я не знала, что делать. Взять его руку и убрать с груди? А его похоть не разгорится тогда еще пуще? Бежать? Тут рука стиснула мне грудь. Пальцы нащупали сосок и ущипнули. Как будто в меня вогнали канцелярскую кнопку. Я дернулась — надо срочно вылезать из этого кресла, — но рука держала крепко. Потом вдруг убралась, и у меня перед глазами возникли некоторые другие органы доктора Гроува.

— Тебе давно пора увидеть, — сказал он буднично, как говорил всегда и все. — Скоро такой же

будет внутри тебя. — А потом взял мою правую руку и положил на этот свой орган.

Вряд ли нужно рассказывать, что случилось потом. У него под рукой было полотенце. Он вытерся и запихал свой отросток обратно в штаны.

— Ну вот, — сказал он. — Умница. Я тебе ничего плохого не сделал. — И отечески похлопал меня по плечу. — Не забывай дважды в день чистить зубы и потом пользуйся зубной нитью. Мистер Уильям даст тебе новую зубную щетку.

Я вышла из кабинета; меня мутило. Мистер Уильям сидел в приемной — неприметное тридцатилетнее лицо бесстрастно. Он предъявил вазу с голубыми и розовыми зубными щетками. Мне хватило ума взять розовую.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста, — ответил мистер Уильям. — Дупла есть?

— Нет, — сказала я. — В этот раз нет.

— Это хорошо, — сказал мистер Уильям. — Не ешь сладкого — может, и не будет. Никакого кариеса. Все нормально?

— Да, — сказала я.

А где дверь?

— Ты какая-то бледная. Кое-кто боится стоматологов.

Это он что — ухмыляется? Знает, что сейчас было?

— Я не бледная, — глупо заупрямилась я: самой-то мне откуда знать, что я не бледная?

Я отыскала дверную ручку и выскочила в коридор, добралась до лифта, нажала кнопку «вниз».

И что, у стоматолога теперь всякий раз будет такое? Я не могла просто заявить, что больше не хочу к доктору Гроуву, — пришлось бы объяснять, почему, а я знала, что, если расскажу, быть беде. Тетки в школе учили, что, если какой мужчина неприлично нас потрогает, надо сообщить руководству, то есть Теткам, но нам хватало мозгов соображать, что подымать шум не стоит, особенно если это уважаемый мужчина — вот доктор Гроув, например. И вдобавок, что будет с Беккой, если я расскажу про ее отца? Это унизительно, это убийственно. Это страшное предательство.

Иногда девочки рассказывали. Одна утверждала, что их Хранитель обеими руками погладил ее по бедрам. Другая говорила, что Экономусорщик расстегнул перед ней штаны. Первую высекли сзади по ногам за вранье, второй объяснили, что воспитанные девочки не замечают мелких мужских чудачеств, а смотрят в другую сторону, и все.

Но я не могла посмотреть в другую сторону. Некуда было смотреть.

— Я не буду ужинать, — сказала я Цилле в кухне.

Цилла пронзила меня взглядом:

— У стоматолога все прошло нормально, лапушка? Дупла есть?

— Нет, — ответила я. Выдавила жалкую улыбку. — У меня идеальные зубы.

— Заболеваешь?

— Может, простудилась, — сказала я. — Мне надо полежать.

Цилла приготовила горячего питья с лимоном и медом, принесла мне в спальню на подносе.

— Надо было съездить с тобой, — сказала она. — Но он же лучший стоматолог. Все в один голос говорят.

Она знала. Или подозревала. Предостерегала меня: мол, ничего не рассказывай. Они так и общались — шифром. Точнее, пожалуй, сказать: мы все так общались. И Пола тоже знала? Предвидела, что со мной случится такое? И поэтому послала меня к доктору Гроуву одну?

«Наверняка, — решила я. — Наверняка Пола нарочно подстроила, чтоб мне щипали грудь, совали эту грязную штуку. Хотела, чтоб меня

осквернили. *Осквернили:* библейское слово. А Пола, должно быть, злодейски хохочет — вот какую жестокую шутку она со мной сыграла; ясно же — она бы сочла, что это шутка».

После этого я бросила молиться о прощении за то, что ненавижу Полу. Правильно я делала, что ее ненавидела. Я готова была ждать от нее худшего — и ждала.

18

Шли месяцы; моя жизнь — на цыпочках, ухом под дверями — продолжалась. Я работала над собой: старалась видеть, оставаясь невидимой, и слышать, оставаясь неслышимой. В моей жизни появились щели в дверных косяках и прикрытых дверях, посты перехвата в коридорах и на лестницах, истончения в стенах. В основном до меня долетали обрывки или даже паузы, но я научилась складывать из них целое и заполнять фразы непроизнесенным.

Наша Служанка Кайлова все росла и росла — ну, живот у нее рос, — и чем больше она росла, тем сильнее ликовали в доме. То есть ликовали женщины. Про Командора Кайла не поймешь. У него и так-то лицо всегда было одеревенелое, а мужчинам вообще не полагалось выражать

эмоции — плакать или даже громко смеяться; правда, когда другие Командоры приходили к Командору Кайлу на ужин с вином и праздничными десертами, которые так прекрасно пекла Цилла, со взбитыми сливками — если удавалось достать, — смех из-за закрытых дверей столовой иногда все-таки доносился. Но, я думаю, даже Командор Кайл хотя бы умеренно радовался разбуханию Кайловой.

Порой я гадала, как относился ко мне мой настоящий отец. Про мать я кое-что понимала — она бежала вместе со мной, Тетки сделали ее Служанкой, — а про отца не знала решительно ничего. Должен же быть у меня отец? У всех есть. Вы, наверное, думаете, что я заполняла пустоту идеальными картинками, но нет: пустота пустовала.

Кайлова теперь была звезда. Жены под разными предлогами засылали к нам Служанок — одолжить яйцо, вернуть миску, но на самом деле только спросить, как дела у Кайловой. Служанкам разрешали войти в дом; потом вызывали Кайлову, чтоб они клали руки на ее круглый живот и чувствовали, как брыкается ребенок. Поразительные лица были у них во время этого ритуала. Изумление, словно узрели чудо. На-

дежда, потому что, если получилось у Кайловой, у них тоже получится. Зависть, потому что у них пока еще не получилось. Жадность, потому что им очень хотелось. Отчаяние, потому что с ними, быть может, такого никогда не произойдет. Я тогда не знала, что бывает со Служанкой, если ее сочтут фертильной, а она ни в одном доме не зачнет, но уже догадывалась, что ничего хорошего.

Пола закатывала другим Женам многочисленные чаепития. Жены поздравляли ее, и восторгались, и завидовали, а она благосклонно улыбалась, и скромно принимала поздравления, и говорила, что все дары нисходят свыше[27], а затем вызывала Кайлову в гостиную, чтобы Жены увидели своими глазами, и поахали, и посуетились. Они даже иногда называли Кайлову «милочка», чего не делали с обычной Служанкой, у которой плоский живот. Потом они спрашивали Полу, как она назовет своего ребенка.

Ее ребенка. А не Кайловой. Я размышляла, каково Кайловой. Но никого не занимало, что у нее в голове, — всех интересовал только ее живот. Они гладили ее по животу, порой даже прижимались к нему ухом, а я стояла за открытой дверью

[27] Сноски: 27

«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше» (Иак. 1:17).

гостиной и подглядывала в щелочку, чтоб видеть ее лицо. Видела, как она старается застыть лицом, точно мраморная, но ей не всегда удавалось. С приходом к нам лицо у нее округлилось — чуть ли не опухло, — и мне чудилось, что это из-за слез, которые она не дозволяет себе выплакать. Она плачет тайком? Я шныряла под ее закрытой дверью, навострив уши, но ни разу не услышала.

Шныряя у нее под дверью, я злилась. У меня когда-то была мать, и меня отняли у этой матери, отдали Тавифе, как вот этого ребенка отнимут у Кайловой и отдадут Поле. Так оно делается, так оно устроено, так должно быть во имя благого будущего Галаада: немногие приносят жертвы ради множеств. Тетки считали так, Тетки учили этому нас, и все равно я понимала: здесь что-то не то.

Но, хотя Тавифа и приняла краденого ребенка, я не могла ее упрекнуть. Не Тавифа сделала мир таким, зато она была мне матерью, и я ее любила, и она любила меня. Я любила ее по-прежнему — быть может, и она по-прежнему меня любила. Кто знает? Быть может, серебристый дух ее остался подле меня, витал надо мною, зорко за мною приглядывал. Приятная мысль.

Необходимая.

В конце концов все-таки наступил День Рож-

дения. Я не пошла в школу, потому что у меня начались первые месячные и ужасно болел живот. Цилла сделала мне грелку, и натерла болеутоляющим бальзамом, и выдала чашку обезболивающего чаю, и я лежала калачиком, жалея себя, и тут по улице прокатилась сирена Родомобиля. Я выползла из постели и подошла к окну: да, красный фургон уже заехал к нам в ворота, и из него вылезали Служанки — десяток, а то и больше. Лиц не видно, но по тому, как они двигались — быстрее обычного, — было ясно, что они взволнованы.

Потом стали подъезжать машины Жен, и Жены в одинаковых голубых накидках тоже побежали к нам. Появились еще две машины Теток, и вышли Тетки. Я их не знала. Обе пожилые, и у одной был черный саквояж, а на саквояже красные крылышки, и заплетенная змея, и луна, а значит, это саквояж Неотложной Медицинской Помощи, женского отделения. Некоторых Теток обучали неотложной помощи и акушерству, хотя настоящими врачами они быть не могли.

Видеть Рождение мне не полагалось. Девочкам и девушкам брачного возраста — какой стала я, потому что начались месячные, — не разрешали смотреть, знать, что происходит, потому что

подобные зрелища и звуки — это не для нас, они могут нам навредить, могут отвратить нас или напугать. Это густое красное знание — оно для замужних женщин и Служанок, и еще, конечно, для Теток, чтоб они потом обучали будущих Теток-акушерок. Но, естественно, я отмахнулась от боли в животе, надела халат и тапочки и прокралась до середины лестницы на третий этаж, где меня никто не увидит.

Внизу в гостиной Жены пили чай и ждали знаменательной минуты. Я не понимала, какой именно минуты, но слышала, как они там смеются и щебечут. Помимо чая, они пили шампанское, о чем я узнала позднее, наткнувшись в кухне на бутылки и пустые бокалы.

Служанки и прикомандированные Тетки дежурили с Кайловой. Она лежала не у себя в комнате — туда бы все не влезли, — а в господской спальне на втором этаже. Я слышала стон, как будто животный, и как распевают Служанки: «Тужься, тужься, тужься, дыши, дыши, дыши», — а временами измученный голос, которого я не узнавала — должно быть, Кайловой, — говорил: «О господи, о господи», — низко и сумрачно, как из колодца. Ужас. Я сидела на лестнице, обхватив себя руками, и меня уже трясло. Что творится?

Что за пытки, что за истязания? Что с ней делают?

Звуки эти продолжались вроде бы долго. Я слышала, как по коридору бегают — Марфы приносят, что там у них попросили, и что-то уносят. Позже, вечером, я подглядела в прачечной — оказалось, уносили они помимо прочего окровавленные простыни и полотенца. Потом в коридор вышла одна Тетка и загавкала в свой Комптакт:

— Сию минуту! Срочно! У нее упало давление! Большая кровопотеря!

Раздался вопль, потом еще. Одна Тетка перегнулась через перила и заорала Женам вниз:

— А ну быстро сюда!

Тетки обычно так не орали. Шаги толпой взбежали по лестнице, и кто-то сказал:

— Ой, Пола!

Потом завизжала сирена — на сей раз другая. Я заглянула в коридор — никого — и кинулась к себе в комнату глянуть из окна. Черная машина, красные крылышки и змея, но с длинным золотым треугольником: то есть настоящий врач. Из машины он прямо-таки выпрыгнул, грохнул дверцей и взлетел по ступеням.

Я расслышала, что он говорил: «*Вот же говно! Вот же говно! Вот же говно Господне!*»

Это опьяняло само по себе. Я в жизни не слыхала, чтобы мужчины так выражались.

Родился мальчик — у Полы и Командора Кайла появился здоровый сын. Назвали Марком. А Кайлова умерла.

Когда Жены, и Служанки, и вообще все разошлись, я сидела с Марфами в кухне. Марфы подъедали остатки праздничной трапезы: сэндвичи с обрезанными корками, кекс, настоящий кофе. Меня тоже угощали, но я сказала, что не хочу есть. Они спросили, как мой живот; завтра отпустит, сказали они, а со временем будет не так тяжко, да и привыкаешь. Но я лишилась аппетита не поэтому.

Придется кормилицу нанимать, говорили они: кого-нибудь из Служанок, которые потеряли детей. Или можно детское питание, хотя всем известно, что детское питание хуже. Но крохотулечка выживет.

— Бедняжка, — сказала Цилла. — Столько пережить — и все впустую.

— Зато ребенка спасли, — сказала Вера.

— Либо ее, либо его, — сказала Роза. — Ее же резать пришлось.

— Я пошла спать, — сказала я.

Кайлову из дома еще не увезли. Она лежала у себя в комнате, завернутая в простыню, — это выяснилось, когда я тихонько прокралась к ней по черной лестнице.

Я открыла ей лицо. Матово-белое — в ней, наверное, крови совсем не осталось. Брови светлые, мягкие и тонкие, изогнутые, будто она удивилась. Глаза были открыты, смотрели на меня. Возможно, она видела меня впервые. Я поцеловала ее в лоб.

— Я никогда тебя не забуду, — сказала я ей. — Остальные да, а я обещаю, что нет.

Пафосно, сама знаю: я же тогда была, в общем-то, ребенок. Но, как видите, слово я сдержала: я не забыла ее. Ее, Кайлову, безымянную, похороненную под квадратным камушком, все равно что пустым. Спустя годы я отыскала его на кладбище Служанок.

А когда появилась возможность, я отыскала ее в Родословной из Генеалогического Архива. Я узнала ее изначальное имя. Смысла никакого, я понимаю, — разве только для тех, кто любил ее, кого с нею разлучили. Но для меня это было как найти отпечаток ладони в пещере — знак, послание. *Я была. Я существовала. Я была настоящая.*

Как ее звали? Еще бы вы не хотели узнать.

Кристал. Так я ее и помню. Помню, что она была Кристал.

Кристал устроили скромные похороны. Мне разрешили прийти: у меня были первые месячные, я официально стала женщиной. Служанкам, которые присутствовали при Рождении, тоже разрешили прийти, и всем нашим домочадцам. Даже Командор Кайл явился — в знак уважения.

Мы спели два гимна — «Вознес смиренных»[28] и «Благословен плод»[29], — а легендарная Тетка Лидия произнесла речь. Я взирала на нее в изумлении, словно предо мною ожил ее портрет: она все-таки была взаправду живая. Впрочем, старше, чем на портрете, и не такая страшная.

Она сказала, что Служанка Кайлова, наша сестра в служении, принесла величайшую жертву и умерла с честью, явив женскую доблесть, и искупила свое греховное прошлое, и стала окрыляющим примером для всех прочих Служанок.

На этих словах голос у Тетки Лидии чуточку дрогнул. Пола и Командор Кайл, с лицами торже-

---

[28] Сноски: 28

«…Низложил сильных с престолов, и вознес смиренных» (Лк. 1:52).

[29] Сноски: 29

«Благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих волов, и плод овец твоих» (Втор. 28:4).

ственными и благочестивыми, стояли и время от времени кивали, а некоторые Служанки плакали.

Я не плакала. Я уже наплакалась. Правда была такова: они разрезали Кристал, чтобы достать ребенка, и тем самым ее убили. Это был не ее выбор. Она не вызывалась умирать с честью, являть женскую доблесть и становиться окрыляющим примером, но об этом никто ни словом не обмолвился.

19

Положение мое в школе ухудшилось небывало. Я стала табу: наша Служанка умерла, а у девочек считалось, что это дурное знамение. Они вообще были суеверные. В Школе Видалы цвели две религии: официальная, которую преподавали Тетки, где Бог и особые женские поприща, и неофициальная, которая передавалась от девочки к девочке в играх и песенках.

У мелких были считалочки, например: *Изнаночных две, лицевая одна, Вот тебе муж, теперь ты Жена; Две лицевых, один накид, Вот тебе новый, а старый убит*. Для маленьких девочек мужья — не настоящие люди. Мужья — мебель, поэтому их можно заменить, как в кукольном

доме моего детства.

Самая популярная песенная игра у маленьких называлась «Повешение». Песенка была такая:

Кто на Стене висит и гниет? Эники-беники-рэс!

На Стене Служанка — как имя ее? Эники-беники-рэс!

Раньше было (тут называлось имя кого-нибудь из нас), *а теперь уже нет. Эники-беники-рэс!*

В животе был ребенок, но это секрет (тут мы хлопали себя по плоским животикам). *Эники-беники-рэс!*

Или две девочки сцепляли и поднимали руки, а остальные пробирались в эти воротца друг за другом, и все распевали: *Один — убили, Два — целовали, Три — родили, Четыре — пропали, Пять — это жизнь, А шесть — это тлен, А семь — ты в красном, И тебя взяли в плен!*

Седьмую девочку ловили двое водящих, ходили с ней по кругу, а потом хлопали по голове. Она становилась «мертвая» и выбирала следующих двух палачей. Я понимаю, звучит зловеще и легкомысленно разом, однако дети сочиняют игры из всего, что попадется под руку.

Тетки, вероятно, считали, что в этой игре со-

держится благотворная доза предостережения и угрозы. Но почему «Один — убили»? Почему убийство — прежде поцелуя? Почему не после, это же логичнее? Я с тех пор много об этом думала, но меня так и не осенило.

В школе нам разрешались и другие игры. Мы играли в «Змеи и лестницы»: если попадешь на Молитву, поднимаешься по лестнице на Древо Жизни, а если на Грех — спускаешься по сатанинской змее. Нам давали раскраски, и мы раскрашивали вывески на магазинах — «Всякая плоть»[30], «Хлеба и Рыбы»[31] — и так их заучивали. Еще мы раскрашивали одежду на людях — Жен голубым, Эконожен в полоску, Служанок красным. Бекка один раз получила взбучку от Тетки Видалы за то, что раскрасила Служанку в лиловый.

О поверьях старшие девочки не пели, а шептались — и тут уже никаких игр. К таким вещам относились серьезно. Одно поверье было такое:

Если Служанка умрет в доме твоем –

---

[30] Сноски: 30

«…И узрит всякая плоть спасение Божие» (Лк. 3:6). См. также Быт. 6:12–13, 17, 19; Быт. 7:15–16, 21; Ис. 40:5–6; Иер. 45:5; Иез. 21:4–5 и т. д.

[31] Сноски: 31

«Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и две рыбы разделил на всех» (Мк. 6:41).

Ты виновата в смерти ее.
Если ребенок Служанки умрет –
Будешь плакать все дни напролет.
Если Служанка в родах умрет –
Тогда тебя проклятие ждет.

Кайлова умерла при Рождении, и среди девочек я считалась проклятой; однако, поскольку младенец Марк был жив-здоров и мой брат, считалось, что я при этом благословенна необычайно. Девочки не дразнили меня в лицо, однако избегали. Олдама, завидев меня, пристально вперялась в потолок; Бекка отворачивалась, но подсовывала мне что-нибудь из своего обеда, когда никто не смотрел. Сонамит от меня отдалилась — то ли от страха из-за смерти, то ли от зависти из-за Рождения, то ли от того и другого пополам.

Дома все переключились на младенца, который требовал этого настоятельно. Голосистое было дитя. Пола ценила престиж обладания ребенком — мало того, ребенком мужского пола, — но в душе не была склонна к материнству. Маленького Марка приносили и предъявляли ее подругам, но этих кратких интерлюдий Поле хватало надолго, и вскоре Марка отдавали кормилице — пухлой скорбной Служанке, в недавнем

прошлом Такеровой, а теперь, разумеется, Кайловой.

В промежутках между кормлениями, сном и экспонированием Марк проводил время в кухне, где стал любимцем всех Марф. Они обожали его купать и ахали над его крохотными пальчиками, крохотными ножками, крохотными ямочками и крохотным членом, из которого он пускал воистину ошеломительные фонтаны мочи. Ах ты, наш маленький силач!

Мне полагалось наряду с прочими поклоняться ребенку, а когда я не выказывала особого рвения, мне говорили, что хватит дуться, скоро у меня и самой будет ребятенок, тогда я буду счастлива. В чем я сильно сомневалась — не столько в ребенке, сколько в счастье. Я как можно чаще укрывалась у себя, подальше от кухонного веселья, и печалилась о несправедливости устройства вселенной.

VII
Стадион

Автограф из Ардуа-холла

20

Крокусы растаяли, нарциссы усохли и стали как бумажки, тюльпаны исполнили свой завлекательный танец, вывернув наизнанку, а затем и вовсе сбросив лепестковые юбки. Расцвели травы, взращиваемые на клумбах Ардуа-холла Теткой Клевер и ее сборищем полувегетарианских любительниц махать лопатами. *Нет, Тетка Лидия, вы непременно выпейте мятного чаю — вы не представляете, как прекрасно он налаживает пищеварение*. В мое пищеварение нос не суйте, хочется рявкнуть мне; но они ведь хотят как лучше, напоминаю я себе затем. Сойдет за убедительное оправдание, когда кровь запятнает ковер?

Я тоже хотела как лучше, порой беззвучно бубню я себе под нос. Я хотела как лучше — ну, за неимением наилучшего, что совсем другое дело. И все равно: представим только, насколько было бы хуже, если б не я.

Херня, порой отвечаю я себе. Порой, впрочем, глажу себя по головке. Кто сказал, что последовательность — великая добродетель?

Что у нас там дальше в вальсе цветов? Ландыш. Такой надежный. Такой кружевной. Такой ароматный. Еще немного — и расчихается моя закоренелая супостатка Тетка Видала. Может, у нее опухнут глаза — тогда ей затруднительно станет следить за мной краем любого из двух глаз в надежде засечь некую оплошность, некое упущение, некую слабину в теологической корректности, что пригодятся, дабы споспешествовать моему падению.

Раскатала губы, шепчу я ей. Мой талант опережать тебя на один прыжок — предмет моей гордости. Почему, впрочем, на один? Больше одного. Свали меня — и я обрушу храм[32].

У Галаада, мой читатель, застарелая беда: неловко даже сказать, до чего высок уровень эмиграции из этого Царства Божия на Земле. Утечки наших Служанок, к примеру: от нас утекли слишком многие. Как свидетельствует анализ,

---

[32] Сноски: 32

«И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей» (Суд. 16:30).

проведенный Командором Джаддом, едва мы обнаруживаем и блокируем один путь отхода, мигом открывается другой.

Наши буферные зоны чересчур проницаемы. Наиболее дикие участки Мэна и Вермонта — лиминальные пространства, не вполне под нашим контролем, и местные, хотя и не откровенно враждебны, предрасположены, однако, к ересям. Вдобавок они — и это мне известно по личному опыту — плотно взаимосвязаны системой браков, напоминающей вязаное полотно работы сюрреалиста, а если их разозлить, имеют склонность к вендеттам. Посему затруднительно принудить их друг друга предавать. Мы уже некоторое время подозреваем, что из их среды берутся проводники, действующие либо из желания перехитрить Галаад, либо из простейшей алчности, поскольку известно, что «Мой день» платит. Один вермонтец, угодивший к нам в руки, говорил, что у них в ходу такая поговорка: «Мой день — расчетный день».

Холмы и болота, петляющие реки, длинные каменистые заливы, что выводят в море на полной воде, — все способствует нелегальщине. В подыстории региона были алкогольные контрабандисты, сигаретные спекулянты, наркоторговцы,

противозаконные барыги всевозможных сортов. Границы для них не значили ничего: они проскальзывали внутрь и выскальзывали наружу, они всем показывали нос, и из рук в руки переходили деньги.

Один мой дядька занимался чем-то подобным. Такая уж у нас была семейка — жили в трейлерах, глумились над полицией, якшались с оборотной стороной системы уголовного правосудия; отец этим гордился. А вот мною нет: я была девчонка, и, что хуже, больно умная девчонка. Что со мной было делать? Только выбивать из меня гонор — кулаками, сапогами или чем придется. Отцу перерезали горло еще до триумфа Галаада — иначе я бы сама это ему устроила. Оставим, впрочем, сии преданья старины.

Совсем недавно Тетка Элизабет, Тетка Хелена и Тетка Видала пришли ко мне с детальным планом закручивания гаек. Назывался так: *Операция «Тупик». План решения проблемы женской эмиграции на северо-восточных прибрежных территориях*. Описание шагов, необходимых для перехвата беглых Служанок, направляющихся в Канаду, и призыв к объявлению чрезвычайного положения, плюс удвоение числа поисковых собак и введение более эффективной системы

допросов. В последнем пункте я различила руку Тетки Видалы: она тайком печалится, что в нашем списке телесных наказаний не значатся вырывание ногтей и потрошение.

— Молодцы, — сказала я. — Очень обстоятельная работа. Я прочту с предельным вниманием, а пока хочу заверить вас, что Командор Джадд разделяет ваше беспокойство и уже принимает меры, хотя я пока не вправе поделиться с вами подробностями.

— Хвала, — сказала на это Тетка Элизабет, возрадовавшись, похоже, не весьма.

— Все это предприятие с вечными побегами надо раздавить на корню раз и навсегда, — возгласила Тетка Хелена, покосившись на Тетку Видалу в надежде на поддержку. И для наглядности топнула ногой — больно, должно быть, у нее же лодыжкам кранты: в юности она угробила себе ноги пятидюймовыми шпильками «Бланик». За одни эти туфли на нее бы сейчас донесли.

— Безусловно, — учтиво ответствовала я. — И это действительно предприятие — по крайней мере отчасти.

— Надо зачистить всю территорию! — сказала Тетка Элизабет. — Они все там неразлейвода с канадским «Моим днем».

— Командор Джадд тоже придерживается такого мнения, — сказала я.

— Как и все мы, эти женщины обязаны выполнять свой долг согласно Замыслу Божию, — сказала Тетка Видала. — Жизнь вообще не сахар.

План свой они сочинили без моей санкции — а это ослушание, — но я сочла, что обязана передать его Командору Джадду, особенно ввиду того, что, если не передам, он точно об этом услышит и отметит мое своеволие.

Сегодня днем все три навестили меня снова. В немалом воодушевлении: рейды на севере штата Нью-Йорк принесли многообразный улов — семерых квакеров, четверых вернувшихся к земле, двух канадских охотников на лосей, по совместительству проводников, и одного контрабандиста лимонов; каждый — возможное звено в цепи Подпольной Женской Дороги. Выжав любую дополнительную информацию, которой они могут располагать, от них избавятся, если они не обладают ценностью: обмен заложниками между «Моим днем» и Галаадом — не то чтобы неслыханное дело.

Я, разумеется, была в курсе происходящего.

— Мои поздравления, — сказала я. — Вы можете гордиться собой, хотя бы за кулисами. Принимать

поздравления на сцену выйдет, естественно, Командор Джадд.

— Естественно, — сказала Тетка Видала.

— Мы счастливы служить, — сказала Тетка Хелена.

— У меня, в свою очередь, есть новости для вас, прямиком от Командора Джадда. Однако это не должно выйти за пределы нашего круга.

Они подались ко мне — мы все обожаем секреты.

— Наши агенты в Канаде убрали двух крупных оперативников «Моего дня».

— Пред Его Очами, — сказала Тетка Видала.

— Наши Жемчужные Девы сыграли решающую роль, — прибавила я.

— Хвала! — сказала Тетка Хелена.

— Одна из них погибла, — сказала я. — Тетка Адрианна.

— Что с ней случилось? — спросила Тетка Элизабет.

— Ждем уточнений.

— Помолимся о ее душе, — сказала Тетка Элизабет. — А Тетка Салли?

— Насколько я понимаю, она жива и здорова.

— Хвала.

— Это точно, — сказала я. — Но есть и плохие

новости: мы обнаружили посягательство на нашу безопасность. По всей видимости, этим двум агентам «Моего дня» помогали предатели из самого Галаада. Кто-то передавал сведения отсюда туда — сообщал о наших спецоперациях и даже о наших агентах и добровольцах в Канаде.

— Кто это мог быть? — спросила Тетка Видала. — Это же отступничество!

— Очи выясняют, — ответила я. — И если вы заметите что-нибудь подозрительное — о чем бы ни шла речь, о ком бы речь ни шла, даже о тех, кто в Ардуа-холле, — непременно дайте мне знать.

Повисла пауза — они переглядывались. *Те, кто в Ардуа-холле,* — это значит и они сами.

— Да быть не может, — сказала Тетка Хелена. — Вы подумайте, каким позором это нас покроет!

— Ардуа-холл безупречен, — сказала Тетка Элизабет.

— Но коварно сердце человеческое[33], — сказала Тетка Видала.

— Держим ухо востро, — сказала я. — А между тем все молодцы. Сообщайте, как у вас дела с этими квакерами и так далее.

---

[33] Сноски: 33

Ср.: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?» (Иер. 17:9).

Я записываю, я записываю; однако вотще, нередко страшусь я. Черная тушь на исходе — скоро перейду на синюю. Едва ли сложно будет реквизировать флакон в Школе Видалы: они там учат рисованию. Мы, Тетки, прежде раздобывали шариковые ручки на сером рынке, но этому конец: нашего поставщика из Нью-Брансуика арестовали — слишком часто шмыгал туда-сюда под радарами.

Но я рассказывала про фургон с зачерненными окнами… а, нет, пролистала назад и вижу, что мы уже прибыли на стадион.

На поле нас с Анитой тычками отогнали вправо. Мы влились в стадо других женщин — я это называю стадом, потому что загоняли нас, как стадо. Все сборище сцедили в сектор трибун, обведенный желтой лентой, как на месте преступления. Было нас где-то сорок. Рассадив всех, наручники с нас сняли. Я так поняла, они нужны были следующим.

Мы с Анитой сидели рядом. Слева от меня сидела какая-то женщина — я ее не знала, она сказала, что адвокат; справа от Аниты тоже сидела адвокат. Позади нас — четыре судьи; впереди — еще четыре. Все поголовно — судьи или адвокаты.

— По профессиям, наверное, сортируют, — ска-

зала Анита.

И действительно. В миг, когда охранники отвлеклись, женщине в конце нашего ряда удалось через проход поговорить с женщиной из соседнего сектора. Там сидели сплошь врачи.

Мы не обедали, и пообедать нам не дали. Еще многие часы фургоны прибывали и выгружали упирающихся пассажирок.

Молодыми никого из них не назовешь. Квалифицированные специалистки средних лет, в костюмах и с хорошими стрижками. Но без сумок: сумки взять не позволили. Так что ни расчесок, ни губной помады, ни зеркалец, ни пакетиков с леденцами от кашля, ни одноразовых салфеток. Удивительно, до чего голой себя чувствуешь, когда всего этого нет. То есть чувствовала прежде.

Солнце жарило, а у нас ни шляп, ни крема — я так и видела, какой пузырчатой краснотой покроюсь к закату. Хотя бы спинки у скамей были. Если б мы пришли туда с развлекательными целями, вполне удобные были бы скамьи. Но развлечений нам не предоставили, а встать и потянуться нельзя — любая попытка вызывала крики. Если сидеть без движения, неизбежно утомишься, и заноют мышцы ягодиц, и спины,

и бедер. Боль несерьезная, но все же боль.

Чтобы время шло быстрее, я распекала себя. Дура, дура, дура: верила в эту впитанную на юрфаке галиматью про жизнь, свободу, демократию и права человека. Ах, это незыблемые ценности, мы будем защищать их во веки веков. Я полагалась на это, точно на амулет какой.

Ты же гордишься своим трезвомыслием, сказала я себе, — ну так посмотри в лицо фактам. Случился переворот — здесь, в Соединенных Штатах, как уже бывало раньше во многих других странах. За любой насильственной сменой власти всякий раз следует уничтожение оппозиции. Оппозицию возглавляют образованные, так что первыми ликвидируют их. Ты судья — хочешь не хочешь, ты у нас образованная. Ты им тут не нужна.

Я всю свою молодость делала то, на что, уверяли все, мне и надеяться нечего. В нашей семье никто не учился в колледже, меня презирали за то, что пошла, а я училась, добиваясь стипендий и ночами вкалывая на бросовых работах. Это закаляет. Развивает упорство. Уж я постараюсь, чтоб меня не ликвидировали. Но вузовский лоск мне сейчас не поможет. Надо вновь обернуться упертой малолетней голытьбой, целеустремленной

работягой, мозговитой отличницей, стратегом, карьеристкой, что за волосы вытянула меня на высокий насест, откуда я только что пала. Надо выжать из ситуации максимум — вот только выясню, какова же у нас ситуация.

Меня и раньше загоняли в угол. Я вышла победительницей. Вот какую байку я себе излагала.

Сильно за полдень возникли бутылки с водой, которые мужчины разносили тройками: один таскал бутылки, другой раздавал, а третий целил в нас из автомата — мало ли, вдруг мы запрыгаем, замечемся, защелкаем челюстями, раз уж мы все тут что ни на есть крокодилицы.

— Нельзя нас здесь держать! — сказала одна женщина. — Мы ничего плохого не сделали!

— Нам запрещено с вами разговаривать, — сказал раздатчик бутылок.

В туалет никого не пускали. Появились струйки мочи, побежали по трибунам на поле. Такое обращение должно нас унизить, сломить наше сопротивление, размышляла я, но сопротивление чему? Мы не шпионки, мы не утаиваем никакой секретной информации, мы не солдаты вражеской армии. Или да? Если заглянуть глубоко в глаза кому-нибудь из этих мужчин, на меня в ответ посмотрит человек? А если нет — тогда

кто?

Я пыталась поставить себя на место тех, кто нас сюда загнал. О чем они думают? Чего добиваются? Как именно рассчитывают преуспеть?

В четыре часа дня нас развлекли зрелищем. На середину поля вывели двадцать женщин — разной комплекции, разного возраста, но все в деловых костюмах. Я говорю «вывели», потому что глаза им закрыли повязками. Руки сковали спереди наручниками. Расставили всех в два ряда, десять на десять. Первому ряду велели опуститься на колени, точно для групповой фотографии.

Мужчина в черном мундире разглагольствовал в микрофон о том, как согрешившие всегда зримы Божественному Оку и испытают наказание за грех свой, которое постигнет их[34]. И согласными подпевками, как вибрацией, ему отвечали охранники и помощники. «М-м-м-м-м-м…» — как будто двигатель заводится.

— Господь превозможет, — подытожил оратор.

Хор баритонов ответил ему «аминями». Затем мужчины, сопровождавшие этих женщин, под-

[34] Сноски: 34

«…Если же не сделаете так, то согрешите пред Господом, и испытаете наказание за грех ваш, которое постигнет вас» (Числ. 32:23).

няли винтовки и всех расстреляли. Целились тщательно: женщины рухнули.

Все мы, сидевшие на трибунах, откликнулись общим стоном. До меня донеслись вскрики и всхлипы. Некоторые женщины повскакали, завопили — слов я не разобрала, — но их быстренько приструнили прикладами по затылкам. Больше бить не пришлось: одного удара хватало. Целились, опять же, тщательно: мужчины были обученные.

Смотрите, но молчите — смысл до нас донесли внятно. Но почему? Если планируют поубивать всех, для чего этот спектакль?

Закат принес сэндвичи, по одному в руки. Мне достался с яичным салатом. К стыду своему, должна признаться, что смачно его сожрала. Откуда-то издали пару раз слышалось, как кто-то давится, но, если учесть обстоятельства, таких было на удивление мало.

Затем нам велели встать. После чего вывели нас гуськом, ряд за рядом — в зловещем безмолвии и замечательном порядке, — и распределили по раздевалкам и коридорам у раздевалок. Где нам и предстояло заночевать.

Никаких удобств, ни матрасов, ни подушек, но по крайней мере были туалеты, пусть уже

и загаженные. Никакая охрана не мешала нам переговариваться, хотя с чего мы решили, будто никто не подслушивает, для меня сейчас загадка. К тому времени у всех в головах была каша.

Свет не погасили — явили милосердие.

Нет, не милосердие. Свет не погасили ради удобства охраны. Милосердием на стадионе и не пахло.

Viii
«Карнарвон»

Протокол свидетельских показаний 369Б

21

Я сидела у Ады в машине и пыталась переварить то, что она сказала. Мелани и Нил. Погибли при взрыве. Перед «Борзой модницей». Не может такого быть.

— Куда мы? — спросила я.

Вопрос беззубый — совсем нормальный; но какая уж тут норма? Почему я не ору?

— Я думаю, — сказала Ада.

Она глянула в зеркало заднего вида и свернула на подъездную дорожку. На доме была вывеска — «РЕМОНТ АЛЬТЕРНА». Все дома в нашем районе вечно ремонтировались; потом кто-нибудь их покупал и ремонтировал заново, что доводило Нила и Мелани до белого каления. «Вот зачем это — транжирить деньги, потрошить нормальные дома? — говорил Нил. — Это задирает цены и вытесняет бедных людей с рынка».

— Нам сюда?

Я вдруг страшно устала. Хорошо бы зайти в дом и прилечь.

— Не-а, — сказала Ада.

Из кожаного рюкзака она достала небольшой гаечный ключ и расколошматила свой телефон. Я посмотрела, как он треснул и раскололся: разбился корпус, погнулось и распалось металлическое нутро.

— А телефон зачем ломать? — спросила я.

— Всегда лучше перестраховаться. — Обломки она сложила в пакетик. — Подожди, пока проедет вон та машина, потом сходи и выброси вон в ту мусорку.

Наркодилеры так делали — у них тоже были одноразовые мобильники. Я уже пожалела, что с ней поехала. Ада была не просто суровая — страшная.

— Спасибо, что подвезла, — сказала я, — но мне надо обратно в школу. Расскажу им про взрыв, они объяснят, что делать.

— У тебя шок. Неудивительно, — ответила она.

— Со мной все нормально, — сказала я, хотя что уж тут нормального? — Я выйду прямо здесь.

— Как хочешь, — сказала она, — но в школе тебя сдадут соцслужбе, а эти ребята отправят тебя в опеку, и кто его знает, как там все повернется?

Об этом я не подумала.

— Выбросишь мой телефон, — сказала она, — можешь вернуться в машину, а можешь уйти куда глаза глядят. Выбирай. Только домой не ходи. Я не командую — просто советую.

Я сделала, как она просила. Она мне описала варианты — из чего мне тут выбирать? В машине я захлюпала носом — Ада протянула мне платочек, но в остальном участия не проявила. Развернулась и поехала на юг. Водила она быстро и ловко.

— Я знаю, что ты мне не доверяешь, — спустя время сказала она, — но доверять придется. Может быть, люди, которые подложили бомбу в машину, сейчас ищут тебя. Я не утверждаю, я не знаю наверняка, но ты под угрозой.

Под угрозой — так говорили в новостях, когда находили детей, избитых до смерти, невзирая на многочисленные сообщения от соседей, или женщин, которые поехали стопом, потому что не пришел автобус, а потом чьи-нибудь собаки обнаруживали их в неглубоких могилах со сломанными шеями. У меня стучали зубы, хотя воздух в машине был жаркий и липкий.

Не то чтобы я поверила Аде, но и не сказать, что не поверила.

— Можно в полицию, — робко предложила я.

— От них толку чуть.

Про бестолковость полиции я в своей жизни наслушалась — Нил и Мелани высказывали такую позицию регулярно. Ада включила радио — успокоительную музыку, какие-то арфы.

— Пока ни о чем не думай, — сказала Ада.

— А ты полицейская? — спросила я.

— Не-а.

— А кто?

— Меньше слов — больше дела, — ответила она.

Остановились мы перед большим квадратным зданием. На вывеске значилось: ДОМ СОБРАНИЙ и РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ (КВАКЕРЫ). Ада припарковалась позади серого фургона.

— А вот и наша следующая лошадка, — сказала она.

Мы зашли в боковую дверь. Ада кивнула человеку за столиком.

— Элайджа, — сказала она. — Мы по делам.

Я на него толком и не посмотрела. Следом за Адой вошла в сам Дом собраний — в его пустую тишину, и гулкость, и прохладные запахи, а потом в зал, где было светлее и работал кондиционер. Там рядами стояли койки — скорее, даже раскладушки, — и на некоторых лежали

женщины под одеялами разных цветов. В углу стояли пять кресел и кофейный столик. Еще несколько женщин сидели там и разговаривали вполголоса.

— Не пялься, — сказала мне Ада. — Не в зоопарке.

— А что тут такое?

— «СанктОпека», галаадские беженцы. Мелани с ними сотрудничала, и Нил тоже, но по-другому. Значит так: сядь в кресло, сиди смирно. С места не вставай, и чтоб ни звука. Здесь ты в безопасности. Я пойду договорюсь про тебя. Вернусь где-то через час. Тебе дадут сладкого — съешь, это надо.

Она отошла, поговорила с одной женщиной, которая там распоряжалась, и стремительно вышла. Потом эта женщина принесла мне горячего сладкого чаю и печенье с шоколадной крошкой и спросила, как я и не нужно ли мне еще чего, и я сказала «нет». Но она все равно принесла одеяло, сине-зеленое, и меня укутала.

Я умудрилась влить в себя чай и перестала стучать зубами. Сидела и смотрела, как входят и выходят люди — в «Борзой моднице» я занималась тем же самым. Вошли несколько женщин, одна с младенцем. Ужасно измученные и вдобавок напуганные. Женщины из «СанктОпеки»

подошли, поздоровались, сказали: «Вы здесь, вы пришли, уже все хорошо», — и галаадские женщины заплакали. Я тогда подумала: а чего плакать-то, радоваться надо, вы же выбрались. Но после всего, что с тех пор со мной случилось, я их понимаю. Держишь в себе, что надо держать, пока не переживешь худшее. А вот потом, когда спасена, проливаешь все слезы, на которые прежде не было времени.

Женщины роняли слова — обрывочно, задыхаясь:

Если скажут, что мне надо возвращаться…

Мне пришлось оставить сына, а нельзя как-то…

Я потеряла ребенка. Никого не было…

Распорядительницы совали им платки. Говорили всякое успокоительное — *крепитесь*, например. Старались, как лучше. Но когда говоришь человеку, чтобы он крепился, для него это порой ужасный груз. Это я тоже с тех пор поняла.

Прошел где-то час, и Ада вернулась.

— Ты еще жива, — сказала она.

Если шутка, то неудачная. Я только вылупилась

на нее.

— Шотландку на фиг.

— Что? — переспросила я. Она все равно что на иностранном языке говорила.

— Я понимаю, что тебе трудно, — сказала она, — но сейчас у нас нет времени, шевелиться надо очень быстро. Не хочу сеять панику, но все непросто. Давай-ка поищем другую одежду.

Она взяла меня за локоть и выдернула из кресла; удивительно, до чего она оказалась сильная.

Мы прошли мимо всех женщин в заднюю комнату, где стояли стол с футболками и свитерами и пара напольных вешалок с плечиками. Кое-какие вещи я узнавала: вот куда отправлялись все благотворительные пожертвования из «Борзой модницы».

— Выбери то, что в реальной жизни ни за что не наденешь, — сказала Ада. — Надо выглядеть совершенно другим человеком.

Я нашла черную футболку с белым черепом и пару легинсов, тоже черных с белыми черепами. Добавила высокие кеды, черно-белые, и носки какие-то. Все бывшее в употреблении. Думала я про вшей и клопов: Мелани, когда ей впаривали вещи, всегда спрашивала, постираны ли они. В лавке один раз завелись клопы — это

был кошмар.

— Я отвернусь, — сказала Ада.

Примерочной не было. Я выбралась из школьной формы и натянула свою новую бывшую в употреблении одежду. Каждое движение как будто замедленное. «А вдруг Ада меня похищает?» — одурело подумала я. *Похищает*. Это случается с девочками, которых увозят тайком и делают секс-рабынями — нам в школе рассказывали. Но таких, как я, не похищают — разве что мужчины, которые прикидываются риелторами, а потом держат девочек под замком в подвалах. Иногда таким мужчинам помогают женщины. Может, Ада из этих? Вдруг это все вранье, что Нила и Мелани взорвали? А сейчас они оба в истерике, потому что я куда-то провалилась. Звонят в школу или даже в полицию, хоть и считают, что от этих толку чуть.

Ада так и стояла ко мне спиной, но я чуяла: стоит лишь подумать о побеге — в боковую дверь Дома собраний, к примеру, — и Ада мигом поймет. И к тому же, ладно, убегу я — а куда? Хотела я только домой, но, если Ада не врет, домой нельзя. И вообще, если Ада не врет, тогда там и не дом уже никакой, потому что там нет ни Мелани, ни Нила. Что я буду делать в пустом доме в полном

одиночестве?

— Я готова, — сказала я.

Ада развернулась.

— Неплохо, — сказала она.

Сняла черную куртку, запихала в пакет, надела зеленую с вешалки. Заколола волосы повыше и нацепила солнечные очки.

— Распусти, — велела она мне, и я стянула резинку, встряхнула волосами.

Мне она тоже нашла солнечные очки: оранжевые, зеркальные. Протянула губную помаду, и я нарисовала себе новый красный рот.

— Изобрази хулиганку, — сказала она.

Я не умела, но постаралась. Насупилась и надула губы, измазанные красным воском.

— Ну вот, — сказала Ада. — И не подумаешь. Нашей тайны мы не выдадим.

В чем наша тайна? Что официально я больше не существую? Что-то в этом духе.

22

Мы залезли в серый фургон и некоторое время ехали — Ада очень внимательно вглядывалась в машины позади нас. Потом мы попетляли по лабиринту переулков и свернули к большому старому особняку из песчаника. В полукруге, где

раньше, наверное, была клумба и среди нестриженой травы и одуванчиков до сих пор торчали тюльпаны, стояла табличка с картинкой многоквартирного дома.

— А мы где? — спросила я.

— В Паркдейле.

Я в Паркдейле никогда не бывала, но слышала про него: наши школьные торчки считали, что Паркдейл крутой — они так говорили про обветшавшие районы, которые теперь облагораживались. Тут завелась пара модных ночных клубов — самое оно, если охота врать, сколько тебе лет.

Особняк стоял на большом загаженном участке с парой громадных деревьев. Палую листву давно не убирали; из перегнойных заносов выглядывали сиротливые пластмасски, красные и серебристые.

Ада зашагала к дому; оглянулась на меня — мол, идешь?

— Ты как? — спросила она.

— Нормально.

Меня немножко вело. Следом за ней я шагала ухабистыми плитами — дорожка была, словно губчатая, казалось, что нога вот-вот провалится. Мир больше не был прочен и надежен — он стал

пористым и обманчивым. Исчезнуть может что угодно. И при этом все вокруг было очень четкое. Как на сюрреалистических картинах, которые мы в школе изучали. Подтаявшие часы в пустыне, твердые, но нереальные.

На парадное крыльцо вели громадные каменные ступени. Крыльцо обнимала рама арки, на камне резьба — кельтские буквы, на старых зданиях в Торонто иногда такое встречается, — «КАРНАРВОН», а вокруг каменные листья и лица эльфов; задумывались, наверное, озорными, но мне привиделось, что они злобные. Мне в тот момент все виделось злобным.

На крыльце пахло кошачьей мочой. Дверь была широкая и тяжелая, утыканная черными шляпками гвоздей. Над дверью потрудились граффитчики, вооруженные красной краской: заостренные буквы, как у них обычно, и еще одно слово, отчетливее — возможно, «БЛЕВ».

На вид дверь была трущобная, но открывалась магнитным ключом. Внутри обнаружился старый бордовый ковер в прихожей, а вверх завивался широкий лестничный марш с красивыми резными перилами.

— Тут одно время был пансион, — сказала Ада. — А сейчас меблированные квартиры.

— А изначально что было?

Я привалилась к стене.

— Летний дом, — сказала Ада. — Богачи. Давайка наверх, тебе надо прилечь.

— «Карнарвон» — это что?

Взбираться по лестнице мне не очень хорошо удавалось.

— Это в Уэльсе, — сказала Ада. — Кого-то, видимо, ностальгия заела. — Она взяла меня под руку. — Ну-ка давай, считаем ступени.

«Домой», — подумала я. Вот-вот опять захлюпаю. Я постаралась сдержаться.

Лестницу мы одолели. Наверху — еще одна тяжелая дверь, еще один магнитный ключ. За дверью гостиная: диван, и два мягких кресла, и кофейный столик, и большой стол.

— Там для тебя спальня, — сказала Ада, но меня не тянуло срочно пойти посмотреть.

Я рухнула на диван. Силы внезапно иссякли; я подозревала, что встать уже не смогу.

— Ты опять дрожишь, — сказала Ада. — Я выключу кондиционер.

Из одной спальни она принесла пуховое одеяло — новое, белое.

В комнате все было реальнее некуда. Какое-то растение в горшке на столе — может, и пласти-

ковое: листья блестящие, будто резиновые. На стенах розовые обои, а на них силуэты деревьев, темнее фона. Дырки от гвоздей там, где раньше, наверное, висели картины. Все детали такие яркие, что почти сияют, словно их подсвечивают сзади.

Я закрыла глаза, чтобы свет выключился. Видимо, задремала, потому что внезапно настал вечер и Ада включила плоский телевизор. Для меня, я думаю — показать, что она не врала, — но это было жестоко. Руины «Борзой модницы» — окна побиты, дверь раззявлена. По тротуару разметало лоскутья. У входа — остов машины Мелани, смятый, как пережженное маршмеллоу. В кадре две патрульные машины и желтая лента, какой обматывают районы катастроф. Мелани и Нила не показали — и то хлеб: я ужасно боялась увидеть их почерневшие тела, пепел их волос, их обугленные кости.

Пульт лежал на приставном столике у дивана. Я выключила звук: не хотела слушать, как ведущий вещает ровным голосом, точно это событие ничем не важнее политика, севшего в самолет. Когда машина и лавка исчезли, а на экран дурацким воздушным шариком вспрыгнула голова ведущего, я выключила телевизор.

Из кухни пришла Ада. Принесла мне сэндвич на тарелке: куриный салат. Я сказала, что не голодная.

— Еще есть яблоко, — сказала она. — Яблоко будешь?

— Нет, спасибо.

— Я понимаю, это абсурд.

Я не сказала ничего. Ада ушла и опять вернулась.

— Я тебе купила деньрожденный торт. Шоколадный. Ванильное мороженое. Твое любимое.

На белой тарелке, с пластиковой вилкой. Откуда ей знать, что у меня любимое? Наверное, Мелани сказала. Они, наверное, про меня говорили. Белая тарелка слепила глаза. В куске торта торчала одинокая свечка. Будь я помладше, загадала бы желание. А сейчас мне что загадывать? Чтобы время потекло вспять? Чтобы сегодня было вчера? Интересно, много на свете людей такое загадывают?

— А где туалет? — спросила я.

Ада сказала, и я пошла туда, и там меня стошнило. Потом я снова легла на диван и затряслась. Через некоторое время она принесла мне имбирного эля.

— Тебе надо поднять сахар в крови, — сказала

она.

И вышла, и выключила свет.

Как будто я не пошла в школу, потому что грипп. Другие люди накрывают тебя одеялом и приносят попить; реальной жизнью занимаются они, чтобы не пришлось тебе. Хорошо бы остаться так насовсем: тогда больше никогда не придется думать совсем ни о чем.

Издалека доносились городские шумы: сирены, машины, самолет в небе. Слышалось, как в кухне шуршит Ада: двигалась она резко, легко, словно ходила на цыпочках. Я расслышала невнятный голос — она говорила по телефону. Она командовала, хотя чем она командовала, я была без понятия; тем не менее это меня убаюкивало, обнимало. Не разжимая век, я услышала, как дверь квартиры открылась, потом застыла, потом закрылась.

23

Когда я снова проснулась, было утро. Непонятно, который час. Я все проспала, опоздала в школу? А потом я вспомнила: со школой покончено. Я больше не вернусь — ни туда, ни вообще в знакомые места.

Я лежала в спальне «Карнарвона», под белым

пуховым одеялом, в футболке и легинсах, но без носков и кед. В спальне было окно; рулонная штора опущена. Я осторожно села. Заметила красное на наволочке — просто помада от вчерашнего красного рта. Меня больше не тошнило и не вело, но в голове была вата. Я от души почесала голову и потягала себя за волосы. Как-то раз, когда у меня болела голова, Мелани сказала, что, если дергать себя за волосы, улучшается мозговое кровообращение. Она сказала, Нил потому так и делает.

Встав, я отчасти проснулась. Осмотрела себя в большом настенном зеркале. Я была не той, что вчера, хотя выглядела похоже. Я открыла дверь и босиком пошла по коридору в кухню.

Ады там не было. Ада была в гостиной — сидела в кресле с кружкой кофе. А на диване сидел человек, которого мы миновали, когда входили в «СанктОпеку».

— Ты проснулась, — сказала Ада.

За взрослыми водится привычка проговаривать очевидное.

— Ты проснулась, — так сказала бы Мелани, можно подумать, это великий подвиг, проснуться — и мне было обидно, что и Ада не исключение.

Я посмотрела на мужчину на диване, а мужчи-

на с дивана посмотрел на меня. Черные джинсы, сандалии, серая футболка с надписью «ТРИ СЛОВА — ОДИН ПАЛЕЦ» и бейсболка «Торонто Блю Джейс». Он, интересно, в курсе, что имеется в виду на футболке?

Было ему лет пятьдесят, но волосы темны и густы — может, он был и моложе. Лицо — как помятая кожаная куртка, на щеке шрам сверху вниз. Мужчина мне улыбнулся, показав зубы, — слева недоставало моляра. Когда у человека не хватает зубов, он с виду сразу как будто противозаконный.

Ада указала на него подбородком:

— Элайджа — ты его помнишь, из «СанктОпеки». Друг Нила. Пришел помочь. В кухне хлопья.

— После этого поговорим, — сказал Элайджа.

Такие хлопья я любила — круглые бобовые «О». Я принесла миску в гостиную, села в другое кресло и стала ждать, когда они заговорят.

Оба молчали. Переглядывались. Я съела две ложки — опасливо, боялась, что живот не успокоился. В ушах у меня хрустели «О».

— С чего начнем? — спросил Элайджа.

— Со сложного, — сказала Ада.

— Ладно, — сказал он и уставился мне в лицо. — Дня рождения у тебя вчера не было.

Тут я удивилась.

— Еще как был, — сказала я. — Первое мая. Мне исполнилось шестнадцать.

— На самом деле ты месяца на четыре младше, — сказал Элайджа.

Как доказывается дата рождения? Наверняка есть свидетельство, но где Мелани его хранила?

— У меня в медкарте написано, — сказала я. — Когда я родилась.

— Попробуй сначала, — посоветовала ему Ада.

Элайджа уставился в ковер.

— Нил и Мелани тебе не родители, — сказал он.

— Еще какие родители! — сказала я. — Что вы говорите такое?

К глазам подступали слезы. В реальности распахивалась еще одна пустая бездна: Нил и Мелани блекли, преображались. До меня вдруг дошло, что я толком ничего не знаю ни про них, ни про их прошлое. Они не говорили, а я не спрашивала. Никто не расспрашивает своих родителей про их прошлое, ну?

— Я понимаю, тебе трудно, — сказал Элайджа, — но это важно, поэтому я повторю: Нил и Мелани тебе не родители. Прости, что так в лоб, но времени у нас мало.

— А кто они тогда?

Я быстро заморгала. Одна слеза вытекла; я ее стерла.

— Вообще не родня, — сказал Элайджа. — Им тебя отдали на хранение, когда ты была маленькая.

— Не может такого быть, — сказала я. Но уже не так убежденно.

— Надо было сказать раньше, — вставила Ада. — Они хотели тебя поберечь. Собирались все объяснить вчера, но…

И она умолкла, захлопнула рот. Она ни словечком не упомянула о смерти Мелани, будто они были никакие не подруги, но теперь я разглядела, что она правда горюет. От этого я к ней сильнее прониклась.

— В их обязанности входило укрывать тебя и защищать, — сказал Элайджа. — Жалко, что все это тебе рассказываю я.

Помимо запаха новой мебели я чуяла Элайджу: от него пахло потом, плотностью, экономичным хозяйственным мылом. Органическим хозяйственным мылом. «Мелани таким стирает, — подумала я. — Стирала».

— А кто они? — прошептала я.

— Нил и Мелани — очень ценные и опытные

члены нашей…

— Да нет, — сказала я. — Мои другие родители. Настоящие. Кто они? Они тоже умерли?

— Я еще кофе заварю, — сказала Ада. Встала и ушла в кухню.

— Они живы, — сказал Элайджа. — Во всяком случае вчера были.

Я вытаращилась. Может, он врет? Но зачем бы ему? Хотел бы сочинять — мог бы сочинить что-нибудь получше.

— Я ни одному слову не верю, — сказала я. — Я даже не понимаю, зачем вы это говорите.

Вернулась Ада с кружкой кофе и сказала, что если кто-нибудь тоже хочет — наливайте, и, может, мне надо побыть одной, все обдумать.

Что обдумать? Что тут обдумывать? Моих родителей убили, но они мне были не настоящие родители, а вместо них появилась пара других.

— Что обдумывать? — сказала я. — Я ничего не знаю — мне нечего думать.

— Что тебя интересует? — спросил Элайджа любезно, но устало.

— Как это получилось? Где мои настоящие… другие мать с отцом?

— Ты много знаешь про Галаад? — спросил он.

— Конечно. Я смотрю новости. Мы в школе

учили, — угрюмо ответила я. — Я ходила на марш протеста.

«Хорошо бы, — думала я, — Галаад этот испарился вообще и отвязался уже от нас».

— Там ты родилась, — сказал Элайджа. — В Галааде.

— Да вы издеваетесь, — сказала я.

— Тебя вывезли твоя мать и «Мой день». Рискуя жизнью. Галаад устроил бучу — хотели тебя назад. Твердили, что твои так называемые законные родители имеют на тебя право. «Мой день» тебя спрятал, а искала куча народу, плюс еще СМИ подняли хай.

— Как с Младенцей Николь, — сказала я. — Я в школе писала про нее сочинение.

Элайджа снова вперился в ковер. А потом взглянул на меня в упор:

— Младенца Николь — это ты и есть.

IX
Палата «Исполать»

Автограф из Ардуа-холла

24

Нынче днем меня вновь призвал Командор Джадд — приглашение доставил младший чин Очей лично мне в руки. Командор Джадд мог поднять трубку и обсудить свои дела через Комптакт — его кабинет с моим соединяет внутренняя прямая линия, аппараты красные, — но, как и я, он не знает, кто еще, может статься, нас слушает. Вдобавок, думаю я, по причинам прихотливой и противоестественной природы он нашими небольшими тет-а-тетами наслаждается. В моем лице он видит свое творение — я олицетворяю его волю.

— Надеюсь, вы здоровы, Тетка Лидия, — сказал он, когда я села напротив.

— Процветаю, хвала. А вы?

— Сам я чувствую себя прекрасно, но, боюсь, Жена моя хворает. Это тяготит мне душу.

Что ж тут удивляться-то? В последний раз, ко-

гда мы виделись, нынешняя Жена Джадда уже поистрепалась.

— Воистину прискорбное известие, — сказала я. — Что ее беспокоит?

— Ясности нет, — ответил он. Ясности никогда нет. — Заболевание внутренних органов.

— Хотите проконсультироваться с кем-нибудь из клиники «Настои и Устои»?

— Пока нет, пожалуй, — сказал он. — Скорее всего, какая-нибудь мелочь, не исключено даже, что воображаемая, как зачастую бывает с женскими жалобами.

Повисла пауза — мы разглядывали друг друга. Скоро, страшилась я, он опять овдовеет и приступит к поискам очередной малолетней суженой.

— Помогу всем, чем смогу, — сказала я.

— Благодарю вас. Вы так хорошо меня понимаете, — улыбнулся он. — Но позвал я вас не за этим. Мы сформулировали свою позицию относительно гибели Жемчужной Девы, которую потеряли в Канаде.

— Так что же там произошло?

Ответ уже был мне известен, но делиться я не планировала.

— По официальной версии Канады — самоубийство.

— Сердце разрывается, — отвечала я. — Тетка Адрианна была одной из самых преданных и квалифицированных… Я очень в нее верила. Она обладала исключительной отвагой.

— Наша версия гласит, что канадцы покрывают преступление, а Тетку Адрианну убили презренные террористы «Моего дня», чьему беззаконному присутствию на своей территории Канада потакает. Хотя, между нами говоря, мы в растерянности. Кто его знает? Возможно даже, что это было случайное убийство из-за наркотиков — подобное творится в их растленном обществе сплошь и рядом. Тетка Салли вышла на угол купить яиц. Вернувшись и обнаружив последствия трагедии, она мудро решила, что ей лучше всего срочно вернуться в Галаад.

— Очень мудро, — согласилась я.

После своего внезапного возвращения потрясенная Тетка Салли незамедлительно явилась с докладом ко мне. И поведала, какой конец настиг Адрианну.

— Она на меня напала. Ни с того ни с сего, мы как раз собирались в консульство. Я не знаю почему! Ринулась на меня, душила, я отбивалась. Это была самооборона, — прорыдала она.

— Кратковременный психотический эпизод, —

сказала я. — В Канаде обстановка незнакомая и изнурительная, пребывание там подрывает силы — такое случается. Вы поступили верно. У вас не было выбора. Не вижу, зачем об этом знать еще кому-нибудь, — а вы что скажете?

— Ой, спасибо вам, Тетка Лидия. Мне ужасно жаль, что так вышло.

— Помолитесь за душу Адрианны и выкиньте это из головы, — сказала я. — Еще что-нибудь хотите мне рассказать?

— Ну, вы просили стеречь, не мелькнет ли где-нибудь Младеница Николь. У пары, которая держала «Борзую модницу», была дочь примерно подходящего возраста.

— Занятная гипотеза, — сказала я. — Вы намеревались послать рапорт через консульство? Не ждать личной встречи со мной по возвращении?

— Я подумала, вам нужно узнать срочно. А Тетка Адрианна говорила, что это преждевременно, — возражала категорически. Мы поругались. Я настаивала, что это важно, — защищалась Тетка Салли.

— Безусловно, — сказала я. — Очень. Однако рискованно. Ваш рапорт мог породить безосновательные слухи — и последствия могли оказаться катастрофическими. У нас уже было

столько ложных тревог, а в консульстве любой сотрудник — вполне вероятно, Око. Очи порой действуют топорно: деликатность — не их конек. Моим инструкциям всегда имеется причина. Моим приказам. Жемчужные Девы не уполномочены самовольно брать на себя инициативу.

— Ой, я не сообразила… я не подумала. Но все равно, Тетка Адрианна зря…

— Меньше слов — больше дела. Я знаю, что вы хотели как лучше, — утешила я Тетку Салли.

Она заплакала:

— Я правда хотела как лучше, честное слово.

Подмывало ответить: благими намерениями вымощена дорога в ад. Но я воздержалась.

— Где сейчас эта девочка? — спросила я. — Она же, видимо, куда-то уехала, когда родителей убрали со сцены.

— Не знаю. Может, взрывать «Борзую модницу» было опрометчиво. Иначе мы бы смогли…

— Согласна. И я рекомендовала не спешить. К моему прискорбию, Очи в Канаде молоды, рьяны и взрывать просто обожают. Но откуда им было знать? — Я подержала паузу, сверля Тетку Салли наипронзительнейшим взглядом. — И вы ни с кем больше не делились подозрениями насчет этой потенциальной Младеницы Николь?

— Нет. Только с вами. И с Теткой Адрианной до того, как она…

— Давайте оставим это между нами, хорошо? — сказала я. — Нам ведь не нужно суда. Далее: я думаю, вам не помешает отдохнуть и восстановиться. Я устрою, чтобы вас поселили в наш прелестный Дом Отдыха имени Марджери Кемпе[35] в Уолдене. Вы там быстро станете как новенькая. Машина заберет вас через полчаса. А если Канада распереживается из-за прискорбного инцидента в квартире — если вас пожелают допросить или даже предъявить вам обвинение, — мы им ответим, что вы пропали.

Мне не требовалась мертвая Тетка Салли — мне требовалась бессвязная Тетка Салли, каковую я и получила. Сотрудники Дома Отдыха имени Марджери Кемпе попусту не болтают.

Тетка Салли излила на меня очередную порцию слезливых благодарностей.

— Не благодарите меня, — ответила я. — Это я должна вас поблагодарить.

— Тетка Адрианна пожертвовала жизнью не

---

[35] Сноски: 35

Марджери Кемпе (ок. 1373 — после 1438) — английская духовная писательница-мистик, надиктовала «Книгу Марджери Кемпе» (*The Book of Margery Kempe*, 1438) о своей жизни, многочисленных паломничествах и видениях; книга считается первой англоязычной автобиографией.

напрасно, — произнес Командор Джадд. — Ваши Жемчужные Девы проложили для нас плодотворный путь: мы сделали и другие открытия.

Сердце у меня сжалось.

— Я так счастлива, что мои девочки вам пригодились.

— Как обычно, благодарю вас за проявленную инициативу. В результате нашей операции в магазине подержанной одежды, на который указали ваши Жемчужные Девы, мы достоверно выяснили, каким образом в последние годы передавалась информация между «Моим днем» и их неизвестным агентом в Галааде.

— И каким же?

— В результате ограбления — в результате спецоперации — мы обнаружили фотокамеру для изготовления микроточек. Сейчас мы ее тестируем.

— Микроточек? — переспросила я. — Это что такое?

— Старая технология, вышла из употребления, но по-прежнему весьма эффективна. Документы снимают на миниатюрный фотоаппарат, уменьшая их до микроскопического размера. Затем они печатаются на крошечных фрагментах пластика, который можно прилепить практически

к любой поверхности, и читаются получателем с помощью специального устройства, до того крошечного, что его можно спрятать, допустим, в перьевой ручке.

— Поразительно! — вскричала я. — Не зря мы в Ардуа-холле говорим, что глаза завидущи, ручки загребущи.

Он рассмеялся:

— Это уж точно. Мы, обладатели ручек, должны быть безупречны. Но со стороны «Моего дня» прибегнуть к таким методам было умно: сейчас мало кто о них осведомлен. Как говорится, не поищешь — не увидишь.

— Какая изворотливость, — сказала я.

— Это лишь один конец веревочки — тот, что у «Моего дня». Я же говорю, есть еще галаадский конец — те, кто получает здесь микроточки и на них отвечает. Это лицо — или же этих лиц — мы пока не идентифицировали.

— Я попросила коллег в Ардуа-холле проявить бдительность, — сказала я.

— Кому и бдеть, как не Теткам, — ответил он. — Вам открыт доступ в любой дом — заходи куда хочешь, — а с вашей тонкой женской интуицией вы слышите то, что тупым мужчинам помешает различить глухота.

— Мы еще перехитрим «Мой день», — сказала я, сжимая кулаки, выпячивая подбородок.

— Ценю ваш энтузиазм, Тетка Лидия, — сказал он. — Прекрасная у нас с вами команда!

— Правда все превозможет.

Я вся дрожала, надеясь, что чувство мое сойдет за праведное негодование.

— Пред Его Очами, — откликнулся он.

После такого, мой читатель, мне потребно было подкрепиться. Я заглянула в кафетерий «Шлэфли»[36], где выпила горячего молока. А затем пришла сюда, в Библиотеку Хильдегарды, дабы продолжить наше с тобой странствие. Считай, что я твой проводник. Считай, что ты путник в темном лесу. Тьма вот-вот сгустится.

На последней странице, где мы встречались, я довела тебя до стадиона — оттуда мы и двинемся дальше. Время ползло, и все устаканивалось. По ночам спи, если можешь. Дни претерпевай. Обнимай плачущих, хотя, должна отметить, плач уже изнурял. Вой тоже.

В первые вечера имели место спевки — пара энергичных оптимисток изображали хормей-

---

[36] Сноски: 36

Филлис Шлэфли (Филлис Макальпин Стюарт, 1924–2016) — американский юрист, общественная деятельница крайне консервативного толка, выступавшая против феминизма и права на аборт.

стеров и дирижировали исполнением «Мы преодолеем»[37] и аналогичных архаических трюизмов, почерпнутых из растворившегося в небытии опыта летних лагерей. Припомнить слова удавалось не без труда, зато хоть какое-то разнообразие.

Охрана этим экзерсисам не мешала. Однако на третий день бойкость поугасла, мало кто подхватывал, на певиц забурчали: «Тише, пожалуйста!», «Да господи боже, замолчите наконец!» — и командирши гёрлскаутов, обиженно повозмущавшись: «Я же просто хочу помочь», — прекратили и впредь воздерживались.

Я с ними не пела. К чему понапрасну тратить силы? Душа к благозвучию не лежала. Скорее металась крысой в лабиринте. Есть ли выход? Где этот выход? Почему я здесь? Это что — проверка? Что они хотят выяснить?

Незачем и говорить, что кое-кому снились кошмары. Женщины тогда стонали и метались или садились рывком, давя в себе вопли. Я не критикую: кошмары снились и мне. Рассказать?

---

[37] Сноски: 37

«Мы преодолеем» («We Shall Overcome», 1900) — госпел, в XX в. ставший одной из ключевых песен протеста, а 1960-х гг. — гимном движения за права человека; вариация гимна «I'll Overcome Some Day» методистского священника преп. Чарльза Альберта Тиндли.

Нет, не стану. Прекрасно понимаю, сколь утомительны чужие кошмары — я наслушалась пересказов и сама. Когда совсем припрет, только твои личные кошмары представляют интерес и поистине важны.

Утреннюю побудку возглашала сирена. Те, у кого не конфисковали часы — конфискацию часов проводили хаотически, — сообщали, что происходило это в шесть утра. На завтрак — хлеб и вода. Вкусен был этот хлеб необычайно! Кое-кто заглатывал его и пожирал, я же, как могла, растягивала свою порцию. Жевание и глотание отвлекает от абстрактной круговерти шестеренок в голове. И помогает скоротать время.

Затем очереди в загаженные туалеты, и удачи тебе, если твой туалет засорился, поскольку пробивать засор никто не придет. Моя гипотеза? Охрана обходила туалеты по ночам и запихивала в унитазы разные предметы, чтоб нам жизнь медом не казалась. Самые опрятные из нас поначалу мыли уборные, но, постигнув безнадежность этого занятия, капитулировали. Капитуляция стала нормой, и должна отметить, что это было заразно.

Я сказала, что туалетной бумаги не было? А как тогда? Подтирайся руками, отмывай замаранные

пальцы под струйкой воды, что порой текла из кранов, а порой не текла. Я убеждена, что и это подстраивали нарочно — возносили нас к небесам и низвергали на землю по случайному алгоритму. Так и вижу злорадную рожу какого-нибудь кошачьего живодера, которому поручили эту задачу, — как он щелкает туда-сюда рычагом системы подачи воды.

Воду из кранов нам велели не пить, но кое-кто по глупости пил. После этого общий восторг дополнили тошнота и понос.

Бумажных полотенец не было. Никаких не было. Мытые, а также немытые руки мы вытирали о юбки.

Сожалею, что столько внимания уделяю удобствам, но ты не поверишь, до чего важны становятся эти вещи — основы основ, которые принимаешь как должное, о которых почти и не думаешь, пока их у тебя не отнимут. Грезя наяву — а мы все грезили наяву, навязанное бессобытийное бездействие вызывает грезы, мозгу надо чем-то заниматься, — я нередко воображала прекрасный, блестящий, белый унитаз. А, и еще раковину с тугой струей чистой прозрачной воды.

Естественно, мы стали вонять. Не только в туа-

летной пытке дело — мы спали в костюмах, не меняя белья. У некоторых уже началась менопауза, однако не у всех, и запах свертывающейся крови мешался с потом, и слезами, и говном, и блевотой. От каждого вздоха тошнило.

Нас превращали в животных — в запертых животных, низводили нас до животной природы. Тыкали нас в эту природу носами. Нам полагалось считать себя недочеловеками.

Остаток дня распускался, как ядовитый цветок, лепесток за лепестком, издевательски медленно. Порой нас опять заковывали в наручники — а порой нет, — затем выводили колонной и распределяли по трибунам, где мы сидели под жарящим солнцем, а один раз — какое блаженство — под прохладной моросью. В ту ночь мы смердели мокрой одеждой, зато не так смердели собой.

Час за часом мы смотрели, как фургоны прибывают, выгружают порцию женщин, отбывают пустыми. Новоприбывшие точно так же рыдали, охранники точно так же кричали и рявкали. До чего скучна тирания на стадии внедрения. Сюжет всякий раз неизменен.

На обед давали все те же сэндвичи, а один раз — под моросью — морковные палочки.

— Ничто не сравнится со сбалансированным

рационом, — сказала Анита.

В основном мы с ней старались садиться рядом и спать вблизи друг от друга. До того мы не дружили, она была просто коллегой, но теперь меня утешало одно лишь зрелище знакомого лица — лица, воплощавшего мои прежние достижения, мою прежнюю жизнь. Мы с ней, можно сказать, прикипели друг к другу.

— Ты была просто классной судьей, — на третий день шепнула мне она.

— Спасибо. Ты тоже, — шепнула я в ответ.

Мороз по коже от этого *была*.

Про остальных из нашего сектора я толком ничего не узнала. Кое-какие имена. Названия фирм. У некоторых фирмы занимались семейным правом — разводы, опека над детьми и так далее, — и если женщины объявлены врагами, я понимала, отчего забрали этих адвокатесс; но оформление сделок по недвижимости, судебная защита, жилищное или корпоративное право тоже не спасали. Сочетание юридического образования и матки было смертоносно само по себе.

Казни проводили после обеда. Тот же спектакль — приговоренных в повязках выводили на середину поля. Со временем я стала подмечать

больше деталей: некоторые еле переступали ногами, некоторые были почти без сознания. Что с ними творилось? И почему именно их обрекли на смерть?

Тот же самый мужчина в черном мундире резонерствовал в микрофон: «*Господь превозможет!*»

Затем выстрелы, и падение, и обмякшие тела. Затем уборка. За трупами приезжал грузовик. Хоронили их потом? Сжигали? Или чересчур много возни? Может, просто свозили на свалку и оставляли воронам.

На четвертый день появилось разнообразие: трое из расстрельного взвода были женщины. Не в деловых костюмах, а в длинных бурых одеяниях, похожих на банные халаты, в платках, завязанных под подбородками. Тут мы оживились.

— Чудовища! — шепнула я Аните.

— Как они могут? — шепнула она в ответ.

На пятый день в расстрельном взводе было пять женщин. Вдобавок случился переполох, когда одна из них, вместо того чтобы целиться в женщин, развернулась на месте и пристрелила одного мужчину в черном мундире. Ее мигом забили дубинками и изрешетили пулями. На

трибунах хором ахнули.

«Ага, — подумала я. — Тоже выход».

Днем в нашу группу адвокатов и судей добавляли новых женщин. Количество, однако, не менялось: каждую ночь кого-нибудь уводили. Женщины уходили по одной, с флангов зажатые двумя охранниками. Куда и зачем их ведут, мы не знали. Ни одна не вернулась.

На шестую ночь похитили Аниту. Все произошло очень тихо. Иногда те, за кем приходили, кричали и противились, но Анита не стала, а я, к стыду моему, все проспала и не видела, как ее стерли. Проснулась по утренней сирене, а Аниты просто не было.

— Очень жалко, что так вышло с вашей подругой, — шепнула мне одна добрая душа в очереди к клокочущим туалетам.

— Мне тоже, — шепнула я в ответ.

Но я уже крепилась в ожидании того, что почти наверняка предстояло. «Жалей не жалей, проку не будет, — сказала я себе. — За годы — за многие годы — истинность этого умозаключения подтвердилась не раз».

На седьмую ночь настал мой черед. Аниту изъяли беззвучно, и деморализовало само это

безмолвие: казалось, можно исчезнуть — и никто не заметит, даже звуковой ряби не останется; но мне удалиться тихой сапой не полагалось.

Разбудил меня тычок сапога в бедро.

— Заткнись и подъем, — гавкнул кто-то.

Не успела я толком проснуться, как меня вздернули на ноги и поволокли. Со всех сторон доносилось бормотание, и один голос сказал: «Не надо», — а другой сказал: «Бля», — а третий сказал: «С Богом», — а четвертый сказал: «Cuídate mucho»[38].

— Я прекрасно умею ходить сама, — сообщила я, что ни в малейшей степени не подействовало на две руки, с двух сторон державшие меня за плечи. Вот и конец, подумала я: сейчас меня расстреляют. Нет, погоди, поправилась я: расстреливают-то днем. Идиотка, возразила я себе: расстрелять могут где угодно и когда угодно и вообще расстрел — не единственный способ.

Все это время в душе моей царил покой, во что затруднительно поверить, и даже я сама больше не верю: в душе царил не просто покой — в душе царил мертвый штиль. Пока я считала, что уже мертва, что заботы земные меня больше не каса-

---

[38] Сноски: 38
«Береги себя» *(исп.)*.

ются, сносить все это было легче.

Меня провели коридорами, затем черным ходом наружу — и в машину. Не фургон на сей раз — «Вольво». Обивка заднего сиденья мягкая, но прочная, кондиционер — как первый вздох в раю. Увы, свежесть воздуха напомнила мне об ароматах, которыми успела обзавестись я сама. Тем не менее я наслаждалась роскошью, хотя меня и сплющивали между собою два охранника, а оба они были корпулентные. Оба молчали. Я была просто тюком, который надо перевезти.

Машина остановилась перед отделом полиции. Отделом полиции он, впрочем, больше не был — табличку занавесили, а на двери нарисовали знак: глаз с крылышками. Эмблему Очей, хотя я этого еще не знала.

Мы взошли по ступеням — двое моих провожатых шагали широко, я спотыкалась. Ноги ныли: лишь тогда я заметила, до чего отвыкли они от ходьбы, а также до чего изуродованы и изгвазданы мои туфли, вымокшие, засохшие и пропитанные всевозможными субстанциями.

Мы шли по коридору. Из-за дверей кабинетов доносилось баритоновое бормотание: навстречу спешили мужчины, обряженные так же, как мой эскорт, — глаза вдохновенно горят, голоса рас-

сыпают стаккато. Мундиры, погоны, блестящие нагрудные знаки вообще выпрямляют спину. У нас тут никто не сутулится!

Мы свернули в один из кабинетов. Там за широким столом сидел человек, слегка походивший на Санта-Клауса: пухлый, седобородый, розовощекий, нос вишенкой. Он просиял мне улыбкой:

— Можете присесть.

— Благодарю, — ответила я.

Не то чтобы мне предоставили выбор: двое моих спутников поместили меня в кресло — под локтями подлокотники — и прикрутили пластиковыми шнурами. После чего удалились, тихонько прикрыв за собою дверь. У меня создалось впечатление, что выходили они задом, словно пред неким древним царственным божеством, но дверь была за спиной, и мне было не видно.

— Я должен представиться, — сказал человек за столом. — Я Командор Джадд. Сын Иакова.

Так мы повстречались впервые.

— Кто я, вам, вероятно, известно, — ответила я.

— Совершенно верно, — любезно улыбнулся он. — Прошу извинить за неудобства, которые выпали на вашу долю.

— Ничего страшного, — сказала я, не дрогнув

лицом.

Не шути с теми, кто располагает над тобой абсолютной властью, — это глупо. Они этого не любят: им кажется, ты не постигаешь всей полноты их власти. Ныне, придя к власти сама, я не поощряю дерзости в подчиненных. Но тогда я была беспечна. С тех пор-то разобралась.

Его улыбка испарилась.

— Вы возносите хвалы Господу за то, что живы? — спросил он.

— Ну… да, — сказала я.

— А вы возносите хвалы Господу за то, что созданы женщиной?

— Видимо, — сказала я. — Никогда об этом не думала.

— Не уверен, что вы благодарны Господу сполна.

— Что значит «сполна»? — спросила я.

— Что вашей благодарности хватит, дабы сотрудничать с нами, — сказал он.

Я упомянула, что у него были узенькие прямоугольные очочки? Их он снял и принялся разглядывать. Без очков глаза у него были не так улыбчивы.

— Что значит «сотрудничать»? — спросила я.

— Да или нет?

— Я училась на юриста, — сказала я. — Я — судья. Я не подписываю пустые бланки.

— Вы, — сказал он, — больше не судья. — И нажал кнопку селектора. — Палата «Исполать», — сказал он. А затем мне: — Будем надеяться, вы научитесь благодарности. Я буду молиться о таком исходе.

Так я и очутилась в палате «Исполать». Прежде «Исполать» была одиночной камерой предварительного заключения, шага четыре на четыре. Там была полка вместо шконки — впрочем, без матраса. Там было ведро — я мигом заключила, что оно предназначено для отходов человеческого организма, поскольку таковые отходы в нем еще содержались, о чем свидетельствовал запах. Некогда в «Исполати» имелась лампочка, но ее больше не было — остался лишь патрон, да и тот не работал. (Конечно, спустя время я сунула туда палец. Вы бы тоже сунули.) Свет поступал только из коридора, через щель, в которую вскоре протиснулся неизбежный сэндвич. Такие были на меня планы: чтоб я грызла сэндвич и локти во тьме.

Я пошарила во мраке, нашла коечную плиту, села. «Я сдюжу, — подумала я. — Я прорвусь».

Так и вышло, но на честном слове. Ты уди-

вишься, как стремительно размякают мозги в отсутствие людей. Один человек неполон — мы существуем относительно других. Я была один человек и рисковала стать нулем человек.

В «Исполати» я провела некоторое время. Не знаю сколько. То и дело из-за заслонки, поставленной для целей наблюдения, за мной наблюдал глаз. То и дело откуда-то изблизи слышались вопль или визги — зверства напоказ. Порой слышались долгие стоны; порой хрюканье и аханье, вроде бы сексуальной природы — должно быть, и впрямь. Беспомощные весьма соблазнительны.

Я понятия не имела, настоящие это шумы или мне ставили записи, нарочно расшатывали мне нервы и подрывали мою решимость. Уж какая ни была решимость: спустя сколько-то дней я упустила эту сюжетную линию. Сюжетную линию моей решимости.

В сумеречной камере меня продержали неведомо сколько времени, однако едва ли очень долго, судя по длине моих ногтей на выходе. Но, когда ты заперт один в темноте, время устроено иначе. Оно дольше. И ты не разбираешь, когда спишь, а когда бодрствуешь.

Водились ли там насекомые? Да, насекомые

там водились. Не кусались, так что, очевидно, водились там тараканы. Я чувствовала, как их крохотные лапки бегают по моему лицу — нежно, неуверенно, словно у меня не кожа, а тонкий лед. Я их не смахивала. Со временем начинаешь радоваться любому прикосновению.

Настал день — если, конечно, это был день, — когда ни с того ни с сего в камеру явились трое мужчин, наставили ослепительный свет в мои моргающие подслеповатые глаза, бросили меня на пол и удостоили расчетливых пинков и прочих знаков внимания. Звуки, которые я издавала, были мне знакомы: я их слышала из-за стен. В подробности вдаваться не буду, скажу только, что электрошокеры тоже применялись.

Нет, меня не изнасиловали. Видимо, для этой цели я была слишком стара и груба. Может, конечно, они гордились своими высокими моральными принципами, но я в этом сильно сомневаюсь.

Процедура с пинками и электрошоком повторялась еще дважды. Три — волшебное число.

Плакала ли я? Да, слезы катились из двух моих зримых глаз, моих влажных, плачущих человеческих глаз. Но еще у меня был третий глаз в середине лба. Я его чувствовала — он был хо-

лоден, как камень. Он не плакал — он видел. И в глубинах, под ним, кто-то думал: «*Я вам за это отплачу. Мне плевать, сколько времени пройдет и какого говна я наемся за это время, но я вам отплачу».*

Затем по прошествии неведомо какого периода и без малейшего предупреждения дверь в «Исполать» с лязгом распахнулась, мою камеру залил свет, и двое в черных мундирах вытащили меня за порог. Никто ни слова не промолвил. Меня — к тому времени жалкую развалину, вонявшую еще хуже прежнего, — отконвоировали или отволокли по коридору, которым я прибыла, через дверь, в которую я вошла, и в кондиционированный фургон.

Не успела я оглянуться, как очутилась в гостинице — вот именно, в гостинице! Не люксовом отеле, скорее в «Холидей-Инне», если название тебе о чем-нибудь говорит, хотя, я подозреваю, оно не говорит тебе ни о чем. Но где же прошлогодние бренды? Унесены ветром[39]. Или, точнее, унесены взмахами кисти и стараниями

[39] Сноски: 39

Аллюзии на стихотворение Франсуа Вийона «Баллада о дамах былых времен» *(Ballade des dames du temps jadis):* «Но где же прошлогодний снег?» (перев. Н. Гумилева), и название романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (*Gone with the Wind*, 1936).

подрывников, потому что, когда меня затащили в вестибюль, рабочие наверху как раз закрашивали вывеску.

Приветливо улыбавшихся портье в вестибюле не было. Вмес-то них был человек со списком. Между ним и двумя моими экскурсоводами состоялся некий разговор, и меня провели в лифт, а затем по коридору с ковром, где только-только полезли наружу признаки отсутствия горничных. Еще пара месяцев — и у них тут все заплесневеет, всплыло из каши в моей голове, когда какую-то дверь открыли карточкой.

— Приятно вам погостить, — сказал один из моих кураторов.

По-моему, он не иронизировал.

— Три дня отдыха и восстановления сил, — сказал другой. — Если что-то понадобится, позвоните дежурному.

Дверь за ними закрылась. На столике стоял поднос с апельсиновым соком, и бананом, и зеленым салатом, и порцией тушеного лосося! Кровать с простынями! Несколько полотенец, плюс-минус белых! Душ! А главное, прекрасный фаянсовый унитаз! Я пала на колени и — да, вознесла молитву от всей души, хотя не могу сказать, кому или чему я молилась.

Съев все до крошки — пусть еда отравлена, мне было все равно, до того я ей обрадовалась, — я несколько часов принимала душ за душем. Одного душа не хватило — я слишком обросла грязью. Я обследовала заживавшие ссадины, желтевшие и лиловевшие синяки. Я похудела: я различала ребра, которые появились вновь, — многие десятилетия они отсутствовали по причине ежедневного фастфуда на обед. В период моей юридической карьеры тело было для меня лишь транспортным средством, в котором я перемещалась от одной вершины к следующей, но тут во мне проснулась нежность к нему. Какие у меня розовые ногти на ногах! Какой сложный узор вен на руках! Мне, однако, не удавалось как следует разглядеть свое лицо в зеркале ванной. Это кто там такая? Черты расплывались.

Потом я долго спала. Когда проснулась, меня ждала еще одна восхитительная трапеза — бефстроганов со спаржей на гарнир, и мельба на десерт, и — о радость! — чашка кофе! Я бы не отказалась от мартини, но догадывалась, что в эту новую эпоху алкоголь в женское меню не включают.

Незримые руки унесли мою прежнюю вонючую одежду — похоже, мне полагалось облачиться

в белый махровый гостиничный халат.

В мозгу все по-прежнему путалось. Я была точно высыпанный на пол пазл. Но на третье утро — или, может, под вечер — я проснулась, и в голове прояснилось. Я, кажется, вновь могла думать; я, кажется, вновь могла подумать слово «я».

А кроме этого и словно в подтверждение этому мне выложили свежий наряд. Не то чтобы сутана и не вполне бурая власяница, но близко. Я ее уже видела — на стадионе, на женщинах в расстрельном взводе. Меня подрал мороз.

Я ее надела. А как еще я должна была поступить?

X
Весенняя зелень

Протокол свидетельских показаний 369A

25

Теперь я опишу подготовку к моему бракосочетанию, поскольку тут интересовались, каким образом подобные вещи устраиваются в Галааде. Жизнь моя повернулась так, что мне выпала возможность наблюдать процесс заключения брака с обеих сторон — и со стороны невесты, которую готовят, и со стороны Теток, ответственных за подготовку.

Уговор о моей свадьбе был стандартный. Формально на возможные варианты влияли темпераменты обеих сторон, а также их положение в галаадском обществе. Но в каждом случае подлинная цель была одна: всех девочек — из хороших семей, а также из менее привилегированных — надлежало выдавать замуж рано, пока не произойдет случайная встреча с неподходящим мужчиной, которая приведет к тому, что прежде называлось влюбленностью, или, того ху-

же, к потере невинности. Этого последнего позора следовало избегать любой ценой — последствия могли быть суровые. Смерть через побиение камнями — судьба, которой никто своим детям не желал, а на репутации семьи могло остаться практически несмываемое пятно.

Как-то вечером Пола позвала меня в гостиную — послала Розу выковырять меня из моей ракушки, как она выразилась, — и поставила перед собой. Я встала, куда велели, — в ослушании не было толку. В гостиной сидели также Командор Кайл и Тетка Видала. И еще одна Тетка — я ее впервые видела, — которую мне представили как Тетку Габбану. Я сказала, что приятно познакомиться, но, наверное, у меня получилось угрюмо, потому что Пола заметила:

— Понимаете, о чем я?

— Возраст такой, — сказала Тетка Габбана. — Даже милые и послушные девочки через это проходят.

— Она, безусловно, достаточно взрослая, — сказала Тетка Видала. — Чему могли, мы ее уже научили. Они, если застревают в школе, становятся неуправляемыми.

— Она правда женщина? — спросила Тетка Габбана, впившись в меня взглядом.

— Конечно, — сказала Пола.

— Там ничего не подложено? — спросила Тетка Габбана, кивнув на мою грудь.

— Разумеется, нет! — сказала Пола.

— Вы удивитесь, на какие ухищрения идут некоторые семьи. Бедра у нее хорошие, широкие, таз не узкий. Покажи зубы, Агнес.

Это как сделать? Открыть рот пошире, как у стоматолога? Пола заметила мою растерянность.

— Улыбнись, — сказала она. — Для разнообразия.

Я растянула рот гримасой.

— Идеальные зубы, — сказала Тетка Габбана. — Очень здоровые. Что ж, мы начнем искать.

— Только в командорских семьях, — сказала Пола. — Не ниже.

— Это само собой, — сказала Тетка Габбана.

Она делала пометки на планшете. Я благоговейно наблюдала, как она двигает пальцами с карандашом. Что за могущественные символы наносит она на листок бумаги?

— Она еще маловата, — сказал Командор Кайл, которого я больше не считала отцом. — Пожалуй.

Впервые за долгие-долгие месяцы я была ему благодарна.

— Тринадцать лет — не маленькая. Все очень по-разному, — сказала Тетка Габбана. — Подходящая пара творит прямо-таки чудеса. Они мигом остепеняются. — Она встала. — Не переживай, Агнес, — сказала она мне. — У тебя будет выбор минимум из трех кандидатов. Они почтут это за честь, — сказала она Командору Кайлу.

— Если вам еще что-то нужно, сообщите, — любезно промолвила Пола. — И давайте поспешим.

— Ясно, — сказала Тетка Габбана. — Когда будут достигнуты удовлетворительные результаты, Ардуа-холл получит пожертвование, как обычно?

— Разумеется, — сказала Пола. — Мы будем молиться о вашем успехе. Да обверзнет Господь.

— Пред Его Очами, — ответила Тетка Габбана.

Обе Тетки ушли, обменявшись улыбками и кивками с моими неродителями.

— Можешь идти, Агнес, — сказала Пола. — Мы будем держать тебя в курсе. Вступать в благословенную зрелость замужества женщина должна крайне осмотрительно, и мы с твоим отцом осмотрительно примем все меры. Ты — девочка очень привилегированная. Надеюсь, ты это ценишь.

И она наградила меня злорадной ухмылочкой: сама понимала, что несет чушь. На самом деле я

была неудобным наростом, от которого надлежало избавиться социально допустимым способом.

Я вернулась к себе. Надо было это предвидеть: такие вещи случались с девочками немногим старше меня. Девочка ходила-ходила в школу, а в один прекрасный день не приходила: Тетки не любили суматохи и слезливых прощальных сантиментов. Потом были слухи о помолвке, потом о свадьбе. Нас на эти свадьбы никогда не пускали, даже если девочка была нашей близкой подругой. Когда тебя готовят к браку, из прошлой жизни выпадаешь. В следующий раз появляешься на глаза в благородном голубом платье Жены, и незамужние девушки должны пропускать тебя в двери.

Такова отныне будет моя реальность. Меня исторгнут из собственного дома — из дома Тавифы, из дома Циллы, и Веры, и Розы, — поскольку Поле я уже поперек горла.

— Сегодня в школу не пойдешь, — как-то утром сказала Пола, и на этом все.

Потом неделю не происходило ничего, я только хандрила и психовала, но промыслы эти, поскольку предавалась я им в спальне одна, ничегошеньки не меняли.

Полагалось занимать себя, заканчивая нена-

вистную мелкую гладь — трудилась я над вазой с фруктами, потом этой вышивкой можно было обтянуть пуфик, и работа предназначалась моему будущему мужу, кем бы он ни был. В уголке квадратного полотна я вышила маленький череп — изображал он череп моей мачехи Полы, но, если бы кто спросил, я планировала сказать, что это *memento mori*, напоминание о том, что всем нам однажды предстоит умереть.

Едва ли у кого нашлись бы возражения — тема благочестивая, такие черепа выбивали на могильных камнях старого церковного кладбища возле школы. Нам туда ходить не полагалось, только если на похороны: еще на камнях были выбиты имена усопших, что могло привести к чтению, а чтение, в свою очередь, — к разврату. Чтение — это не для девочек: противостоять могуществу чтения хватало сил только мужчинам и, разумеется, Теткам, потому что они не такие, как мы.

Я уже задумывалась, как женщина превращается в Тетку. Тетка Эсте один раз обмолвилась, что у тебя должно быть призвание — тогда поймешь, что Господь хочет, чтобы ты помогала всем женщинам, не только одной семье; но откуда Тетки это призвание берут? Откуда черпают

силу? У них особенные мозги, не женские и не мужские? А они под своими одеяниями вообще женщины? Может, они переодетые мужчины? Даже заподозрить такое было немыслимо, но если да — какой позор! Я воображала, как смотрелись бы Тетки, если переодеть их всех в розовое.

На третий день моего безделья Пола велела Марфам принести ко мне в комнату картонные коробки. «Пора убрать детские игрушки», — сказала она. Мои пожитки отправятся на хранение, так как очень скоро я уеду отсюда насовсем. А потом, когда я стану распоряжаться в новом доме, я решу, что из этого можно пожертвовать бедным. Менее привилегированная девочка из Эконосемьи очень обрадуется, к примеру, моему старому кукольному дому, он, конечно, не лучшего качества и обветшал, но чуть-чуть его подкрасить — и будет как новенький.

Кукольный дом стоял у меня под окном много лет. В нем еще витали счастливые часы, что я проводила с Тавифой. Кукла-Жена сидела за обеденным столом; маленькие девочки хорошо себя вели; Марфы в кухне пекли хлеб; Командор был надежно заперт у себя в кабинете. Когда Пола ушла, я выудила куклу-Жену из кресла и запульнула через всю комнату.

26

Дальше Тетка Габбана привела, как выражалась Пола, гардеробный отряд: считалось, будто сама я не в состоянии выбрать, что мне носить до самой свадьбы, а главное — на свадьбе. Вы поймите, я не была полноправным человеком — я принадлежала к привилегированному классу, но была всего лишь девочкой, которую вот-вот скуют брачными узами. Брачные узы — слова глухо, металлически побрякивали, точно захлопывалась железная дверь узилища.

Тетки из гардеробного отряда отвечали за, так сказать, декорации и реквизит: костюмы, угощение, украшения. Ни одна не обладала командирскими задатками, отчего им и поручили эту сравнительно черную работу; и хотя все Тетки занимали высокое положение, Пола, командирскими задатками наделенная щедро, Тетками из свадебной бригады успешно — в определенных пределах — командовала.

Вчетвером — Пола тоже — они явились ко мне в спальню, где я, наконец домучив вышивку для пуфика, как могла, развлекала себя игрой в «косынку».

Моя карточная колода была повсеместно

распространена в Галааде, но на случай, если внешнему миру она неизвестна, я опишу. Естественно, на тузах, королях, королевах и валетах не было букв, а на младших картах — цифр. Тузы — большие Очи, которые выглядывали из облака. Короли были одеты в Командорские мундиры, королевы были Жены, валеты — Тетки. Фигуры — самые сильные карты. С мастями так: пики — Ангелы, трефы — Хранители, бубны — Марфы, червы — Служанки. У каждой фигуры — кайма из маленьких фигурок: на карте Жены Ангелов — голубая Жена с каймой из маленьких Ангелов в черном, а у Командора Служанок — кайма из крохотных Служанок.

Позднее, получив доступ к библиотеке Ардуа-холла, я эти карты изучала. В стародавние исторические времена червы были чашами. Может, поэтому Служанки — червы: они — драгоценные сосуды.

Три гардеробные Тетки вошли ко мне. Пола сказала:

— Убери игру и встань, пожалуйста, Агнес, — наилюбезнейшим тоном — тоном, который я сильнее всего не любила, поскольку знала, до чего он лжив.

Я подчинилась, и мне представили трех Теток:

Тетку Лорну, щекастую и улыбчивую; Тетку Сару Ли, сутулую и немногословную; и Тетку Бетти, смятенную и покаянную.

— Они пришли на примерку, — сказала Пола.

— Что? — переспросила я.

Меня никогда ни о чем не предупреждали: не видели нужды.

— Не надо говорить «что?», надо говорить «прошу прощения?», — сказала Пола. — На примерку одежды, которую ты будешь носить на свои Добрачные Подготовительные Курсы.

Пола велела мне снять розовую школьную форму, которую я носила по-прежнему, потому что другой одежды у меня не было, только белое платье для церкви. Я стояла посреди комнаты в нижней юбке. Было не холодно, но по коже бегали мурашки — на меня смотрели, меня оценивали. Тетка Лорна сняла мерки, а Тетка Бетти записала их в тетрадку. Я внимательно наблюдала: я всегда наблюдала за Тетками, когда они записывали тайные послания самим себе.

Затем мне сказали снова надеть форму, что я и сделала.

Имела место дискуссия о том, нужно ли мне новое нижнее белье на переходный период. Тетка Лорна считала, что это было бы мило, но Пола

сказала, что незачем, период будет короткий, а то белье, что у меня есть, мне пока не мало. Пола выиграла.

Затем три Тетки ушли. Вернулись спустя несколько дней с двумя платьями — одно на весну и лето, другое на осень и зиму. В зеленых тонах: весенняя яркая зелень с белой отделкой — каймы на кармане, воротничок — на весну и лето, и весенняя яркая зелень с темно-зеленой отделкой на осень и зиму. Я видела сверстниц в таких платьях и знала, что это означает: весенняя зелень — это свежая листва, то есть девушка готова к замужеству. Эконосемьям, правда, такой роскоши не дозволялось.

Одежда, которую принесли Тетки, была поношенная, но не заношенная, потому что никто не носил зеленое подолгу. Платья перешили под мой размер. Подолы — пять дюймов выше лодыжек, рукава до запястий, свободные талии, высокие воротники. К каждому платью прилагалась шляпка в тон, с полями и лентой. Эти наряды я ненавидела, хотя и умеренно: во что-то одеваться надо, а могло быть и хуже. Я черпала надежду в том, что одежда была на все сезоны: может быть, я протяну всю осень и всю зиму и мне так и не придется выходить замуж.

Мои старые розовые и сливовые платья забрали — почистят и отдадут младшим девочкам. Галаад воевал — мы не любили разбрасываться вещами.

27

Обзаведшись зеленым гардеробом, я пошла в новую школу — Добрачную Подготовительную Школу «Жемчуга» для девушек из хороших семей, которые учились замужеству. Девиз школы — из Библии: «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов».

В школе тоже преподавали Тетки, но они, хотя и носили те же унылые одеяния, смотрелись как-то элегантнее. Предполагалось, что они научат нас играть роль хозяек в домах высокопоставленных мужей. «Играть роль» я здесь употребляю в двояком смысле: нам предстояло быть актрисами на сцене наших будущих жилищ.

Со мной в классе оказались Сонамит и Бекка: ученицы Школы Видалы часто переходили в «Жемчуга». С последней нашей встречи прошло не так уж много времени, но обе как будто сильно повзрослели. Сонамит закручивала темные косы вокруг головы и выщипывала брови. Красавицей ее не назовешь, но живости она не растеряла. Хочу

отметить, что Жены слово *живость* произносили неодобрительно: оно означало *нахальство*.

Сонамит говорила, что ей не терпится замуж. Более того, ни о чем больше она говорить и не могла — каких ей подбирают мужей, да каких она предпочитает, да как она ждет не дождется. Она хотела вдовца лет сорока, чтоб он не очень-то любил свою первую Жену, и не имел детей, и занимал высокий пост, и был красивый. Она не хотела какого-нибудь молодого придурка, у которого еще не было секса, потому что выйдет неловко — а вдруг он не знает, куда совать свой болт? У Сонамит и раньше язык был без костей, а теперь и вовсе. Вероятно, эти новые грубые выражения она подхватила у какой-нибудь Марфы.

Бекка еще сильнее похудела. Каре-зеленые глаза, и без того огромные, казались еще больше. Бекка говорила, она рада, что мы в одном классе, но не рада, что она вообще в этом классе очутилась. Она просила, умоляла родных пока не выдавать ее замуж — она слишком молода, она не готова, — но они получили очень хорошее предложение: старший мальчик Сына Иакова, Командора, сам скоро станет Командором. Мать велела Бекке не дурить, Бекка больше никогда не получит такого предложения, а если не согла-

сится, чем она будет старше, тем предложения будут хуже. Если к восемнадцати останется незамужней, будет считаться пересохшей речкой, Командоров ей тогда не светит, повезет, если получит хотя бы Хранителя. Ее отец, стоматолог доктор Гроув, говорил, мол, это редкость, когда Командор рассматривает девушку столь низкого положения, отказ его оскорбит, Бекка что, намерена уничтожить отца?

— Но я не хочу! — рыдала она, когда Тетка Лиз выходила из класса. — Какой-то мужчина будет по тебе ползать, как… как червяки! Меня от этого тошнит!

Она не сказала, что ее стошнит, отметила я, — она сказала, что уже тошнит. Что с ней случилось? Что-то позорное, о чем ей нельзя говорить? Я вспомнила, как Бекка расплакалась над историей Наложницы, Разрезанной на Двенадцать Частей. Но не хотелось расспрашивать: подойдешь слишком близко — и чужой позор запятнает и тебя.

— Да это не очень больно, — сказала Сонамит, — и ты подумай, сколько у тебя всего будет! Свой дом, своя машина, и Хранители, и свои Марфы! А если не сможешь родить ребеночка, тебе дадут Служанок — сколько надо, столько и дадут!

— Мне не надо машин, и Марф, и даже Служанок, — сказала Бекка. — Это кошмар. Мокро.

— То есть? — засмеялась Сонамит. — В смысле языками? Не хуже, чем с собаками!

— Гораздо хуже! — сказала Бекка. — Собаки хотят дружить.

Я о своих чувствах по поводу брака не проронила ни слова. Я не могла поделиться историей про визит к стоматологу доктору Гроуву: он по-прежнему Беккин отец, а Бекка — моя подруга. И вдобавок у меня все это вызвало скорее брезгливость и омерзение, а в сравнении с искренним ужасом Бекки это как бы мелочи. Бекка всерьез считала, что брак ее уничтожит. Ее раздавят, ее обнулят, она растает, как снег, и в итоге от нее ничегошеньки не останется.

Наедине, без Сонамит, я спросила Бекку, отчего ей не поможет мать. Бекка в слезы: мать — не настоящая ее мать, это Бекка узнала от их Марфы. Это позор, но ее настоящая мать была Служанкой. «Как у тебя, Агнес», — сказала Бекка. Ее официальная мать использовала это обстоятельство против Бекки: мол, чего она так боится секса с мужчиной — вот ее мать, эту шлюху, Служанку, секс не смущал. Даже наоборот!

Тут я обняла ее и сказала, что все понимаю.

28

Тетка Лиз должна была учить нас манерам и обычаям: какой вилкой пользоваться, как наливать чай, как по-доброму, но твердо обращаться с Марфами и как избегать эмоциональных затруднений со Служанкой, если выяснится, что нам нужна Служанка. У всех в Галааде было свое место, все служили по-своему и пред Богом все были равны, но все наделены разными дарами, говорила Тетка Лиз. Если разные дары перепутываются и каждая пытается быть всем на свете, получаются только хаос и пагуба. Никто не ждет, что корова станет птичкой!

Тетка Лиз учила нас азам садоводства, в основном разведению роз, считалось, что такое хобби приличествует Женам, и как оценить качество пищи, которую нам приготовили и подали на стол. В наше время общенационального дефицита важно не транжирить и не портить продукты, целиком использовать их потенциал. Животные умерли ради нас, напоминала нам Тетка Лиз, и растения тоже, добродетельно прибавляла она. Мы должны быть благодарны за это и за Господне изобилие. Равно неуважительно — можно даже сказать, греховно — по отношению к Божествен-

ному Провидению и глумиться над пищей, дурно ее стряпая, и выбрасывать ее несъеденной.

И мы учились, как готовить яйца-пашот, и какой температуры должен быть киш при подаче на стол, и в чем разница между супом-пюре и потажем. Не могу сказать, что сейчас многое помню из этих уроков: проверить их практикой мне так и не довелось.

Вместе с нами Тетка Лиз повторяла молитвы, которые уместно читать перед едой. Молитвы будут читать наши мужья, когда они дома, поскольку они главы семей, но когда мужья в отсутствии — что будет происходить часто, поскольку мужья будут работать допоздна, и за опоздания их ни в коем случае нельзя корить, — тогда эти молитвы придется читать нам от имени наших многочисленных, как надеялась Тетка Лиз, потомков. Тут она выдавала скупую улыбочку.

В голове у меня крутилась выдуманная молитва, которой мы с Сонамит развлекали себя в Школе Видалы, когда были лучшими подругами:

Преисполнилась чаша[40] *– вот она,*

---

[40] Сноски: 40

«Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена» (Пс. 22:5).

Все пролилось через край,
Потому что там моя рвота,
Боже, еще наливай!

Наши хиханьки затихли в далекой дали. Сколь ужасно мы себя ведем, считали мы тогда! Сколь безвинными и бесплодными виделись мне эти крохотные бунты теперь, когда я готовилась к замужеству.

Тянулось лето; Тетка Лиз обучила нас основам отделки интерьеров, хотя в вопросах стиля последнее слово будет, конечно, оставаться за нашими мужьями. Затем Тетка Лиз приступила к искусству составления букетов — в японском стиле и во французском.

Когда мы добрались до французского стиля, Бекка совсем пала духом. Ее свадьбу спланировали на ноябрь. Мужчина, которого ей выбрали, впервые навестил ее родных. Его приняли в гостиной, где он светски беседовал с Беккиным отцом, а сама Бекка сидела молча — таковы правила этикета, от меня будут ждать того же, — и Бекка сказала, что он бр-р. У него прыщи, и клочковатые усики, и язык белый.

Сонамит засмеялась и сказала, что это, наверное, зубная паста, он, видимо, почистил зубы

перед приходом, потому что хотел произвести хорошее впечатление, это же так мило? Но Бекка сказала, что лучше бы она заболела, серьезно заболела, и хорошо бы не только затяжным чем-нибудь, но и заразным, потому что тогда любую свадьбу отменят.

На четвертый день букетов во французском стиле, когда мы учились ставить в симметричные классические вазы контрастирующие, но дополняющие друг друга текстуры, Бекка рубанула себе по левому запястью секатором, и ее пришлось везти в больницу. Порез оказался не смертельно глубокий, но все равно крови пролилось много. Белый нивяник уже было не спасти.

Я все видела. Не могла потом выкинуть из головы Беккину гримасу — в лице ее читалась свирепость, какой я не замечала в ней никогда, меня это сильно напугало. Словно Бекка обернулась другим человеком — словно озверела, пусть и на краткий миг. К тому времени, когда приехала «неотложка» и ее забрала, Бекка была безмятежна.

— До свидания, Агнес, — сказала она мне, но я не знала, как ответить.

— Девочка совсем незрелая, — сказала Тетка Лиз.

Она носила шиньон — весьма утонченно. Покосилась на остальных, надменно вздернув патрицианский нос.

— В отличие от вас, девочки, — прибавила она.

Сонамит просияла — она во что бы то ни стало намеревалась созреть, — а я выдавила улыбочку. Похоже, я училась играть свою роль — или, вернее, играть роль актрисы. Во всяком случае, играть роль актрисы лучше прежнего.

XI
Власяница

Автограф из Ардуа-холла

29

Ночью приснился кошмар. Не в первый раз уже.

Выше я говорила, что не стану испытывать твое терпение пересказом своих снов. Но поскольку этот имеет отношение ко всему, о чем я поведаю дальше, тут я сделаю исключение. Разумеется, выбор предмета интереса целиком и полностью остается за читателем, так что мой сон ты можешь пропустить.

Я стою на стадионе, в буром как бы халате, который мне выдали в перепрофилированной гостинице, когда я приходила в себя после палаты «Исполать». Вместе со мной в шеренге еще несколько женщин в таких же искупительных одеяниях и несколько мужчин в черных мундирах. У каждого из нас винтовка. Мы знаем, что одни заряжены холостыми, другие нет; и однако же убийцами будем мы все, потому что дорог не

подарок — дорого внимание.

Перед нами две шеренги женщин — одна шеренга стоит, другая на коленях. Повязок на глазах у женщин нет. Я вижу лица. Я их узнаю, всех до единой. Бывшие подруги, бывшие клиентки, бывшие коллеги; и новости посвежее — девушки и женщины, прошедшие через мои руки. Жены, дочери, Служанки. У одних не хватает пальцев, у других только одна ступня, третьи одноглазы. У кого-то петли на шеях. Я их судила, я их приговорила: судейскую могила исправит. Но все они улыбаются. Что я читаю у них в глазах? Страх, презрение, вызов? Жалость? Не поймешь.

Те из нас, кто вооружен, поднимают винтовки. Мы стреляем. Что-то входит мне в легкие. Не могу дышать. Я задыхаюсь, я падаю.

Я просыпаюсь в холодном поту, сердце колотится бешено. Говорят, ночной кошмар может испугать до смерти, буквально до остановки сердца. Быть может, однажды этот дурной сон меня и убьет? Да ладно, не на ту напал.

Я рассказывала об одиночном заключении в палате «Исполать» и последующей роскоши гостиничного номера. Это как рецепт стейка из жесткого мяса: отбить колотушкой, потом размягчить в маринаде.

Через час после того, как я надела оставленный мне искупительный наряд, в дверь постучали: меня ждал эскорт. Двое мужчин провели меня по коридору в другой номер. Там сидел мой прежний седобородый собеседник — уже не за столом, а в уютном кресле.

— Можете присесть, — сказал Командор Джадд.

На сей раз в кресло меня впихивать не стали — я села по собственной воле.

— Надеюсь, вы не сочли наш распорядок жизни чрезмерно напряженным, — сказал он. — Вас подвергли только Первому Уровню. — (Сказать на это было нечего, и я не сказала ничего). — Пролило свет?

— То есть?

— Вы узрели свет? Божественный?

Как тут полагается ответить? Он поймет, если я совру.

— Свет пролило, — сказала я.

Похоже, больше ничего и не требовалось.

— Пятьдесят три?

— Возраст? Да.

— У вас были романы, — сказал он.

Я не поняла, как он это выяснил, и мне слегка польстило, что он потрудился выяснять.

— Краткие, — сказала я. — Несколько. Долгосрочного успеха не достигли.

Влюблялась ли я? Пожалуй, нет. Опыт общения с мужчинами в нашей семье не способствовал доверию. Однако у тела свои тики, и слушаться их равно унизительно и приятно. Необратимого вреда мне не причинили, удовольствие было даровано и получено, а стремительное изгнание из моей жизни ни один из этих людей не счел за личную обиду. К чему ждать большего?

— Вы сделали аборт, — сказал он.

То есть они рылись в каких-то архивах.

— Всего один, — по-дурацки ответила я. — Я была очень молода.

Он неодобрительно закряхтел.

— Вы сознаете, что такого рода человекоубийство теперь наказуемо высшей мерой? Закон имеет обратную силу.

— Этого я не сознавала.

Я похолодела. Но если меня собираются пристрелить, зачем допрашивать?

— Один брак?

— Краткий. По ошибке.

— Развод теперь преступление, — сказал он.

Я не сказала ничего.

— Детьми не благословлены?

— Нет.

— Растранжирили свое женское тело? Отказали ему в его естественной функции?

— Не задалось, — сказала я, изо всех сил стараясь не выдать напряжения.

— Жаль, — сказал он. — При нас всякая добродетельная женщина может тем или иным способом завести ребенка, как заповедал Господь. Но, надо полагать, вы были слишком заняты своей… э… так называемой карьерой.

Эту шпильку я проигнорировала.

— У меня было загруженное расписание, да.

— Два семестра преподавания в школе?

— Да. Но я вернулась к юриспруденции.

— Семейное право? Сексуальное насилие? Женщины-преступницы? Секс-работницы, требующие лучшей защиты? Раздел имущества при разводах? Врачебная халатность, особенно в гинекологии? Отъем детей у матерей, непригодных для осуществления опеки?

Он достал бумагу и читал по списку.

— По необходимости, да, — сказала я.

— Краткий период волонтерства в кризисном центре помощи жертвам изнасилования?

— В студенчестве, — сказала я.

— Убежище на Саут-стрит, так? А бросили, по-

тому что?..

— Много дел навалилось, — ответила я. А затем прибавила еще одну правду — ни к чему было увиливать: — И это меня вымотало.

— Да, — просиял он. — Это выматывает. Женщины столько страдали. Зачем? Мы намерены это искоренить. Наверняка вы разделяете. — Он помолчал, будто давая мне время поразмыслить. Потом снова разулыбался: — Ну? И как?

Мое прежнее «я» отозвалось бы: «Что как?» — или подобным легкомысленным манером. Вместо этого я сказала:

— В смысле да или нет?

— Совершенно верно. Последствия «нет» вы испытали — во всяком случае некоторые. В то время как «да»… Скажем так: кто не с нами, тот против нас.

— Понятно, — сказала я. — В таком случае «да».

— Вам придется доказать, — сказал он, — что вы говорите от всей души. Вы готовы?

— Да, — повторила я. — Как?

Было испытание. О природе его ты, вероятнее всего, догадываешься. Как в моем кошмаре, только у женщин были завязаны глаза, а я, выстрелив, не упала. Таков был экзамен Командора Джадда: провались — и твоя преданность единственно

верному пути признается ничтожной. Сдай — и у тебя руки в крови. Как однажды выразился некто: «Мы должны стоять вместе, иначе повиснем по отдельности»[41].

Я все же выказала слабость: меня потом вырвало.

Одной из мишеней была Анита. Почему ей назначили умереть? Видимо, даже после палаты «Исполать» она ответила не «да», а «нет». Вероятно, предпочла простой выход. Но на самом деле я понятия не имею почему. Быть может, все было проще простого: ее не сочли полезной режиму, а меня сочли.

Сегодня утром я проснулась часом раньше, дабы перед завтраком уделить несколько мгновений тебе, мой читатель. Я тобой отчасти одержима — у меня нет иных конфидентов, ты мой единственный на свете друг, ибо кому еще я могу сказать правду? Кому еще мне доверять?

Впрочем, негоже доверять и тебе. Кто скорее всего предаст меня в конце? Я буду валяться, всеми позабытая, где-нибудь в паутинистом углу или под кроватью, а ты тем временем станешь

---

[41] Сноски: 41

Считается, что эту фразу произнес один из отцов-основателей США Бенджамин Франклин (1706–1790) при подписании Декларации независимости в 1776 г.

шляться по пикникам и танцам — да, танцы вернутся, трудно давить танцы до бесконечности — или по свиданкам с теплым телом, что гораздо привлекательнее пачки крошащейся бумаги, коей обернусь я. Однако я заранее тебя прощаю. Некогда я и сама была такой — губительно подсела на жизнь.

Отчего я говорю о тебе так уверенно? Быть может, ты не явишься вовсе: ты — желание, возможность, фантом, не более того. Посмею ли промолвить? Надежда. Уж надежда-то мне не запрещена? Полночь моей жизни пока не наступила; колокол еще не прозвонил, и Мефистофель не явился стребовать плату за нашу сделку.

Ибо сделка была. Ну а как же без нее? Только сделку я заключила не с Дьяволом — сделку я заключила с Командором Джаддом.

Моя первая встреча с Элизабет, Хеленой и Видалой состоялась назавтра после испытания убийством на стадионе. Нас завели в один из гостиничных конференц-залов. Все мы тогда выглядели иначе — моложе, подтянутее, не такие заскорузлые. Я, Элизабет и Хелена были в вышеописанных бурых власяницах, но Видала уже облачилась в униформу — не униформу для Теток, придуманную позднее, а в черную.

Нас ждал Командор Джадд. Сидел, естественно, во главе конференц-стола. Перед ним стоял поднос с кофейником и чашками. Наливал Командор Джадд церемонно и с улыбкой.

— Поздравляю, — начал он. — Вы прошли испытание. Каждая из вас — тавро, выхваченное из огня. — Он налил себе кофе, добавил молочного порошка, отпил. — Вам, вероятно, удивительно, отчего человек моего положения, добившийся немалых успехов в прежней прогнившей системе, действует таким вот образом. Уверяю вас, я прекрасно сознаю серьезность моих поступков. Некоторые назовут свержение беззаконного правительства изменой родине; несомненно, многие в подобных терминах рассуждают и обо мне. Теперь, когда вы присоединились к нам, остальные будут так рассуждать и о вас. Однако верность высшей истине — не измена, ибо пути Господни — не пути человека[42] и, уж несомненно, пути Господни — не пути женщины.

Видала наблюдала, как мы слушаем эту нотацию, и очень скупо улыбалась: то, что нам внушали, для нее уже было признанным кредо.

Я старалась не выдавать реакции. Это отдель-

---

[42] Сноски: 42

«Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь» (Ис. 55:8).

ное умение — не реагировать. Командор Джадд переводил взгляд с одного пустого лица на другое.

— Можете выпить кофе, — сказал он. — Ценный продукт, достать все сложнее. Грех отвергать то, чем Господь оделил возлюбленных Своих от щедрот Своих.

При этих словах мы подняли чашки, точно причащались этим кофе.

Он продолжал:

— Мы видели, к чему приводят чрезмерная расхлябанность, чрезмерная жажда материальной роскоши и отсутствие осмысленных структур, на которых строится сбалансированное и стабильное общество. Наш уровень рождаемости — по многообразным причинам, но главным образом по причине эгоистического выбора женщин — пребывает в свободном падении. Вы ведь согласны, что в хаосе люди всего несчастнее? Что правила и границы способствуют стабильности, а следовательно, и счастью? Пока все понятно?

Мы кивнули.

— Вы хотели сказать «да»? — Он указал на Элизабет.

— Да, — в страхе пискнула она.

Она была тогда моложе и еще красива — еще не

дозволила своему телу разожраться. Мне с тех пор выпадали случаи отметить, что определенному типу мужчин доставляют радость издевательства над красивыми женщинами.

— «Да, Командор Джадд», — попенял он. — Почитаем звания.

— Да, Командор Джадд.

Через стол я чуяла ее страх; гадала, чует ли она мой. Страх — он пахнет едко. Разъедает.

«Она тоже одиноко сидела во тьме, — подумала я. — Ее тоже испытывали на стадионе. Она тоже заглянула в себя и узрела пустоту».

— Наивысшую пользу обществу принесет разделение мужского и женского поприщ, — посуровев тоном, продолжал Командор Джадд. — Мы наблюдали катастрофические результаты попыток сплавить эти поприща. Пока вопросы есть?

— Да, Командор Джадд, — сказала я. — У меня вопрос.

Он улыбнулся, но без теплоты:

— Задавайте.

— Чего вы хотите?

Он снова улыбнулся:

— Благодарю вас. Чего мы хотим конкретно от вас? Мы строим общество, которое согласуется с Божественным Замыслом, — город, стоящий на

верху горы[43], свет народов[44], — и действуем мы из бескорыстной заботы и участия. Мы считаем, что вы с вашим высококачественным образованием прекрасно подготовлены, дабы помочь нам в окультуривании прискорбного множества женщин, ставших продуктом развратного и продажного общества, кое мы ныне упраздняем. — Он помолчал. — Вы желаете помочь? — На сей раз указующий перст отыскал Хелену.

— Да, Командор Джадд. — Почти шепотом.

— Хорошо. Вы все умные женщины. Ваши прошлые… — Он не захотел вслух произносить «профессии». — Ваш прошлый опыт познакомил вас с жизнью прочих женщин. Вы знаете, как они, скорее всего, думают, — или нет, позвольте перефразировать: как они, скорее всего, реагируют на раздражители, позитивные и не весьма позитивные. Поэтому вы можете оказать нам услугу — услугу, которая даст вам определенные преимущества. Мы рассчитываем, что

---

[43] Сноски: 43

«Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5).

[44] Сноски: 44

«И Он сказал: мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля, но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли» (Ис. 49:6).

вы станете духовными наставницами и воспитательницами — предводительницами, так сказать, — в рамках собственного женского поприща. Желаете еще кофе?

Он налил. Мы повозились, попили, подождали.

— Проще говоря, — продолжал он, — мы хотим, чтобы вы помогли нам организовать отдельное поприще, женское. В каковом целью будет оптимальный уровень гармонии, гражданской и семейной, и оптимальное количество потомства. Еще вопросы?

Элизабет подняла руку.

— Да? — спросил он.

— А нам надо будет… молиться и так далее? — спросила она.

— Молитва — общее дело, — сказал он. — Со временем вы поймете, как много у вас причин возносить хвалы высшим силам. Моя… э-э… коллега, — он кивнул на Видалу, — вызвалась заняться вашим духовным воспитанием, поскольку сама участвует в нашем движении с первых дней.

Повисла пауза — мы с Элизабет и Хеленой переваривали эту информацию. «Высшие силы» — это он кого имеет в виду? Себя?

— Я уверена, что мы в силах помочь, — в конце

концов произнесла я. — Но это потребует немалых трудов. Женщинам так давно внушают, что они могут достичь равенства на профессиональном и общественном поприще. Они не обрадуются… — я поразмыслила в поисках слова, — сегрегации.

— Обещать им равенство всегда было жестоко, — сказал он, — ибо равенства они по самой своей природе достичь не могут. Мы уже приступили к милосердной работе по занижению их ожиданий.

Спрашивать о методах этой работы мне не хотелось. Примерно те же, какие применялись ко мне? Мы подождали, когда он подольет себе кофе.

— Вам, разумеется, придется разрабатывать законы и так далее, — сказал он. — Вам выделят бюджет, операционную базу и жилые помещения. Мы оставили вам студенческое общежитие в огороженном кампусе одного из бывших университетов, ныне нами реквизированных. Перестраивать там почти ничего не надо. Я уверен, вам будет вполне удобно.

И тут я рискнула.

— Если планируется отдельное женское поприще, — сказала я, — оно должно быть поистине от-

дельным. В рамках него распоряжаться должны женщины. Кроме ситуаций крайней необходимости, мужчины не должны переступать порога выделенных нам владений, и критиковать наши методы мужчинам не следует. Судить о нас надлежит сугубо по результатам. Хотя мы, конечно, будем отчитываться перед руководством, если и когда это будет необходимо.

Он смерил меня оценивающим взглядом и развел руками:

— Карт-бланш. В пределах разумного и в пределах бюджета. Который окончательно утверждаю, разумеется, я.

Я покосилась на Элизабет и Хелену и разглядела в них завистливое восхищение. Я попыталась цапнуть больше власти, чем они смели просить, — и выиграла.

— Разумеется, — сказала я.

— Не убеждена, что это мудро, — вмешалась Видала. — Предоставить им такую свободу действий в своих делах. Женщины — немощнейшие сосуды[45]. Даже самым сильным из них негоже дозволять…

---

[45] Сноски: 45

«Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах» (1 Петр 3:7).

Командор Джадд ее перебил:

— У мужчин и так дел по горло — им ни к чему вникать в маловажные подробности женского поприща. Нам нужны женщины, которым хватит на это компетенции. — Он кивнул на меня, и я удостоилась полного ненависти взгляда Видалы. — Женщинам Галаада еще выпадет случай поблагодарить вас, — прибавил он. — Столько режимов воплощали подобные планы дурно. Так скверно, так расточительно! Потерпев крах, вы приведете к краху всех женщин. Как Ева. А теперь я предоставлю вам совместно поразмыслить.

И мы приступили.

На этих первых совещаниях я изучала других Основательниц — ибо, пообещал Командор Джадд, в Галааде нас будут почитать за Основательниц. Если вам знакомы школьные игровые площадки похуже сортом, или курятники, или, собственно говоря, любая обстановка, где награды малы, а конкуренция за них немыслима, вы поймете, какие силы вступили здесь в игру. Невзирая на притворную приязнь, более того — коллегиальность, уже заворочались подводные течения вражды. Если, рассуждала я, мы в курятнике, я намерена стать альфа-курицей. А для этого я должна добиться права клевать первой.

Видалу я успела настроить против себя. Видала полагала себя естественной предводительницей, но ее картина мира пошатнулась. Она станет противиться мне изо всех сил — но за мной преимущество: меня не ослепляет идеология. Следовательно, в предстоящей нам долгой игре я наделена гибкостью, которой недостает ей.

Из двух других проще всего управлять Хеленой — она меньше всех уверена в себе.

В тот период она была полная, хотя за минувшие годы усохла; прежде, поведала Хелена, она работала в богатой корпорации, производившей средства для потери веса. Это еще до того, как она занялась связями с общественностью в компании, выпускавшей нижнее белье от-кутюр, и обзавелась крупной коллекцией обуви.

— Такие красивые туфли, — скорбела она, пока Видала красноречиво не насупилась.

Хелена, рассудила я, поплывет туда, куда ветер подует; меня устраивает, коль скоро я и есть этот ветер.

Элизабет была социальном классом повыше — я имею в виду, откровенно выше меня. Следовательно, она будет меня недооценивать.

Дорогущий Вассар-колледж[46], работала помощницей-референткой могущественной женщины, сенатора из Вашингтона, — с президентским потенциалом, поделилась она. Но палата «Исполать» что-то в ней сломала: ни родовые права, ни образование не спасли Элизабет, и ее обуяло смятение.

Поочередно я с ними справлюсь, но, если они втроем собьются в стаю, мне несдобровать. Девизом моим станет «разделяй и властвуй».

«Крепись, — сказала я себе. — Особо не болтай — то, что ты скажешь, они используют против тебя. Слушай чутко. Припасай улики. Не выказывай страха».

Неделю за неделей мы изобретали законы, мундиры, девизы, гимны, названия. Неделю за неделей мы отчитывались перед Командором Джаддом, который беседовал со мной как с представительницей нашей группы. Одобренные концепции он выдавал за свои. Прочие Командоры ему рукоплескали. Как замечательно он работает!

---

[46] Сноски: 46

Вассар-колледж — основанный в 1861 г. американский частный колледж свободных искусств в Покипси, штат Нью-Йорк, одно из первых в США высших учебных заведений для женщин, с 1969 г. перешел на совместное обучение.

Ненавидела я систему, которую мы возводили? В известной мере да: мы предавали все, чему нас учили в прошлой жизни, и все, чего мы достигли. Гордилась я тем, чего удалось добиться вопреки ограничениям? Опять же, в известной мере да. Все сложно, а иначе не бывает.

Одно время я почти верила в то, что полагала подобающим символом веры. Среди правоверных я числила себя по той же причине, что и многие в Галааде: не так опасно. Что толку ради моральных принципов броситься под каток и там расплющиться, как носок без ноги? Лучше раствориться в толпе — благочестиво славословящей, елейной, ненавистнической толпе. Лучше будешь забивать камнями ты, нежели забьют камнями тебя. Во всяком случае, шансы выжить повыше.

Они это прекрасно понимали, основоположники Галаада. Такие всегда понимают.

Запишу здесь, что спустя годы — когда я прибрала к рукам Ардуа-холл и, пользуясь этим, снискала в Галааде громадную, хоть и безгласную власть, коей ныне, к удовольствию своему, и располагаю, — Командор Джадд, почуяв, что равновесие сместилось, возжелал меня умилостивить.

— Надеюсь, вы простили меня, Тетка Лидия, — сказал он.

— За что, Командор Джадд? — спросила я наилюбезнейшим тоном. Неужто он стал меня побаиваться?

— За строгие меры, которые я вынужден был применить на заре нашего сотрудничества, — ответил он. — Дабы отделить пшеницу от плевел[47].

— А, — сказала я. — Не сомневаюсь, что намерения у вас были благородные.

— Полагаю, что так. И однако же, меры были суровы. — (Я улыбнулась, не сказала ничего.) — В вас я распознал пшеницу с самого начала. — (Я продолжала улыбаться.) — В вашей винтовке был холостой патрон, — сказал он. — Я подумал, вам приятно будет узнать.

— Как любезно с вашей стороны сообщить, — ответила я.

Мышцы лица уже заныли. В определенных обстоятельствах улыбка ничем не уступает силовой тренировке.

---

[47] Сноски: 47

Аллюзия на притчу о пшенице и плевелах: «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел…» и т. д. (Мф. 13:24–30).

— Так я прощен? — спросил он.

Не будь я столь обширно осведомлена о его склонности к девушкам, едва достигшим брачных лет, я бы заподозрила, что он со мной кокетничает. Из тревожного чемоданчика с канувшим прошлым я выудила завалявшийся осколок:

— Грешить как люди и как Бог прощать, некогда рекомендовал некто[48].

— Вы такая эрудированная.

Вчера вечером, когда я дописала, упрятала свою рукопись в пустое дупло внутри кардинала Ньюмена и направилась в кафетерий «Шлэфли», по пути ко мне прилипла Тетка Видала.

— Тетка Лидия, можно с вами поговорить? — спросила она.

Просьба, на которую нельзя не ответить «да». Я позвала ее с собой в кафетерий.

По ту сторону двора сияло огнями белое многоколонное обиталище Очей: верные тому, чье имя носят, лишенному век Оку Божию, эти не спят никогда. Трое стояли на белых ступенях перед центральным корпусом, курили. На нас и не взглянули. В их глазах Тетки — как тени:

---

[48] Сноски: 48

А именно английский поэт Александр Поуп (1688–1744) в своей поэме «Опыт о критике» (*An Essay on Criticism*, 1711), перев. А. Субботина.

их собственные тени, что прочих страшат, а их самих ничуть.

Минуя свою статую, я оглядела подношения: яиц и апельсинов меньше обычного. Моя популярность падает? Порыв прикарманить апельсин я сдержала — если что, вернусь потом.

Тетка Видала чихнула — преамбула важного заявления. Затем она откашлялась.

— Пользуясь случаем, хочу отметить, что по поводу вашей статуи кое-кто выражает беспокойство, — сказала она.

— Правда? — переспросила я. — Какого рода?

— Подношения. Апельсины. Яйца. Тетка Элизабет считает, что подобное чрезмерное внимание опасно приближается к сектантскому культу. А это было бы идолопоклонством, — прибавила Тетка Видала. — Смертный грех.

— Безусловно, — сказала я. — Какое поучительное наблюдение.

— И вдобавок это зряшная трата ценной пищи. Она говорит, это практически саботаж.

— Я согласна безоговорочно. Я как никто желаю избежать даже иллюзии культа личности. Как вы знаете, я выступаю за строгие правила потребления питательных веществ. Мы, предводительницы, должны подавать наглядный

пример даже в таких вопросах, как добавки, особенно вареных яиц.

Тут я замолчала: у меня имелась видеозапись, на которой Тетка Элизабет в Трапезной прячет эти переносные продукты питания в рукава, но время делиться информацией не на-стало.

— Что касается даров, подобные проявления чувств со стороны других людей мне неподвластны. Я не могу помешать неизвестным лицам оставлять знаки любви и уважения, верности и признательности — фрукты, к примеру, или выпечку — у ног моего изваяния. Хотя они мною и не заслужены — это само собой.

— Мешать заранее — нет, — сказала Тетка Видала. — Но этих людей можно обнаружить и наказать.

— У нас нет формального запрета, — сказала я, — а значит, правила не нарушены.

— Тогда нам нужен запрет.

— Я непременно об этом подумаю, — сказала я. — И о подобающем наказании тоже. Такие вещи требуют такта.

Жалко будет расстаться с апельсинами, подумала я: апельсины появляются непредсказуемо — линии поставок ненадежны.

— Но вы, мне представляется, хотите еще что-то

добавить?

Мы к тому времени уже добрались до кафетерия «Шлэфли» и разместились за одним из розовых столов.

— Горячего молока? — предложила я. — Я угощаю.

— Мне нельзя молока, — огрызнулась Тетка Видала. — От него слизь.

Я всякий раз предлагаю ей горячего молока за мой счет в доказательство собственной щедрости — молоко не входит в наши стандартные пайки, это необязательный продукт, и за него мы расплачиваемся талонами, которые распределяют между нами по рангу. Тетка Видала всякий раз досадливо отказывается.

— Ой, извините, — сказала я. — Забыла. Тогда, может, мятного чаю?

Когда перед нами поставили напитки, она перешла к основному делу.

— Вообще-то, — сказала она, — я лично видела, как Тетка Элизабет клала пищевые продукты к подножию вашей статуи. Говоря конкретнее, вареные яйца.

— Как занятно, — сказала я. — Это она зачем?

— Создать улики против вас, — ответила Тетка Видала. — Таково мое мнение.

— Улики?

Я-то думала, Элизабет просто поедает эти яйца. А у нее к ним более творческий подход — впору прямо-таки ею гордиться.

— Мне думается, она хочет на вас донести. Чтобы отвлечь внимание от себя и своей предательской деятельности. Не исключено, что она и есть изменница в наших рядах, в Ардуа-холле, и сотрудничает с террористами «Моего дня». Я давно подозреваю ее в ереси, — сказала Тетка Видала.

Как волнительно! Этого поворота я не предвидела: Видала стучит на Элизабет — и не кому-нибудь, а мне, невзирая на застарелое ко мне отвращение! Вот так диво дивное.

— Если и вправду так, эта весть огорошивает. Спасибо, что поделились. Вас ждет награда. И хотя доказательств пока нет, я сообщу о ваших подозрениях Командору Джадду — лучше принять меры заранее.

— Спасибо, — в свою очередь, сказала Тетка Видала. — Должна признаться, когда-то я сомневалась, что вы годитесь нам в предводительницы, на пост главы Ардуа-холла, но я молилась. Я сомневалась напрасно. Я прошу прощения.

— Ошибаются все, — великодушно молвила

я. — Мы же люди.

— Пред Его Очами, — ответила она, склонив голову.

Друзей держи близко, а врагов еще ближе. За неимением друзей придется обойтись врагами.

XII
«Коврык»

Протокол свидетельских показаний 369Б

30

Я рассказывала, как Элайджа мне сообщил, что я не та, кем себя считала. Не люблю это вспоминать. Такое чувство, будто открылся сток и тебя засосало — и не только тебя, но и твой дом, и комнату, и прошлое: все, что ты о себе узнала за всю жизнь, даже твою внешность, — падение, и безвоздушность, и тьма, и все разом.

С минуту я просидела, совсем ничего не говоря. Воздуха не хватало. Внутри все вымерзло.

Младенца Николь — круглая рожица, в глазах ни тени мысли. Всякий раз, глядя на эту знаменитую фотографию, я видела себя. Этот ребенок принес много бед многим людям, просто-напросто родившись на свет. Как я могу быть этим человеком? В голове у себя я все отрицала, я орала «нет». Но наружу ничего не просачивалось.

— Я так не хочу, — в конце концов пролепетала я.

— Никто не хочет, — мягко ответил Элайджа. — Мы бы все предпочли другую реальность.

— Лучше бы не было никакого Галаада, — сказала я.

— Мы над этим работаем, — сказала Ада. — Чтоб никакого Галаада. — Сказала она это, по обыкновению, деловито, словно «никакого Галаада» — это легче легкого, все равно что потекший кран починить. — Кофе будешь?

Я потрясла головой. Я еще не переварила новости. То есть я беженка, как напуганные женщины из «СанктОпеки», как другие беженцы, о которых вечно все спорят. Моя медкарта, мое единственное удостоверение личности, — липа. Я всю дорогу жила в Канаде нелегально. Меня в любой момент могли депортировать. Моя мать была Служанкой? А мой отец…

— И что, мой отец из этих? — спросила я. — Командор?

От одной мысли, что я отчасти состою из него — что в моем теле есть и он, — я содрогалась.

— По счастью, нет, — сказал Элайджа. — Во всяком случае, твоя мать утверждает, что нет, но она не хочет подставлять твоего настоящего отца и не говорит, кто он, — возможно, он еще в Галааде. Галаад предъявляет на тебя права через твоего

официального отца. Резоны те же, по которым они всегда требовали твоего возвращения. Возвращения Младеницы Николь, — поправился он.

Галаад так и не оставил попыток меня найти, сказал мне Элайджа. Они так и не забросили поисков — они очень упорные. С их точки зрения, я принадлежу им, и они имеют полное право выследить меня и перетащить через границу — легально, нелегально, как угодно. Я несовершеннолетняя, и хотя этот конкретный Командор исчез из виду — скорее всего, в чистках, — я, по их законам, его собственность. У него остались в живых родственники, и если дойдет до суда, им вполне могут передать опеку. «Мой день» не в силах меня защитить, потому что в мире он считается террористической организацией. Работает подпольно.

— Мы за эти годы кое-где наследили, отвлекали внимание, — сказала Ада. — Были сообщения, что тебя видели в Монреале, в Виннипеге. Потом говорили, что ты в Калифорнии, потом в Мексике. Мы тебя перевозили.

— Мелани и Нил поэтому не хотели, чтоб я ходила на марш?

— В некотором роде, — сказала Ада.

— А я пошла. Это я виновата, — сказала я. —

Да?

— То есть?

— Они не хотели, чтоб меня *увидели*, — сказала я. — Их убили, потому что они меня прятали.

— Не совсем, — сказал Элайджа. — Они не хотели, чтобы появились твои портреты, чтобы тебя показали по телевизору. Теоретически в Галааде могли посмотреть съемки с марша. Сопоставить. У них есть твоя детская фотография — они, наверное, плюс-минус представляют, какая ты сейчас. Но в Галааде, оказывается, и без того подозревали, что Нил и Мелани работают на «Мой день».

— Могли проследить за мной, — сказала Ада. — Могли связать меня с «СанктОпекой», а потом и с Мелани. Они и раньше засылали агентов в «Мой день» — минимум одну якобы сбежавшую Служанку; может, и другие были.

— Может, даже в «СанктОпеке», — вставил Элайджа.

Я подумала про людей, приходивших на собрания к нам домой. Воротило от одной мысли о том, что один из них планировал убить Мелани и Нила, а сам между тем жевал наш виноград и сырную нарезку.

— Так что здесь ты ни при чем, — сказала Ада.

«Может, это она просто утешает», — подума-

ла я.

— Я не хочу быть Младеницей Николь, — сказала я. — Я ничего такого не просила.

— Жизнь — боль, точка, — сказала Ада. — А теперь надо подумать, что дальше.

Элайджа ушел — пообещал, что через пару часов вернется.

— Из дома не выходить, в окна не выглядывать, — распорядился он. — Никому не звонить. Я найду другую машину.

Ада открыла банку куриного супа — сказала, что мне надо запихать в себя какой-нибудь еды, и я попыталась.

— А если они придут? — спросила я. — Они с виду-то вообще какие?

— С виду они как все, — ответила Ада.

Под вечер Элайджа вернулся. С ним пришел Джордж, бездомный старик, про которого я раньше думала, что он шпионит за Мелани.

— Все еще хуже, — объявил Элайджа. — Джордж видел.

— Что видел? — спросила Ада.

— На двери висела табличка «Закрыто». Они днем никогда не закрываются, я потому и удивился, — сказал Джордж. — Потом вышли три мужика, засунули Нила и Мелани в машину.

Вели их под руки, как будто оба пьяные. Что-то говорили, типа просто болтовня, потрепались типа и прощаются. Мелани и Нил сидели в машине. Я вот сейчас вспоминаю — они как бы так осели, будто уснули.

— Или умерли, — сказала Ада.

— Тоже может быть, — согласился Джордж. — Эти трое ушли. А где-то через минуту машина взорвалась.

— Все гораздо хуже, — сказала Ада. — Например, что они успели сказать в лавке?

— Они бы ничего не сказали, — ответил Элайджа.

— Мы не знаем, — сказала Ада. — Зависит от методов. Очи умеют надавить.

— Надо сматываться отсюда срочно, — сказал Джордж. — Может, они меня видели, я ж не знаю. Я не хотел сюда, но не знал, что делать, позвонил в «СанктОпеку», Элайджа за мной зашел. А если у меня телефон прослушивают?

— Телефон в расход, — сказала Ада.

— Что за мужики-то были? — спросил Элайджа.

— В костюмах. Деловые. На вид приличные, — сказал Джордж. — С портфелями.

— Ну еще бы, — сказала Ада. — И один портфель

подкинули в машину.

— Соболезную, — сказал Джордж мне. — Мелани и Нил — они хорошие были люди.

— Я пойду, — сказала я, потому что готова была расплакаться; ушла в спальню и закрыла дверь.

Ненадолго. Через десять минут раздался стук, и дверь открыла Ада.

— Переезжаем, — сказала она. — В темпе вальса.

Я лежала в постели, натянув одеяло до самого носа.

— Куда? — спросила я.

— От любопытства кошке пришлось несладко. Ноги в руки.

Мы спустились по широкой лестнице, но наружу не пошли — свернули в квартиру этажом ниже. У Ады был ключ.

Квартира такая же, как наверху: новая мебель, никаких личных вещей. Вроде в ней кто-то пожил, но едва-едва. На кровати пуховое одеяло, точно такое же. В спальне черный рюкзак. В ванной зубная щетка, а в шкафчике — ничего. Я знаю, потому что посмотрела. Мелани говорила, девяносто процентов людей заглядывают в шкафчики в чужих ванных, поэтому свои тайны там хранить негоже. Я гадала, где же хранила свои

тайны она, потому что тайн у нее, судя по всему, было выше крыши.

— А кто тут живет? — спросила я.

— Гарт, — ответила Ада. — Он нас отвезет дальше. А пока — цыц и чтоб как мышка.

— А чего мы ждем? — спросила я. — Когда что-нибудь случится?

— Если ждать долго — дождешься, — сказала Ада. — Что-нибудь случится. Но тебе, может, и не понравится.

31

Когда я проснулась, было темно, а рядом стоял мужчина. Лет двадцати пяти, наверное, высокий и худой. Черные джинсы, черная футболка без логотипов.

— Гарт, это Лили, — сказала Ада.

Я сказала:

— Привет!

Он с интересом воззрился на меня и сказал:

— Младеница Николь?

Я сказала:

— Не надо меня так называть, пожалуйста.

Он сказал:

— Ой, точно. Нельзя говорить имя.

— Можем ехать? — спросила Ада.

— Я так понял, да, — сказал Гарт. — Ей надо покрыться. И тебе тоже.

— Чем? — спросила Ада. — Галаадскую вуаль я не взяла. Сядем сзади. Больше никак.

Фургон, в котором мы приехали, исчез, но появился другой — грузовой, на котором было написано «ЗМЕЙКОЙ В ТРУБУ» и картинка — симпатичная змея вылезала из стока. Мы с Адой забрались назад. Там лежали какие-то сантехнические инструменты и матрас, на который мы и сели. Было темно и душно, но, насколько я поняла, ехали мы очень быстро.

— А как меня вывезли из Галаада? — спустя некоторое время спросила я. — Когда я была Младеница Николь?

— Можно и рассказать, — ответила Ада. — Ту сеть уж сколько лет назад спалили, Галаад закрыл маршрут, там теперь сплошь поисковые собаки.

— Из-за меня?

— Не все на свете из-за тебя. Короче, было так. Твоя мать отдала тебя доверенным друзьям. А они отвезли тебя на север по шоссе, а потом лесами в Вермонт.

— Ты тоже была доверенная?

— Мы говорили, что охотимся на оленей. Я там раньше была проводником, знала кое-кого.

Положили тебя в рюкзак — дали таблетку, чтоб не орала.

— Вы накачали наркотой ребенка. Вы же могли меня убить, — возмутилась я.

— Но не убили, — сказала Ада. — Переправили тебя через горы, потом в Канаду через Три Реки. Труа-Ривьер. Когда-то это был основной маршрут контрабанды людей.

— Это когда?

— Ну, тысяча семьсот сороковой где-то, — сказала она. — Ловили девушек из Новой Англии, держали заложницами, обменивали на деньги или замуж выдавали. Девушки рожали детей и уже не хотели возвращаться. Поэтому я полукровка.

— То есть — полукровка?

— Наполовину воровка, наполовину ворованное, — сказала она. — Стреляю с двух рук.

Во тьме среди сантехнических инструментов я об этом поразмыслила.

— А сейчас она где? Моя мать?

— Гриф «Совершенно секретно», — сказала Ада. — Чем меньше народу знает, тем лучше.

— Она вот так запросто ушла и бросила меня?

— Она вляпалась по самые уши, — сказала Ада. — Тебе повезло, что ты жива. Ей тоже повез-

ло — на нее покушались дважды, и это только те разы, про которые мы знаем. Так и не забыли ей, что она их обхитрила с Младеницей Николь.

— А мой отец?

— Та же петрушка. В глубоком подполье, наружу смотрит через перископ.

— Она меня, наверное, не помнит, — меланхолически сказала я. — Ей похер.

— Кому что похер, судить не нам, — ответила Ада. — Она к тебе не приближалась для твоего же блага. Не хотела ставить тебя под удар. Но следила за тобой — ну, как могла, с учетом обстоятельств.

Это было приятно, но моя злость пока что была мне дорога.

— Как? Она к нам приходила?

— Нет, — сказала Ада. — Она бы не рискнула. Но Мелани с Нилом посылали ей твои фотографии.

— Они меня никогда не фотографировали, — сказала я. — У них пунктик был — никаких фотографий.

— Они тебя постоянно фотографировали, — сказала Ада. — Ночью. Когда ты спала.

Жуть какая — о чем я ей и сказала.

— Жуть жути рознь, — ответила Ада.

— И они посылали фотографии ей? Как? Раз все такое секретное, они не боялись, что…

— С курьером, — сказала Ада.

— Эти курьерские службы — они же как решето, все знают.

— Я не сказала «с курьерской службой». Я сказала «с курьером».

Я еще поразмыслила.

— А, — сказала я затем. — Это ты ей передавала?

— Не *передавала* — не из рук в руки. Но переправляла. Твоей матери они ужасно нравились, — сказала она. — Матери любят фотографии своих детей. Она смотрела, а потом сжигала, чтоб Галааду не достались.

Прошел где-то, может, час, и мы приехали в оптовый магазин ковров в Этобико. На вывеске был нарисован ковер-самолет, а назывался магазин «Коврык».

С фасада «Коврык» был настоящим ковровым оптовиком, с шоурумом и кучей ковров на виду, а на задах, за складом, была тесная комната, и там полдюжины закутков по бокам. Кое-где в закутках лежали спальники или одеяла. В одном спал на спине мужчина в боксерах.

Была центральная зона — какие-то столы, и кресла, и компьютеры, и помятый диван у стены. На стенах карты — Северная Америка, Новая

Англия, Калифорния. Пара других мужчин и три женщины сидели за компьютерами — все одеты как люди, которые летом на улицах латте со льдом пьют. Они глянули на нас и вернулись к своим делам.

На диване сидел Элайджа. Он встал, подошел, спросил, как я. Я сказала, что нормально и нельзя ли мне попить, пожалуйста, потому что внезапно пить захотелось ужасно.

Ада сказала:

— Мы давно не ели. Я схожу.

— Вы обе сидите здесь, — сказал Гарт. И ушел обратно к коврам.

— Тут тебя никто не знает, кроме Гарта, — понизив голос, пояснил Элайджа. — Они не знают, что ты Младеница Николь.

— Пусть и дальше не знают, — сказала Ада. — Волю дай говоруну — корабли пойдут ко дну.

Гарт принес нам бумажный пакет с какими-то пожухшими сэндвичами в круассанах и четыре гнусных кофе в бумажных стаканчиках. Мы ушли в закуток, сели в потертые офисные кресла, Элайджа включил маленький телевизор — там стоял телевизор, — и мы, пока ели, смотрели новости.

«Борзая модница» в новостях по-прежнему была, но так никого и не задержали. Один эксперт

во всем винил террористов — ничего путного не сказал, короче, террористов-то много разных. Другой говорил, что это «внешние агенты». Канадское правительство заявляло, что разрабатывает все линии, а Ада сказала, что их любимая линия — мусорное ведро. Галаад сделал официальное заявление — мол, он о бомбе ни сном ни духом. Перед галаадским консульством в Торонто прошла акция протеста, но народу явилось немного: Нил и Мелани не были знамениты и не занимались политикой.

Я не знала, печалиться или злиться. Убийство Нила и Мелани злило меня, и злили воспоминания обо всем хорошем, что они сделали при жизни. Однако то, что должно было злить — например, почему Галааду все это сходит с рук, — меня только печалило.

В новостях опять всплыла Тетка Адрианна — миссионерка, Жемчужная Дева, которую нашли повешенной на дверной ручке в квартире многоэтажного дома. Самоубийство исключено, утверждала полиция, — похоже, имело место преступление. Посольство Галаада в Оттаве выступило с официальной нотой: это убийство совершили террористы из организации «Мой день», а канадские власти их покрывают, и пора

уже извести этот противозаконный «Мой день» под корень и отдать под суд.

О том, что я пропала, в новостях ничего не сказали. «А школа не должна была сообщить куда надо?» — удивилась я.

— Элайджа все устроил, — пояснила Ада. — Он кое-кого в школе знает — мы тебя потому туда и записали. Чтоб ты особо не мелькала. Так оно было безопаснее.

32

В ту ночь я спала в одежде на матрасе. Утром Элайджа созвал нас четверых на совещание.

— Все могло быть и получше, — сказал он. — Видимо, скоро надо отсюда выметаться. Галаад давит на канадские власти, требует облавы на «Мой день». У Галаада больше армия, и им бы только палить.

— Канадцы эти — антилопы гну, — сказала Ада. — Им лишь бы прогнуться.

— Все хуже: у нас есть данные, что в следующий раз Галаад проводит спецоперацию в «Коврыке».

— Это мы откуда знаем?

— От нашего источника, — сказал Элайджа, — но это мы получили до ограбления «Модницы». Связь с источником потеряна, почти со всеми

нашими спасателями в Галааде тоже. Что с ними, мы не знаем.

— Ну и куда ее девать? — Гарт кивнул на меня. — Чтоб не достали?

— Может, к матери? — предложила я. — Вы говорите, ее пытались убить и не убили, то есть она в безопасности — во всяком случае, ей безопаснее, чем здесь. Я могу туда.

— Для нее «безопаснее» — это вопрос времени, — сказал Элайджа.

— Может, в другую страну?

— Пару лет назад мы бы тебя вывезли через Сен-Пьер, — ответил он, — но французы его закрыли. А после бунтов беженцев в Англию ходу нет, в Италии то же самое, и в Германии, и в мелких европейских странах. Ссориться с Галаадом никому неохота. Не говоря уж о том, что и местные там в ярости — настроения-то в обществе какие. Даже Новая Зеландия захлопнула двери.

— Некоторые говорят, что всегда рады беженкам из Галаада, но почти везде ты не протянешь и дня — мигом в секс-рабство продадут, — сказала Ада. — Про Южную Америку и думать нечего, там диктатор на диктаторе. До Калифорнии поди доберись — война же идет, а Республика Техас психует. Они с Галаадом довоевались до

перемирия, но вторжения не хотят. Стараются не провоцировать.

— То есть можно и сдаться, потому что меня рано или поздно все равно убьют?

На самом деле я так не думала, но ощущение в тот момент было такое.

— Да нет, — сказала Ада. — *Тебя* они убивать не хотят.

— Убийство Младеницы Николь сильно подмочит им репутацию. Тебя перевезут в Галаад, живую и довольную, — сказал Элайджа. — Хотя у нас больше нет способов узнать, чего они там хотят.

Я подумала еще.

— А раньше был?

— Наш источник в Галааде, — сказала Ада.

— Вам из Галаада кто-то помогал?

— Мы не знаем кто. Они нас предупреждали о рейдах, говорили, когда заблокируют маршрут, карты присылали. Информация всегда подтверждалась.

— Но про Мелани и Нила не предупредили, — сказала я.

— У них, похоже, нет полного доступа к внутренней кухне Очей, — сказал Элайджа. — То есть они не на самой верхушке пищевой цепи. Мы

думаем, какой-то функционер среднего звена. Который рискует жизнью.

— С чего бы? — спросила я.

— Без понятия, но не ради денег, — сказал Элайджа.

По его словам, источник пользовался микроточками — древняя техника, до того древняя, что Галаад и не думал ее искать. Фотографируешь специальной камерой, и снимки такие маленькие, что почти невидимые: Нил читал их через устройство, встроенное в перьевую ручку. Галаад очень тщательно обыскивал всех, кто пересекал границу, но «Мой день» переправлял информацию в брошюрах Жемчужных Дев.

— Одно время работало как часы, — сказал Элайджа. — Наш источник фотографировал документы для «Моего дня» и вклеивал в брошюры про Младеницу Николь. В «Модницу» Жемчужные Девы заходили непременно — Мелани была у них в списке потенциальных неофиток, она же всегда брала брошюры. У Нила был фотоаппарат, он вклеивал ответы в те же самые брошюры, а Мелани потом возвращала их Жемчужным Девам. Им велели забирать с собой излишки, распространять потом в других странах.

— Но микроточки больше не годятся, — сказала

Ада. — Нил и Мелани погибли, Галаад нашел их камеру. А теперь арестовали всех на северном маршруте в штате Нью-Йорк. Толпу квакеров, несколько контрабандистов, двух проводников. Ждем массовых повешений.

Я все больше падала духом. Все козыри у Галаада. Они убили Нила и Мелани, они выследят мою безвестную мать и тоже убьют, они сотрут с лица земли «Мой день». Они как-нибудь доберутся до меня, отволокут меня в Галаад, где женщины — хуже кошек домашних, а все, кого ни возьми, поехали крышей на религии.

— И что делать? — спросила я. — Такое впечатление, что тут не сделаешь ничего.

— Я как раз к тому и веду, — сказал Элайджа. — Шанс, похоже, есть. Слабая надежда, так сказать.

— Слабая надежда лучше, чем никакой, — ответила Ада.

Источник, продолжал Элайджа, обещал переправить «Моему дню» огромный пакет документов. От того, что в этом пакете, Галаад взлетит на воздух — так по крайней мере утверждал источник. Но ему — или ей — не хватило времени собрать этот пакет до того, как «Борзую модницу» разграбили и связь оборвалась.

Источник, однако, составил запасной план,

которым поделился с «Моим днем» несколько микроточек назад. В Галаад запросто впустят девушку, уверяющую, что Жемчужные Девы обратили ее в галаадскую веру, — не в первый раз уже. А лучше всего для передачи пакета подходит — да что там, единственная, кто устраивает источник, — Младеница Николь. Что ее местонахождение известно «Моему дню», источник нисколько не сомневался.

Источник выразился весьма недвусмысленно: не будет Младеницы Николь — не будет пакета документов; а если не будет пакета документов, Галаад останется как есть. А значит, у «Моего дня» истечет время, а смерть Нила и Мелани окажется зазря. Не говоря о жизни моей матери. Но вот если Галаад падет — тогда другое дело.

— Почему только я?

— Источник настаивал. Сказал, что у тебя больше всего шансов. Как минимум тебя не посмеют убить, если поймают. Они же из Младеницы Николь икону сотворили.

— Я не могу свалить Галаад, — сказала я. — Я просто человек как человек.

— В одиночку — само собой, нет, — сказал Элайджа. — Но ты перевезешь боеприпасы.

— Я, по-моему, не могу, — сказала я. — Я не могу

обратиться. Мне ни в жизнь не поверят.

— Мы тебя обучим, — сказал Элайджа. — Молитвам и самообороне.

Все это походило на какой-то комический скетч по телику.

— Самообороне? — спросила я. — От кого?

— Вот мертвая Жемчужная Дева, да? — сказала Ада. — Она работала на наш источник.

— Ее убил не «Мой день», — прибавил Элайджа. — А другая Жемчужная Дева, ее партнерша. Видимо, у партнерши возникли подозрения насчет Младеницы Николь, а Адрианна хотела ей помешать. Видимо, случилась драка. В которой Адрианна проиграла.

— Все умирают, — сказала я. — Квакеры, Нил с Мелани, Дева эта.

— Убивать Галаад не стесняется, — сказала Ада. — Они фанатики.

Еще она сказала, что Галаад якобы всей душой за праведную набожную жизнь, но фанатики способны верить, будто можно жить праведно, а между тем убивать людей. Фанатики считают, это праведно, убивать людей — ну или определенных людей. Это все я знала — фанатиков мы проходили в школе.

33

Как-то так вышло, что я согласилась поехать в Галаад, не сказав «да». Сказала я, что подумаю, а наутро все вели себя так, будто я согласилась, и Элайджа говорил, что я такая храбрая, все зависит от меня, я подарю надежду множеству закабаленных людей; короче, отступать было поздно. И вдобавок я считала, что обязана Нилу, и Мелани, и другим мертвым. Раз этому так называемому источнику подавай меня и больше никого, значит, надо попытаться.

Ада и Элайджа сказали, что хотят подготовить меня как можно лучше, а то времени мало. В одном закутке они устроили спортзальчик с боксерским мешком, скакалкой и медболом. За это обучение отвечал Гарт. Поначалу он со мной особо не разговаривал, только про то, чем мы занимаемся: прыгаем, боксируем, перебрасываемся мячом. Но со временем слегка оттаял. Сказал, что он из Республики Техас. На заре Галаада они там провозгласили независимость, и Галаад обиделся; случилась война, война закончилась ничьей и проведением новой границы.

Поэтому сейчас Техас официально нейтральный, а любые действия его граждан против

Галаада незаконны. Канада, конечно, тоже нейтральная, но у Канады нейтралитет безалабернее. *Безалабернее* — это он так сказал, не я, и я оскорбилась, но потом он сказал, что безалаберность Канады — это хорошо. Поэтому он с друзьями смог приехать в Канаду и вступить в Линкольновскую бригаду «Моего дня» — там все иностранные борцы за свободу. В войне Галаада с Техасом Гарт не участвовал, был еще маленький, всего семь. Но два его старших брата погибли на этой войне, а двоюродного взяли в плен, увезли в Галаад, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Я складывала в уме, вычисляла, сколько же ему лет. Старше меня, но ненамного. А вдруг я ему не просто задание? О чем я вообще думаю? Надо сосредоточиться — у меня тут дело.

Поначалу я тренировалась дважды в день по два часа — развивала выносливость. Гарт говорил, что я в неплохой форме, и это правда, мне же удавалась физкультура в школе — было это, впрочем, как будто давным-давно. Потом он показывал мне блоки и удары: как коленом заехать человеку в пах и еще удар «стоп-сердце» — складываешь кулак, большой палец поверх вторых костяшек среднего и указательного, рука прямая. Это мы много отрабатывали: если есть шанс, бей

первой, говорил Гарт, потому что тогда на твоей стороне внезапность.

— Ударь, — говорил он. А потом отметал мою руку и бил меня в живот — не сильно, но чувствительно. — Мускулы напрягай, — говорил он. — Тебе сильно нужен разрыв селезенки? — Если я плакала от боли или от досады, он не сопереживал — он брезгливо морщился. — Ты хочешь научиться или нет? — говорил он.

Ада принесла пластмассовую кукольную голову с гелевыми глазами, и Гарт учил меня, как проткнуть человеку глаза: но от перспективы большими пальцами сплющивать глазные яблоки я содрогалась. Все равно что босыми ногами червяков топтать.

— Блин. Им же больно будет, — сказала я. — Пальцами в глаза.

— Так им и *должно* быть больно, — сказал Гарт. — Надо *хотеть* сделать им больно. Они захотят сделать больно тебе, можешь даже не сомневаться.

— Мерзость, — сказала я Гарту, когда он велел потренироваться тыкать в глаза пальцами.

Я очень ясно воображала эти глаза. Как очищенные виноградины.

— Нам тут провести семинар — обсудить,

должна ли ты погибнуть? — спросила Ада, наблюдавшая за тренировкой. — Это ненастоящая голова. Давай, *тычь!*

— Фу-у.

— «Фу-у» мир не изменит. Пачкай руки. Будь сильнее, будь наглее. Давай еще раз. Вот так.

Она-то ничего не смущалась.

— Не сдавайся. У тебя есть потенциал, — сказал Гарт.

— Вот спасибо-то, — сказала я.

Тон у меня был саркастический, но говорила я всерьез: я правда хотела, чтоб он верил в мой потенциал. Я в него влюбилась — безнадежно, по-щенячьи. Но, сколько ни фантазируй, реалист в моей голове не видел для нас никакого будущего. Я уеду в Галаад, и, скорее всего, с Гартом мы больше никогда не встретимся.

— Как дела? — спрашивала его Ада каждый день после тренировки.

— Лучше.

— Пальцами убивает?

— Старается.

Еще меня учили молиться. Этим занималась Ада. У нее, по-моему, выходило неплохо. А вот я была безнадежна.

— Ты откуда все это знаешь? — спросила я.

— Там, где я росла, это все знали, — сказала она.

— Это где?

— В Галааде. До того как он стал Галаадом. Я поняла, что дело дрянь, и вовремя смылась. Многие мои знакомые не успели.

— Ты поэтому работаешь с «Моим днем»? — спросила я. — Это личное?

— Все на свете личное, если вникать.

— А Элайджа? У него тоже личное?

— Он преподавал на юрфаке, — сказала она. — Был в списках. Его предупредили. Он перешел границу — с собой ничего не взял, только то, во что был одет. Давай заново. «Отче наш, иже еси на небесах, прости мне грехи мои и благослови…» Хватит, пожалуйста, хихикать.

— Извини. Нил всегда говорил, что Бог — это воображаемый друг, с тем же успехом, блядь, можно верить в Зубную Фею. Он, правда, не говорил «блядь».

— Давай-ка посерьезнее, — сказала Ада, — потому что Галаад не шутки шутит. И еще: отставить материться.

— Да я почти и не матерюсь, — сказала я.

Дальше, объяснили мне, я должна одеться бездомной и пойти попрошайничать туда, где меня

заметят Жемчужные Девы. Пусть они со мной заговорят и убедят пойти с ними.

— Откуда вы знаете, что они захотят меня взять? — спросила я.

— Вероятность высока, — ответил Гарт. — У них такая работа.

— Я не могу быть бездомной — я не знаю, как себя вести.

— Веди себя естественно, — сказала Ада.

— Другие бездомные увидят, что я фуфло, — а вдруг они спросят, откуда я такая явилась, где мои родители? И что я им скажу?

— Гарт пойдет с тобой. Скажет, что ты неразговорчивая, потому что травмирована, — ответила Ада. — Скажет, что тебя дома били. Это любому понятно.

Я представила, как меня бьют Мелани и Нил, — какой-то бред сивой кобылы.

— А если я им не понравлюсь? Другим бездомным?

— И что? — сказала Ада. — Обидно-досадно. Не всем на свете ты будешь нравиться.

Обидно-досадно. Откуда она берет эти свои словечки?

— Но они же бывают… ну, преступниками?

— Барыжат, ширяются, пьют, — сказала Ада. —

Полный набор. Но Гарт за тобой последит. Скажет, что он твой парень, разрулит, если кто прицепится. Будет рядом, пока тебя Жемчужные Девы не подберут.

— Это сколько? — спросила я.

— По моим прикидкам, недолго, — ответила Ада. — Когда Жемчужные Девы тебя снимут, Гарт с тобой пойти не сможет. Но это ничего, они тебя на руках будут носить. Станешь очередной драгоценной Жемчужиной у них на ниточке.

— В Галааде-то, наверное, будет иначе, — вмешался Элайджа. — Будешь носить, что скажут, за языком следить, учить обычаи.

— Но если ты с первого дня знаешь слишком много, — прибавила Ада, — они заподозрят, что мы тебя инструктировали. Тут нужен тонкий баланс.

Я поразмыслила. Хватит ли мне мозгов?

— А вдруг я не справлюсь?

— В любой непонятной ситуации прикидывайся тупой, — посоветовала Ада.

— А вы раньше засылали подложных неофиток?

— Пару раз, — ответил Элайджа. — С разными результатами. Но у них не было защиты, а у тебя будет.

— В смысле источник этот?

Источник — как я ни напрягалась, на ум приходил только человек с пакетом на голове. Кто он? Чем больше мне про этот источник рассказывали, тем страннее получалась картинка.

— Это все домыслы, конечно, но мы думаем, это кто-то из Теток, — сказала Ада.

Про Теток «Мой день» знал мало: Тетки не появлялись в новостях, даже в галаадских — отдавали приказы, писали законы и выступали на публике Командоры. Тетки работали за кулисами. Вот и все, что нам говорили про них в школе.

— Говорят, они очень могущественные, — сказал Элайджа. — Но это все слухи. Подробностей мы особо не знаем.

У Ады были портреты, но мало. Тетка Лидия, Тетка Элизабет, Тетка Видала, Тетка Хелена — так называемые Основательницы.

— Стая злобных гарпий, — прокомментировала Ада.

— Прекрасно-то как, — сказала я. — Вот уж я повеселюсь.

Гарт сказал, что, когда пойдем на улицу, надо его слушаться, потому что в законах улицы тут разбирается он. Я же не хочу, чтоб люди из-за меня с ним дрались, поэтому не стоит говорить,

к примеру: «А в прошлом году кто был твоей рабыней?» и «Ты мне не начальник».

— Я такого не говорила лет с восьми, — сказала я.

— И то и другое ты говорила вчера, — возразил Гарт.

И возьми себе другое имя, сказал он. Лили, возможно, ищут, а быть Николь нельзя никак. И я сказала, что буду Агатой. Хотелось что-нибудь потверже западного лилейного цветочка.

— Источник говорит, ей нужна татуировка на левом предплечье, — сказала Ада. — Всю дорогу непременное условие, обсуждению не подлежит.

Я выпрашивала татуировку, когда мне было тринадцать, но Нил и Мелани решительно противились.

— Клево, но зачем? — спросила я. — В Галааде рук не оголяют, кто увидит-то?

— Мы думаем, это для Жемчужных Дев, — сказала Ада. — Чтоб они тебя подобрали. Им велят специально обращать внимание.

— А они будут про меня знать? Что я Николь?

— Они просто выполнят приказ. Не спрашивай, не говори.

— И что мне набить? Бабочку? — Это была шутка, но никто не засмеялся.

— Источник сказал, выглядеть должно так, — ответила Ада. И нарисовала:

— Мне нельзя такое на руку, — сказала я. — Это неправильно.

— Какое лицемерие. — Нил был бы в шоке.

— Тебе, может, и неправильно, — сказала Ада. — Но правильно для дела.

Ада привела женщину, которая знала, как набивать татуировки и как переодеть меня в бездомную. У нее были салатовые волосы, и первым делом она покрасила меня тем же оттенком. Я порадовалась: по-моему, я смахивала на какого-то грозного аватара из видеоигр.

— Начало неплохое, — сказала Ада, оглядев результат.

Татуировка была не просто татуировка, а шрамирование — выпуклые буквы. Боль адская. Но я делала вид, будто мне не больно — хотела показать Гарту, что готова ко всему.

Среди ночи меня посетила неприятная мысль. А вдруг источник — просто приманка, нарочно, чтобы обмануть «Мой день»? Вдруг нет никакого пакета важных документов? Или вдруг источник против нас? Вдруг вся эта история — ловушка, хитрость, чтоб заманить меня в Галаад? Я туда попаду, а назад меня не выпустят. Начнутся марши с флагами, хоры и молитвы, огромные митинги, как по телевизору, и я буду главным экспонатом. Младенца Николь вернулась на родину, аллилуйя. Улыбнитесь, вас снимает галаадское телевидение.

Утром, поглощая на завтрак жирное и жареное, я поделилась этим страхом с Адой, Элайджей и Гартом.

— Мы имеем в виду такую возможность, — сказал Элайджа. — Ставки высоки.

— Ставки высоки всякий раз, когда ты просыпаешься поутру, — сказала Ада.

— Тут ставки повыше, — сказал Элайджа.

— Я ставлю на тебя, — сказал Гарт. — Если победишь, будет круто.

XIII
Секатор

Автограф из Ардуа-холла

34

Я припасла тебе сюрприз, мой читатель. Сама удивилась.

Под покровом темноты, при посредстве дрели со сверлом по камню, плоскогубцев и цементного раствора я вмонтировала в постамент моей статуи две видеокамеры на батарейках. С инструментами я всегда была дружна. Я вновь тщательно обложила все мхом, раздумывая между тем, что пора бы мою копию почистить. Мох придает респектабельности лишь до некоторой степени. Я уже как будто мехом обросла.

Результатов я ждала с неким нетерпением. Было бы прекрасно запастись неопровержимыми кадрами, на которых Тетка Элизабет, тщась меня дискредитировать, подбрасывает к моим каменным стопам улики в виде вареных яиц и апельсинов. Я не провожу этих идолопоклоннических ритуалов сама, но даже в чужом исполнении они

бросают на меня тень: скажут, что я дозволяла поклонение идолу, что я, вероятно, даже поощряла его. Элизабет вполне может воспользоваться этими наветами, дабы сместить меня с вершины горы. Относительно лояльности Командора Джадда я иллюзий не питаю: если подвернутся безопасные способы — для него безопасные, — он разоблачит меня, глазом не моргнув. В чем в чем, а в разоблачениях он поднаторел.

Но вот какой сюрприз. Несколько дней не происходило ничего — то есть не о чем говорить, поскольку я списываю со счетов трех слезливых молодых Жен, которых допустили на территорию, поскольку они замужем за крупными Очами, и которые *in toto*[49] *принесли кексик, буханочку кукурузного хлеба и два лимона — дороже злата нынче лимоны-то, с учетом катастроф во Флориде и нашей неспособности оттяпать себе земли в Калифорнии. Лимонам я рада и приспособлю их к делу: жизнь дает лимоны — стряпай лимонад. Я также выясню, откуда эти лимоны взялись. Совсем давить серый рынок толку нет — Командорам нужны мелкие радости, — но я, естественно, желаю знать, кто чем торгует*

---

[49] Сноски: 49
В общей сложности *(лат.)*.

и как это ввозят. Женщины — лишь один из товаров (я с неохотой называю их товарами, но раз при обмене возникают деньги, товар и есть товар), которые перевозят тайком. То есть что — ввоз лимонов, вывоз женщин? Надо проконсультироваться с моими источниками на сером рынке: конкуренции они не любят.

Слезливые Жены желали положиться на мое сверхъестественное могущество в деле плодовитости, бедняжки. Per Ardua Cum Estrus, нараспев декламировали они — можно подумать, латынь действеннее английского. Я посмотрю, чем можно им помочь — точнее говоря, кем, раз мужья их в этом отношении оказались столь редкостно немощны.

Но вернемся к сюрпризу. Что, ты думаешь, замаячило в кад-ре на четвертый день, с первыми лучами солнца, как не красный носище Тетки Видалы, за коим последовали ее глаза и рот? Вторая камера снимала более общим планом: Тетка Видала надела перчатки, — какое хитроумие, — и из кармана извлекла яйцо, а затем апельсин. Поозиравшись и удостоверившись, что никто не видит, она возложила сии вотивные дары к моим ногам купно с пластмассовым пупсом. А затем уронила на землю подле статуи платочек,

расшитый ландышами, мой всем известный реквизит: несколько лет назад школьницы у Тетки Видалы вышивали для старших Теток наборы платков с цветами, обозначавшими наши имена. У меня ландыши, у Элизабет эхинацея, у Хелены хризантема, а у Видалы васильки; каждой по пять цветочков — рехнуться можно столько вышивать. Решили, впрочем, что эта идея опасно близка к чтению, и все свернули.

Итак, предварительно сообщив мне, что меня пытается подставить Элизабет, сама Видала подбрасывает против меня улики — этот невинный образчик рукоделья. Где она его раздобыла? Сперла из прачечной, надо полагать. То есть я содействую еретическому поклонению себе же. Какой блестящий донос! Вообрази мой восторг. Любой ложный шаг моей главной соперницы — подарок судьбы. Фотографии я спрятала — они могут пригодиться в дальнейшем, всегда желательно сохранять любые объедки, что попадаются под руку, и в кухне, и в прочих пределах, — и вознамерилась ждать развития событий.

Мою достопочтенную коллегу, Основательницу Элизабет, надлежит вскорости проинформировать о том, что Видала обвиняет ее в измене. Может, и Хелену сюда же? Кто окажется самым

необязательным, если придется приносить жертву? Кого проще всего сагитировать, если возникнет нужда? Как лучше всего натравить друг на друга жаждущих свергнуть меня членов триумвирата, дабы затем свалить их по одной? И какова подлинная позиция Хелены относительно меня? Хеленой правят веяния момента, какие ни на есть. Из этой троицы Хелена всегда была самой слабой.

Я добралась до поворотной точки. Вращается Колесо Фортуны, ненадежное, как луна. Вскоре те, кто был внизу, двинутся вверх. И наоборот, разумеется. Я сообщу Командору Джадду, что Младеница Николь — ныне юная девушка — наконец-то почти в пределах моей досягаемости, и, возможно, в ближайшем будущем ее удастся заманить в Галаад. Я скажу «почти» и «возможно» — пусть томится в ожидании. Он будет страшно доволен — пропагандистский потенциал репатриированной Младеницы Николь он постиг давным-давно. Я скажу, что планы мои развиваются, но в настоящее время я бы предпочла ими не делиться: расчеты тонки, и неосторожное слово в неподобающие уши может все испортить. К реализации плана привлечены Жемчужные Девы, а они находятся в моем ведении, они тру-

дятся на особом женском поприще, куда негоже соваться неуклюжим мужчинам, скажу я, проказливо грозя Командору Джадду пальцем.

— Скоро вы получите свой трофей. Даже не сомневайтесь, — прощебечу я.

— Тетка Лидия, уж и не знаю, как вас благодарить, — просияет он.

«Кто, как не я, здесь дарит благо, — подумаю я в ответ. — Благо земля меня пока еще носит. Отныне, Благо, злом моим ты стань»[50].

Дабы ты понимал, как ныне развиваются события, я ненадолго обращусь к истории. К инциденту, который в то время остался почти незамеченным.

Лет девять назад — как раз в том году, хотя и в другой сезон, открыли мою статую — я сидела у себя в кабинете, изучая Родословные для планируемого брака, и тут меня отвлекло появление Тетки Лиз, обладательницы трепещущих ресниц и вычурной прически, примерно французского пучка. Ее впустили ко мне — она нервно заламывала руки, мне прямо стыдно стало за такие ее романические манеры.

---

[50] Сноски: 50

Аллюзия на эпическую поэму «Потерянный рай» (*Paradise Lost*, 1667) английского поэта и философа Джона Мильтона: «Отныне, Зло, моим ты благом стань», перев. А. Штейнберга.

— Тетка Лидия, мне страшно жаль отнимать у вас ценное время, — начала она.

Они все так говорят, но это их никогда не останавливает. Я улыбнулась, понадеявшись, что получилось не очень грозно.

— В чем беда? — спросила я.

Беды поставлялись в стандартном репертуаре: Жены воюют друг с другом, дочери бунтуют, Командоры не удовлетворены предложенным выбором Жен, Служанки бежали, Рождения не задались. Временами изнасилование, за которое мы, если решаем предать его огласке, сурово караем. Или убийство: он убивает ее, она убивает его, она убивает ее, а время от времени он убивает его. В Экономклассах ревнивый гнев порой берет свое, и в ход идут ножи, но среди избранных убийство мужчин мужчинами метафорично — удар в спину.

В скучные дни я ловлю себя на том, что жажду чего-нибудь поистине оригинального — допустим, случая каннибализма, но затем сама себя корю: *бойся своих желаний*. В прошлом я много чего желала и получала. Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах, говорили прежде; впрочем, сейчас от мысли о том, что Бог смеется, один шаг до кощунства. Бог — он у нас

нынче дико серьезный парень.

— В «Жемчугах» еще одна попытка самоубийства студентки Добрачных Подготовительных Курсов, — сказала Тетка Лиз, заправляя за ухо беглую прядь.

Она сняла некрасивый платок, которым мы обязаны покрывать головы на публике, дабы мужчины не воспылали, хотя мысль о том, что какой-то мужчина воспылает к Тетке Лиз, обладательнице эффектного профиля, но пугающе сморщенной, или ко мне, с моими седеющими зарослями и телом, как мешок картошки, настолько нелепа, что едва ли требуется пояснять.

Только не это, подумала я; не хватало нам опять самоубийства. Однако Тетка Лиз сказала «попытка», то есть самоубийство не удалось. Всякий раз, когда удается, проводят расследование, и пальцы укоризненно тычут в Ардуа-холл. Как правило, нас обвиняют в неподходящем выборе суженого — на нас лежит ответственность за первый подход к снаряду, поскольку все Родословные хранятся у нас. Но вот мнения о том, что же такое подходящий, разнятся.

— Что на сей раз? Передозировка противотревожными? Хорошо бы Жены перестали разбрасывать таблетки по всему дому — любой

ведь может наткнуться. Транквилизаторы и опиаты — это же такой соблазн. Или она вешалась?

— Она не вешалась, — сказала Тетка Лиз. — Она попыталась перерезать себе запястья секатором. Который у меня для букетов.

— Во всяком случае, недвусмысленно, — сказала я. — А потом что было?

— Ну, она не очень глубоко порезалась. Хотя было много крови и некоторый… шум.

— А. — (Под шумом Тетка Лиз подразумевала крики: это так неженственно.) — А потом?

— Я вызвала «неотложку», ей вкололи успокоительное и отвезли в больницу. Потом я оповестила компетентные органы.

— И правильно сделали. Хранителей или Очей?

— Тех и других.

Я кивнула:

— Вы, насколько я понимаю, справились с ситуацией наилучшим образом. Какого совета вы ждете от меня?

От моей похвалы Тетка Лиз просияла, но затем ее лицевые мышцы быстро сложились в гримасу острой тревоги.

— Она говорит, что попытается снова, если… если планы не поменяются.

— Если планы не поменяются?

Я понимала, о чем речь, но лучше получить внятный ответ.

— Если свадьбу не отменят, — пояснила Тетка Лиз.

— У нас есть консультанты, — сказала я. — Они с ней поработали?

— Применили все стандартные методы — безрезультатно.

— Высшей мерой угрожали?

— Она говорит, что не боится умереть. Она возражает против жизни. В таких условиях.

— Она возражает против конкретного кандидата или брака вообще?

— Вообще, — сказала Тетка Лиз. — Невзирая на преимущества.

— Букеты ее не вдохновили? — сухо спросила я. Тетка Лиз высоко ценит букеты.

— Ничуть.

— Ее смущает перспектива родов?

Это я понимала, с нашим-то уровнем смертности — главным образом новорожденных, но и матерей тоже. Бывают осложнения, особенно когда младенцы ненормальных форм. На днях у нас родился один без рук, что трактовалось как нелестный отзыв Бога о матери.

— Нет, не роды, — ответила Тетка Лиз. — Она говорит, что любит детей.

— Тогда что?

Я хотела, чтоб она это высказала прямо: Тетке Лиз полезно время от времени сталкиваться с реальностью лоб в лоб. Она слишком много времени проводит за возней с лепесточками.

— Говорите, — велела я. — Меня вы не шокируете.

Она помолчала, покраснела, прочистила горло.

— В общем… Пенисы. У нее как будто фобия.

— Пенисы, — задумчиво протянула я. — Опять они.

Когда девушки пытаются наложить на себя руки, дело зачастую в этом. Быть может, пора поменять нашу образовательную программу, размышляла я: полегче с нагнетанием страха, поменьше кентавроподобных насильников и мужских гениталий, что вспыхивают ясным пламенем. Но если мы станем слишком подчеркивать теоретические радости секса, почти наверняка получим в итоге любопытство и эксперименты, а затем испорченность нравов и побиения камнями.

— А нельзя ей внушить, что рассматриваемый объект — всего лишь инструмент достижения

цели? Прелюдия к детям?

— Никак, — твердо ответила Тетка Лиз. — Пробовали.

— Женское подчинение, заповеданное с самой первой минуты Творения?

— Все пробовали, что только сумели придумать.

— Запрет сна, круглосуточные молитвы под надзором сменных дежурных?

— Она непреклонна. Еще она говорит, что призвана к высшему служению, хотя мы же знаем, что у них часто такой предлог. Но я надеялась, что мы… что вы…

Я вздохнула.

— Особой пользы нет беспричинно разрушать жизнь молодой женщине, — сказала я. — Она сможет обучиться чтению и письму? Она достаточно умная?

— О да. Немножко чересчур умная, — сказала Тетка Лиз. — Слишком богатое воображение. Мне кажется, из-за этого у нее так с… с этим.

— Да, умозрительные пенисы имеют свойство отбиваться от рук, — согласилась я. — Начинают жить собственной жизнью.

Я помолчала; Тетка Лиз поерзала.

— Мы возьмем ее на испытательный срок, —

в конце концов произнесла я. — Дадим ей полгода, посмотрим, в состоянии ли она учиться. Как вы понимаете, нам надо пополнять наши ряды. Мы, старое поколение, не сможем жить вечно. Но действовать надо осторожно. Одно слабое звено…

Мне знакомы эти исключительно брезгливые девочки. Без толку их принуждать: они не в силах смириться с телесностью. Даже если состоится первая брачная ночь, их вскоре найдут в петле на люстре или в коме под розовым кустом, потому что они проглотили все до единой таблетки, что нашлись в доме.

— Спасибо вам, — сказала Тетка Лиз. — А то было бы ужасно жалко.

— Потерять ее?

— Да, — сказала она.

У Тетки Лиз доброе сердце — потому ее и назначили составлять букеты и так далее. В прошлой жизни она преподавала французскую литературу восемнадцатого века, дореволюционную. Ничего более похожего на салон, нежели наставничество в Добрачной Подготовительной Школе «Жемчуга», ей не светит.

Я стараюсь подгонять профессии под таланты. Получается лучше, а я великая поборница *лучше-*

го. За неимением *наилучшего*.

Так мы нынче и живем.

И вот поэтому я занялась делом девушки Бекки. Всегда мудрее поначалу лично поинтересоваться этими самоубийцами, которые уверяют, будто хотят к нам.

Тетка Лиз привела ее ко мне в кабинет: худенькая нежная красотка, огромные горящие глаза и забинтованное левое запястье. Она по-прежнему носила зеленое платье невесты.

— Заходи, — сказала я. — Я не кусаюсь.

Она вздрогнула, будто усомнилась.

— Можешь вон сесть на стул, — сказала я. — Тетка Лиз будет рядом.

Она поколебалась и села, скромно сдвинула коленки, сложила руки на коленях. На меня она смотрела недоверчиво.

— Итак, ты хочешь стать Теткой, — сказала я. Она кивнула. — Это привилегия, а не право. Полагаю, ты это понимаешь. И это не награда за дурацкую попытку свести счеты с жизнью. Этот поступок был ошибкой, и для Господа он оскорбителен. Если мы тебя возьмем, надеюсь, ничего подобного не повторится.

Голова мотнулась, по щеке сползла одинокая слеза, которую девушка не стерла. Это она

что — плачет напоказ, впечатление на меня производит?

Я попросила Тетку Лиз подождать снаружи. А затем пустилась в разглагольствования: Бекке даруется второй шанс, сказала я, но и она, и мы должны увериться, что такова поистине ее дорога, ибо жизнь Тетки подходит не всем. Она должна обещать, что будет подчиняться своим наставницам, она должна усердно осваивать сложный курс обучения, а также выполнять хозяйственную работу, которую ей поручат, каждый вечер и каждое утро она должна молиться о том, чтоб ей открылся путь; затем, спустя полгода, если станет ясно, что это и впрямь ее искренний выбор, а мы будем удовлетворены ее успехами, она принесет клятву в Ардуа-холле и отречется от всех прочих путей, и даже тогда она будет всего-навсего Послушницей, пока успешно не завершит миссионерские труды Жемчужной Девы за границей, а это произойдет лишь спустя много лет. Готова ли она?

О да, сказала Бекка. Она так благодарна! Она сделает все, что потребуется. Мы спасли ее от… от… Тут она осеклась и покраснела.

— С тобой в детстве произошло несчастье, дитя мое? — спросила я. — И дело касалось мужчины?

— Я не хочу про это говорить, — ответила Бекка. Побелела она, как простыня.

— Ты боишься наказания? — (Она кивнула.) — Мне ты можешь рассказать, — продолжала я. — Неприятных историй я за свою жизнь наслушалась. Кое-что из того, что выпало тебе, я понимаю.

Но она по-прежнему мялась, и давить я не стала.

— Медленно мельницы мелют богов, — сказала я, — но старательно мелют[51].

— Прошу прощения? — опешила она.

— Я имею в виду, что за свое поведение он со временем будет наказан, кто бы он ни был. Выброси это из головы. У нас тебе ничего не грозит. Он больше тебя не потревожит.

Мы, Тетки, в подобных случаях не работаем в открытую, однако мы работаем.

— Итак, я надеюсь, ты докажешь, что достойна моего доверия, — прибавила я.

— О да, — сказала она. — Я буду достойна!

Эти девочки поначалу все такие — от облегче-

---

[51] Сноски: 51

Цитата из трактата древнегреческого врача и философа-скептика Секста Эмпирика «Против ученых», перев. Л. Ельницкого; афоризм вошел затем в английский язык из перевода стихотворения «Божественное воздаяние» (*Göttliche Rache*, 1654) немецкого поэта Фридриха фон Логау, выполненного Генри Уодсвортом Лонгфелло (*Retribution*, 1845).

ния обмякшие, подобострастные, смиренные. Со временем все, конечно, может измениться: у нас были и отступничество, и опрометчивые тайные свидания с неудачными Ромео, и ослушание с побегами. Такие истории обычно не заканчиваются хорошо.

— Тетка Лиз отведет тебя переодеться в нашу форму, — сказала я. — Завтра тебе предстоит первый урок чтения, и ты начнешь изучать наши правила. А пока выбери себе новое имя. Есть список подходящих. Ступай. Сегодня — первый день твоей новой жизни, — сказала я как можно бодрее.

— Не могу описать, какое вам спасибо, Тетка Лидия! — Глаза у Бекки сияли. — Я так благодарна!

Безрадостной была моя улыбка.

— Приятно слышать, — сказала я, и мне в самом деле было приятно. Благодарность я ценю: люблю откладывать ее на черный день. Заранее не знаешь, когда может пригодиться.

«Много званых, а мало избранных»[52], — подумала я. Ардуа-холла это, впрочем, не касалось: пришлось изгнать лишь горстку званых. Наверняка мы не пожалеем, что приняли девушку

---

[52] Сноски: 52
Мф. 22:14.

Бекку. Девушка Бекка — израненный домашний цветочек, но если заботиться о ней как следует, она еще расцветет.

— Закрой за собой дверь, — сказала я.

«Из кабинета она вышла, почти приплясывая. До чего они юные, до чего резвые! — подумала я. — Как трогательно невинны! А я-то была такой? Я не припоминала».

XIV
Ардуа-холл

Протокол свидетельских показаний 369A

35

Когда Бекка порезала запястье секатором, залила кровью нивяник и уехала в больницу, я ужасно переживала: она выздоровеет, ее накажут? Но пришла и ушла осень, затем зима — и никаких вестей. Даже до наших Марф не доносилось ни ползвука о том, какая судьба постигла Бекку.

Сонамит сказала, что Бекка просто добивалась внимания. Я заспорила, и, увы, с той поры и до самого конца занятий между нами воцарилась холодность.

Когда установилась весенняя погода, Тетка Габбана объявила, что Тетки подобрали Поле и Командору Кайлу на рассмотрение трех кандидатов. Пришла к нам и показала их фотографии, и по спискам из тетрадки зачитала их жизнеописания и качества, а Пола и Командор Кайл выслушали и покивали. От меня ожидалось, что я посмотрю фотографии и послушаю декламацию,

но пока ничего не скажу. Мне давали неделю на раздумья. Мои предпочтения, естественно, тоже учтут, сказала Тетка Габбана. Пола на это улыбнулась.

— Конечно, — сказала она.

Я не сказала ничего.

Первый кандидат был Командором, годами еще старше Командора Кайла. Красноносый, глаза слегка вытаращены — признак, пояснила Тетка Габбана, сильной личности, надежного защитника и опоры для Жены. У него была седая борода, а под ней, кажется, брылья или, может, кожа на шее обвисла. Он был одним из первых Сынов Иакова, то есть исключительно праведный, и сыграл важную роль на начальных этапах борьбы за учреждение Республики Галаад. По слухам, он даже входил в группу, которая спланировала нападение на морально обанкротившийся Конгресс бывших Соединенных Штатов. У него уже было несколько Жен — все скончались, к несчастью, — и ему назначали пять Служанок, но детей Господь пока еще не даровал.

Звали его Командор Джадд, хотя я не уверена, что вам эти сведения сильно пригодятся для установления его подлинной личности — во время тайной работы над становлением Галаада

вожди Сынов Иакова часто меняли имена. Тогда я об этих переименованиях не знала — выяснила позднее, из Родословных в Ардуа-холле. И даже там оригинальное имя Джадда стерли.

Второй кандидат был моложе и худее. У него была заостренная макушка и удивительно громадные уши. У него талант к цифрам, сказала Тетка Габбана, он человек мыслящий, что не всегда желательно, особенно для женщин, но в муже такое качество можно и потерпеть. Ему удалось зачать одного ребенка с предыдущей Женой, которая умерла в больнице для душевнобольных, но бедный малютка скончался, не дожив до года.

Нет, сказала Тетка Габбана, ребенок не был Нечадом. Поначалу никаких нарушений. Младенческий рак — количество случаев пугающе растет.

Третьему, младшему сыну Командора низшего звена, было всего двадцать пять. У него были густые волосы, но толстая шея и близко посаженные глаза. Не такая прекрасная партия, как двое других, сказала Тетка Габбана, но семья очень хочет союза, а это значит, что свойственники будут ценить меня по достоинству. Это тоже стоит учитывать, потому что недоброжелательные свойственники способны испортить девушке

жизнь: они будут вечно критиковать и неизменно становиться на сторону мужа.

— Не торопись пока с выводами, Агнес, — сказала Тетка Габбана. — Время есть. Твои родители желают тебе счастья.

Она это сказала по доброте, но солгала: они не хотели мне счастья, они хотели убрать меня с глаз долой.

В ту ночь я лежала в постели, глядя, как во тьме под веками плавают фотографии потенциальных женихов. Я воображала, как они лежат на мне — поскольку именно это мне и предстояло, — тщась запихнуть свой отвратительный отросток в мое окаменелое хладное тело.

Почему я считала, что тело мое будет окаменелым и хладным? Я сначала недоумевала, а потом поняла: оно будет окаменелым и хладным, потому что я буду мертва. Я буду бледна и бескровна, как бедная Кайлова — ее разрезали, чтоб достать ее ребенка, и она застыла, и лежала, обернутая простыней, и взирала на меня немыми глазами. В этом тоже была некая сила — в немоте и неподвижности.

36

Я подумывала бежать из дома, но как мне бежать и куда податься? О географии я не имела ни малейшего представления: в школе мы географию не учили, нам хватит и окрестностей, Жене этого что, мало? Я не знала даже, велик ли Галаад. Далеко ли тянется, где заканчивается? И были вопросы практического свойства: как я буду передвигаться, что я буду есть, где я буду спать? А если я убегу, Бог меня возненавидит? Наверняка же за мной бросятся в погоню? Причиню ли я людям великое горе как Наложница, Разрезанная на Двенадцать Частей?

Мир наводнен мужчинами, которых наверняка соблазняют девушки, перешедшие границы: таких девушек сочтут распущенными. Может, я и до соседнего квартала не доберусь — меня разорвут в клочки, осквернят, и останется от меня лишь кучка вянущих зеленых лепестков.

Неделя, выделенная мне на выбор мужа, шла своим чередом. Пола и Командор Кайл склонялись к Командору Джадду: он был самый могущественный. Они делали вид, будто уговаривают меня: лучше, чтобы невеста пошла под венец по доброй воле. Ходили слухи о свадьбах в высоких

кругах, где все было наперекосяк: причитания, обмороки, мать закатывает невесте пощечины. Я подслушала, как Марфы говорили, что порой перед свадьбой вкалывают транквилизаторы, прямо иголками. Очень тщательно приходилось подбирать дозу: легкие спотыкания и заплетающийся язык можно списать на полноту чувств, все-таки свадьба — невероятно важный момент в жизни девушки, но церемония, на которой невеста лежит в беспамятстве, за свадьбу не засчитывается.

Было ясно, что я выйду за Командора Джадда, приятно мне это или нет. Отвратительно мне это или нет. Но свое омерзение я держала при себе и притворялась, будто раздумываю. Говорю же, играть роль я уже научилась.

— Ты подумай, какое у тебя будет положение, — говорила Пола. — Лучшего и желать нельзя.

Командор Джадд немолод, он не будет жить вечно, и она, Пола, ничего такого отнюдь не желает, но я, скорее всего, намного его переживу, а после его смерти я стану вдовой и получу гораздо больше свободы в выборе следующего мужа. Ты подумай, какой это плюс! Естественно, все родственники мужского пола, включая родню по мужу, тоже поучаствуют в моем выборе второго

супруга.

Затем Пола перечисляла качества двоих других кандидатов, черня их внешность, и их нравы, и их положение в обществе. Зря напрягалась: я ненавидела обоих.

Тем временем я взвешивала, что еще тут можно сделать. Есть секатор для букетов во французском стиле, как тот, к которому прибегла Бекка, — у Полы секатор тоже был, но хранился в садовом сарае под замком. Я слыхала о девушке, которая, чтобы не идти замуж, повесилась на поясе от банного халата. Эту историю поведала Вера годом раньше, а две другие Марфы грустно кривились и качали головами.

— Самоубийство — это вероотступничество, — сказала Цилла.

— Грязи не оберешься, — сказала Роза.

— Такое пятно на семье, — сказала Вера.

Был отбеливатель, но его хранили в кухне, и ножи тоже, а Марфы — они же не дуры, и у них глаза на затылке — они прекрасно видели мое отчаяние. Все три обзавелись привычкой мимоходом ронять афоризмы — «нет худа без добра», или «не вкусив горького, не узнаешь и сладкого», или даже «бриллианты девушке лучшие дру-

зья»[53]. Роза до того дошла, что якобы себе под нос выдала:

— Как умрешь, мертвой будешь навеки, — и при этом покосилась на меня краем глаза.

Без толку было просить о помощи Марф, даже Циллу. Пусть они и жалели меня, пусть и желали мне добра, повлиять на исход они никак не могли.

Под конец недели объявили о моей помолвке: с Командором Джаддом, как и предполагалось с первого дня. Он явился в дом при полном параде, нацепив медали, пожал руку Командору Кайлу, поклонился Поле и улыбнулся моей макушке. Пола отошла ко мне, встала рядом, обняла меня одной рукой, легонько придерживая за талию, — она никогда ничего подобного не делала. Она что думала, я убегу?

— Добрый вечер, дорогая моя Агнес, — сказал Командор Джадд.

Я вперилась глазами в его медали: проще было смотреть на них, чем на него.

---

[53] Сноски: 53

«Бриллианты девушке лучшие друзья» («Diamonds Are a Girl's Best Friend») — песня из бродвейского мюзикла «Джентльмены предпочитают блондинок» (*Gentlemen Prefer Blondes*, 1949), написанная Джулом Стайном и Лео Робином и изначально исполненная Кэрол Ченнинг; самым известным исполнением стала версия Мэрилин Монро из экранизации мюзикла, снятой Говардом Хоуксом в 1953 г.

— Можешь поздороваться, — вполголоса сказала Пола, чуть ущипнув меня за спину. — «Добрый вечер, *господин*».

— Добрый вечер, — шепотом выдавила я. — Господин.

Командор приблизился, сложил лицо в брыластую улыбку и целомудренным поцелуем ткнулся мне в лоб. Губы у него были неприятно горячие и оторвались от моего лба с чмоком. Я вообразила, как его рот через кожу засасывает крохотный ошметочек моего мозга. Еще тысяча таких поцелуев — и у меня в черепе не останется мозгов.

— Я надеюсь, моя дорогая, что со мной ты будешь очень счастлива, — сказал он.

Я чуяла его дыхание — смесь алкоголя, мятного ополаскивателя, как у стоматолога, и зубной гнили. Непрошено явилось видение первой брачной ночи: в сумраке незнакомой комнаты на меня надвигался громадный и мутный белый сгусток. У сгустка была голова, но не было лица — только отверстие, как пасть у пиявки. Откуда-то из середины торчало третье щупальце, раскачивалось в воздухе. Сгусток добрался до кровати, где в параличе ужаса и вдобавок голая лежала я — надо оголяться, говорила Сонамит, хотя бы

отчасти. А дальше что? Я закрыла глаза, пытаясь перечеркнуть эту сцену, и снова открыла.

Командор Джадд отстранился и теперь сверлил меня взглядом. Я содрогнулась, когда он меня целовал? Я старалась не содрогаться. Пола сильнее щипала меня за талию. Я понимала, что надо ответить — «спасибо», или «я тоже надеюсь», или «я ничуть не сомневаюсь», — но не могла выдавить ни звука. Меня мутило: а вдруг меня стошнит прямо сейчас, на ковер? Позор-то какой.

— Она у нас замечательная скромница, — процедила Пола, не разжимая губ, свирепо косясь на меня.

— И это пленительное свойство, — отвечал Командор Джадд.

— Можешь идти, Агнес Емима, — сказала Пола. — Нам с твоим отцом и Командором есть что обсудить.

Я направилась к двери. Слегка кружилась голова.

— Вроде послушная, — уже на пороге донеслись до меня слова Командора Джадда.

— О да, — ответила Пола. — Она с самого детства почтительна.

Вот лгунья, а? Она же знала, какая ярость клокочет во мне.

Три свадебные устроительницы, Тетка Лорна, Тетка Сара Ли и Тетка Бетти, пришли вновь — на сей раз снять мерки для подвенечного платья; с собой они принесли наброски. Спросили, какое платье мне больше всего по душе. Я ткнула пальцем в первое подвернувшееся.

— Она здорова? — понизив голос, спросила у Полы Тетка Бетти. — Она совсем вымотанная.

— Такое время — много волнений, — ответила Пола.

— Это точно, — сказала Тетка Бетти. — Так волнующе!

— Пусть Марфы приготовят ей успокоительное питье, — посоветовала Тетка Лорна. — С ромашкой что-нибудь. Или транквилизатор.

Помимо платья мне полагалось новое нижнее белье и специальная ночная рубашка для первой брачной ночи, на бантиках спереди — так легко развязать ленточку, точно на подарочной упаковке.

— Не понимаю, чего мы морочимся с этими рюшами, — сказала Пола Теткам, не глядя на меня. — Она же все равно не оценит.

— А не ей на них смотреть, — с неожиданной прямотой ответила Тетка Сара Ли.

Тетка Лорна подавила смешок.

Что до подвенечного платья, оно будет «классическим», сказала Тетка Сара Ли. Классический стиль лучше всего — четкие линии, считала она, будут смотреться весьма элегантно. Фата на простом тканом венце с подснежниками и незабудками. Изготовление искусственных цветов — одно из тех ремесел, что поощрялись в среде Эконожен.

Свадьба должна была состояться, едва сошьют платье, то есть можно спокойно планировать на через две недели.

— Пола знает, кого желает пригласить? — спросила Тетка Сара Ли. Они вдвоем ушли вниз составлять список: Пола диктовала имена, Тетка Сара Ли записывала. Тетки подготовят и лично доставят устные приглашения: такова была одна из их задач — разносить пагубные вести.

— Ты что, не рада? — спросила Тетка Бетти, когда они с Теткой Лорной убирали свои наброски, а я одевалась. — Через две недели у тебя будет собственный дом!

В голосе ее сквозила печаль — у нее-то никогда не будет дома, но это я пропустила мимо ушей. «Две недели, — думала я. — На этой земле мне осталось прожить всего четырнадцать дней. На что я их потрачу?»

37

Дни ускользали один за другим, и я все сильнее отчаивалась. Где же выход? У меня не было пистолета, не было смертельных таблеток. Я вспоминала историю — Сонамит разболтала в школе — про чью-то Служанку, которая наглоталась жидкости для прочистки труб.

— У нее вся нижняя половина лица отпала, — в восторге шептала Сонамит. — Просто взяла и… растворилась! Прям пузырилась, типа!

Я ей тогда не поверила, зато верила теперь.

Ванна с водой? Но я буду задыхаться, и плеваться, и вынырну на воздух, нельзя же в ванне привязать камень на шею — это же не озеро, не река и не море. Но мне никак не добраться до озера, до реки или до моря.

Может, надо перетерпеть церемонию, а в первую брачную ночь убить Командора Джадда. Ткнуть краденым ножиком ему в шею, а потом себе. Отстирывать кровь с простыней придется долго. Но постирушкой заниматься не мне. Я воображала, в какой ужас придет Пола, вступив в эти кровавые покои. Скотобойня, одно слово. Попрощайся, Пола, с положением в обществе.

Конечно, все эти сценарии были фантазиями.

Про себя плетя небылицы, я знала, что не смогу свести счеты с жизнью или кого-то убить. Я вспоминала, с каким свирепым лицом Бекка раскроила себе запястье: она это всерьез, она правда готова была умереть. Она сильная — не то что я. Мне бы никогда не хватило решимости.

По ночам, засыпая, я фантазировала о чудесном спасении, но любое спасение требовало чужой помощи, а кто мне поможет? Здесь нужен был тот, кого я не знала: спаситель, привратник тайной двери, хранитель секретного пароля. Я просыпалась поутру и понимала, что такого не может быть. Снова и снова я прокручивала в голове: что делать, что делать? Я толком не могла думать, я почти не могла есть.

— Волнуется перед свадьбой, Господи благослови ее душу, — говорила Цилла.

Я хотела, чтоб Господь благословил мою душу, но не видела ни малейшего шанса.

Когда оставалось всего три дня, меня нежданно навестили. Цилла пришла позвать меня вниз.

— К тебе Тетка Лидия, — понизив голос, сообщила она. — Удачи. Мы все тебе этого желаем.

Тетка Лидия! Главная Основательница, портрет в золотой рамочке на стене в каждом классе,

абсолютная Тетка — ко мне? Что я натворила? По пути вниз я тряслась всем телом.

Полы дома не было — повезло; впрочем, получше узнав Тетку Лидию, я поняла, что везение тут было ни при чем. Тетка Лидия сидела на диване в гостиной. Она была меньше, чем на похоронах Кайловой, но, может, это просто я подросла. И она взаправду мне улыбнулась, морщинисто и желтозубо.

— Агнес, дорогая моя, — сказала она. — Я подумала, тебе приятно будет узнать новости о твоей подруге Бекке.

Я так перед ней трепетала, что почти лишилась дара речи.

— Она умерла? — прошептала я. Сердце у меня оборвалось.

— Отнюдь нет. Она в безопасности и счастлива.

— Где она? — умудрилась промямлить я.

— Она с нами, в Ардуа-холле. Хочет стать Теткой и поступила к нам Послушницей.

— Ой, — сказала я.

Забрезжила заря, приоткрылась дверца.

— Не все девушки подходят для брака, — продолжала Тетка Лидия. — Для некоторых это просто-напросто разбазаривание потенциала.

Девушка или женщина может внести свой вклад в воплощение Божественного Замысла иными способами. Одна птичка мне на хвосте принесла, что ты, возможно, разделяешь это мнение.

Кто ей сказал? Цилла? Цилла чуяла, как отчаянно я несчастна.

— Да, — сказала я.

Быть может, мои стародавние молитвы Тетке Лидии наконец-то принесли плоды, хотя и не те, которых я ждала.

— Бекка призвана к высшему служению. Если таково и твое призвание, — сказала Тетка Лидия, — еще есть время сообщить нам.

— Но как я… я не знаю как…

— Я сама не могу предложить такой план публично и напрямик, — сказала она. — Это нарушит первоочередное право отца устроить замужество дочери. Призвание перевесит отцовское право, но ты должна обратиться к нам первой. Я подозреваю, Тетка Эсте будет не прочь тебя выслушать. Если призвание твое окажется сильно, ты найдешь способ с ней связаться.

— А как же Командор Джадд? — робко спросила я.

Он ведь такой могущественный: если я уклонюсь от свадьбы, он же наверняка ужасно

разозлится?

— Ну, у Командора Джадда выбор всегда был велик, — ответила она с гримасой, которой я не поняла.

Дальше нужно было найти способ подобраться к Тетке Эсте. Я не могла заявить о своем намерении в лоб: Пола помешала бы мне. Заперла бы в спальне, накачала лекарствами. Она этим браком была одержима. Я осознанно говорю *одержима*: из-за моего брака она рисковала душой, хотя, как я узнала впоследствии, ее душа и так была объята пламенем.

Назавтра после визита Тетки Лидии я обратилась к Поле с просьбой. Я хотела поговорить с Теткой Лорной о моем подвенечном платье, которое примеряли и подгоняли уже дважды.

— Я хочу, чтобы в этот особенный день все было идеально, — сказала я. И улыбнулась. Я считала, что платье больше смахивает на абажур, но планировала изображать бодрость и благодарность.

Пола пронзила меня взглядом. Вряд ли она поверила моей улыбчивости, но раз я играю свою роль, оно и к лучшему — главное, чтоб я играла ту роль, которая желательна ей.

— Рада, что ты заинтересовалась, — сухо ответила она. — Спасибо Тетке Лидии, что тебя

навестила.

Естественно, Пола об этом прослышала, но о чем шла речь, она не знала.

Однако приглашать Тетку Лорну к нам в дом слишком хлопотно, сказала Пола. Я сама должна понимать, что это неудобно, — заказывать продукты, расставлять цветы, столько времени тратить, Поле некогда.

— Тетка Лорна сейчас у Сонамит, — сказала я.

Это я знала от Циллы: Сонамит тоже вскоре предстояло выйти замуж. В таком случае наш Хранитель может меня туда отвезти, сказала Пола. Сердце у меня забилось чаще — от облегчения, но и от страха: значит, мне придется осуществить свой рискованный план.

Откуда Марфы знали, кто где? Им не разрешались Комптакты, они не могли получать писем. Узнавали все, наверное, от других Марф, хотя, может, и от Теток, и от некоторых Жен. Тетки, Марфы, Жены: зачастую они завидовали друг другу, обижались друг на друга, порой даже ненавидели друг друга, однако новости перелетали от одной к другой, точно по незримым паутинкам.

Пола позвала и проинструктировала нашего шофера-Хранителя. Я думаю, она радовалась, что меня не будет дома: от горя моего, вероятно, нес-

ло кислятиной, и Полу это раздражало. Некогда Сонамит рассказывала, что девушкам, которым предстоит выйти замуж, в горячее молоко кладут таблетки для счастья, но мне в молоко никто ничего такого не клал.

Хранитель открыл мне дверцу, и я забралась на заднее сиденье нашей машины. Поглубже вдохнула — восторг пополам с ужасом. А вдруг моя уловка провалится? А вдруг удастся? Как ни посмотри, я не ведала, что меня ждет.

С Теткой Лорной, которая и в самом деле была у Сонамит, я и в самом деле побеседовала.

— Приятно меня видеть, — сказала Сонамит, — а когда мы выйдем замуж, будем все время ходить друг к другу в гости!

Она затащила меня в дом и повела смотреть подвенечное платье и слушать все-все-все про мужа, которым она скоро обзаведется, — он (прошептала она, хихикая) похож на карпа: подбородка нету, а глаза навыкате, зато он Командор среднего звена.

Как прекрасно, ответила я. Полюбовалась платьем, которое, сказала я Сонамит, получилось гораздо красивее моего. Сонамит рассмеялась: она слыхала, что я выхожу, можно сказать, за Бога, мой новый муж такой важный, надо же,

как мне повезло; я опустила очи долу и ответила, что платье у нее все равно лучше. Это согрело ей сердце, и она сказала, что верит в нас обеих — мы обе переживем этот секс и не будем выкаблучиваться. Мы послушаемся наставлений Тетки Лиз, и будем думать про букеты в вазе, и все быстро закончится, и, может, мы даже родим настоящих детей, сами, без Служанок. Она спросила, не хочу ли я овсяного печенья, и послала Марфу принести. Я взяла одно и чуть-чуть погрызла, хотя есть не хотелось.

— Я к тебе ненадолго, — сказала я, — дел по горло, но можно мне поговорить с Теткой Лорной?

Мы нашли ее в одной из пустых комнат через коридор — она там сосредоточенно читала свою тетрадку. Я попросила ее добавить что-то к моему платью — белый бант, белую оборку, не помню уже. Я попрощалась с Сонамит, и поблагодарила ее за печенье, и снова сказала, до чего прелестно ее платье. Я вышла через парадную дверь, весело помахала, прямо как настоящая девочка, и пошла к машине.

Там я спросила нашего шофера — сердце у меня колотилось, как бешеное, — не мог бы он заехать в мою старую школу, потому что я хочу поблагодарить свою бывшую учительницу Тетку Эсте за

все, чему она меня научила.

Он стоял возле машины и придерживал для меня заднюю дверцу. Подозрительно нахмурился:

— У меня другой приказ.

Я улыбнулась, понадеявшись, что вышло обворожительно. Лицо словно застыло — его как будто обмазали клеем, а клей высыхал.

— Совершенно ничего страшного, — сказала я. — Жена Командора Кайла не будет против. Тетка Эсте — она же *Тетка!* Это ее работа — обо мне позаботиться!

— Ну, я даже не знаю, — с сомнением протянул он.

Я поглядела на него снизу вверх. Прежде я не обращала на него особого внимания — обычно-то я его видела только со спины. Он был сложен как торпеда — сверху маленький, посередине толстый. Побрился плохо — у него была щетина и сыпь.

— Я скоро выйду замуж, — сказала я. — За очень могущественного Командора. Могущественнее Полы… Жены Командора Кайла.

Тут я сделала паузу, чтобы до него дошло, а потом, как ни стыдно мне в этом признаваться, легонько накрыла ладонью его руку, лежавшую на ручке дверцы.

— Я прослежу, чтобы вас вознаградили, — сказала я.

Он чуточку вздрогнул и порозовел.

— Тогда что ж, — сказал он, хотя и не улыбнулся.

«Вот, значит, как женщины добиваются своего», — подумала я. Если готовы подольщаться, и врать, и нарушать обещания. Меня воротило от себя, но это, как легко заметить, меня не остановило. Я снова улыбнулась и, забрасывая ноги в машину, немножко поддернула юбку, оголив лодыжку.

— Спасибо, — сказала я. — Вы не пожалеете.

Он отвез меня в мою старую школу, как я и просила, и поговорил с Ангелом на посту, и двойные ворота распахнулись, и меня ввезли внутрь. Я велела шоферу меня подождать — я быстро. После чего я невозмутимо прошествовала в школьное здание, казавшееся гораздо меньше, чем в тот день, когда я была здесь последний раз.

Уроки закончились — мне повезло, что Тетка Эсте еще была на месте, хотя, опять же, возможно, дело тут отнюдь не в везении. Она сидела за столом в том же классе, что и прежде, и писала в тетрадку. Когда я вошла, она подняла голову.

— Батюшки, Агнес, — сказала она. — Да ты со-

всем большая!

Дальше этой минуты я не планировала. Хотелось броситься к ее ногам и зарыдать. Она всегда была ко мне добра.

— Меня насильно выдают замуж за кошмарного урода! — сказала я. — Я лучше руки на себя наложу!

Тут я и впрямь зарыдала и повалилась к ней на стол. В некотором смысле я играла роль и, быть может, плохо играла, но в итоге-то все это сыграло важную роль, если вы меня понимаете.

Тетка Эсте помогла мне подняться и посадила на стул.

— Садись, моя дорогая, — сказала она, — и рассказывай.

По долгу службы она задавала мне вопросы. А я думала о том, как положительно скажется этот брак на моем будущем? Я ответила, что про все преимущества знаю, но мне безразлично, потому что у меня нет будущего — такого будущего мне не надо.

— А другие кандидаты? — спросила она. — Может, мне предпочтительнее кто-то другой?

— Они ничем не лучше, — сказала я, — и вообще, Пола хочет Командора Джадда, ее уже не собьешь.

«Я это серьезно — про наложить на себя руки?»

«Я серьезно, — сказала я, — и если не удастся до свадьбы, тогда после — точно, и я убью Командора Джадда, если он хоть пальцем ко мне прикоснется. — Возьму нож, — сказала я. — Глотку ему перережу».

Все это я говорила убежденно, чтоб она понимала — я на такое способна, и в ту минуту я верила, что способна и впрямь. Я почти чувствовала, как из него хлещет кровь. А потом и из меня. Я ее почти видела — красным таким маревом.

Тетка Эсте не сказала, что я очень испорченная, — она же все-таки не Тетка Видала. Вместо этого она ответила, что понимает мое огорчение.

— Но, может быть, ты считаешь, что в силах умножать добро иными способами? Скажем, нет ли у тебя призвания?

Про это я забыла, но тут вспомнила.

— Ой, да, — сказала я. — Да, призвание есть. Я призвана к высшему служению.

Тетка Эсте посмотрела на меня долго и пристально. А затем попросила разрешения молча помолиться: ей потребно наставление. Я смотрела, как она складывает руки, закрывает глаза и склоняет голову. Я затаила дыхание. «Господи, прошу тебя, скажи ей все как надо», — в свою

очередь, молилась я.

В конце концов она открыла глаза и улыбнулась мне.

— Я поговорю с твоими родителями, — сказала она. — И с Теткой Лидией.

— Спасибо, — ответила я.

И опять заплакала — на сей раз от облегчения.

— Хочешь поехать со мной? — спросила она. — Поговорить с родителями?

— Я не могу. Они меня схватят, и запрут, и дадут мне лекарство. Вы же понимаете.

На это она не возразила.

— Порой оно и к лучшему, — сказала она, — но для тебя, пожалуй, нет. Однако в школе тебе остаться нельзя. Я не смогу помешать Очам зайти, и забрать тебя, и переубедить. Ты не хочешь, чтобы Очи так поступали. Пойдем-ка.

Должно быть, она прикинула, кто такая Пола, и рассудила, что та способна на все. Я тогда не знала, откуда у Тетки Эсте такие данные про Полу, но теперь-то знаю. У Теток свои методы и свои доносчики: никакие стены пред ними не прочны, никакие двери не заперты.

Мы вышли из школы, и Тетка Эсте сказала моему шоферу, мол, пусть сообщит Жене своего Командора, что ей очень жаль, она не хотела так

надолго задерживать Агнес Емиму и надеется, что лишнего беспокойства это не принесло. Также пусть он передаст, что она, Тетка Эсте, вскоре навестит Жену Командора Кайла, поскольку им надо решить важный вопрос.

— А она? — спросил шофер, имея в виду меня.

Тетка Эсте ответила, что забирает меня под свою ответственность, ему незачем обо мне тревожиться. Он глянул на меня с упреком — со злобой, если совсем уж честно: он понял, что я обвела его вокруг пальца и что он влип. Тем не менее он сел в машину и выехал за ворота. На воротах стояли Ангелы Школы Видалы — они слушались Тетку Эсте.

После этого Тетка Эсте вызвала своего шофера-Хранителя, и мы сели в ее машину.

— Я тебя везу в безопасное место, — сказала она. — Оставайся там, пока я не поговорю с твоими родителями. Обещай мне, что, когда доберемся, ты что-нибудь съешь. Обещаешь?

— Я не захочу есть, — сказала я. Я еще глотала слезы.

— Захочешь, когда устроишься, — сказала она. — Стакан горячего молока хотя бы. — Она взяла меня за руку, пожала. — Все разрешит-

ся, — сказала она. — Все сделается хорошо[54]. — А потом отпустила мою руку и легонько по ней похлопала.

Это меня, конечно, более или менее утешило, но снова захотелось плакать. Доброта порой так действует.

— Как? — спросила я. — Как все может сделаться хорошо?

— Не знаю, — сказала Тетка Эсте. — Но сделается. Я верю. — И вздохнула. — Временами верить — тяжкий труд.

38

Садилось солнце. Весенний воздух дрожал золотой дымкой, какая часто возникает в это время года, — пыль, пыльца. Листья на деревьях лаково блестели — такие свежие, едва распустились; все они были как дары, каждый из них — дар, что разворачивается сам, впервые встряхивается. Словно Господь только что их создал, когда-то говорила нам Тетка Эсте на Любовании Приро-

---

[54] Сноски: 54

Цитата из трактата английской духовной писательницы Юлианы Нориджской (1342–1416) «Откровение Божественной любви» (*Revelations of Divine Love*, 1395); цитируется в поэме «Литл Гиддинг», последней из четырех поэм цикла англо-американского поэта Томаса Стернза Элиота «Четыре квартета» (*Four Quartets*, 1943), перев. А. Сергеева.

дой, и перед нами возникала картинка: Господь поводит рукой над омертвелыми зимними деревьями, и они мигом покрываются ростками, распускаются листвой. Каждый лист уникален, прибавляла Тетка Эсте, прямо как вы! До чего красивая мысль.

Мы с Теткой Эсте катили по золотым улицам. Увижу ли я вновь эти дома, эти деревья, эти тротуары? Пустые тротуары, тихие улочки. В домах зажигались огни; внутри, наверное, счастливые люди — люди, которые знают, где им место. Я уже чувствовала себя отщепенкой; но я ведь отщепилась сама, так что не имела права себя жалеть.

— Куда мы едем? — спросила я.

— В Ардуа-холл, — сказала Тетка Эсте. — Можешь побыть там, пока я навещаю твоих родителей.

Я слыхала, как поминают Ардуа-холл — неизменно понизив голос, потому что это специальное место для Теток. Чем Тетки занимаются, пока мы не смотрим, — не наше дело, говорила Цилла. Держатся они наособицу, а нам совать нос в их дела не след.

— Но на *их* месте я бы оказаться не пожелала, — прибавляла Цилла.

— Почему? — как-то раз спросила я.

— Жуть там у них, — сказала Вера, через мясорубку прокручивая свинину для пирога. — Они руки пачкают.

— Чтобы нам не пришлось, — кротко вставила Цилла, раскатывая тесто.

— И мозги пачкают, — сказала Роза. — Хочешь не хочешь, а запачкаешь. — Она большим ножом рубила лук. — Читают! — Она грохнула ножом с большим чувством. — Вот никогда не любила.

— И я, — сказала Вера. — Кто его знает, в чем им там приходится копаться! Грязь и слизь сплошная.

— Лучше они, чем мы, — сказала Цилла.

— Им нельзя заводить мужей, — сказала Роза. — Я бы тоже не захотела, но все равно. И детей тоже. Детей им нельзя.

— Да они же старые, — сказала Вера. — Все давно пересохло.

— Тесто готово, — сказала Цилла. — А сельдерей у нас есть?

Такой взгляд на Теток меня обескураживал, однако Ардуа-холл живо интересовал. С тех самых пор, как я узнала, что Тавифа мне не мать, любые тайны притягивали меня. Ардуа-холл рисовался мне в детских фантазиях — я разукрашивала его, надстраивала, наделяла волшебством: наверняка

ведь обиталище столь густой подпольной, но непостижимой силы должно быть грандиозно? Как громадный замок? Или скорее как тюрьма? Или как наша школа? Вероятнее всего, там на каждом шагу большие латунные замки, и только Тетки могут их открывать.

Где распахнется пустота, ее услужливо затопит разум. Страх всегда готов восполнить пробелы, как и любопытство. У меня богатый опыт того и другого.

— Вы там живете? — спросила я. — В Ардуахолле?

— Все Тетки города там живут, — сказала она. — Но мы приходим и уходим.

Когда, перекрасив воздух в тускло-оранжевый, замерцали уличные фонари, мы подъехали к коваными чугунным воротам в высокой ограде из красного кирпича. Ворота были заперты на засов. Машина притормозила; ворота распахнулись. Внутри прожекторы; внутри деревья. Мужчины в темных мундирах Очей стояли на широкой лестнице перед ярко освещенным кирпичным дворцом с белыми колоннами — ну, издали он походил на дворец. Вскоре я узнаю, что прежде там была библиотека.

Машина заехала, остановилась, и шофер от-

крыл дверцу — сначала Тетке Эсте, затем мне.

— Спасибо, — сказала ему Тетка Эсте. — Подождите, пожалуйста, здесь. Я скоро вернусь.

Она взяла меня под руку, и мы зашагали вдоль большого здания из серого камня, затем мимо женской статуи, вокруг которой сгрудились изваяния других женщин. В Галааде редко встретишь статуи женщин — только мужчин.

— Это Тетка Лидия, — пояснила Тетка Эсте. — То есть ее статуя.

Мне померещилось или Тетка Эсте отвесила легкий книксен?

— По-настоящему она не такая, — сказала я. Я не знала, втайне ли навещала меня Тетка Лидия, поэтому прибавила: — Я ее видела на похоронах. Она не такая большая.

Тетка Эсте заговорила не сразу. Сейчас-то я понимаю, что с ответом она затруднилась: кому охота прилюдно говорить, что могущественный человек — на самом деле мелкий.

— Да, — сказала она. — Но статуи — не настоящие люди.

Мы свернули на мощеную дорожку. Сбоку тянулось длинное трехэтажное здание из красного кирпича, а в нем то и дело попадались одинаковые подъезды — в каждый вели ступени

невысокого крыльца, над каждым белый треугольник. В треугольнике было что-то написано, только я еще не умела читать. И все равно удивилась надписям в таком публичном месте.

— Это Ардуа-холл, — сказала Тетка Эсте.

Какое огорчение: я думала, он гораздо величественнее.

— Заходи. Там тебя никто не тронет.

— Никто не тронет? — переспросила я.

— Пока что, — ответила она. — И, я надеюсь, еще долго. — Она мягко улыбнулась. — Мужчинам сюда нельзя без разрешения Теток. Таков закон. Можешь передохнуть, пока я не вернусь.

«Допустим, от мужчин я здесь спасена, — подумала я, — а с женщинами как? Пола может ворваться и выволочь меня, утащить назад, туда, где мужья».

Тетка Эсте провела меня через комнатку с диваном.

— Это общая гостиная. Вон за той дверью уборная. — Мы взошли вверх по лестнице, в комнатушку этажом выше, с одной кроватью и столом. — Кто-нибудь из Теток принесет тебе горячего молока. А потом поспи. Не переживай, пожалуйста. Господь рек мне, что все будет хорошо.

Я в это верила не столь неколебимо и все же слегка утешилась.

Тетка Эсте подождала, пока прибудет горячее молоко, — принесла его безмолвная Тетка.

— Спасибо, Тетка Силуэт, — сказала Тетка Эсте.

Та кивнула и выскользнула за дверь. Тетка Эсте похлопала меня по плечу, вышла и закрыла за собой дверь.

Молока я глотнула лишь разок: оно было подозрительное. Сталось бы с Теток подсыпать мне лекарство, похитить меня и доставить прямиком Поле в руки? Тетка Эсте вряд ли бы так поступила, а вот Тетка Силуэт, судя по ее наружности, вполне могла. Тетки — они на стороне Жен; во всяком случае, так говорили девочки в школе.

Я побродила по комнатушке; потом легла на узкую койку. Но я была слишком взвинчена, мне не спалось, и я опять вскочила. На стене висел портрет — с него непроницаемо улыбалась Тетка Лидия. На стене напротив висел портрет Младенцы Николь. Знакомые лица, те же портреты, что в классных комнатах Школы Видалы, и они странным образом уняли мою тревогу.

На столе лежала книга.

В тот день я уже подумала немало запретных мыслей, совершила немало запретных поступков

и готова была еще к одному. Я подошла и посмотрела на книгу. Что там внутри — отчего она так пагубна для девочек? Так огнеопасна? Так разрушительна?

39

Я протянула руку. Взяла книгу.

Перевернула обложку. Пламя не полыхнуло.

Внутри было много белых страниц с кучей значков. Значки походили на мелких насекомых — черных изломанных насекомых, что выстроились рядами, точно муравьи. Я вроде бы знала, что в значках кроются звуки и смыслы, но не помнила, откуда знаю.

— Поначалу очень сложно, — сказал голос позади меня.

Я не услышала, как открылась дверь. Я вздрогнула и развернулась.

— Бекка! — сказала я.

В последний раз я видела ее в букетном классе Тетки Лиз — тогда у Бекки хлестала кровь из рассеченного запястья. Лицо было очень бледное, и решительное, и безнадежное. Теперь она выглядела гораздо лучше. На ней было бурое платье — сверху свободное, на талии перепоясанное; волосы разделены прямым пробором и оттянуты

назад.

— Меня больше так не зовут, — сказала она. — Меня зовут Тетка Иммортель — я Послушница. Но когда мы одни, можешь звать меня Бекка.

— Ты, значит, все-таки не вышла замуж. Тетка Лидия сказала, что у тебя высокое призвание.

— Да, — ответила она. — Мне не надо выходить замуж ни за кого никогда. Погоди, а ты? Я слышала, ты выходишь за кого-то страшно важного.

— Должна выйти, — сказала я. И заплакала. — Но я не могу. Я просто не могу! — Я отерла нос рукавом.

— Я понимаю. Я им сказала, что лучше умру. Ты им, наверное, тоже так сказала. — (Я кивнула.) — Ты говорила, что у тебя призвание? Стать Теткой? — (Я снова кивнула.) — У тебя правда призвание?

— Не знаю.

— Я тоже, — сказала Бекка. — Но полгода испытательного срока я прошла. Через девять лет, когда стану взрослая, можно будет попроситься в Жемчужные Девы, нести миссионерское служение, а когда закончу, стану настоящей Теткой. Тогда, может, у меня по правде появится призвание. Я об этом молюсь.

Я перестала плакать.

— Что надо делать? Чтобы пройти испытательный срок?

— Сначала надо мыть тарелки, и полы, и туалеты, и помогать со стиркой, и стряпать, как Марфы. И учиться читать. Читать гораздо сложнее, чем мыть туалеты. Но я уже немножко умею.

Я протянула ей книгу:

— Покажи! Эта книга — она греховная? В ней все запретное, как Тетка Видала объясняла?

— Эта? — Бекка улыбнулась. — Эта — нет. Это просто «Правила Ардуа-холла» — там история, и клятвы, и гимны. И еще еженедельное расписание прачечной.

— Давай! Почитай мне!

Я хотела посмотреть, правда ли она умеет переводить черные насекомые значки в слова. Впрочем, откуда мне было знать, что она читает правильно? Сама-то я прочесть не могла.

Она открыла книгу.

— Вот, на первой странице. «Ардуа-холл, теория и практика, протоколы и процедуры, *Per Ardua Cum Estrus*». — Она показала мне. — Видишь? Это «А».

— Что такое «А»?

Она вздохнула:

— Я сегодня не могу, мне надо в Библиотеку

Хильдегарды, у меня ночное дежурство, но, если тебя оставят, я тебе потом помогу, честно. Давай спросим Тетку Лидию — может, тебя пустят жить здесь, со мной. Тут две спальни стоят пустые.

— Как думаешь, она позволит?

— Я точно не знаю, — сказала Бекка вполголоса. — Но никогда ни за что не говори о ней ничего плохого, даже там, где тебе кажется, что можно, — здесь, например. Она все-все узнает, неизвестно как. — И перешла на шепот: — Она из всех Теток самая страшная!

— Страшнее Тетки Видалы? — прошептала я.

— Тетка Видала хочет, чтобы ты ошибалась, — сказала Бекка. — А Тетка Лидия… трудно объяснить. Она как будто хочет, чтобы ты стала лучше.

— Вдохновляет, — заметила я.

Вдохновляет — любимое слово Тетки Лиз: она так выражалась про букеты.

— Она смотрит на тебя, как будто по правде видит.

На свете столько людей смотрело мимо меня.

— По-моему, я не против, — сказала я.

— Нет, — сказала Бекка. — Она поэтому такая и страшная.

40

Пола явилась в Ардуа-холл — уговаривать, чтоб я передумала.

— Приличия требуют, — сказала Тетка Лидия, чтобы я вышла и лично заверила Полу в праведности и святости своего решения, поэтому я так и поступила.

Пола ждала меня за розовым столиком кафетерия «Шлэфли», где нам, насельницам Ардуа-холла, дозволяли принимать посетителей. Злилась она ужасно.

— Мы с твоим отцом сватали тебя Командору Джадду, мы из кожи вон лезли! Ты вообще понимаешь? — сказала Пола. — Ты обесчестила своего отца.

— Стать Теткой — вовсе не бесчестье, — добродетельно возразила я. — Я призвана к высшему служению. Я не могла отмахнуться от призвания.

— Ты все врешь, — сказала Пола. — На такую, как ты, Господь никогда не укажет. А ну немедленно марш домой!

Тут я вскочила и шваркнула чайную чашку об пол.

— Как вы смеете усомниться в Божественной

Воле? — чуть не закричала я. — Вы испытаете наказание за грех свой, которое постигнет вас!

Я не знала, какой там у нее грех, но у всех какой-нибудь да найдется.

— Буянь, — посоветовала мне Бекка. — Тогда тебя не захотят выдавать замуж: если ты что-нибудь страшное учудишь, отвечать им.

Пола опешила. С ответом нашлась не сразу, но в конце концов нашлась:

— Теткам нужно согласие Командора Кайла, а он не согласится ни за что. Собирай вещички сию секунду — ты уезжаешь.

Однако в этот миг в кафетерий вошла Тетка Лидия.

— Позволите вас на два слова? — обратилась она к Поле.

Они вдвоем пересели за столик подальше от меня. Я навострила уши, но слов Тетки Лидии так и не разобрала. Зато Поле, кажется, стало нехорошо. Она поднялась, вышла из кафетерия, не сказав мне ни слова, а под вечер Командор Кайл подписал официальное разрешение, передав меня на попечение Теток. Лишь много лет спустя я выяснила, какими словами Тетка Лидия вырвала меня у Полы из когтей.

Затем мне предстояли собеседования с Тет-

ками-Основательницами. Бекка предупредила меня, как себя вести: Тетка Элизабет ценит преданность высшему благу, Тетка Хелена захочет побыстрее от меня отделаться, а Тетка Видала любит лесть и самоуничижение; короче говоря, я была во всеоружии.

Первой со мной собеседовала Тетка Элизабет. Ты против брака, спросила она, или только против брака с Командором Джаддом? Я сказала, что я против брака вообще, и это ей, кажется, пришлось по нраву. А я подумала о том, что мое решение больно заденет Командора Джадда — заденет его чувства? Я едва не ответила, что, по-моему, чувств Командор Джадд напрочь лишен, но Бекка предостерегала меня от непочтительности — Тетки ничего подобного не потерпят.

Я сказала, что молюсь за эмоциональное благополучие Командора Джадда, он заслуживает всяческого счастья, и я уверена, что некая другая Жена непременно его осчастливит, но Господь указал мне, что я не смогу подарить такое счастье Командору Джадду, как и любому мужу, и я хочу посвятить себя служению всем женщинам Галаада, а не только одному мужчине и одной семье.

— Если ты это говоришь от всего сердца, в Ар-

дуа-холле тебя ждет духовный рост, — сказала Тетка Элизабет. — Я проголосую за твое условное зачисление. А через полгода посмотрим, действительно ли ты избрана для такого пути.

Я поблагодарила ее не раз и не два, сказала, что ужасно признательна, и она вроде бы осталась довольна.

На собеседовании с Теткой Хеленой особо ничего и не было. Она только писала в тетрадку и не поднимала головы. Сказала, что Тетка Лидия и без нее все решила, а ей, Тетке Хелене, конечно, придется подчиниться. Намекнула, что я скучная и впустую трачу ее время.

Сложнее всего оказалось собеседование с Теткой Видалой. В школе она учила меня и невзлюбила еще с тех пор. Сказала, что я увиливаю от своего долга, что любая девушка, которой Господь даровал женское тело, обязана предложить это тело в священную жертву во имя Господа, а также ради славы Галаада и человечества, и обязана исполнить функцию, которую все подобные тела наследуют с самого Творения, и таков закон природы.

Я ответила, что Господь наделил женщин и другими дарами — например, теми, что пожалованы ей. «Это, например, какими?» — поинтересова-

лась она. Я ответила, что даром чтения, например, ибо этим даром наделены все Тетки. Она ответила, что у Теток чтение святое и поставлено на службу всему, что она перечислила выше — тут она все это перечислила еще разок, — и хватает ли мне дерзости утверждать, будто на меня уже снизошла подобная святость?

Я ответила, что готова к любому тяжкому труду, дабы достичь тех же высот, что она, ибо она — окрыляющий пример, и святости на меня пока еще не снизошло совсем никакой, но, может, милостью Божьей и молитвою я преуспею в очищении, хотя дорасти до ее святости мне, конечно, нечего и надеяться.

Тетка Видала сказала, что я выказываю уместную кротость, а это обещает успешную интеграцию в сообщество Ардуа-холла, где все подчинено служению. Когда я уходила, она даже выдала мне свою ущемленную улыбочку.

Напоследок со мной собеседовала Тетка Лидия. Перед другими собеседованиями я нервничала, а на пороге кабинета Тетки Лидии меня объял ужас. Вдруг она передумает? Считалось, что она не только грозная, но и непредсказуемая. Я хотела постучаться, подняла было руку, и тут из-за двери раздался ее голос:

— Ты там весь день будешь торчать? Входи.

Она тайком наблюдала за мной через миниатюрную видеокамеру? Бекка говорила, у Тетки Лидии их уйма — во всяком случае, по слухам. Как я вскоре обнаружила, сам Ардуа-холл был эхокамерой: слухи резонировали и рикошетили, ни в жизнь не разберешься, откуда они пошли.

Я перешагнула порог. Тетка Лидия сидела за столом, где высоченными кипами громоздились папки.

— Агнес, — сказала она. — Позволь тебя поздравить. Вопреки многочисленным препонам тебе удалось откликнуться на призвание и добраться к нам.

Я кивнула. Я боялась, она спросит, как звучало мое призвание — слышала ли я голос, например? — но она не спросила.

— Ты точно уверена, что не хочешь замуж за Командора Джадда?

Я потрясла головой: мол, нет.

— Мудро, — сказала она.

— Что? — Я удивилась: я думала, она прочтет мне нотацию об истинных обязанностях женщин, в таком духе. — То есть прошу прощения?

— Я убеждена, что ты не стала бы ему подходящей Женой.

Я с облегчением выдохнула.

— Да, Тетка Лидия, — ответила я. — Это правда. Надеюсь, он не очень расстроится.

— Я уже предложила ему более подходящую кандидатуру, — сказала она. — Твою бывшую одноклассницу Сонамит.

— Сонамит? — переспросила я. — Но она же собиралась замуж за кого-то другого!

— Подобные договоренности всегда можно поменять. Сонамит порадуется смене мужей, что скажешь?

Я вспомнила, как Сонамит еле скрывала зависть ко мне, как она восторгалась материальными благами, которые принесет ей замужество. С Командором Джаддом она получит вдесятеро больше.

— Наверняка она будет бесконечно признательна, — ответила я.

— Согласна. — Тетка Лидия улыбнулась. Как будто улыбнулась старая репа, заветренная и высохшая, — наши Марфы клали такую в бульон. — Добро пожаловать в Ардуа-холл, — продолжала она. — Ты принята. Надеюсь, ты благодарна за предоставленные возможности и за мою помощь.

— Очень, Тетка Лидия, — промямлила я. — Без-

мерно.

— Приятно слышать, — сказала она. — Не исключено, что и ты в один прекрасный день поможешь мне. За добро платят добром. Таково одно из железобетонных правил Ардуа-холла.

XV
Лис и кошка

Автограф из Ардуа-холла

41

К той, что ждет, все придет. Время — тиран всем калекам. Терпение — лучшее спасение. Мне отмщение[55].

Все эти заезженные трюизмы правдивы не всегда, но порой правдивы. А вот трюизм, правдивый неизменно: главное — верно выбрать момент. Это как с анекдотами.

Шуток у нас тут, правда, не в изобилии. Мы же не хотим, чтобы нас корили за дурной вкус и фривольность. В иерархии властей предержащих шутить дозволено лишь тем, кто на вершине, а эти шутят приватно.

Однако к делу.

Для личного моего умственного развития наиважнейшим элементом всегда была привилегия

---

[55] Сноски: 55

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12:19).

сидеть мухой на стене — или, говоря точнее, ухом в стене. Сколь поучительны конфиденциальные беседы, которые ведут молодые женщины, когда им чудится, будто их не слышат третьи лица. С годами я повысила чувствительность своих микрофонов, настроила их на шепоты и, затаив дыхание, ждала, кто из нашего пополнения предоставит мне постыдный материал, какой мне потребен и мною припасаем. Постепенно мои досье наполняются, как воздушный шар, что вот-вот оторвется от земли.

С Беккой понадобились годы. Она всегда скрывала основную причину своих горестей, даже от школьной подруги Агнес. Пришлось ждать, пока установится надлежащее доверие.

Агнес в конце концов и задала вопрос. Я здесь называю их прежними именами — Агнес, Бекка, — поскольку так они зовут друг друга между собой. Их преображение в совершенных Теток еще не свершилось, и это мне приятно. Впрочем, если копнуть поглубже, не совершенен никто.

— Бекка, что с тобой произошло? — как-то раз спросила Агнес, когда они вдвоем изучали Библию. — Ты почему так сильно против брака? — (Молчание.) — Я же знаю: что-то было. Ну пожалуйста, ты разве не хочешь поделиться?

— Я не могу.

— Я никому не скажу, честное слово.

И затем все осколками и обрывками вышло наружу. Гнусный доктор Гроув не просто лапал молодых пациенток в стоматологическом кресле. Об этом я знала уже некоторое время. Я даже собрала фотографические доказательства, но оставила их без движения, так как показания девушек — если от них и можно было добиться показаний, что в данном случае было мне сомнительно, — почти или же совсем не будут учтены. У нас в Галааде, даже когда речь идет о взрослых женщинах, показания четырех свидетельниц приравниваются к показаниям одного мужчины.

Гроув на то и рассчитывал. И вдобавок мужик самоуверен, как Командор: прекрасный стоматолог, а профессионалам, умеющим избавлять от боли, сильные мира сего дают немалую свободу. Врачи, стоматологи, адвокаты, бухгалтеры: в новом галаадском мире, как и в мире старом, им зачастую прощаются грехи.

Но то, что Гроув сделал с юной Беккой — еще маленькой Беккой, а потом Беккой постарше, но все же совсем юной Беккой, — это, на мой взгляд, требовало воздаяния.

На саму Бекку в этом смысле надежды не было. Она не даст показаний против Гроува — в этом я не сомневалась ни секунды. Ее разговор с Агнес мои подозрения подтвердил.

Агнес: Надо кому-то рассказать.

Бекка: Да некому.

Агнес: Можно Тетке Лидии.

Бекка: Она скажет, что он был моим родителем, а мы обязаны повиноваться родителям, таков Божий Замысел. Отец говорил так.

Агнес: Но он на самом-то деле тебе не родитель. Раз он так с тобой поступал. Тебя украли у матери, в младенчестве отдали другим людям…

Бекка: Он говорил, Господь даровал ему власть надо мною.

Агнес: А твоя так называемая мать?

Бекка: Она бы мне не поверила. А даже если бы поверила, сказала бы, что это я его соблазняла. Все бы так сказали.

Агнес: Но тебе же было четыре года!

Бекка: И все равно сказали бы так. Сама же понимаешь. Они же не могут вдруг взять и начать слушать… таких, как я. И, допустим, мне бы поверили — его бы тогда убили, разорвали бы Служанки на Причастике, а виновата была бы я. Я бы не смогла с этим жить. Это как убийство.

Я сюда не вписала слез, утешений, клятв в вечной дружбе, молитв. Хотя все это было. Растаяло бы самое черствое сердце. Мое вот чуть не растаяло.

В итоге Бекка решила принести свои безмолвные страдания в жертву Господу. Даже не знаю, что об этом думал Господь, но мне этого было мало. Судейскую могила исправит. Я судила, я приговорила. Но как привести приговор в исполнение?

Некоторое время поразмыслив, на прошлой неделе я решила сделать свой ход. Я пригласила Тетку Элизабет испить мятного чаю в кафетерии «Шлэфли».

Тетка Элизабет источала улыбки: я снизошла до ее персоны.

— Тетка Лидия, — сказала она. — Какая неожиданность!

У нее прекрасные манеры — когда она решает к ним прибегнуть. Студентку Вассара тоже исправит только могила, порой ехидничала я про себя, наблюдая, как в Центре Рахили и Лии она до кровавой каши лупит по пяткам очередную строптивицу, перевоспитывая ее в Служанку.

— Я подумала, нам нужно поговорить с глазу на глаз, — сообщила я.

Она подалась ко мне, предвкушая сплетни:

— Я вся обратилась в слух.

Что вранье — какое вся, в сравнении с телом ушки-то крошечные, — но я не стала заострять на этом внимание.

— Я вот давно думаю, — сказала я. — Будь вы животным, вы бы каким животным были?

Она в растерянности отшатнулась.

— Не могу сказать, что об этом думала, — ответила она. — Раз уж Господь не создал меня животным.

— Потрафите мне, — сказала я. — Вот, допустим: лисом или кошкой?

Тут, мой читатель, я должна пояснить. В детстве я читала книжку, которая называлась «Басни Эзопа». Взяла в школьной библиотеке: у нас в семье на книжки не тратились. В этой книжке была история, над которой я частенько раздумываю. Вот какая.

Лис и Кошка обсуждают, кто из них каким образом спасается от охотников и их собак. Лис говорит, что у него полно уловок, и если придут охотники со своими собаками, он, Лис, применит их одну за другой — вернется по своим следам, пробежит по воде, чтоб они потеряли след, нырнет в нору с несколькими выходами. Охотников

утомит хитрость Лиса, они сдадутся, а Лис вернется к своей воровской карьере и продолжит разорять скотные дворы. «А ты, почтенная Кошка? — спрашивает Лис. — Какие у тебя уловки?»

«Уловка у меня всего одна, — отвечает Кошка. — В самом крайнем случае я умею залезть на дерево».

Лис благодарит Кошку за столь занятную предобеденную беседу и объявляет, что пора трапезничать, а Кошка значится в его сегодняшнем меню. Щелкают лисьи челюсти, летят клочья кошачьей шерсти. Выплюнута бирка с ошейника. На телефонные столбы лепятся объявления с портретами пропавшей Кошки, под ними прочувствованные мольбы горюющих детей.

Извини. Увлеклась. В басне дальше было так.

На место действия прибывают охотники со своими собаками. Лис применяет все свои уловки, но уловки истощаются, и Лиса убивают. Кошка между тем забралась на дерево и невозмутимо взирает на происходящее. И насмехается: «Не самый, значит, умный!» Недостойно, короче, злорадствует.

На заре Галаада я все спрашивала себя, Лис я или Кошка. Вертеться мне и увиливать, используя ведомые мне тайны, дабы манипулировать

другими, или закрыть рот на замок и ликовать, глядя, как другие интригуют и сами же гибнут от своих интриг? Очевидно, я была и тем, и другой, ибо, в отличие от многих, я пока, изволишь ли видеть, здесь. У меня еще полно уловок. И я по-прежнему сижу высоко на дереве.

Но Тетка Элизабет о моих рассуждениях ничего не знала.

— Я, честное слово, понятия не имею, — сказала она. — Может, кошка.

— Да, — сказала я. — Я так и думала, что вы кошка. Но сейчас вам, пожалуй, стоит призвать на помощь своего внутреннего лиса.

Тут я подержала паузу.

— Тетка Видала пытается вас дискредитировать, — продолжала я затем. — Она утверждает, будто вы обвиняете меня в ереси и идолопоклонстве, подкладывая яйца и апельсины к моей же статуе.

Тетку Элизабет это обескуражило.

— Какая ложь! Зачем Видала так? Я ей никогда ничего плохого не делала!

— Кому дано постичь тайны человеческой души? — отвечала я. — Все мы не без греха. Тетка Видала честолюбива. Возможно, она распознала в вас, по сути дела, второе лицо после меня. —

Тут Элизабет просветлела: для нее это была новость. — Она заключила, что вы, таким образом, следующая в списке претенденток на пост руководительницы Ардуа-холла. Наверняка ей обидно — она считает, что положением старше вас, да и меня, поскольку была одной из первых правоверных Галаада. Я немолода, здоровье мое оставляет желать лучшего; очевидно, с ее точки зрения, чтобы занять принадлежащую ей по праву должность, необходимо уничтожить вас. Посему она желает ввести новые правила, запрещающие подношения моей статуе. И наказания, — прибавила я. — Она, видимо, примеривается исключить из Теток меня, а заодно и вас.

Элизабет уже рыдала.

— Какая мстительность! Как Видала может? — всхлипывала Элизабет. — Я думала, мы подруги.

— Дружба, увы, бывает эфемерна. Не волнуйтесь. Я вас прикрою.

— Я невероятно признательна, Тетка Лидия. Вы такая порядочная!

— Благодарю вас, — сказала я. — Но взамен мне понадобится от вас одна мелочь.

— Да! Конечно! — сказала она. — Какая?

— Я хочу, чтобы вы лжесвидетельствовали, —

сказала я.

Просьба не пустяковая: Элизабет сильно рискует. В Галааде к лжесвидетелям относятся сурово, и, однако же, их тут пруд пруди.

XVI
Жемчужные девы

Протокол свидетельских показаний 369Б

42

Мой первый день, проведенный бездомной Агатой, выпал на четверг. Мелани говорила, что я родилась в четверг, поэтому мне предстоит долгая дорога, был такой детский стишок, там еще говорилось, что рожденному в среду — скорбь и тревога[56], поэтому я, если дулась, говорила, что она перепутала день, а на самом деле я родилась в среду, и она отвечала, что, конечно, нет, она точно знает, когда я родилась, как она может это забыть?

Короче, был четверг. Я сидела, скрестив ноги на тротуаре вместе с Гартом; на мне были черные легинсы с дыркой — легинсы дала Ада, а дырку я продрала сама, — и поверх легинсов пурпурные

---

[56] Сноски: 56

Имеется в виду английская детская песенка *Monday's Child*, в ней судьба ребенка определяется днем недели, в который он родился: «Рожденному в среду — скорбь и тревога. Родишься в четверг — будет долгой дорога».

шорты, и потертые серебристые кроссовки, пропущенные, судя по виду, через пищеварительную систему енота. Еще на мне был замызганный розовый топ — без рукавов, поскольку Ада сказала, что надо выставить напоказ мою новую тату. Вокруг пояса я завязала серое худи, а на голову нацепила черную бейсболку. Все эти шмотки были не по размеру: им полагалось выглядеть так, будто я выуживала их из мусорных баков. Новые зеленые волосы я нарочно запачкала, как будто спала на улице. Зелень уже выцветала.

— Выглядишь замечательно, — сказал Гарт, увидев меня в этом костюме на пороге.

— Замечательно смахиваю на говно, — сказала я.

— Отличное говно, — сказал Гарт.

Я считала, что он просто хочет сказать мне хорошее, и это было обидно. Лучше бы он это по правде.

— Но в Галааде с руганью завязывай, серьезно. Может, пусть они тебя обратят и переучат.

Надо было вызубрить кучу инструкций. Я нервничала — не сомневалась, что где-нибудь налажаю, — но Гарт сказал, чтоб я просто играла роль дурочки с переулочка, и я сказала «спасибо» за «играла роль».

Флиртовала я так себе. В первый раз все-таки.

Обосновались мы перед банком — Гарт сказал, если хочешь выпрашивать деньги за так, лучше места не найти: от людей, которые выходят из банков, скорее что-нибудь перепадет. Обычно это место занимал другой человек, женщина в коляске, но «Мой день» заплатил ей, чтобы переехала, пока место нужно нам: Жемчужные Девы ходили по заданному маршруту, и маршрут пролегал мимо нашей точки.

Солнце шпарило сильно, и мы отодвинулись к стене, в узенькую тень. Передо мной лежала старая соломенная шляпа с картонкой, а на картонке цветными карандашами: НЕТ ДОМА ПОМОГИТЕ ПОЖАЛУЙСТА. В шляпе лежало несколько монет — Гарт сказал, если люди видят, что кто-то уже дал деньги, они тогда с большей охотой дают сами. Мне полагалось изображать заблудшую и потерянную, и это было несложно — я так себя и чувствовала.

В соседнем квартале к востоку на углу сидел Джордж. Он сообщит Аде с Элайджей, если будут проблемы — и с Жемчужными Девами, и с полицией. Те в фургоне курсировали по району.

Гарт особо не разговаривал. Я решила, что он такой гибрид няньки с телохранителем, он тут не

для того, чтобы развлекать меня беседой, и в правилах нигде не записано, что он должен быть со мной любезен. Он надел черную футболку без рукавов, открывавшую его татуировки — на одном бицепсе кальмар, на другом летучая мышь, обе черные. И натянул вязаную такую шапку, тоже черную.

— Улыбайся людям, если подают, — сказал он, когда я не улыбнулась седой старушке. — И говори что-нибудь.

— Например?

— Кое-кто говорит: «Да благословит вас Господь».

Нил был бы в ужасе, если б я такое выдала.

— Это будет вранье. Раз я не верю в Бога.

— Ладно. «Спасибо» тоже сойдет, — терпеливо ответил он. — Или «доброго вам дня».

— Я не могу такое говорить, — возразила я. — Это лицемерно. Я им совсем не благодарна, и меня не колышет, какой у них будет день.

Он засмеялся:

— Теперь тебя, значит, парит вранье? Давай ты тогда переименуешься в Николь?

— Я себе такое имя не выбирала. Хуже имени не придумаешь, ну?

Я скрестила руки на коленях и отвернулась.

Я все больше впадала в детство — это все Гарт виноват.

— Ты на меня-то злость не трать, — посоветовал он. — Я тут предмет мебели. Ты для Галаада злость побереги.

— Вы все говорите, что мне не хватает норова. Вот, пожалуйста, тебе мой норов.

— И здравствуйте, Жемчужные Девы, — сказал он. — Не смотри на них. Не замечай вообще. Сделай вид, что обкурена.

Уж не знаю, как он их засек, даже вроде и не посмотрев, — они еще далеко были. Но вскоре поравнялись с нами: две Девы в серебристо-серых длинных платьях, с белыми воротниками, в белых шляпах. Рыжая, у которой наружу торчали пряди, и брюнетка, судя по бровям. Обе встали надо мной и улыбнулись сверху вниз.

— Доброе утро, милочка, — сказала рыжая. — Как тебя зовут?

— Мы можем тебе помочь, — сказала брюнетка. — В Галааде бездомных не бывает.

Я смотрела на нее, задрав голову, в надежде, что печаль моя читается по лицу. Обе они были такие опрятные и ухоженные — я рядом с ними чувствовала себя втройне замарашкой.

Гарт собственнически стиснул мне правый

локоть.

— Она с вами разговаривать не будет, — сказал он.

— Может, пусть она сама решит? — сказала рыжая.

Я покосилась на Гарта, будто спрашивая разрешения.

— Это что у тебя на руке? — спросила та, что повыше, брюнетка. И наклонилась посмотреть.

— Он тебя обижает, милочка? — спросила рыжая.

Брюнетка улыбнулась:

— Он тебя *продает?* Тебе с нами будет гораздо лучше.

— Пошли на хуй, суки галаадские, — с замечательной свирепостью сказал Гарт.

Я посмотрела на них, аккуратных и чистеньких, в жемчужных платьях, с белыми ожерельями — вы, может, не поверите, но по щеке моей скатилась слеза. Я знала, что у них на меня свои планы, я сама им до фонаря, им лишь бы подобрать меня и добавить к своей квоте, — но от их доброты что-то во мне дрогнуло. Хотелось, чтоб меня взяли на ручки и уложили в постельку.

— Ох ты ж батюшки, — сказала рыжая. — Да ты прямо герой, я смотрю. Пусть она хотя бы вот это

возьмет. — Она сунула мне брошюру. Там было написано: «*Ты* найдешь в Галааде дом!» — Да благословит тебя Господь.

И обе ушли, разок обернувшись.

— А они не должны были меня подобрать? — спросила я. — Мне не надо с ними?

— Не с первого раза. Не будем упрощать им задачу, — сказал Гарт. — Если галаадские следят, будет выглядеть подозрительно. Не парься, они вернутся.

43

В ту ночь мы спали под мостом. Мост был через овраг, по оврагу тек ручей. Сгущался туман — после жаркого дня стало холодно и влажно. Земля воняла кошачьей мочой или, может, скунсом. Я натянула серое худи, руку с вытатуированными шрамами совала в рукав осторожно. Рука побаливала.

С нами под мостом было еще человека четыре или пять — трое мужчин и две женщины, по-моему, хотя в темноте не разберешь. Среди мужчин был Джордж — вел себя так, будто нас знать не знает. Одна женщина раздавала сигареты, но мне хватило ума не курить — я бы закашлялась и себя выдала. И пустили по кругу бутылку. Гарт велел

мне ничего не курить и не пить, потому что фиг его знает, что там.

Еще он велел ни с кем не разговаривать: любой может оказаться засланным из Галаада, и если они попытаются вызнать мою историю, а я лопухнусь, они почуют неладное и предупредят Жемчужных Дев. Разговаривал Гарт сам — в основном ворчал. Одного-двоих он, кажется, знал. Один спросил:

— Она что, умственно отсталая? Язык проглотила? — и Гарт сказал:

— Она разговаривает только со мной, — а тот ответил:

— Круто устроился, как тебе удалось?

У нас были зеленые мешки для мусора — на них мы и лежали. Гарт обхватил меня руками, и стало теплее. Ту его руку, что оказалась сверху, я сначала отпихнула, но он шепнул мне на ухо:

— Не забывай, ты же моя подруга, — и я перестала ерзать.

Я понимала, что он меня обнимает понарошку, но в тот миг мне было все равно. Мне по правде казалось, что он почти что мой первый парень. Ничего такого, но хоть что-то.

На следующую ночь Гарт подрался с одним мужиком под мостом. Драка вышла краткая,

и выиграл Гарт. Я не видела как — врезал всего разок, молниеносно и метко. Потом сказал, что надо уходить, и на следующую ночь мы спали в церкви, где-то в центре. У Гарта был ключ — не в курсе, где он этот ключ раздобыл. Спали там не только мы, судя по мусору и всякому говну, которое валялось под скамьями, — брошенные рюкзаки, пустые бутылки, изредка шприцы.

Питались мы в сетевых забегаловках, что излечило меня от фастфуда. Раньше фастфуд отдавал как бы шиком — вероятно, потому, что Мелани его не одобряла, — но если жрать его изо дня в день, мутит и пучит. И в фастфудных кафе я днем ходила в туалет — а в остальное время садилась за кустиками в оврагах.

На четвертую ночь было кладбище.

— Кладбища — это хорошо, — сказал Гарт, — только обычно там слишком много народу. Кое-кто считает, что это дико весело — вдруг выскочить к тебе из-за надгробия, — но это в основном дети, слинявшие из дома на выходные. Бездомные-то соображают: если вот так напугать кого в темноте, получишь ножиком под ребра, потому как не у всех, кто бродит ночами по кладбищам, все в порядке с головой.

— Полюбуемся на тебя, — сказала я.

Он и бровью не повел. Я его, наверное, уже бесила.

Тут надо упомянуть, что Гарт ситуацией не воспользовался, хотя до него, я думаю, дошло, что я в него так по-щенячьи влюбилась. Он должен был меня защищать, и он защищал, в том числе от себя. Мне приятно думать, что ему было нелегко.

44

— А когда Жемчужные Девы уже опять придут? — спросила я утром пятого дня. — Может, они на меня рукой махнули.

— Потерпи, — сказал Гарт. — Ада же объясняла: мы раньше тоже засылали людей в Галаад. Кое-кто доехал, но парочка были слишком рьяные, пошли с Девами с первого раза. Этих слили, не успели они даже границу пересечь.

— Вот спасибо-то, — проныла я. — Обнадежил. Я все запорю, я вот просто знаю.

— Спокойно, все будет нормально, — сказал Гарт. — Справишься. Мы все на тебя рассчитываем.

— И мне сразу полегчало, ага, — ответила я. — Вы командуете, я беру под козырек?

Я трепала ему нервы, но не могла остановиться.

В тот же день нас опять навестили Жемчужные Девы. Задержались, проходя мимо, перешли дорогу и зашагали в другую сторону, разглядывая витрины. Затем, когда Гарт отправился за бургерами, они приблизились и заговорили со мной.

Они спросили, как меня зовут, и я сказала, что Агата. Потом они представились: высокая брюнетка была Теткой Беатрис, веснушчатая и рыжая — Теткой Дав.

Они спросили, счастлива ли я, и я потрясла головой. Потом они посмотрели на мою татуировку и сказали, что я очень особенная, раз так страдала ради Господа, — я знаю, что Господь холит и лелеет меня, и они рады, что я это знаю. И Галаад тоже будет холить меня и лелеять, потому что я — цветок драгоценный, всякая женщина — драгоценный цветок, и особенно всякая девушка моих лет, и если я попаду в Галаад, мною там будут дорожить, потому что я особенная, меня будут защищать, и никто — ни один мужчина — никогда не сделает мне больно. А этот мужчина, который со мной, — он меня бьет?

Так врать про Гарта было мерзко, но я кивнула.

— Принуждает к плохому?

Я тупо на них вытаращилась, и Тетка Беатрис

сказала:

— Принуждает тебя к сексу?

Я кивнула самую чуточку, как будто мне стыдно.

— Одалживает тебя другим мужчинам?

Это было чересчур — мне не удавалось вообразить, чтобы Гарт такое делал, — и я потрясла головой. Тогда Тетка Беатрис сказала, что, может, это он просто пока не собрался, но если я останусь с ним, до этого дело тоже дойдет, от подобных мужчин иного не жди — они берут себе девушек, прикидываются, будто любят, а вскоре уже продают их направо и налево, лишь бы платили.

— Свободная любовь, — брезгливо сказала Тетка Беатрис. — Какая там свобода? Все за плату.

— Да и любви никакой, — сказала Тетка Дав. — Почему ты с ним?

— Я не знала, куда еще пойти, — ответила я и разрыдалась. — Меня дома били!

— В домах у нас в Галааде никогда никого не бьют, — сказала Тетка Беатрис.

Тут вернулся Гарт и изобразил возмущение. Цапнул меня за руку — за левую, со шрамами, — и вздернул на ноги, и я заорала, потому что было больно. Он велел мне заткнуться и объявил, что мы уходим.

Тетка Беатрис сказала:

— Можно с вами поговорить?

Они с Гартом отошли подальше, а Тетка Дав протянула мне платок, потому что я плакала, и сказала:

— Можно тебя во имя Господа обнять?

И я кивнула.

Вернулась Тетка Беатрис и сказала:

— Можем идти, — а тетка Дав ответила:

— Хвала.

А Гарт ушел. Даже не оглянулся. Я с ним не попрощалась и от этого заплакала еще горше.

— Уже все хорошо, тебе ничего не грозит, — сказала Тетка Дав. — Крепись.

То же самое говорили в «СанктОпеке» беженкам из Галаада, только те пришли оттуда сюда, а не наоборот.

Тетка Беатрис и Тетка Дав шли впритирку ко мне, с боков — чтобы никто меня не трогал, пояснили они.

— Этот молодой человек тебя продал, — презрительно сообщила Тетка Дав.

— Да? — переспросила я.

Гарт меня не предупреждал.

— Я попросила — и готово, — сказала Тетка Беатрис. — Вот как он тебя ценил. Тебе еще повезло,

что он продал тебя нам, а не сутенерам. Запросил кучу денег, но я сбила цену. В итоге согласился на полцены.

— Грязный безбожник, — сказала Тетка Дав.

— Он сказал, что ты девственница, — ты бы тогда обошлась дороже, — сказала Тетка Беатрис. — Но ты ведь нам сказала другое?

Я срочно пошевелила извилинами.

— Я хотела, чтоб вы меня пожалели, — прошептала я, — и взяли с собой.

Они переглянулись через мою голову.

— Мы понимаем, — сказала Тетка Дав. — Но отныне говори только правду.

Я кивнула и дала слово.

Привели они меня в квартиру, где жили сами. Я раздумывала, не та ли это квартира, где нашли мертвую Жемчужную Деву. Я, впрочем, планировала открывать рот как можно реже: не хотелось все запороть. И повиснуть на дверной ручке тоже не хотелось.

Квартира была по последнему слову. Две уборные, в каждой ванна и душ, и громадные окна, и большой балкон, а на нем в бетонных кадках настоящие деревья. Вскоре я выяснила, что дверь на балкон заперта.

До смерти хотелось в душ: я смердела слоя-

ми собственной шелушащейся грязной кожи, и пóтом, и ногами в старых носках, и вонючей грязью из-под моста, и фритюром из фастфуда. Квартира была такая чистая, в ней пахло цитрусовым освежителем воздуха, и от меня, наверное, несло очень сильно.

Когда Тетка Беатрис спросила, хочу ли я в душ, я мигом закивала. Только осторожнее, сказала Тетка Дав, у тебя же рука: не мочи ее, а то можно коросту содрать. Должна признаться, меня тронула их забота, пусть и фальшивая: им не улыбалось везти в Галаад гниющую тушку вместо Жемчужины.

Когда я в пушистом белом халате вышла из душа, моя прежняя одежда исчезла — там все такое грязное, что без толку стирать, сказала Тетка Беатрис, — и они выложили мне серебристое платье, как у них.

— Мне ходить в этом? — спросила я. — Я же не Жемчужная Дева. Я думала, Жемчужные тут вы.

— И те, кто собирает, и тех, кого собирают, — все Жемчужины, — сказала Тетка Дав. — И ты тоже. Драгоценная Жемчужина.

— Поэтому ради тебя мы и пошли на такой риск, — сказала Тетка Беатрис. — Мы здесь в кольце врагов. Но ты не бойся, Агата. Мы тебя

защитим. Так или иначе, — сказала она, — хотя формально я и не Жемчужная Дева, мне придется надеть платье, чтобы выехать из Канады, потому что канадские власти сворачивают экспорт несовершеннолетних новообращенных. Считают это торговлей людьми — и совершенно зря, — прибавила она.

Тут Тетка Дав напомнила ей, что не надо говорить «экспорт», потому что девушки — не товар, а Тетка Беатрис извинилась и сказала, что имела в виду «организацию переезда за границу». И обе улыбнулись.

— Я совершеннолетняя, — сказала я. — Мне шестнадцать.

— У тебя есть документы? — спросила Тетка Беатрис.

Я покачала головой.

— Мы так и думали, — сказала Тетка Дав. — Документы мы тебе сделаем.

— Но, чтобы не было проблем, по документам ты будешь Теткой Дав, — сказала Тетка Беатрис. — Канадцы знают, что она въехала, и когда будешь выезжать, они решат, что ты — она.

— Но я гораздо моложе, — сказала я. — И не похожа на нее ни капельки.

— В документах будет твоя фотография, — ска-

зала Тетка Беатрис. — Настоящая Тетка Дав, — пояснила она, — останется в Канаде, уедет со следующей найденной Жемчужиной, а имя себе возьмет той Девы, которая въедет. Они постоянно так меняются.

— Канадцы нас не различают, — сказала Тетка Дав. — Для них мы все на одно лицо.

И обе засмеялись — видимо, в восторге от своих розыгрышей.

Затем Тетка Дав сказала, что другая самая важная причина надеть серебристое платье — упростить мне въезд в Галаад, потому что в Галааде женщины мужскую одежду не носят. Я сказала, что легинсы — не мужская одежда, а они сказали — спокойно, но твердо, — что да, мужская, так написано в Библии, легинсы — мерзость пред Господом, и если я хочу в Галаад, придется мне с этим смириться.

Я напомнила себе, что спорить с ними не надо, и надела платье, а на платье — жемчужное ожерелье, которое оказалось липовое, Мелани правду говорила. Еще мне дали белую шляпку, но ее, сказали мне, надо надевать только на улицу. В жилище волосы разрешены, если нет мужчин, потому что у мужчин на волосах пунктик, они от волос сходят с ума, сказали мне. А мои особенно

огнеопасны, потому что зеленоватые.

— Они просто подкрашены, это потом сойдет, — сказала я виновато, мол, я и сама раскаиваюсь в таком опрометчивом выборе окраса.

— Ничего страшного, милочка, — утешила Тетка Дав. — Никто не увидит.

Вообще-то, после старой грязной одежды в платье было довольно приятно. Оно оказалось прохладное и шелковистое.

Тетка Беатрис заказала на обед пиццу, которую мы съели с мороженым из их морозилки. Я вслух удивилась, что они едят такую неполезную еду: Галаад же вроде против, особенно когда такое едят женщины?

— Это тоже наше Жемчужное испытание, — сказала Тетка Дав. — Нам полагается отведать плотских искусов внешнего мира, дабы их постичь, а затем отвергнуть в сердцах своих. — И откусила пиццы.

— А у меня последний шанс их отведать, — сказала Тетка Беатрис, которая дожевала пиццу и теперь ела мороженое. — Честное слово, не понимаю, что плохого в мороженом, если там нет химии.

Тетка Дав посмотрела на нее укоризненно. Тетка Беатрис облизала ложку.

От мороженого я отказалась. Слишком нервничала. И я больше не любила мороженое. Слишком напоминало про Мелани.

В ту ночь перед сном я оглядела себя в зеркале ванной. Несмотря на душ и еду, краше в гроб кладут. Под глазами темные круги; я похудела. И впрямь смахивала на беспризорницу, которую надо спасать.

Лечь в нормальную постель, а не под мостом — это было восхитительно. Только я скучала по Гарту.

Все ночи, что я провела в этой спальне, меня запирали. И следили, чтобы днем я никогда не оставалась одна.

Еще пару дней готовились мои документы на имя Тетки Дав. Меня сфотографировали и взяли отпечатки пальцев — это надо было для паспорта. Паспорт выпустили в посольстве Галаада в Оттаве и прислали в консульство диппочтой. Вставили туда номер паспорта Тетки Дав, а фотографию и биометрию мою, и даже влезли в базу данных канадской иммиграционной службы, где было записано, что Тетка Дав въехала в страну, ее оттуда вычеркнули, а загрузили мои данные, мой скан радужной оболочки и мой отпечаток большого пальца.

— В канадских государственных структурах у нас полно друзей, — сказала Тетка Беатрис. — Ты не представляешь.

— Столько благожелателей, — вставила Тетка Дав.

— Хвала, — сказали они хором.

На одной странице тиснением пометили: «ЖЕМЧУЖНАЯ ДЕВА». Это означало, что в Галаад меня впустят сразу, без вопросов: как дипломата, сказала Тетка Беатрис.

Так я стала Теткой Дав, но другой Теткой Дав. У меня была канадская Временная Въездная Виза Миссии Жемчужных Дев, которую на выезде придется вернуть пограничникам. Там все просто, сказала Тетка Беатрис.

— Будешь проходить погранконтроль — больше смотри в пол, — посоветовала Тетка Дав. — Тогда лицо плохо видно. И вообще, так скромнее.

Нас с Теткой Беатрис отвезли в аэропорт на черной галаадской посольской машине, и погранконтроль я прошла без проблем. Нас даже не обыскивали.

Летели мы частным самолетом. На нем был глаз с крылышками. Самолет был серебристый, но мне казалось, он темный — как громадная темная птица; и куда же она меня унесет? В пу-

стоту. Ада и Элайджа очень старались научить меня про Галаад; я смотрела документальные фильмы и телик; но все равно фантазии не хватало вообразить, что меня там ждет. Я боялась, что к дальнейшему совсем не готова.

Я вспоминала «СанктОпеку» и беженок. Я тогда смотрела на них, но на самом деле не видела. Не задумывалась, каково это — уехать оттуда, где все знакомо, потерять все, отправиться в безвестность. Как это пусто и темно: только, может, мерцает крохотная искорка надежды — а без нее ты бы так не рискнула.

Очень скоро мне тоже это предстоит. С крохотной искоркой света нащупывать дорогу во тьме.

45

Вылет задержали, и я дергалась, что меня раскрыли и не выпустят. Но, когда взлетели, я как будто стала легче. Никогда прежде не летала в самолете — поначалу было страшно увлекательно. Но потом сгустились облака, и все стало одинаковое. Я, наверное, уснула, потому что вскоре Тетка Беатрис уже легонько пихала меня в бок и говорила:

— Почти на месте.

Я выглянула в иллюминатор. Самолет летел

низко, и я разглядела какие-то красивые дома со шпилями и башенками, и петляющую реку, и море.

Потом самолет сел. Из двери спустили трап, и мы сошли. Было жарко, и сухо, и ветрено; длинные серебристые юбки обнимали нам ноги. На посадочной полосе в две шеренги стояли мужчины в черных мундирах, и мы под руку зашагали между шеренгами.

— Не смотри им в лицо, — шепнула Тетка Беатрис.

Поэтому я сверлила взглядом их мундиры, но глаза, глаза, глаза ощупывали меня, точно руки. Под угрозой — это еще мягко сказано: никогда в жизни такого не бывало, даже с Гартом под мостом, даже когда вокруг были сплошь чужие.

Потом все эти мужчины отсалютовали.

— Чего это они? — шепнула я Тетке Беатрис. — Почему они честь отдают?

— Потому что моя миссия удалась, — сказала Тетка Беатрис. — Я вернулась с драгоценной Жемчужиной. Это ты.

Нас усадили в черную машину и повезли в город. На улицах было довольно безлюдно, а все женщины носили эти длинные платья разных цветов, как в документалках. Я даже видела

Служанок — они ходили парами. На магазинах никаких надписей — только картинки на вывесках. Сапог, рыба, зуб.

Машина притормозила перед воротами в кирпичной стене. Двое охранников взмахнули руками, и мы проехали. Потом машина остановилась, и нам открыли двери. Мы вылезли, Тетка Беатрис взяла меня под руку и сказала:

— Уже не успею показать, где ты будешь жить, — слишком поздно прилетели. Надо прямо в часовню на Блага Дарение. Делай, что я скажу.

Я знала, что предстоит какая-то церемония с Жемчужными Девами: Ада предупреждала, Тетка Дав объясняла. Но я не вникала и толком не знала теперь, чего ждать.

Мы вошли в часовню. Там собралась толпа: пожилые женщины в бурых формах Теток, молодые — в платьях Жемчужных Дев. Подле каждой Девы стояла девчонка моих примерно лет, все в таких же временных серебристых платьях. Впереди — большой портрет Младеницы Николь в золотой раме, что тоже не внушало оптимизма.

Тетка Беатрис вела меня по проходу, а все распевали:

Неся Жемчуг свой,

Неся Жемчуг свой,
Возвратимся с радостью,
Неся Жемчуг свой[57].

Они улыбались мне и кивали: довольные все как слоны. Может, и обойдется, подумала я.

Мы все расселись. Потом на кафедру взошла старуха.

— Тетка Лидия, — прошептала Тетка Беатрис. — Наша главная Основательница.

Я узнала Тетку Лидию по фотографии, мне Ада показывала, только на самом деле Тетка Лидия была гораздо старше, чем на портрете, — ну или мне так показалось.

— Мы сюда пришли, дабы возблагодарить Господа за счастливое возвращение наших Жемчужных Дев, что несли служение свое по всему миру — повсюду, где странствовали, трудясь на благо Галаада. Мы приветствуем их отвагу пред лицом физических страданий и стойкость в ответ на вызовы судьбы, и в сердцах своих мы их благодарим. Всех вернувшихся Жемчужных Дев я объявляю не Послушницами более, но

---

[57] Сноски: 57

Галаадская вариация на тему американского протестантского госпела «Неся снопы свои» (Bringing in the Sheaves, 1874), написанного Ноуизом Шо и вдохновленного псалмом 126: «С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои» (Пс. 126:6).

Тетками — отныне они обладают всеми полномочиями и привилегиями, соответствующими их положению. Мы верим, что они всегда будут выполнять то, к чему обязывает их долг.

Все сказали:

— Аминь.

— Жемчужные Девы, покажите ваши собранные Жемчужины, — сказала Тетка Лидия. — Начнем с канадской миссии.

— Встань, — шепнула Тетка Беатрис.

Она потащила меня вперед. Ее рука лежала на БОГЕ / ЛЮБВИ, и это было больно.

Тетка Беатрис сняла жемчужное ожерелье, сложила его в большую плоскую чашу перед Теткой Лидией и сказала:

— Возвращаю вам эти жемчуга чистыми, какими и приняла, и да будут благословенны они на службе следующей Жемчужной Деве, что станет носить их с гордостью, выполняя свою миссию. По Божественной Воле я приумножила Жемчуга в сокровищнице Галаада. Представляю вам Агату, Драгоценную Жемчужину, спасенную от неминуемой гибели. Да очистится она от мирской скверны, да омоется она от непристойных желаний, да избавится от греха и посвятит себя служению, что уготовано ей в Галааде.

Она положила руки мне на плечи и толкнула, чтоб я встала на колени. Я такого не ожидала и чуть не кувырнулась вбок.

— Вы что делаете? — шепнула я.

— Тш-ш, — сказала Тетка Беатрис. — Тихо.

После чего Тетка Лидия сказала:

— Добро пожаловать в Ардуа-холл, Агата, и благослови Господь твой выбор, пред Его Очами, *Per Ardua Cum Estrus*.

Она возложила руку мне на макушку, потом убрала, кивнула мне и сухо улыбнулась.

Все повторили:

— Добро пожаловать, Драгоценная Жемчужина, *Per Ardua Cum Estrus*, аминь.

«Что я тут забыла? — подумала я. — Тут же все поголовно больные, блядь».

XVII
Идеальные зубы

Автограф из Ардуа-холла

46

Мой флакон синей туши, мое перо, страницы моей тетради с обрезанными полями, дабы помещалась в тайник: посредством их я и вверяю тебе свое послание, мой читатель. Но что за послание? Бывают дни, когда мне кажется, будто я — Ангел-Писец, что собирает все грехи Галаада, включая и собственные; бывают же дни, когда я отмахиваюсь от столь высокоморального тона. Разве промысел мой, *au fond*[58] *— не всего лишь грязные сплетни? Боюсь, твоего вердикта мне не узнать.*

Сильнее же иной мой страх: что все труды мои окажутся тщетными и Галаад простоит тысячу лет. Обычно такое ощущение и витает здесь, вдали от войны, в обмершем сердце торнадо. До чего тихи улицы; до чего безмятежны; до чего

---

[58] Сноски: 58
По сути *(фр.).*

благочинны; и однако под обманчиво покойной поверхностью — дрожь, точно вблизи высоковольтной линии электропередачи. Мы натянуты до предела, все, кого ни возьми; всяк вибрирует; всяк трепещет, всяк неизменно начеку. Царство террора — так говорили прежде, но террор не то чтобы царствует. Нет, он парализует. Отсюда и эта противоестественная тишь.

Бывают, впрочем, и мелкие радости. Вчера я смотрела — по кабельному каналу, в кабинете Командора Джадда — Причастику, где председательствовала Тетка Элизабет. Командор Джадд заказал кофе — прекрасного кофе, какого обычно не достать; я не стала спрашивать, как он его раздобыл. Командор Джадд подлил себе в чашку рому, предложил и мне. Я отказалась. Тогда он пояснил, что сердце у него мягкое, а нервы слабые, ему надо собраться с духом, ибо наблюдать сии кровожадные зрелища ему тяжко.

— Прекрасно вас понимаю, — сказала я. — Но наш долг — свершить правосудие.

Он вздохнул, осушил чашку одним глотком и налил себе еще рому.

К Причастике приговорили двоих: Ангела, которого застукали за торговлей лимонами с серого рынка, контрабандой ввезенными из Мэна,

и стоматолога доктора Гроува. Впрочем, в действительности Ангел согрешил не лимонами: его обвиняли в том, что получал взятки от «Моего дня» и помог нескольким Служанкам успешно бежать через всевозможные наши границы. Командоры, однако, не желали обнародовать этот факт — не стоит подкидывать народу светлые идеи. Официальная версия гласила, что коррумпированных Ангелов не бывает, и тем более не бывает беглых Служанок, ибо с чего бы человеку отказываться от Царства Божия и ввергать себя в огненную геенну?

На всем процессе, что должен был вот-вот оборвать жизнь Гроува, Тетка Элизабет выступила блистательно. В колледже она занималась актерским мастерством и играла Гекубу в «Троянках»[59] — фактик, почерпнутый мною в ходе наших первых совещаний, когда мы с ней, Хеленой и Видалой выковывали особое женское поприще на заре Галаада. В таких обстоятельствах пестуется товарищество, люди делятся прошлым. О своем прошлом я старалась не слишком распространяться.

---

[59] Сноски: 59

«Троянки» (415 г. до н. э.) — трагедия древнегреческого драматурга Еврипида, единственная сохранившаяся часть его трилогии о Троянской войне.

Сценический опыт Элизабет не подвел. Как я и велела, она записалась на прием к доктору Гроуву. Затем в подходящий момент выкарабкалась из кресла, разодрала на себе одежды и завизжала, что Гроув пытается ее изнасиловать. Затем, отчаянно рыдая, она выползла в приемную, где помощник стоматолога мистер Уильям мог засвидетельствовать ее растрепанную наружность и истерзанное состояние души.

Особа Тетки считается неприкосновенной. Неудивительно, что Тетку Элизабет так всполошило это посягательство, единодушно решили все. По видимости, этот человек — опасный для общества псих.

Я обзавелась серией фотографий с мини-камеры, которую поместила на красивой схеме целого рта зубов. Если Элизабет решит рвануться с поводка, будет чем ей пригрозить — снимки докажут, что она солгала.

На суде показания против Гроува дал мистер Уильям. Мистер Уильям не дурак: он мигом сообразил, что начальник обречен. Мистер Уильям живописал, в какую ярость пришел Гроув, когда его раскрыли. «Блядская сука» — таким эпитетом, по словам мистера Уильяма, наградил Тетку Элизабет злодей Гроув. Ничего подобного про-

изнесено не было — на самом деле Гроув сказал: «Зачем вы так?» — но на суде повествование Уильяма произвело нужное действие. Зрители — в том числе все население Ардуа-холла — ахнули: назвать Тетку столь площадными словами — это же почти богохульство! В ходе допроса мистер Уильям неохотно признал, что у него и прежде имелись причины подозревать своего нанимателя в нарушениях. Попав не в те руки, грустно сказал мистер Уильям, обезболивающие препараты оборачиваются серьезным соблазном.

Что мог сказать Гроув в свою защиту, кроме как заявить, что невиновен, а затем процитировать из Библии про всем известную клеветницу, жену Потифара, тоже делавшую вид, будто ее изнасиловали?[60] Невиновные мужчины, отрицающие свою вину, ничем не отличны от мужчин виновных — наверняка ты, мой читатель, и сам замечал. Слушатели не склонны верить ни тем, ни другим.

Едва ли Гроув мог признать, что ни единым похотливым пальцем не тронул бы Тетку Элизабет, поскольку возбуждают его только несовершен-

[60] Сноски: 60

Жена Потифара влюбилась в мужниного раба Иосифа и, не добившись ответных чувств, обвинила этого последнего в покушении на изнасилование, за что Иосиф был брошен в тюрьму (Быт. 39:6–20).

нолетние девочки.

Ввиду великолепного выступления Тетки Элизабет я сочла, что вполне справедливо дозволить ей самой провести процедуру Причастики на стадионе. Гроува казнили вторым. Ему пришлось смотреть, как семьдесят визжащих Служанок забивают Ангела ногами до смерти, а затем буквально раздирают на части.

Когда Гроува со связанными руками выводили на поле, он завопил:

— Я ничего не сделал!

Тетка Элизабет, олицетворение оскорбленной добродетели, сурово дунула в свисток. Спустя две минуты доктора Гроува на свете не было. Взметнулись кулаки, сжимавшие клочья вырванных с корнем окровавленных волос.

Желая выразить поддержку и одобрение этой мести за одну из высокопочитаемых Основательниц Ардуа-холла, на процедуру явились все Тетки и Послушницы. Обок стояли новонабранные Жемчужины: прибыли они лишь накануне, так что для них это было вместо крещения. Я скользила взглядом по их юным лицам, но с такого расстояния ничего в них прочесть не могла. Отвращение? Отрада? Омерзение? Знать всегда невредно. Среди них была и наидрагоценнейшая

Жемчужина; по окончании зрелищного мероприятия, которое нам предстояло созерцать, я поселю ее в жилище, которое для моих целей подходит более всего.

Когда Служанки принялись размалывать Гроува в кашу, Тетка Иммортель потеряла сознание, что предсказуемо: она всегда была чувствительна. Вероятно, она станет неким образом винить себя: сколь ни презренно было поведение Гроува, он все-таки был назначен на роль ее отца.

Командор Джадд выключил телевизор и вздохнул.

— Жалко, — сказал он. — Отличный был стоматолог.

— Да, — сказала я. — Однако нельзя закрывать глаза на грехи потому только, что грешник — человек умелый.

— Он правда был виновен? — довольно праздно поинтересовался Командор Джадд.

— Да, — сказала я, — но не в этом. Он бы не смог изнасиловать Тетку Элизабет. Он был педофилом.

Командор Джадд опять испустил вздох:

— Бедняга. Серьезный недуг. Нам надлежит молиться о его душе.

— Безусловно. Но он слишком многих девочек

отвращал от брака. Вместо того чтобы принять брачные узы, драгоценные цветы бежали к Теткам.

— А, — сказал он. — Так вот что приключилось с этой Агнес? Я и думал, что проблема примерно такого рода.

Он хотел, чтобы я ответила «да», ибо тогда получится, что Агнес возражала не против него лично.

— Не уверена, — сказала я. Лицо у него вытянулось. — Но думаю, что так.

С ним не годится перегибать палку.

— На ваше суждение всегда можно положиться, Тетка Лидия, — сказал он. — Относительно Гроува вы приняли наилучшее для Галаада решение.

— Благодарю вас. Я молюсь о том, чтобы Господь наставлял меня, — сказала я. — Однако сменим тему: счастлива сообщить, что Младеницу Николь благополучно импортировали в Галаад.

— Вот это новость! Какие молодцы! — сказал он.

— Мои Жемчужные Девы очень продуктивны, — сказала я. — Они действовали по моему приказу. Взяли ее под крыло как неофитку и уговорили присоединиться к нам. Удалось выкупить ее у молодого человека, который держал ее под

контролем. Выторговала ее Тетка Беатрис, хотя она, разумеется, о подлинной личности Младеницы Николь не знала ничего.

— В отличие от вас, моя дорогая Тетка Лидия, — сказал он. — Как вам удалось ее идентифицировать? Мои Очи годами бились в эту стену лбом.

Что это в его голосе — зависть? Или хуже того — подозрение? Я легкомысленно отмахнулась.

— У меня свои методы. И полезные доносчики, — соврала я. — Два и два порой и впрямь дают в сумме четыре. А мы, женщины, хоть и близоруки, нередко подмечаем мелкие детали, ускользающие от мужского взгляда, что устремлен вширь и ввысь. Но Тетке Беатрис и Тетке Дав было велено только следить, не появится ли некая татуировка, которую бедное дитя сама себе нанесла. И нам повезло — ее нашли.

— Сама себя татуировала? Все они как на подбор испорченные. А где у нее? — заинтересовался он.

— На предплечье. На лице отметин нет.

— А руки на людях покрыты, — сказал он.

— Ее называют Агатой — вполне вероятно, она даже считает, что это ее настоящее имя. Я не хотела просвещать девочку насчет ее подлинных корней, пока не проконсультируюсь с вами.

— Очень удачное решение, — одобрил он. —

Позвольте спросить — а какова была природа ее отношений с этим молодым человеком? Лучше бы она оказалась, если можно так выразиться, нетронута, хотя в ее случае мы готовы нарушить правила. Делать ее Служанкой — разбазаривать потенциал.

— Девственность ее пока не подтверждена, но мне представляется, что в этом отношении она чиста. Я поместила ее с двумя молодыми Тетками, добрыми и сострадательными. Она, несомненно, станет делиться с ними своими надеждами и страхами; а также и верованиями, которые, я убеждена, удастся вылепить в согласии с нашими.

— И еще раз: очень удачно, Тетка Лидия. Вы подлинный брильянт. Скоро ли мы сможем предъявить Младеницу Николь Галааду и миру?

— Для начала надо удостовериться, что она поистине обратилась, — ответила я. — И тверда в своей вере. Это потребует тщания и такта. Новенькие прибывают к нам на волне энтузиазма — у них очень завышенные ожидания. Надо спустить ее с небес на землю, разъяснить ей будущие обязанности: у нас тут не сплошь гимны да экстаз. И вдобавок она должна ознакомиться с историей собственного рождения: девочка бу-

дет потрясена, узнав, что она — всем известная и всеми любимая Младеница Николь.

— Это я оставляю в ваших умелых руках, — сказал Командор Джадд. — Вы точно не хотите рому в кофе? Улучшает кровообращение.

— Ну, можно ложечку, — сказала я.

Он налил. Мы подняли чашки, чокнулись.

— Да благословит Господь наши труды, — сказал он. — Что, несомненно, и случится.

— Рано или поздно настанет тот день, — улыбнулась я.

После такого напряжения сил в кабинете стоматолога, на суде и на Причастике с Теткой Элизабет приключился нервный срыв. Поправлялась она в одном из наших домов отдыха, где я и навестила ее вместе с Теткой Видалой и Теткой Хеленой. Элизабет приветствовала нас в слезах.

— Не понимаю, что со мной, — сказала она. — Совершенно нет сил.

— После всего, что вы пережили, едва ли стоит удивляться, — заметила Хелена.

— В Ардуа-холле вас почитают, можно сказать, за святую, — сообщила я.

Я понимала, что изводит ее на самом деле: она бесповоротно запятнала себя лжесвидетельством, и если ее раскроют, ей конец.

— Я так признательна вам за наставления, Тетка Лидия, — сказала она мне, косясь на Видалу.

Теперь, когда я стала для Элизабет надежной союзницей, теперь, когда она исполнила мою крамольную просьбу, ей, вероятно, чудилось, будто Тетке Видале она не по зубам.

— Рада была помочь, — ответила я.

XVIII
Читальный зал

Протокол свидетельских показаний 369А

47

Агату мы с Беккой впервые увидели на Блага Дарении в честь возвращения Жемчужных Дев и их новообращенных. Высокая девочка, немножко неуклюжая, и все время озиралась, смотрела прямо, еще чуть-чуть — и дерзко. Я заподозрила, что ей трудно будет прижиться в Ардуа-холле, не говоря уж о Галааде. Но больше я о ней почти и не думала, потому что меня захватила прекрасная церемония.

«Скоро там будем стоять и мы, — думала я. — Мы с Беккой заканчивали курс подготовки Послушниц, почти готовы были стать Тетками. Еще чуть-чуть — и нам выдадут серебристые платья Жемчужных Дев, гораздо красивее обычных бурых. Мы унаследуем жемчужные ожерелья; мы уедем с миссиями; каждая из нас привезет назад новообращенную Жемчужину».

Первые годы в Ардуа-холле такое будущее за-

чаровывало меня. Я по-прежнему была истой правоверной — верила если и не в Галаад во всей полноте, то по крайней мере в бескорыстное служение Теток. Но теперь уже колебалась.

С Агатой мы увиделись вновь только назавтра. Как и все новые Жемчужины, она просидела в часовне на всенощном бдении, за безмолвным созерцанием и молитвой. Затем ей предстояло сменить серебристое платье на бурое, какие носили мы все. Это не означало, что ей предначертано стать Теткой, — за новоприбывшими Жемчужинами пристально наблюдали, а потом распределяли их в будущие Жены, или Экономжены, или Послушницы, или, в некоторых прискорбных случаях, в Служанки, — но, находясь среди нас, они одевались как мы и еще носили крупную брошь искусственного жемчуга в виде новорожденного месяца.

Первое знакомство Агаты с обычаями Галаада вышло довольно суровым, потому что на следующий же день она присутствовала на Причастике. Ее, вероятно, шокировало зрелище двух мужчин, которых Служанки буквально рвут на части; порой оно шокирует даже меня, хотя за многие годы я это видела не раз. Служанки обычно такие смиренные — их ярость способна напугать.

Такие правила придумали Тетки-Основательницы. Мы с Беккой выбрали бы менее радикальный метод.

Одним из тех, кого ликвидировали на Причастике, был стоматолог доктор Гроув, некогда Беккин отец, приговоренный к смерти за изнасилование Тетки Элизабет. Ну, или почти изнасилование: я и сама с ним сталкивалась, так что мне было все равно. Как ни жаль признавать, я была рада, что его покарали.

С Беккой все было иначе. Доктор Гроув постыдно обходился с нею, когда она была маленькой, и простить его за это я была не в силах, а вот сама она была готова. Она была милосерднее меня — я восхищалась, но подражать ей не могла.

Когда доктора Гроува на Причастике разорвали на куски, Бекка упала в обморок. Кое-кто из Теток списал это на дочернюю любовь — доктор Гроув был злодей, но все же мужчина, и высокопоставленный мужчина. Вдобавок он был отцом, и послушной дочери надлежало его почитать. Но я-то знала: Бекка винила себя в его смерти. Она считала, что нельзя было рассказывать мне о его преступлениях. Я заверяла ее, что никому ее тайны не выдала, и она отвечала, что не сомневается во мне, но, должно быть, Тетка Лидия

все равно как-то узнала. Так Тетки и прибирают власть к рукам: они все узнают. Все, о чем ни за что нельзя говорить.

Мы с Беккой вернулись с Причастики. Я заварила Бекке чаю и посоветовала прилечь — она еще была бледна, — но она сказала, что пришла в себя и все будет хорошо. Мы приступили к вечерним библейским занятиям, а спустя некоторое время в дверь постучали.

К нашему удивлению, на пороге стояла Тетка Лидия, а с ней новенькая Агата.

— Тетка Виктория, Тетка Иммортель, вы избраны для особой миссии, — сообщила Тетка Лидия. — К вам приписали нашу новейшую Жемчужину Агату. Она будет жить в третьей спальне — я так понимаю, там сейчас пусто. Ваша задача — всячески Агате помогать, объяснять ей наш уклад и служение Галааду. Вам хватит простыней и полотенец? Если нет, я пошлю, вам принесут еще.

— Да, Тетка Лидия, хвала, — сказала я.

Бекка повторила за мной. Агата нам улыбнулась — и умудрилась смешать в этой улыбке неуверенность и упрямство. Агата не походила на заурядную новообращенную из-за границы: как правило, они пришибленные либо рьяные.

— Добро пожаловать, — сказала я Агате. — Заходи, прошу.

— О'кей, — ответила она.

И переступила порог. Сердце у меня оборвалось: я уже поняла, что девять лет нашей с Беккой как будто безмятежной жизни в Ардуа-холле подошли к концу — грядут перемены, хотя я еще не постигала, сколь они будут мучительны.

Я сказала, что жизнь наша была безмятежна, но это, пожалуй, не совсем то слово. Она была упорядоченной, это да, хотя и несколько монотонной. Наше время было занято, но, странным образом, вроде бы не шло вперед. Меня приняли в Послушницы в четырнадцать лет, и с тех пор я, конечно, выросла, но не ощущала, будто сильно повзрослела. И у Бекки то же самое: мы словно застыли; законсервировались, как во льду.

Основательницы и старшие Тетки были очерчены резко. Все эти женщины формировались в догалаадскую эпоху, им на долю достались труды, от которых мы были избавлены, — если мягкость в них и была, эти труды отшлифовали ее и заточили до остроты. А нам не выпадало таких испытаний. Мы жили под защитой, мы не сталкивались с жестокостью бескрайнего мира. Мы пользовались благами, которые нашим

предшественницам стоили жертв. Нам об этом беспрестанно напоминали и требовали благодарности. Но ведь трудно благодарить за отсутствие неведомо чего. Боюсь, мы не постигали в полной мере, до какой степени поколение Тетки Лидии закалилось в огне. Эти женщины умели быть безжалостными — не то что мы.

48

Хотя мне и чудилось, будто время стоит на месте, я, конечно, менялась. Я уже не была той, кто впервые вошла в Ардуа-холл. Я стала женщиной, пускай и неопытной; тогда я была ребенком.

— Я ужасно рада, что Тетки тебя оставили, — сказала Бекка в тот первый день. И обратила на меня застенчивый взор.

— Я тоже рада.

— Я в школе всегда тобой восхищалась. И не только потому, что у вас было три Марфы и семья Командора, — сказала она. — Ты лгала меньше других. И была ко мне добра.

— Не очень-то я была добра.

— Добрее остальных, — сказала она.

Тетка Лидия позволила мне поселиться в той же квартире, где жила Бекка. Ардуа-холл был разделен на много квартир; на нашей была буква

«В» и девиз Ардуа-холла: *Per Ardua Cum Estrus*.

— Это значит «через родовые муки с женским репродуктивным циклом», — сказала Бекка.

— Тут правда столько слов?

— Тут на латыни. На латыни красивее.

Я спросила:

— Что такое латынь?

Бекка сказала, что это стародавний язык, на котором уже никто не говорит, но девизы на нем пишут по-прежнему. Например, раньше у всего, что внутри Стены, был девиз *Veritas* — на латыни это значит «истина»[61]. Но потом слово вырубили из камня и закрасили.

— А как ты узнала? — спросила я. — Если больше нет слова?

— В Библиотеке Хильдегарды, — ответила Бекка. — Она только для Теток.

— Что такое библиотека?

— Это где хранят книги. Там их целые залы.

— Они греховные? — спросила я. — Эти книги?

В воображении мне предстал целый зал, битком набитый взрывчаткой.

— Те, что читала я, — нет. Те, что опаснее, хранят в Читальном Зале. Туда нужен специальный

---

[61] Сноски: 61

Veritas (истина, *лат.*) — девиз Гарвардского университета, расположенного в Кембридже, штат Массачусетс.

пропуск. А другие книги читать можно.

— Тебе разрешают? — изумилась я. — Ты просто приходишь и читаешь?

— Если есть пропуск. Кроме Читального Зала. Если пойдешь без пропуска, будет Исправление в подвале.

— Под каждой квартирой в Ардуа-холле, — сказала Бекка, — есть звуконепроницаемый подвал, раньше там, к примеру, на фортепиано играли. А теперь в квартире «Р» Тетка Видала проводила Исправления. Исправления — это такие наказания, если нарушишь правила.

— Но наказывают же на людях, — сказала я. — Преступников. Ну там — Причастики, или вешают и потом на Стену, чтоб все видели.

— Это да, — сказала Бекка. — Лучше бы их убирали побыстрее. В спальнях пахнет, меня тошнит. Но Исправления в подвале — это по-другому, это для нашей же пользы. Все, давай найдем тебе одежду, а потом выберешь имя.

Тетка Лидия и другие старшие Тетки составили список одобренных имен. Бекка сказала, имена эти — названия разных товаров, прежде они женщинам нравились, а теперь должны ободрять, но сама она никаких таких товаров не знала. В нашем поколении их никто не знает, сказала она.

Список имен мне зачитала Бекка — я-то еще не умела.

— Может, Мейбеллин? — предложила она. — Красивое. Тетка Мейбеллин.

— Нет, — сказала я. — Слишком цветисто.

— Тогда Тетка Камея?

— Слишком холодное.

— А вот, например: Виктория. По-моему, была какая-то королева Виктория. Будешь Тетка Виктория: даже если ты еще Послушница, называться Теткой можно. А когда станем миссионерками, Жемчужными Девами, съездим в другие страны и вернемся — тогда будем Тетками по-настоящему.

В Школе Видалы нам мало рассказывали про Жемчужных Дев — только что они отважные, и рискуют, и приносят жертвы во имя Галаада, и надо их почитать.

— Мы уезжаем из Галаада? Это же очень далеко — это страшно? Галаад — он же очень большой?

Все равно что вовсе выпасть из этого мира, ибо Галаад наверняка бескрайний.

— Галаад меньше, чем ты думаешь, — сказала Бекка. — А вокруг него другие страны. Я тебе на карте покажу.

У меня, наверное, по лицу было понятно, что я запуталась, потому что она улыбнулась:

— Карта — это такая картинка. Нас учат читать карты.

— Читать картинку? — переспросила я. — Как ее читать? Это же не письмо.

— Увидишь. У меня тоже не сразу получилось. — Она улыбнулась опять. — Ты к нам пришла — мне уже не так одиноко.

«Что со мной будет через полгода? — переживала я. — Мне разрешат остаться?» Это изматывало — что Тетки разглядывают меня, точно овощ. Сложно было вечно вперять взгляд в пол, хотя так полагалось: если выше — я буду смотреть на их торсы, что невежливо, или им в глаза, что дерзко. Сложно было не разговаривать, пока со мной не заговорит старшая Тетка. Послушание, услужливость, податливость — вот каких добродетелей требовали от нас.

И вдобавок чтение — вообще одно расстройство. Может, я слишком взрослая, мне поздно учиться, думала я. Может, это как тонкая вышивка: надо начинать рано, а иначе на всю жизнь останешься косорукой. Но мало-помалу я втянулась.

— У тебя талант, — говорила Бекка. — У меня

поначалу выходило гораздо хуже!

Училась я по книжкам про мальчика и девочку по имени Дик и Джейн. Книжки были очень старые, и в Ардуа-холле переделали картинки. Джейн носила длинные юбки и длинные рукава, но под краской было видно, что некогда юбка у нее была выше колен, а рукава заканчивались над локтями. И волосы она раньше не покрывала.

Удивительнее всего в этих книжках было то, что и Дик, и Джейн, и Малютка Салли жили в доме, огороженном только белым заборчиком, таким хлипким и низким, что любой перелез бы запросто. У них не было Ангелов, не было Хранителей. Дик, и Джейн, и Малютка Салли играли во дворе, прямо у всех на виду. Террористы могли в любой момент похитить Малютку Салли и контрабандой перевезти в Канаду, как Младеницу Николь и других похищенных невинных малюток. Голые коленки Джейн могли пробудить зверские страсти у любого прохожего мужчины, хотя вся Джейн, кроме лица, и была закрашена. Бекка сказала, что закрашивать картинки в таких книжках придется и мне, потому что это поручают Послушницам. Она и сама кучу книжек раскрасила.

Что мне разрешат остаться, сказала она, — это вовсе не бесспорно: в Тетки годятся не все. До того, как пришла я, у Бекки были две знакомые девочки, которых приняли, но одна передумала спустя всего три месяца, и ее забрала семья, и брак, который ей устроили, все-таки случился.

— А с другой что было? — спросила я.

— Плохое, — ответила Бекка. — Ее звали Тетка Далия. Сначала с ней вроде ничего такого не было. Все говорили, что она хорошо учится, а потом ей назначили Исправление за то, что огрызалась. И не очень страшно Исправляли, а то Тетка Видала иногда зверствует. Когда Исправляет, говорит: «Нравится тебе?» — а что тут ответишь?

— А Тетка Далия?

— Она после этого стала сама не своя. Хотела уйти из Ардуа-холла — говорила, что она для такого не годится, — но Тетки сказали, что тогда ей придется выйти замуж по плану, а этого она тоже не хотела.

— А чего она хотела? — спросила я. Мне вдруг стало ужасно интересно про Тетку Далию.

— Она хотела жить одна и работать на ферме. Тетка Элизабет и Тетка Видала сказали, мол, вот что бывает, когда слишком рано учишься читать: она понабралась всяких идей в Библиотеке Хиль-

дегарды, но разум у нее был еще слаб, отвергнуть их она не смогла, а в Библиотеке много сомнительных книг, которые надо уничтожить. Они сказали, ей нужно суровое Исправление, чтоб она сосредоточилась.

— Какое?

Я гадала, достаточно ли крепок мой разум и будут ли и меня снова и снова Исправлять.

— Месяц в подвале, в одиночестве, на хлебе и воде. Когда ее выпустили, она ни с кем не разговаривала, только «да» и «нет». Тетка Видала сказала, что Тетка Далия чересчур слабовольная, Тетка из нее не получится, придется ей все-таки идти замуж… За день до ухода из Ардуа-холла Тетка Далия не пришла на завтрак и не пришла на обед. Никто не знал, куда она запропастилась. Тетка Элизабет и Тетка Видала сказали, что она, наверное, сбежала, это нарушение правил безопасности, всех подняли на ноги ее искать. Но не нашли. А потом странно запахла вода в душе. Пошли искать опять, и на этот раз открыли цистерну с дождевой водой на крыше, оттуда воду в душ подают, и она была там.

— Ой, ужас какой! — сказала я. — Ее… ее кто-то убил?

— Тетки сначала говорили, что да. У Тетки

Хелены случилась истерика, нескольким Очам даже разрешили зайти в Ардуа-холл и поискать улики, только они ничего не нашли. Из нас, из Послушниц, кое-кто ходил наверх и смотрел на эту цистерну. Тетка Далия не могла туда просто так взять и упасть: там лесенка и дверца.

— Ты ее видела? — спросила я.

— Гроб был закрытый, — ответила Бекка. — Но я думаю, она это нарочно. По слухам, у нее были камни в карманах. Записки она не оставила, а если оставила, Тетка Видала порвала. На похоронах говорили, что Тетка Далия умерла от мозговой аневризмы. Не хотели разглашать, что Послушница была такая негодная. Мы все за нее молились; наверняка Бог ее простил.

— Но почему она так? — спросила я. — Она хотела умереть?

— Никто не хочет умирать, — ответила Бекка. — Но некоторые не хотят жить так, как разрешено.

— Но утопиться! — сказала я.

— Это вроде бы спокойная смерть, — сказала она. — Слышишь колокола и пение. Как будто ангелы. Это нам Тетка Хелена так сказала, чтобы мы не очень огорчались.

Освоив книжки про Дика и Джейн, я получила «Десять историй для девушек» — книгу стихов

Тетки Видалы. Я запомнила такой:

Посмотри на Фирцу: себе на беду
Распустила власы у всех на виду.
Смотри, как гордо шагает она,
Задравши нос, совершенно одна.
Смотри: Хранителя ловит взгляд,
Услады порока ему суля.
Она себя ни в чем не винит,
В молитве колен не преклонит.
Вот-вот ее грех обуяет вполне,
И Фирцу повесят на Стене.

Тетка Видала писала истории про то, как не положено поступать девушкам, и про всякие ужасные вещи, которые грозят девушкам, если они так поступать будут. Сейчас-то я понимаю, что истории эти — так себе стихи, и даже тогда мне не по душе было слушать про бедных девушек, которые совершали ошибки, а потом их сурово наказывали или даже убивали; тем не менее я была в восторге, поскольку способна была прочесть хоть что-то.

Как-то раз я читала вслух историю про Фирцу, чтоб Бекка исправила мне ошибки, и тут она сказала:

— Со мной такого не случится ни за что.

— Чего не случится?

— Я никогда не соблазню Хранителя. Никогда не посмотрю им в глаза. Не хочу на них смотреть, — сказала Бекка. — На любых мужчин. Они страшные. Включая галаадского Бога.

— Бекка! Ты что такое говоришь? Что значит «галаадского»?

— Они хотят, чтобы Бог был что-то одно, — сказала она. — И многое вычеркивают. В Библии написано, что мы созданы по образу Божию, и мужчины, и женщины[62]. Когда Тетки разрешат, сама прочтешь и увидишь.

— Не говори такое, — сказала я. — Тетка Видала — она будет ругаться, что это ересь.

— Тебе-то я могу сказать, — ответила Бекка. — Тебе я бы жизнь свою доверила.

— Не надо, — сказала я. — Я не очень хорошая — не как ты.

На второй месяц в Ардуа-холле меня навестила Сонамит. Встречались мы в кафетерии «Шлэфли». Она пришла в голубом платье официальной Жены.

— Агнес! — вскричала она, всплеснув рука-

---

[62] Сноски: 62

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27).

ми. — Я так рада тебя видеть! У тебя все хорошо?

— Конечно, у меня все хорошо, — сказала я. — Я теперь Тетка Виктория. Будешь мятный чай?

— Ну просто Пола намекала, что ты, кажется, слегка… что ты не очень…

— Что я психованная, — улыбнулась я.

Про Полу она говорила так, будто они старые подруги. Сонамит стала выше рангом, и Пола, наверное, немало досадовала, что такая юная девочка ее обошла.

— Я знаю, что Пола так думает. И, кстати, надо же поздравить тебя с замужеством.

— То есть ты на меня не обиделась? — спросила она, прямо как школьница.

— С чего бы мне на тебя, как ты выражаешься, обижаться?

— Ну я же у тебя украла мужа.

Ей это видится так? Что она выиграла соревнование? Как возразить, не оскорбив Командора Джадда?

— Меня призвали к высшему служению, — по возможности чопорно ответила я.

Она захихикала:

— Что, правда? А меня вот к служению пониже. У меня четыре Марфы! Ты бы видела мой дом!

— Наверняка прелестный.

— Но у тебя правда все хорошо? — Вполне вероятно, что беспокоилась она отчасти искренне. — Это заведение вынимает из тебя душу? Тут же тоска.

— У меня все прекрасно, — сказала я. — Желаю тебе всяческого счастья.

— Бекка тоже тут с тобой в темнице?

— Это не темница, — сказала я. — Да. Мы живем в одной квартире.

— А ты не боишься, что она на тебя с секатором бросится? Она еще ненормальная?

— Она всегда была нормальная, — ответила я, — просто несчастная. Очень рада была повидаться, Сонамит, но мне пора вернуться к трудам.

— Ты меня больше не любишь, — полушутя упрекнула меня она.

— Я учусь на Тетку, — сказала я. — Мне никого не положено любить.

49

Чтение я осваивала медленно и спотыкалась на каждом шагу. Бекка очень меня поддерживала. Упражнялись мы на библейских стихах из выборки, одобренной для Послушниц. Я своими глазами увидела фрагменты Писания, до той поры мною только слышанные. Бекка помогла

мне отыскать пассаж, который я так часто вспоминала, когда умерла Тавифа:

Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты как наводнением уносишь их; они — как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает.

Я кропотливо читала слова по слогам. На странице они были иными — не текучими и звучными, как у меня в голове, а площе, суше.

Бекка сказала, что по слогам — это не чтение: чтение, говорила она, — это когда слышишь слова, как будто песню.

— А вдруг у меня никогда не получится? — сказала я.

— Получится, — ответила Бекка. — Давай попробуем настоящие песни почитать.

Она сходила в Библиотеку — меня туда пока еще не пускали — и принесла один сборник гимнов Ардуа-холла. Там нашлась детская песенка, которую мне перед сном серебристым своим колокольчиковым голосом пела Тавифа:

Когда я усну и погаснут огни,
Боже, душу мою сохрани…

Я спела ее Бекке, а спустя некоторое время смогла и прочесть.

— Такая прекрасная надежда, — сказала Бекка. — Мне было бы приятно, что два ангела все время рядом, ждут, когда надо со мной улететь. — А потом она сказала: — Мне на ночь никогда не пели. Повезло тебе.

Помимо чтения я обучалась письму. Это было в известной мере сложнее, но и проще. Писали мы тушью и перьями с металлическими наконечниками, а иногда карандашами. Зависело от того, что выдали по разнарядке в Ардуа-холл со складов импорта.

Письменные принадлежности были привилегией Командоров и Теток. В остальном их в Галааде так просто было и не найти: женщинам они не нужны, да и мужчинам в основном тоже, разве что составлять рапорты и описи. О чем еще писать большинству людей?

В Школе Видалы мы учились вышивать и рисовать, и Бекка сказала, что письмо — почти то же самое: каждая буква — как картинка или ряд стежков, плюс каждая буква — как музыкальная нота; надо просто научиться рисовать буквы, а потом соединять их друг с другом, как жемчужины на нитке.

У нее самой был чудесный почерк. Она мне показывала, час-то и терпеливо, а потом, когда я с грехом пополам научилась писать, она мне выбрала несколько библейских изречений.

А теперь пребывают сии три: Вера, Надежда, Любовь; но Любовь из них больше[63].

Крепка, как смерть, любовь[64].

Птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою[65].

Я их переписывала снова и снова. Если сравнивать разные версии одной фразы, видно, какие я сделала успехи, объясняла Бекка.

Я переписывала и гадала о смысле этих слов. Что, правда Любовь больше Веры и есть ли во мне то и другое? Правда ли, что она крепка, как смерть? Чью речь перескажет крылатая птица?

Умение читать и писать не приносило ответов на все вопросы. Оно рождало новые вопросы, а потом еще.

Помимо обучения в эти первые месяцы я

---

[63] Сноски: 63
1 Кор. 13:13.

[64] Сноски: 64
Песн. 8:6.

[65] Сноски: 65
Екк. 10:20.

умудрялась старательно выполнять и другие назначенные мне задачи. Кое-что было не в тягость: мне нравилось дорисовывать юбки, и рукава, и платки девочкам в книжках про Дика и Джейн, и я была не прочь работать на кухне — резать репу и лук для кухарок и мыть посуду. В Ардуа-холле все должны были вносить свой вклад в общее благо, а физический труд не считался зазорным. Наоборот, считалось, что ни одной Тетке не следует его чураться, хотя на поверку пыхтели в основном Послушницы. Ну а почему нет? Мы ведь были моложе.

Но вот мытье туалетов радости не приносило, особенно когда приходилось оттирать их заново, хотя они и с первого раза получились совершенно чистые, а потом еще и в третий раз. Бекка предупреждала, что Тетки будут требовать этого многократно — дело не в состоянии туалетов, объясняла она. Это проверка на послушание.

— Но заставлять нас трижды мыть туалеты — это неразумно, — сказала я. — Это пустая трата ценного национального ресурса.

— Чистящее средство — не ценный национальный ресурс, — возразила она. — Это же не беременные женщины. А неразумно — это да, отсюда и проверка. Они хотят посмотреть, гото-

ва ли ты, не ропща, подчиниться неразумному приказу.

Чтобы дополнительно эту проверку усложнить, надзирать за нами ставили самых молодых Теток. Когда дурацкие приказы отдает почти твоя сверстница, это бесит гораздо сильнее, чем когда командует старуха.

— Ненавижу! — сказала я после четвертой недели беспробудного мытья туалетов. — Истинно ненавижу Тетку Эбби! Она такая злобная, и надутая, и…

— Это проверка, — напомнила мне Бекка. — Вот как Господь испытывал Иова.

— Тетка Эбби — не Господь. Это ей просто мерещится.

— От недоброжелательсности нам лучше бы воздерживаться, — сказала Бекка. — Помолись, чтобы ненависть ушла. Представь, что она утекает через нос, как дыхание.

У Бекки было много таких вот методов самоконтроля. Я их тоже пробовала. Иногда помогало.

Через полгода, когда я сдала экзамен и стала настоящей Послушницей, меня допустили в Библиотеку Хильдегарды. Трудно описать это чувство. Когда я впервые переступила ее порог, мне как будто вручили золотой ключ — ключ,

что одну за другой отопрет тайные двери и явит мне сокровища.

Поначалу меня допускали только в Общий Зал, но со временем выдали пропуск и в Читальный. Там у меня был свой стол. Помимо прочего мне поручили копировать начисто речи — или, может, точнее назвать их проповедями, — которые Тетка Лидия произносила по случаю знаменательных событий. Она эти речи использовала не по одному разу, но всякий раз меняла, и надо было вправлять ее рукописные пометки в нормальную разборчивую машинопись. К тому времени я научилась печатать на машинке, хоть и медленно.

Когда я сидела за столом, порой мимо меня по Читальному Залу проходила Тетка Лидия по пути в свой особый кабинет, где она, по слухам, проводила важные исследования на благо всего Галаада: таково было дело всей ее жизни, говорили старшие Тетки. Бесценный Генеалогический Архив Родословных, столь кропотливо пополняемый старшими Тетками, и Библии, и теологические рассуждения, и опасные образчики мировой литературы — все таилось за этой запертой дверью. Нам дозволят туда войти, лишь когда разум наш достаточно укрепится.

Шли месяцы и годы, мы с Беккой стали близкими подругами и поведали друг другу о себе и о своих семьях много такого, чего никогда никому не рассказывали. Я призналась, как страшно ненавижу свою мачеху Полу, хотя и стараюсь эту ненависть побороть. Я описала Бекке трагическую смерть нашей Служанки Кристал и как я ее оплакивала. Бекка рассказала мне про доктора Гроува и что он сделал, а я рассказала ей свою историю про доктора Гроува, и она за меня ужасно распереживалась. Мы говорили о наших настоящих матерях и о том, как хотим узнать, кто они были. Пожалуй, нам не стоило так распахивать души, но это очень нас ободряло.

— Жалко, что у меня нет сестры, — как-то раз сказала мне Бекка. — Иначе моей сестрой была бы ты.

50

Я живописую мирную жизнь, и на взгляд со стороны такой она и была; однако внутри бушевали бури и сумятицы, которые, как я успела выяснить с тех пор, весьма обыкновенны среди тех, кто хочет посвятить себя высокой цели. Первая моя внутренняя буря случилась, когда после четырех лет чтения более элементарных текстов меня

наконец-то допустили к полному тексту Библии. Наши Библии хранились под замком, как и везде в Галааде: Библию можно было доверить лишь тем, чей разум крепок, а нрав стоек, что сразу исключало всех женщин, помимо Теток.

Бекка приступила к изучению Библии раньше меня — она опережала меня и по старшинству, и по уровню знаний, — но тем, кому уже открылись библейские тайны, не дозволялось ни с кем делиться священным опытом чтения, поэтому ее открытий мы не обсуждали.

Настал день, когда в Читальный Зал должны были принести выделенную мне запертую деревянную шкатулку с Библией — мне предстояло раскрыть наконец эту наизапретнейшую из книг. Мне страшно не терпелось, но утром Бекка сказала:

— Я должна тебя предостеречь.

— Предостеречь? — переспросила я. — Это же святая книга.

— Там не то, что они говорят.

— То есть?

— Я не хочу, чтоб ты разочаровалась. — Она помолчала. — Наверняка Тетка Эсте хотела как лучше. — А потом Бекка прибавила: — Книга Судей, главы с девятнадцатой по двадцать первую.

Больше она ничего говорить не желала. Но когда я пришла в Читальный Зал и открыла шкатулку, а затем и Библию, первым делом я обратилась к этим главам. Там была история про Наложницу, Разрезанную на Двенадцать Частей, — та самая, которую давным-давно, еще в школе, нам рассказывала Тетка Видала; та самая, которая так расстроила Бекку в детстве.

Историю я прекрасно помнила. И помнила, как объясняла ее нам Тетка Эсте. Она говорила, что наложница погибла, поскольку сожалела о своем ослушании и пожертвовала собой, дабы ее господина не изнасиловали злые сыны Вениаминовы. Тетка Эсте говорила, что наложница была храбрая и благородная. Что наложница сама сделала выбор.

Но теперь я читала эту историю сама. Я искала храбрость и благородство, я искала выбор, но ничего такого не находила. Девушку просто выпихнули за дверь, где ее изнасиловали до смерти, а потом ее, точно корову, разрезал на куски человек, при ее жизни обращавшийся с нею, как с купленной скотиной. Неудивительно, что она от него убежала.

Потрясение было болезненное: добрая, отзывчивая Тетка Эсте нам солгала. Правда оказалась

ничуть не благородна — правда была кошмарна. Вот, значит, что имели в виду Тетки — мол, женскому разуму для чтения недостает крепости. Мы рухнем, мы рассыплемся во прах пред натиском противоречий, мы не найдем в себе сил держать оборону.

Прежде я никогда всерьез не сомневалась в праведности и особенно правдивости галаадской теологии. Если я недотягивала до совершенства, я полагала, что дело во мне. Но теперь я узнавала, что поменял Галаад, что он добавил, а что упустил, — и страшилась потерять веру.

Если веры у вас никогда не было, вы меня не поймете. Это как будто у вас умирает лучший друг; все, из чего складывались вы, сжигается подчистую; вы вот-вот останетесь совершенно одни. Вы словно изгой, вы словно заблудились в темном лесу. Со мной такое было, когда умерла Тавифа: мир терял смысл. Все было пустое. Все подсекалось и засыхало.

Тем, что во мне творится, я отчасти поделилась с Беккой.

— Я понимаю, — сказала она. — Со мной тоже так было. Вся верхушка Галаада нам врет.

— То есть?

— Бог — не то, что они говорят, — ответила

она.

Еще она сказала, что можно верить в Галаад или можно верить в Бога, но нельзя верить в них одновременно. Собственный кризис она разрешила так.

Я сказала, что не знаю, смогу ли выбрать. Втайне я боялась, что не смогу верить ни во что. Но я хотела верить; более того, я томилась по вере; а если уж начистоту, сколько веры рождается из томления?

51

Спустя три года случилось кое-что пострашнее. Как я уже говорила, в Библиотеке Хильдегарды мне поручили начисто перепечатывать речи Тетки Лидии. По утрам на моем столе оставляли серебристую папку со страницами, над которыми мне предстояло работать. Однажды под серебристой папкой я обнаружила голубую. Кто ее туда подсунул? Кто-то ошибся?

Эту голубую папку я открыла. На верху первой же страницы было имя моей мачехи Полы. Далее следовало повествование о смерти ее первого мужа — того, что был прежде, до ее замужества с моим так называемым отцом Командором Кайлом. Первого мужа ее, Командора Сондерса,

убила Служанка у него в кабинете — это я вам уже рассказывала. То есть такую историю рассказывали все.

Пола утверждала, что Служанка была неуравновешенная и опасная, украла из кухни шампур и убила Командора Сондерса ни за что ни про что. Служанка сбежала, ее поймали и повесили, а ее труп был потом на Стене. Но Сонамит говорила, что, по словам ее Марфы, была еще противозаконная греховная связь — Служанка и муж имели привычку прелюбодействовать в кабинете. Это и дало Служанке возможность убить мужа, и это же послужило причиной убийства: он от нее требовал такого, что она сошла с ума. В остальном Сонамит рассказывала все то же самое: Пола нашла труп, Служанку поймали и повесили. Сонамит еще добавляла подробность про то, как Пола вся перемазалась кровью, приличий ради натягивая на мертвого Командора штаны.

Но в голубой папке все было иначе. Историю дополняли фотографии и расшифровки множества тайно записанных разговоров. Не было никакой противозаконной связи между Командором Сондерсом и его Служанкой — только регулярные Церемонии по закону. А вот Пола и мой бывший отец Командор Кайл завели роман еще до того,

как умерла моя мама Тавифа.

Пола сдружилась со Служанкой и предложила ей помочь сбежать из Галаада, поскольку знала, как эта девушка несчастна. Пола даже выдала ей карту, и инструкции, и имена нескольких связных из «Моего дня». Когда Служанка тронулась в путь, Пола самолично проткнула Командора Сондерса шампуром. Вот почему она была вся в крови, а вовсе не потому, что надевала на Командора брюки. Брюк он, собственно, и не снимал — во всяком случае, не в ту ночь.

Пола подкупила свою Марфу — приправляя подкуп угрозами, — чтобы Марфа подтвердила историю про Служанку-убийцу. Затем Пола вызвала Ангелов, обвинила Служанку, а дальше было то, что было. Когда Служанку нашли, бедная девушка бродила по улицам в отчаянии: карта оказалась неточной, а связников из «Моего дня», как выяснилось, не было в природе.

Служанку допросили. (Расшифровка допроса прилагалась, и это было неприятное чтение.) Она признала, что пыталась бежать, раскрыла участие Полы в побеге, но уверяла, что невиновна в убийстве — да что там, впервые о нем слышит, — пока боль не стала слишком сильна; тогда Служанка себя оговорила.

Ясно, как Божий день, что она была невиновна. И все равно ее повесили.

Тетки знали правду. По меньшей мере одна Тетка знала. Были улики — вот они, в папке, передо мной. Однако Полу никто и пальцем не тронул. А за преступление повесили Служанку.

Меня как громом поразило — я была ошарашена. Но ошеломляла меня не только сама история — я терялась в догадках, почему она оказалась у меня на столе. Зачем некто неизвестный выдал мне столь опасную информацию?

Когда то, что принимаешь за правду, оборачивается ложью, начинаешь сомневаться во всем. Кто-то пытается настроить меня против Галаада? Улики подделаны? Пола забросила свои старания выдать меня за Командора Джадда, потому что Тетка Лидия пригрозила раскрыть ее преступление? Этот страшный сюжет и обеспечил мне место Тетки в Ардуа-холле? Мне тем самым говорят, что моя мама Тавифа не умерла от болезни, а была убита каким-то неведомым способом, и убила ее Пола, а может, даже Командор Кайл? Я не знала, что и думать.

Поделиться было не с кем. Даже с Беккой нельзя: я не хотела поставить ее под удар, сделав своей сообщницей. Тем, кому не положено знать

правду, правда может принести немало бед.

В тот день я закончила работу и оставила голубую папку там, где нашла. Назавтра меня ждала новая речь, а голубая папка исчезла.

На протяжении следующих двух лет я находила у себя на столе немало таких папок. И во всех были доказательства всевозможных преступлений. Преступления Жен — в голубых папках, Командоров — в черных, специалистов — врачей, например, — в серых, Экононаселения — в полосатых, Марф — в темно-зеленых. Ни одной папки с преступлениями Служанок, и ни одной — Теток.

В основном мне оставляли голубые и черные папки, и преступления в них были многочисленны. Служанок принуждали к нарушениям закона, а затем в них же и обвиняли; Сыны Иакова плели заговоры друг против друга; на высочайшем уровне давались взятки, оказывались услуги; Жены строили козни другим Женам; Марфы подслушивали и собирали сведения, а потом продавали; случались таинственные пищевые отравления; младенцы переходили от одних Жен к другим на основании скандальных слухов, которым, однако, не было ни малейших подтверждений. Жен вешали за прелюбодеяния,

которых они не совершали, — потому лишь, что какому-нибудь Командору хотелось другую Жену, помоложе. На открытых судебных разбирательствах — затеянных ради чисток в руководстве, против засилья предателей — самооговоры, полученные под пытками, выдавались за доказательства.

Лжесвидетельство тоже не было исключением — случалось сплошь и рядом. Под внешним лоском добродетели и чистоты Галаад загнивал.

Кроме дела Полы, живее всего заинтересовала меня папка Командора Джадда. Толстое было досье. Помимо прочих правонарушений, в нем содержались улики, касавшиеся судьбы его предыдущих Жен, — тех, на ком он был женат до мимолетной помолвки со мной.

От всех Жен он избавлялся. Первую столкнули с лестницы — Жена сломала шею. Сказали, что она споткнулась и упала. Уже начитавшись подобных папок, я понимала, что изобразить несчастный случай в таких делах не составит труда. Две его Жены, по официальной версии, скончались родами или вскоре после родов; родились у них Нечада, однако смерти Жен были вызваны умышленно причиненным сепсисом или шоком. В одном случае Командор Джадд от-

казался выдать разрешение на операцию, когда двухголовое Нечадо застряло в родовых путях. Ничего не поделаешь, благочестиво сказал он, поскольку у зародыша по-прежнему есть сердцебиение.

Четвертая жена рисовала цветы — она обзавелась этим хобби по предложению Командора Джадда, который сам заботливо покупал ей краски. У этой Жены развились симптомы отравления кадмием. Кадмий, отмечалось в досье, — известный канцероген, и вскоре четвертая Жена скончалась от рака желудка.

Похоже, я еле-еле увильнула от смертного приговора. И увильнуть от него мне помогли. В ту ночь я вознесла благодарственную молитву: невзирая на сомнения, молиться я не переставала. «Спасибо, — сказала я. — Помоги моему неверию[66]. И помоги Сонамит, — прибавила я, — потому что помощь ей будет очень кстати».

В начале знакомства с досье меня терзал ужас, меня воротило. Кто-то нарочно желает мне страданий? Или эти папки — часть моей подготовки? Закаляется ли мой разум? Это что — учеба в пред-

[66] Сноски: 66

«Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:23–24).

дверии трудов, которые предстоят мне в статусе Тетки?

Вот чем занимаются Тетки, уже постигала я. Записывают. Выжидают. Используют сведения, добиваясь целей, всем прочим неведомых. Оружие их — сокрушительные, но пагубные тайны: правду говорили Марфы. Тайны, ложь, коварство, ухищрения — однако тайны, ложь, коварство и ухищрения не только собственные, но и чужие.

Если я останусь в Ардуа-холле — если я преуспею в миссионерском служении Жемчужной Девы и вернусь настоящей Теткой, — я стану такой же. Все узнанные тайны и, несомненно, еще множество других будут мне подвластны, и я стану орудовать ими на свое усмотрение. Столько власти. Столько возможностей судить злодеев в тиши и вершить кары, каких им и не снилось предвидеть. Столько отмщения.

Говорю же, была во мне мстительная жилка — прежде я в этом раскаивалась. Я раскаивалась — но я ее не искоренила.

Я солгу, если скажу, что меня такая будущность не прельщала.

XIX
Кабинет

Автограф из Ардуа-холла

52

Вчера вечером со мною приключилась неприятная встряска, мой читатель. Вооружившись пером и синей тушью, я украдкой царапала свои заметы в опустевшей библиотеке, открыв дверь, чтобы шел воздух, и тут из-за угла моего закутка внезапно высунулась голова Тетки Видалы. Я не вздрогнула — нервы у меня из отверждаемых полимеров, как у пластинированных трупов, — но кашлянула, это такой нервный рефлекс, и подтянула закрытую «Apologia Pro Vita Sua» на недописанную страницу.

— А, Тетка Лидия, — сказала Тетка Видала. — Надеюсь, вы не подхватили простуду. Вам не надо в постель?

«Вечного сна, — подумала я, — вот чего ты мне желаешь».

— Просто аллергия, — ответила я вслух. — В такой сезон многие страдают.

Чего она не могла отрицать — она у нас великая аллергическая страдалица.

— Сожалею, что помешала, — солгала она. Взгляд ее прополз по заглавию кардинала Ньюмена. — Вечно в трудах, я вижу, — заметила она. — Какой одиозный еретик.

— Кто знает противника… и так далее[67], — ответила я. — Чем могу быть полезна?

— Мне необходимо обсудить жизненно важную тему. Могу я предложить вам чашку горячего молока в кафетерии «Шлэфли»?

— Как это любезно, — ответила я.

И поставила кардинала Ньюмена на полку, повернувшись к Тетке Видале спиной, чтобы загородить страницу с моими синими письменами.

Вскоре мы вдвоем сидели за столиком в кафетерии — я с горячим молоком, Тетка Видала — с мятным чаем.

— На Блага Дарении Жемчужных Дев было что-то странное, — начала она.

— Что именно? По-моему, все прошло как обычно.

— Эта новая девочка, Агата. Меня не убежда-

---

[67] Сноски: 67

Цитата из трактата китайского философа и стратега VI в. до н. э. Сунь-цзы «Искусство войны», перев. И. Костанда.

ет, — сказала Тетка Видала. — Проблематичная.

— Они поначалу все проблематичные, — сказала я. — Но им нужно убежище, спасение от нищеты, эксплуатации и разора так называемой современной жизни. Они хотят стабильности, они хотят порядка, они хотят внятных наставлений. Ей понадобится время, чтобы обжиться.

— Тетка Беатрис сказала, что у девчонки эта нелепая татуировка на руке. Надо полагать, она и вам говорила. Ну право слово! Бог и Любовь! Можно подумать, на нас подействует настолько грубое виляние хвостом! И какая еретическая теология! От нее за милю несет каверзами. Откуда вы знаете — может, ее заслал «Мой день»?

— Лазутчиков мы раньше успешно вычисляли, — сказала я. — Что до телесного увечья, молодежь в Канаде — безбожники, покрывают себя многообразными варварскими символами. На мой взгляд, у нее это доказательство чистоты намерений; не стрекоза и не череп какой-нибудь — и на том спасибо. Но мы пристально за ней последим.

— Татуировку нужно удалить. Это кощунство. Слово «Бог» свято, ему не место на руке.

— Удаление сейчас будет слишком болезненно. С этим можно подождать. Мы же не хотим отвра-

тить нашу юную Послушницу.

— Если она подлинная, в чем я сильно сомневаюсь. Такие вот фокусы — типичный «Мой день». По-моему, девчонку надо допросить.

И допросить девчонку, подразумевала Тетка Видала, она должна сама. Ее хлебом не корми — дай кого-нибудь допросить.

— Тише едешь — дальше будешь, — сказала я. — Я предпочитаю более деликатные методы.

— Прежде у вас, помнится, не было таких предпочтений, — заметила Видала. — В лоб, ярко и доходчиво вас более чем устраивало. Чуток крови вас не смущал.

Она чихнула. Может, стоит вытравить в кафетерии плесень, подумала я. А может, и не стоит.

Поскольку час был поздний, я позвонила Командору Джадду в его домашний кабинет и попросила безотлагательной встречи, о каковой мы тут же и условились. Своему шоферу я велела подождать снаружи.

Дверь открыла Жена Джадда, Сонамит. Выглядела она совсем неважно: похудела, осунулась, запали глаза. По меркам Жен Джадда, протянула она сравнительно долго; хотя бы произвела на свет ребенка, пусть и Нечадо. Однако ее время, похоже, истекает. Любопытно, что Джадд кладет

ей в суп.

— Ой, Тетка Лидия, — сказала она. — Прошу вас, заходите. Командор вас ожидает.

Почему она сама открыла дверь? Открывать двери — Марфина работа. Видимо, ей что-то от меня надо. Я понизила голос.

— Сонамит, моя дорогая, — улыбнулась я. — Ты больна?

Прежде она была такой кипучей девочкой, хотя и нахальной надоедой, а превратилась в какое-то бледное виденье.

— Мне не положено так говорить, — прошептала она. — Командор уверяет, что это все ерунда. Что я нарочно выдумываю жалобы. Но я точно знаю, что нездорова.

— Можем проверить тебя в нашей клинике в Ардуа-холле, — сказала я. — Взять кое-какие анализы.

— Мне понадобится его разрешение, — сказала она. — Он меня не отпустит.

— Разрешение я получу, — пообещала я. — Спокойно.

За чем последовали слезы и изъявления благодарности. В иную эпоху она бы бросилась на колени и поцеловала мне руку.

Джадд ждал меня в кабинете. Я там уже бы-

вала — порой при нем, порой в его отсутствие. Информационно насыщенное пространство. Зря он таскает работу домой и так беспечно повсюду ее разбрасывает.

На правой стене — с порога не видно, ибо не годится шокировать домашних женского пола, — висит полотно девятнадцатого века: едва-едва созревшая девушка в чем мать родила. Девушке приделали стрекозиные крылья, превратив ее таким образом в фею: в те времена всем было известно, что феи облачаться не склонны. Девушка порочно, проказливо улыбается, паря над грибом. Вот что любит Джадд — молодых девиц, коих можно почитать не вполне за людей, и вдобавок испорченных в глубине души. Это извиняет его обращение с ними.

Вдоль стен сплошь книги, как во всех командорских кабинетах. Они любят собирать, и любоваться приобретениями, и хвастаться, что еще им удалось стибрить. У Джадда приличная коллекция биографий и исторических трудов — Наполеон, Сталин, Чаушеску, всевозможные прочие вожди и людские контролеры. У него есть несколько крайне ценных изданий, от которых не отказалась бы и я: «Ад» с иллюстрациями Доре, «Алиса в Стране чудес» с иллюстрациями Да-

ли, «Лисистрата» с иллюстрациями Пикассо[68]. У него также есть книга иного сорта, не столь почтенного — винтажная порнография, о чем я знаю, поскольку ее пролистала. Этот жанр утомителен в оптовых количествах. Репертуар издевательств над человеческим телом ограничен.

— А, Тетка Лидия, — сказал Командор Джадд, приподнявшись из кресла эхом того, что некогда полагалось джентльменским поведением. — Садитесь, прошу вас, и поведайте, что привело вас сюда так поздно.

И просиял улыбкой, ничуть не изменившей взгляда, встревоженного и кремнистого.

— У нас ЧП, — сообщила я, заняв кресло напротив.

Улыбка испарилась.

— Не критичное, я надеюсь.

— Починке поддается. Тетка Видала подозревает так называемую Агату в том, что ее заслал «Мой день» — вынюхивать и выставлять нас

---

[68] Сноски: 68

Гюстав Доре проиллюстрировал «Ад» Данте Алигьери в 1861 г.; издания с его иллюстрациями выходят регулярно. Иллюстрации к «Алисе в Стране чудес» Сальвадору Дали для издания ограниченного тиража заказало издательство *Random House* в 1969 г. Комедия Аристофана «Лисистрата» с иллюстрациями Пабло Пикассо была выпущена в 1934 г. в нью-йоркском издательстве *Limited Editions Club* малым тиражом по подписке.

в дурном свете. Желает допросить девочку. Тогда на любом продуктивном применении Младеницы Николь можно будет ставить крест.

— Согласен, — сказал он. — После этого показать ее по телевизору мы не сможем. Что я могу для вас сделать?

– *Для нас с вами,* — сказала я. Всегда полезно напоминать ему, что на борту нашего каперского суденышка мы с ним болтаемся вдвоем. — Приказ Очей о защите девочки от любых притязаний, пока мы не удостоверимся, что ее можно предъявить миру как убедительную Младеницу Николь. Тетка Видала о подлинном имени Агаты не осведомлена, — прибавила я. — И ставить ее в известность не следует. Она уже не вполне надежна.

— Вы не могли бы пояснить? — сказал он.

— Пока вам придется поверить мне на слово, — ответила я. — И еще кое-что. Вашу Жену Сонамит надо послать в клинику «Настои и Устои» в Ардуа-холл на лечение.

Повисла долгая пауза — мы глядели друг другу в глаза через стол.

— Вы просто мысли мои читаете, — промолвил Командор Джадд. — Ей и в самом деле предпочтительнее находиться под вашей опекой, а не моей.

На случай если произойдет… на случай, если у нее обнаружится смертельное заболевание.

Здесь я хочу тебе напомнить, читатель, что разводов в Галаде не бывает.

— Мудрое решение, — сказала я. — Вы должны оставаться вне подозрений.

— Полагаюсь на вас. Я в ваших руках, дорогая Тетка Лидия, — сказал он, поднимаясь из-за стола.

Как это верно, подумала я. И как легко рука сжимается в кулак.

Читатель мой, я балансирую на лезвии бритвы. Выбор двояк: можно и дальше внедрять мой опасный, отчаянный даже план попытаться переправить мой пакет взрывчатки с юной Николь и, если мне удастся, первой пихнуть и Джадда, и Галаад с обрыва в бездну. Если мне не удастся, меня, естественно, заклеймят как изменницу родине и я буду жить в позоре — точнее говоря, в позоре умру.

Или же можно выбрать более надежный путь. Можно отдать Младеницу Николь Командору Джадду — на миг она ослепительно воссияет, а затем ее погасят, точно свечку, за неповиновение, поскольку шансы, что она кротко смирится со своим здешним положением, равняются нулю.

Тогда я пожну награду в Галааде — и награда эта, вероятно, окажется огромна. Тетка Видала будет аннулирована; можно даже сдать ее в психиатрическую лечебницу. Я получу безграничный контроль над Ардуа-холлом и обеспечу себе почетную старость.

Придется забросить идею отомстить Джадду, ибо мы с ним срастемся навеки. Жена Джадда Сонамит падет в этих боях случайной жертвой. Агату я подселила в квартиру к Тетке Иммортель и Тетке Виктории, а значит, когда ликвидируют Агату, их судьбы тоже повиснут на волоске: в Галааде, как и повсюду, не пренебрегают виной по ассоциации.

Способна ли я на такое двуличие? Могу ли так абсолютно предать? Со своими запасами кордита прорыв тоннель так глубоко под фундамент Галаада, дрогну ли я? Поскольку я человек, это вполне возможно.

В таком случае я уничтожу эти страницы, что так усердно кропала; а с ними я уничтожу и тебя, мой будущий читатель. Одна вспышка спички — и тебя нет: стерт, будто тебя и не было никогда, будто тебя никогда и не будет. Я откажу тебе в бытии. Сколь богоподобное чувство! Пусть и уподобляет богу разрушения.

Я колеблюсь, я колеблюсь.
Но завтра будет новый день.

XX
Родословные

Протокол свидетельских показаний 369Б

53

В Галаад я проникла. Думала, много знаю про него, но проживать — другое дело, а в Галааде — совсем другое. Галаад был скользкий, как по льду ступать: я то и дело спотыкалась. Ничего не умела прочесть по лицам, сплошь и рядом не угадывала, что мне говорят. Слышала слова, сами эти слова понимала, но извлечь из них смысл не могла.

На первом собрании, после того как мы все постояли на коленях, попели и Тетка Беатрис отвела меня к скамье и усадила, я оглядела целую часовню женщин. Все пялились на меня и улыбались, дружелюбно и алчно, как в хоррорах, где вот прямо знаешь, что все деревенские окажутся вампирами.

Потом было всенощное бдение новых Жемчужин: нам полагалось стоять на коленях и предаваться молчаливому созерцанию. Меня никто не

предупредил: какие тут правила-то? Если хочешь в туалет, надо поднять руку? Ответ — да, если вам интересно. После многих часов такого развлечения — ноги у меня совсем свело — одна новая Жемчужина, из Мексики, кажется, истерически зарыдала, а потом заорала. Две Тетки подняли ее и быстренько вывели. Я потом слыхала, что ее сделали Служанкой, — хорошо, короче, что я не раскрыла рта.

Назавтра нам выдали эти уродские бурые тряпки, я и очухаться не успела, а нас уже погнали на стадион и рассадили рядами. Никто не говорил, какой в Галааде бывает спорт, — я думала, никакого, — но оказалось, там не спорт. Там Причастика. Про это нам рассказывали еще в школе, но в детали не вдавались — не хотели, наверное, нас травмировать. Теперь до меня дошло почему.

Была двойная казнь: двух мужчин в буквальном смысле слова разорвала на части толпа обезумевших женщин. Они кричали, и пинались, и кусались, и кровь была повсюду, особенно на Служанках: они были в крови с головы до ног. Они еще показали потом куски — в руках остались клоки волос, какой-то, кажется, палец, — и тогда все остальные завопили и захлопали.

Это было омерзительно; это было страшно до смерти. Это обогатило мои представления о Служанках. Может, и моя мать была такая, думала я: озверевшая.

Протокол свидетельских показаний 369A

54

По просьбе Тетки Лидии мы с Беккой обучали новую Жемчужину Агату изо всех сил, но это было все равно что с пустым местом разговаривать. Агата не умела терпеливо сидеть, выпрямив спину и сложив руки на коленях, — она крутилась, ерзала, шаркала ногами.

— Женщины сидят вот так, — говорила Бекка и ей показывала.

— Понятно, Тетка Иммортель, — отвечала Агата и делала вид, что старается. Но ее стараний не хватало надолго — вскоре она опять сутулилась и оттопыривала коленку, забросив ногу на ногу.

На первой ее вечерней трапезе в Ардуа-холле мы посадили ее между собой, ради ее же безопасности, потому что она совсем не слушала. И все равно вела она себя очень неблагоразумно. Кормили нас хлебом, супом неопределенной природы — по понедельникам часто смешивали

остатки и добавляли лук — и салатом из чины и белой репы.

— Суп, — сказала Агата. — В нем как будто плесень с посуды смывали. Я это есть не буду.

— Тш-ш-ш… Возблагодари Господа за то, что тебе даровано, — шепнула я ей. — Суп наверняка питательный.

На десерт подали тапиоку — опять.

— Я не могу. — И Агата с лязгом уронила ложку. — Рыбьи глаза в клею.

— Не доесть — это неуважение, — сказала Бекка. — Если не постишься.

— Можешь доесть мое, — сказала Агата.

— На тебя люди смотрят, — сказала я.

Когда она только приехала, волосы у нее были зеленоватые — такое членовредительство, похоже, распространено в Канаде, — но за пределами нашей квартиры она покрывала голову, так что никто особо не замечал. Потом она принялась дергать волосы на затылке. Сказала, что это помогает ей думать.

— У тебя так лысина будет, — сказала ей Бекка.

Нас в Добрачной Подготовительной Школе «Жемчуга» учили, что, если часто выдергивать волосы, они больше не отрастут. С бровями и ресницами то же самое.

— Я знаю, — сказала Агата. — Но волос же все равно никто не видит. — И она доверительно нам улыбнулась: — Я когда-нибудь обрею голову.

— Ты что! Волосы женщины — это ее честь, — сказала Бекка. — Они тебе даны вместо покрывала. Это из Первого Послания к Коринфянам[69].

— А больше никакой чести? Только волосы? — спросила Агата.

У нее вышло резко, но, по-моему, она не хотела грубить.

— Почему ты хочешь так себя опозорить? Обрить голову? — как можно мягче спросила я.

Для женщины отсутствие волос — знак позора: порой, если муж жаловался, Тетки отрезали волосы непослушной или бранчливой Экономене, а потом заковывали ее в колодки и выставляли на всеобщее обозрение.

— Хочу узнать, каково быть лысой, — ответила Агата. — У меня это в списке отброшенных копыт.

— Ты все-таки следи, что людям говоришь, — сказала я. — Мы с Беккой… с Теткой Иммортель

---

[69] Сноски: 69

«Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою? Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это — бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?» (1 Кор. 11:13–15)

снисходительные, мы понимаем, что ты недавно приехала из страны разврата, мы стараемся тебе помочь. Но другие Тетки, особенно старшие, как вот Тетка Видала, — они вечно ищут, к чему придраться.

— Ага, тут ты права, — сказала Агата. — То есть понятно, Тетка Виктория.

— Что такое список отброшенных копыт? — спросила Бекка.

— То, что я хочу успеть сделать в жизни.

— А почему так называется?

— Потому что «отбросить копыта», — сказала Агата. — Просто выражение такое. — А потом, посмотрев в наши озадаченные лица, продолжала: — Я думаю, это про то, как раньше вешали. Человеку надевали петлю, сажали его на лошадь, потом стреляли в воздух, лошадь пугалась и из-под него убегала. Но я не уверена.

— У нас в Галааде вешают не так, — сказала Бекка.

Протокол свидетельских показаний 369Б

55

Я мигом просекла, что две молодые Тетки в квартире «В» меня не одобряют, но больше

у меня знакомых не было, потому что, кроме этих двух, со мной никто не разговаривал. Тетка Беатрис была добрая, пока обращала меня в Торонто, но, раз мы уже здесь, я ее больше не интересовала. При встречах она рассеянно мне улыбалась, но и только.

Если я задумывалась, мне становилось страшно, но я старалась не позволять страху мной завладеть. И мне было ужасно одиноко. Здесь у меня друзей не было, а с теми, кто там, не свяжешься. Ада и Элайджа далеко. Спросить совета не у кого; я была одна, и учебника мне никто не выдал. Я ужасно скучала по Гарту. Грезила обо всем, что мы делали вместе: спали на кладбище, попрошайничали на улице. Я даже по фастфуду скучала. Вернусь ли я и если вернусь, что тогда? У Гарта, наверное, есть девушка. А как иначе-то? Я его никогда не спрашивала, потому что не хотела знать ответ.

Но больше всего я психовала из-за человека, которого Ада с Элайджей называли источником, — из-за их местного контакта. Когда этот источник всплывет? А если он не существует? Если нет никакого «источника», я застряну в этом Галлеаде навеки, потому что вытащить меня будет некому.

Протокол свидетельских показаний 369A

56

Агата была неряха. Разбрасывала вещи в нашей общей гостиной — чулки, пояс от новой формы условной Послушницы, порой даже туфли. Не всегда смывала за собой в туалете. На полу в ванной мы находили вычесанные клочья ее волос, в раковине — ее зубную пасту. Она принимала душ в не предусмотренные распорядком часы, пока ей твердо не запретили, несколько раз. Я понимаю, это все мелочи, но, когда живешь рядом, они копятся.

И вдобавок эта ее татуировка. Она себе на левой руке вытатуировала «БОГ» и «ЛЮБОВЬ» крестом. Утверждала, что это знак ее обращения в истинную веру, но я сомневалась, потому что как-то раз она обмолвилась, что Бог, по ее мнению, — «воображаемый друг».

— Бог — настоящий друг, а не воображаемый, — сказала Бекка. В голосе у нее сквозил гнев — насколько Бекка способна была выказать гнев.

— Извини, если я неуважительно отозвалась о твоих культурных верованиях, — ответила

Агата, что, с точки зрения Бекки, не помогло ни чуточки: сказать, что Бог — культурное верование, еще хуже, чем сказать, что он воображаемый друг.

Мы понимали, что Агата держит нас за глупых; за суеверных — совершенно точно.

— Тебе надо удалить татуировку, — сказала Бекка. — Она кощунственная.

— Ага, пожалуй, — ответила Агата. — То есть да, Тетка Иммортель, спасибо, что сказали. И вообще, зудит она адски.

— Адски — это не когда зуд, — сказала Бекка. — Я буду молиться о том, чтобы ты искупила свои грехи.

Когда Агата уходила к себе наверх, мы часто слышали грохот и сдавленные крики. Это что, такая варварская молитва? В конце концов пришлось мне спросить, чем она там занимается.

— Тренируюсь, — ответила она. — Как бы физические упражнения. Нужна сила.

— Мужчины сильны телом, — сказала Бекка. — И разумом. Женщины сильны духом. Но умеренные физические нагрузки — ходьба, например, — дозволительны, если женщина в детородном возрасте.

— Почему ты считаешь, что надо быть сильной

телом? — спросила я.

Ее языческие верования занимали меня все больше.

— На случай если какой мужик полезет. Надо уметь ткнуть им в глаза пальцами, заехать коленом по яйцам, и удар «стоп-сердце» тоже. Могу показать. Кулак складываешь вот так: пальцы согнуть, большой поверх костяшек, рука прямая. Целься в сердце. — И она ударила кулаком в диван.

Бекке от изумления пришлось присесть.

— Женщины не бьют мужчин, — сказала она. — Женщины никого не бьют, только если по закону — на Причастиках, например.

— Надо же, как удобно! — сказала Агата. — И пусть творят мужики что хотят?

— Не надо соблазнять мужчин, — сказала Бекка. — То, что бывает, если их соблазнить, — отчасти и твоя вина.

Агата переводила взгляд с Бекки на меня и обратно.

— Виктимблейминг? — сказала она. — Серьезно?

— Прошу прощения? — переспросила Бекка.

— Ладно, не важно. То есть как ни поверни, ты проиграла, — сказала Агата. — Что ни делай,

нам кирдык.

Мы обе взирали на нее в молчании: отсутствие ответа — тоже ответ, как говаривала Тетка Лидия.

— О'кей, — сказала Агата. — Но тренироваться я все равно буду.

Спустя четыре дня после прибытия Агаты Тетка Лидия вызвала нас с Беккой к себе в кабинет.

— Как дела у нашей новой Жемчужины? — спросила она. Я замялась, и она сказала: — Излагайте громче!

— Она не умеет себя вести, — ответила я.

Тетка Лидия улыбнулась, как сморщенная репа:

— Она только что из Канады, вы не забывайте. Она не умеет иначе. Обращенные из-за границы нередко поначалу такие. Ваш долг до поры — наставлять ее на путь истинный.

— Мы стараемся, Тетка Лидия, — сказала Бекка. — Но она очень…

— Упрямая, — договорила та. — Неудивительно. Со временем пройдет. Сделайте, что в ваших силах. Можете идти.

Мы вышли из кабинета боком — мы все выходили от Тетки Лидии боком, потому что поворачиваться к ней спиной было бы невежливо.

На моем столе в Библиотеке Хильдегарды по-прежнему возникали папки с досье о преступлениях. Я разрывалась. Выпадали дни, когда мне виделось, будто стать настоящей Теткой — великое благо: познавать заветные секреты Теток, обладать тайной властью, творить возмездие. А назавтра я задумывалась о душе — ибо я поистине верила, что у меня есть душа, — и о том, как искалечит и развратит ее такая моя роль. Мой мягкий илистый мозг — он закаляется? Я становлюсь как камень, как сталь, ожесточаюсь? Моя отзывчивая и податливая женская натура — она что, становится несовершенной копией лютой и безжалостной натуры мужской? Ничего такого я не хотела, но как этого избежать, если я вознамерилась стать Теткой?

Затем произошло событие, после которого я иначе взглянула на свое положение во вселенной и вновь возблагодарила милостивое Провидение за промыслы Его.

Мне предоставили доступ к Библии и показали немало опасных досье, но пока так и не допустили в Генеалогический Архив Родословных, хранившийся в отдельном зале под замком. Те, кто там бывал, говорили, что в зале этом много-много стеллажей и все уставлены папками.

Папки на полках расставлялись по рангу — только мужчин: Экономужи, Хранители, Ангелы, Очи, Командоры. В каждой категории Родословные расставлялись по району, затем по фамилиям. Женщины хранились в папках мужчин. У Теток не было папок: их Родословные не записывались, потому что у них не будет детей. Это втайне печалило меня: детей я любила, детей я всегда хотела, просто я не хотела того, что к детям прилагалось.

Всем Послушницам рассказали об Архиве и его задачах. В Архиве хранились сведения о том, кем были Служанки, прежде чем стали Служанками, и кто их дети, и кто отцы детей: не только заявленные отцы, но и незаконные, потому что много было женщин — и Жен, и Служанок, — которые в отчаянии обзаводились детьми как получится. Но в любом случае Тетки записывали Родословные: столько стариков женились на юных девочках — нельзя допустить, чтобы в Галааде заключались опасные и греховные брачные союзы отцов с дочерьми, а посему кто-то должен был следить.

Но в Архив меня допустят, лишь когда я свершу свою Жемчужную миссию. Я мечтала о той минуте, когда отыщу свою мать — не Тавифу, а ту мать, которая была Служанкой. Эти тайные

досье поведают мне, кто она — или кем была; жива ли она вообще? Я знала, что рискую — вдруг открытие не придется мне по душе? — но выяснить-то надо. Быть может, я даже отыщу своего настоящего отца — тут, впрочем, шансы ниже, он же был не Командор. Если я найду мать, у меня появится история, а не круглый ноль. У меня будет прошлое помимо собственного прошлого, хотя необязательно появится будущее, в котором возникнет эта моя неведомая мать.

Как-то утром я нашла на столе папку из Архива. К обложке скрепкой прицепили записочку от руки: «Родословная Агнес Емимы». Я открыла эту папку, затаив дыхание. Внутри была Родословная Командора Кайла. Там нашлась Пола и их сын Марк. Я не была ветвью их семьи, поэтому сестрой Марка не значилась. Но через родословную Командора Кайла я узнала подлинное имя бедной Кристал — Кайловой, умершей родами, — поскольку Марк был ветвью и ее Родословной. Интересно, раздумывала я, расскажут ли ему о ней. Только под дулом пистолета, по моим догадкам.

В конце концов я отыскала и свою Родословную. Не там, где ей полагалось быть, — не в папке Командора Кайла, в документах за период его

первого брака с Тавифой. Моя Родословная обнаружилась в конце, в отдельной папке.

Фотография моей матери. Двойная, как на плакатах «Разыскивается» с бежавшими Служанками: анфас, профиль. Светлые волосы забраны назад; молодая. Она смотрела мне прямо в глаза — что она пыталась мне сказать? Она не улыбалась, но с чего ей улыбаться? Фотографировали ее, должно быть, Тетки или Очи.

Имя под фотографией густо замазали синей тушью. Но была новая подпись: *Мать Агнес Емимы, ныне Тетки Виктории. Бежала в Канаду. В настоящее время работает на разведку террористической организации «Мой день». Две попытки ликвидации (провалы). Нынешнее местонахождение неизвестно.*

Ниже значилось: «Биологический отец», но его имя тоже вымарали. Фотографии не было. Подпись гласила: *В настоящее время в Канаде. Считается оперативным сотрудником «Моего дня». Местонахождение неизвестно.*

Я похожа на свою мать? Мысль была приятная.

Я помню ее? Я старалась. Я знала, что помнить должна, но прошлое заволокла кромешная темень.

Жестокая это штука, память. Мы не помним,

что́ забыли. Что нас заставили забыть. Что пришлось забыть, дабы жизнь наша здесь была хоть отчасти сносна.

«Прости, — шепнула я. — Я не могу тебя вернуть. Пока что».

Я ладонью накрыла фотографию матери. Теплая? Хотелось, чтоб она была теплая. Хотелось думать, что этот портрет — нелестный, но какая разница? — излучает любовь и тепло. Хотелось думать, что рука моя впитывает из него поток любви. Ребяческое понарошечное желание, сама знаю. Но все равно утешало.

Я перевернула страницу — в папке был еще один документ. Моя мать родила второго ребенка. Этого ребенка в младенчестве контрабандой перевезли в Канаду. Звали ребенка Николь. Была фотография.

Младеницы Николь.

Младеницы Николь, о которой мы в Ардуахолле молились на любом торжественном мероприятии. Младеницы Николь, чье солнечное херувимское личико — символ несправедливости, что чинят над Галаадом на международной арене, — так часто мелькало по галаадскому телевидению. Младеница Николь, почти святая, почти мученица и безусловно икона, — вот эта са-

мая Младеница Николь оказалась моей сестрой.

Ниже последнего абзаца дрожащим почерком, синей тушью была выведена еще одна строка: «Совершенно секретно. Младеница Николь находится в Галааде».

Не может такого быть.

Благодарность затопила меня — у меня есть младшая сестра! Но вдобавок я перепугалась: если Младеница Николь в Галааде, почему об этом не сказали всем? Галаад ликовал бы в едином порыве, случилось бы великое торжество. Почему об этом сказали мне? Я словно попала в силки, меня опутывали незримые сети. Моя сестра в опасности? Кто еще знает, что она здесь, — и что с ней сделают?

К тому времени я уже понимала, что досье мне, видимо, подкидывает Тетка Лидия. Но зачем? И чего она ждет от меня? Моя мать жива, но ей вынесен смертный приговор. Она считается преступницей — хуже того, террористкой. Много ли я от нее унаследовала? Я тоже замарана? В этом суть? Галаад покушался на жизнь моей матери-отступницы, но потерпел неудачу. Радоваться мне или жалеть? Кому я обязана верностью?

Тут я вдруг совершила очень опасный поступок. Убедившись, что никто не смотрит, я вытащила

из папки Родословной две страницы с наклеенными фотографиями, в несколько раз сложила и спрятала в рукав. Как-то не смогла с ними расстаться. Дурацкое своеволие, но не единственный мой дурацкий и своевольный поступок.

Протокол свидетельских показаний 369Б

57

Была среда, день скорби и тревоги. После традиционно тошнотного завтрака меня срочно вызвали в кабинет Тетки Лидии.

— Это что значит? — спросила я Тетку Викторию.

— Никто никогда не знает, что у Тетки Лидии на уме, — ответила та.

— Я сделала что-то плохое?

Выбирай на вкус, как говорится.

— Необязательно, — сказала Тетка Виктория. — Может, ты сделала что-то хорошее.

Тетка Лидия ждала меня в кабинете. Дверь была приоткрыта, и мне велели войти, не успела я постучаться.

— Закрой дверь и садись, — сказала Тетка Лидия.

Я села. Она смотрела на меня. Я смотрела на нее.

Странное дело: я знала, что она тут такая могущественная и злая пчелиная матка Ардуа-холла, но в ту минуту она меня как-то не пугала. У нее на подбородке была большая родинка; я старалась туда не пялиться. Интересно, почему Тетка Лидия ее не удалила.

— Как тебе у нас нравится, Агата? — спросила она. — Привыкаешь?

Надо было ответить «да» или «нормально», ну хоть что-нибудь, как учили. Но я ляпнула:

— Да не особо.

Она улыбнулась, оскалив желтоватые зубы.

— Многие поначалу жалеют, — сказала она. — Хочешь вернуться?

— Это типа каким образом? — спросила я. — Летучие Обезьяны отнесут?[70]

— Я бы тебе рекомендовала воздержаться от столь легкомысленных замечаний на публике. Последствия могут оказаться неприятными. Ничего не хочешь мне показать?

Я растерялась.

— Например? Нет, я не принесла…

---

[70] Сноски: 70

Летучие Обезьяны — персонажи детской книги американского писателя Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз» (*The Wonderful Wizard of Oz*, 1900), которые переносят героев в разные труднодоступные места.

— Скажем, у тебя на руке. Под рукавом.

— А, — сказала я. — На руке.

Я закатала рукав: под рукавом были БОГ / ЛЮБОВЬ, и выглядели они неважно.

Она посмотрела.

— Спасибо, что сделала, как я просила, — сказала она.

Так это она просила?

— Так это вы источник?

— Кто?

Мне теперь несдобровать?

— Ну, который… то есть…

Она меня перебила.

— Учись вычеркивать свои мысли, — сказала она. — Раздумывать их обратно. Так, едем дальше. Ты — Младеница Николь, о чем тебе, надо полагать, в Канаде уже сообщили.

— Да, только я против, — сказала я. — Мне так не нравится.

— Не сомневаюсь, — ответила она. — Но многим из нас не нравится, кто мы есть. В этом отношении выбор у нас не бесконечный. Готова помочь канадским друзьям?

— Что надо сделать?

— Иди сюда, положи руку на стол, — распорядилась она. — Больно не будет.

Она тонким ножиком ковырнула мою татуировку, внизу буквы «О». Потом взяла лупу, малюсенький пинцет и засунула мне в руку что-то очень крошечное. Насчет «больно не будет» — это она маху дала.

— Никому и в голову не придет заглядывать внутрь БОГА. Отныне ты у нас голубь-почтарь, осталось только доставить тебя по назначению. Сложнее, чем в прежние времена, но мы справимся. Ах да — никому не рассказывай, пока не получишь разрешения. Волю дай говоруну — корабли пойдут ко дну, а на тонущих кораблях гибнут люди. Да?

— Да, — сказала я.

Теперь у меня в руке смертельное оружие.

— Да, *Тетка Лидия*. У нас тут пренебрегать хорошими манерами нельзя никогда. Могут донести даже за такую мелочь. Тетка Видала обожает Исправлять.

Протокол свидетельских показаний 369A

58

Спустя два дня после того, как я прочла свою Родословную, меня поутру вызвали в кабинет Тетки Лидии. Бекке тоже велели явиться — мы

пришли вместе. Думали, нас опять спросят, как дела у Агаты, счастлива ли она с нами, готова ли к проверке на грамотность, тверда ли в вере. Попрошу, сказала Бекка, чтобы Агату куда-нибудь перевели, потому что она, Бекка, ничему ее научить не в силах. Агата просто не слушает.

Но Агата уже сидела у Тетки Лидии в кабинете. Улыбнулась нам — опасливая такая улыбка.

Тетка Лидия нас впустила, оглядела коридор и закрыла дверь.

— Спасибо, что пришли, — сказала она. — Можете присесть.

Мы сели на стулья по бокам от Агаты. Опираясь на стол, Тетка Лидия тоже опустилась в кресло. Руки у нее слегка дрожали. Я еще подумала: стареет. Но этого же не может быть: Тетка Лидия, разумеется, вечная.

— Я хочу поделиться с вами информацией, которая существенно отразится на будущем Галаада, — сказала она. — Каждой из вас уготована ключевая роль. Вам достанет отваги? Вы готовы?

— Да, Тетка Лидия, — сказала я, и Бекка тоже так сказала.

Молодым Послушницам вечно твердили, что им уготована ключевая роль и что от них ждут отваги. Как правило, это означало: надо чем-то по-

жертвовать — временем, например, или пищей.

— Хорошо. Буду краткой. Во-первых, должна сообщить вам, Тетка Иммортель, то, о чем две ваши соратницы уже знают. Младеница Николь находится в Галааде.

Непонятно, зачем сообщать столь важную весть девочке Агате. Ей же неведомо, как сильно подействует на нас появление столь легендарной фигуры.

— Правда? Ой, Тетка Лидия, хвала! — сказала Бекка. — Какая чудесная новость. Здесь? В Галааде? Но почему не сказали всем? Это же прямо чудо!

— Возьмите себя в руки, Тетка Иммортель, будьте любезны. Далее следует прибавить, что Младеница Николь — единоутробная сестра Тетки Виктории.

— Епта! — вскричала Агата. — Да ладно!

— Агата, я этого не слышала, — сказала Тетка Лидия. — Уважаем себя, знаем себя, владеем собой.

— Извините, — пробубнила Агата.

— Агнес! То есть Тетка Виктория! — сказала Бекка. — У тебя есть сестра! Это же какая радость!!! И Младеница Николь! Тебе ужасно повезло, Младеница Николь такая лапочка.

На стене у Тетки Лидии висел стандартный портрет Младеницы Николь — в самом деле лапочка, но какой младенец не лапочка?

— Можно я тебя обниму? — спросила меня Бекка.

Она ликовала изо всех сил. Грустно, должно быть, что у меня есть родня, а у нее никого — даже ее ненастоящего отца казнили с позором.

— Уймитесь, пожалуйста, — велела Тетка Лидия. — Младеница Николь давным-давно не младеница. Она выросла.

— Ну конечно, Тетка Лидия, — сказала Бекка. И села, сложив руки на коленях.

— Но, Тетка Лидия, если она в Галааде, — сказала я, — где она?

Агата засмеялась. Скорее, даже гавкнула.

— Она в Ардуа-холле, — улыбнулась Тетка Лидия.

Она словно загадки загадывала — и развлекалась от души. Лица у нас, вероятно, были озадаченные. В Ардуа-холле мы знали всех — ну и где же Младеница Николь?

— Она тут с нами, — объявила Тетка Лидия. И повела рукой: — Агата и есть Младеница Николь.

— Быть не может! — сказала я.

Агата — Младеница Николь? То есть Агата — моя сестра?

Бекка сидела, открыв рот, и смотрела на Агату.

— Ну нет, — прошептала она. Лицо у нее было скорбное.

— Прости, что я не лапочка, — сказала Агата. — Я старалась, но мне явно не светит.

По-моему, она хотела пошутить, разрядить обстановку.

— Ой… я не о том… — сказала я. — Просто… ты не похожа на Младеницу Николь.

— Это точно, — согласилась Тетка Лидия. — Зато она похожа на тебя.

Это правда — ну, отчасти: глаза — да, а нос — нет. Я глянула на руки Агаты, в кои-то веки сложенные на коленях. Хотелось попросить ее растопырить пальцы, сравнить с моими, но я побоялась ее обидеть. Нехорошо, если она решит, что я слишком настойчиво требую доказательств ее подлинности или отталкиваю ее.

— Я очень счастлива, что у меня есть сестра, — вежливо сказала я Агате, отчасти преодолев шок.

У нас с этой неуклюжей девочкой одна мать. Я должна постараться.

— Вам обеим очень повезло, — сказала Бекка. С тоской в голосе.

— Ты мне тоже как сестра, — ответила я, — а значит, Агата и тебе все равно что сестра.

Я не хотела, чтобы Бекка оказалась третьей лишней.

— Можно тебя обнять? — спросила она Агату, то есть Николь — видимо, дальше в этом моем повествовании надо называть ее так.

— Ну, наверное, — ответила Николь.

И Бекка легонько ее обняла. Я последовала Беккиному примеру.

— Спасибо, — сказала Николь.

— Спасибо вам, Тетка Иммортель, Тетка Виктория, — вмешалась Тетка Лидия. — Вашим духом приятия и общности можно только восхищаться. А теперь я попрошу у вас абсолютного внимания.

Мы все обернулись к ней.

— Николь у нас надолго не задержится, — сказала Тетка Лидия. — В скором времени она покинет Ардуа-холл и возвратится в Канаду. С собой она увезет важное послание. Я хочу, чтобы вы обе ей помогли.

Тут я изумилась. Почему Тетка Лидия ее отпускает? Ни одна новообращенная никогда не уезжала назад — это измена, а поскольку речь идет о Младенице Николь, это в десять раз хуже

измены.

— Но как же так, Тетка Лидия? — спросила я. — Это нарушает закон и Волю Божию, провозглашенную Командорами.

— Совершенно верно, Тетка Виктория. Но и вам, и Тетке Иммортель я подбросила уже немало секретных документов — вы же их читали, вы разве не сознаете, сколь удручающая коррупция ныне царит в Галааде?

— Да, Тетка Лидия, но ведь…

Я не знала наверняка, доставались ли уголовные досье и Бекке. Мы обе свято блюли гриф «Совершенно секретно»; что еще важнее, мы обе хотели друг друга уберечь.

— Поначалу Галаад ставил пред собою чистые и благородные цели — тут у нас разногласий нет, — сказала Тетка Лидия. — Но все это изуродовано и измарано эгоистами и властолюбцами, чему найдется немало аналогов в истории. Вы же наверняка хотите это исправить.

— Да, — кивнула Бекка. — Мы хотим.

— И не забывайте своей клятвы. Вы обещали помогать женщинам и девушкам. Надеюсь, вы это всерьез.

— Да, Тетка Лидия, — сказала я. — Мы всерьез.

— И вот так вы им поможете. Далее: я ни к чему

не хочу вас принуждать насильно, однако должна выразиться предельно ясно. Я поделилась с вами тайной — о том, что Младеница Николь находится здесь, а вскоре увезет отсюда мое послание, — и отныне каждую минуту; что Очи остаются в неведении, вы предаете родину. Вас могут сурово покарать — или даже ликвидировать, даже если вы сообщите Очам, потому что вы все-таки молчали, пускай лишь секунду. Нет нужды говорить, что казнят и меня, а Николь предстоит жизнь попугая в клетке. Если она не подчинится, ее тоже убьют, так или иначе. И убьют, не колеблясь: вы же читали досье.

— Нельзя с ними так! — сказала Николь. — Это несправедливо, это эмоциональный шантаж!

— Я понимаю твою позицию, Николь, — сказала Тетка Лидия, — но подростковые представления о справедливости здесь неуместны. Держи свои соображения при себе, и если хочешь снова увидеть Канаду, разумно считать это приказом.

Она опять обернулась к нам:

— Вы, конечно, вольны принять решение самостоятельно. Я выйду; Николь, пойдем. Оставим твою сестру и ее подругу наедине — им потребно все взвесить. Мы вернемся через пять минут. Мне понадобится просто «да» или «нет». Подроб-

ности миссии я вам со временем сообщу. Идем, Николь.

И она за локоть вывела Николь из кабинета.

Глаза у Бекки были огромные и испуганные — у меня, вероятно, тоже.

— Мы должны, — сказала Бекка. — Нельзя, чтоб они погибли. Николь твоя сестра, а Тетка Лидия…

— Что мы должны? — спросила я. — Мы даже не знаем, чего она хочет.

— Она хочет послушания и верности, — ответила Бекка. — Она же нас спасла, помнишь? Нас обеих. Мы должны сказать «да».

Из кабинета Тетки Лидии Бекка отправилась в библиотеку на дневное дежурство, а мы с Николь вместе пошли к нам в квартиру.

— Раз мы теперь сестры, — сказала я, — можешь наедине звать меня Агнес.

— О'кей, я постараюсь, — ответила Николь.

Мы вошли в гостиную.

— Я хочу тебе кое-что показать, — произнесла я. — Подожди.

Я пошла наверх. Две страницы из папки Родословных я хранила под матрасом, сложив много-много раз. В гостиной я аккуратно развернула их и разгладила. Николь, как и я, невольно

потянулась и ладонью накрыла фотографию нашей матери.

— С ума сойти, — сказала Николь. Убрала руку, опять вгляделась в портрет. — Ты как считаешь, я на нее похожа?

— Вот я тоже про это думала.

— Ты ее хоть чуть-чуть помнишь? Я была, видимо, слишком мелкая.

— Не уверена. Порой вроде бы да. Я как бы что-то помню. Был, кажется, другой дом? Я, возможно, куда-то ехала? Или это я сама себе намечтала.

— А наши отцы? — спросила она. — И почему тут все имена зачеркнуты?

— Наверное, это нас пытались так защитить, — сказала я.

— Спасибо, что показала. Но, по-моему, хранить это не стоит. А вдруг найдут?

— Это да. Я хотела вложить обратно, но папка исчезла.

В итоге мы решили порвать страницы на мелкие клочки и спустить в унитаз.

Тетка Лидия сказала, что для предстоящей миссии нам надлежит укрепить разум. А тем временем полагалось жить по-прежнему и ничем не привлекать внимания к Николь, не вызывать подозрений. Задача была нелегкая, поскольку

мы боялись; я, к примеру, жила в неотступном ужасе: если Николь раскроют, нас с Беккой тоже обвинят?

Вскорости я и Бекка должны были Жемчужными Девами уехать из страны. Мы поедем или у Тетки Лидии другие планы? Оставалось только ждать. Бекка изучила стандартный путеводитель Жемчужных Дев по Канаде — валюта, обычаи, как делать покупки, в том числе по картам. Подготовилась гораздо лучше меня.

Когда до церемонии Блага Дарения оставалось меньше недели, Тетка Лидия вновь вызвала нас к себе в кабинет.

— Вы поступите так, — объявила она. — Я договорилась, что Николь примут в одном из наших загородных Домов Отдыха. Все бумаги готовы. Но вместо Николь поедете вы, Тетка Иммортель. А Николь займет ваше место и поедет в Канаду Жемчужной Девой.

— То есть я не поеду? — пришла в смятение Бекка.

— Вы поедете позже, — сказала Тетка Лидия.

Уже тогда я заподозрила, что она врет.

XXI
Мало не покажется

Автограф из Ардуа-холла

59

Мне представлялось, будто все устроилось как нельзя лучше, но прекрасный план по воле рока не преуспеет[71], а беда не приходит одна. Пишу в спешке, на исходе весьма напряженного дня. Кабинет мой обернулся нынче каким-то Нью-йоркским центральным вокзалом (прежде чем сие почтенное сооружение превратилось в груду битого камня в Манхэттенскую войну): пешеходное движение текло сплошным потоком.

Первой меня навестила Тетка Видала — явилась сразу после завтрака. Тетка Видала и плохо переваренная каша — сочетание тягостное; я поклялась себе, что употреблю мятный чай при первой же возможности за ним послать.

---

[71] Сноски: 71

Цитата из стихотворения шотландского поэта Роберта Бернса «К полевой мыши, чье гнездо я разорил своим плугом» *(To a Mouse, on Turning Her Up in Her Nest With the Plough, November, 1785),* перев. Е. Кистеровой.

— Тетка Лидия, возникла проблема, к которой я хотела бы срочно привлечь ваше внимание, — сообщила Тетка Видала.

Про себя я вздохнула.

— Ну конечно. Садитесь, прошу вас.

— Много времени я не отниму, — сказала она и устроилась поудобнее, явно намереваясь поступить вопреки собственным словам. — Меня беспокоит Тетка Виктория.

— Так. Они с Теткой Иммортель вскоре должны отправиться с миссией в Канаду.

— Вот об этом я и хочу с вами посоветоваться. Вы уверены, что они готовы? Для своих лет они слишком молоды — даже моложе других Послушниц своего поколения. Ни одна из них никогда не сталкивалась с внешним миром, но у прочих имеется хотя бы твердость характера, которой недостает этим двум. Они обе еще не окрепли, так сказать; они будут чересчур падки на материальные соблазны Канады. И вдобавок, на мой взгляд, Тетка Виктория может стать перебежчицей. Она замечена за чтением сомнительного свойства.

— Надеюсь, вы не Библию полагаете сомнительным чтением? — сказала я.

— Разумеется, нет. Я говорю о ее собственной Родословной из Генеалогического Архива. У нее

могли завестись крамольные идеи.

— У нее нет доступа в Генеалогический Архив Родословных, — заметила я.

— Кто-то принес ей документы. Я случайно видела их у нее на столе.

— Кто мог так поступить без моего разрешения? — спросила я. — Я расследую это дело; непокорства я не потерплю. Однако я убеждена, что Тетке Виктории крамольные идеи уже не причинят вреда. Вы полагаете ее незрелой, а вот я считаю, что она замечательно повзрослела и укрепила разум.

— Хлипкая личина, — ответила Видала. — Представления о теологии у нее очень слабые. Понятие о молитве несуразное. Ребенком она была легкомысленна, на занятиях в школе строптива, особенно на Рукоделии. И вдобавок ее мать была…

— Я знаю, кто была ее мать, — перебила я. — То же самое можно сказать о наиболее уважаемых молодых Женах, чьими биологическими родительницами были Служанки. Однако разврат подобного сорта необязательно передается по наследству. Ее приемная мать была образчиком добродетели и смиренного страдания.

— Тавифа — да, я согласна, — ответила Тетка

Видала. — Но, как мы знаем, изначальная мать Тетки Виктории — случай особо вопиющий. Она не просто презрела свой долг, оставила свой пост и бросила вызов тем, кого Господь Своей Волей поставил властвовать над нею, — она к тому же была главной движущей силой при краже Младеницы Николь из Галаада.

— История древнего мира, Видала, — сказала я. — Наша задача — спасти, а не приговорить на случайных основаниях.

— Что касается Виктории — безусловно; но эту ее мать надо бы разрезать на двенадцать частей.

— Несомненно, — сказала я.

— Ходят правдоподобные слухи, что в довершение всех прочих своих предательств она в Канаде работает на разведку «Моего дня».

— Тут выиграли, там проиграли, — сказала я.

— Подход странный, — заметила Тетка Видала. — У нас тут не спорт.

— Весьма любезно с вашей стороны высказать свои соображения о допустимых речевых средствах, — сказала я. — Что до вашей оценки Тетки Виктории, дерево узнаем по плодам. Я уверена, что свою миссию в Канаде она выполнит весьма успешно.

— Посмотрим, — с полуулыбкой ответила Тетка

Видала. — Но, если она дезертирует, будьте добры вспомнить, что я предупреждала.

Следующей прибыла Тетка Хелена — изо всех сил пыхтя, прихромала из Библиотеки. Ноги ее мучают все сильнее.

— Тетка Лидия, — сказала она. — Я считаю, вы должны знать, что Тетка Виктория без разрешения читает собственную Родословную из Генеалогического Архива. Мне видится, что это весьма неблагоразумно ввиду того, кто была ее биологическая мать.

— Тетка Видала мне только что доложила, — ответила я. — Как и вы, в силу духа Тетки Виктории она не верит. Однако Тетку Викторию очень хорошо воспитывали, и она получила прекрасное образование в одной из центральных наших Школ Видалы. Вам тоже кажется, что воспитание проигрывает наследственности? В каковом случае изначальная греховность Адама пятнает нас всех, невзирая на упорные наши старания ее искоренить, и, боюсь, наш галаадский проект обречен.

— Ну разумеется, нет! Я ничего такого не имела в виду, — всполошилась Хелена.

— Вы-то читали Родословную Агнес Емимы? — спросила я.

— Да, много лет назад. К ней тогда был допуск только у Теток-Основательниц.

— Мы приняли верное решение. Если бы сведения о том, что Младеница Николь — единоутробная сестра Тетки Виктории, широко распространялись, это пагубно сказалось бы на ее развитии в детстве. Сейчас я думаю, что и в самом Галааде некоторые неразборчивые в средствах лица, прознай они об этом родстве, могли бы использовать Тетку Викторию как разменную монету, дабы заполучить Младеницу Николь.

— Я об этом не подумала, — сказала Тетка Хелена. — Конечно, вы правы.

— Вам, вероятно, любопытно будет узнать, — продолжала я, — что «Мой день» об их родстве осведомлен: Младеница Николь уже некоторое время у них. Есть мнение, что они, возможно, захотят ее воссоединения с растленной матерью, поскольку приемные родители Младеницы Николь скоропостижно скончались. При взрыве, — прибавила я.

Тетка Хелена заломила свои птичьи лапки:

— «Мой день» не знает жалости — они не смутятся поместить ее под опеку аморальной преступницы или даже принести в жертву эту невинную юную жизнь.

— Младенице Николь ничего не грозит, — сказала я.

— Хвала! — сказала Тетка Хелена.

— Впрочем, Младеница Николь пока не ведает, что она — Младеница Николь, — продолжала я. — Но мы рассчитываем в скором времени узреть, как она по праву займет свое место в Галлеаде. Сейчас появился шанс.

— Сердце мое ликует. Но если она прибудет к нам, вопрос ее происхождения следует поднимать осторожно, — сказала Тетка Хелена. — Подготовить ее и сообщить помягче. Подобные открытия могут травмировать ранимую душу.

— Полностью разделяю ваше мнение. Между тем я хотела бы, чтобы вы проследили, какие шаги предпримет Тетка Видала. Боюсь, Родословную Тетке Виктории передала она — с какой целью, понятия не имею. Возможно, надеется, что Тетка Виктория, познав гнилое свое происхождение, будет обуяна отчаянием, лишится душевного равновесия и опрометчиво совершит какую-нибудь оплошность.

— Видала всегда ее недолюбливала, — сказала Тетка Хелена. — Даже в школе еще.

И уковыляла прочь, довольная, что ей дали поручение.

Под вечер я пила мятный чай в кафетерии «Шлэфли», и тут вбежала Тетка Элизабет.

— Тетка Лидия! — заголосила она. — В Ардуахолле Очи и Ангелы! Какое-то нашествие! Вы же их не впускали?

— Успокойтесь, — сказала я. У меня и самой сердце билось так, что мало не покажется. — Где именно они побывали?

— В типографии. Конфисковали все наши брошюры Жемчужных Дев. Тетка Венди возмутилась, и ее, увы, арестовали. Они прямо-таки подняли на нее руку! — И Тетка Элизабет содрогнулась.

— Это неслыханно, — сказала я, вставая из-за стола. — Я сию секунду потребую встречи с Командором Джаддом.

Я направилась к себе в кабинет, намереваясь воспользоваться красным аппаратом прямой линии, но не было нужды: Джадд меня опередил. Взял и вломился, сославшись на безотлагательность. Договаривались же. Вот тебе и священный водораздел между поприщами.

— Тетка Лидия. Я счел, что обязан объясниться, — сказал он. Без улыбки.

— Я уверена, что у вас имеется прекрасное объяснение, — сказала я, слегка подпустив хо-

лодности в голос. — Очи и Ангелы серьезно преступили границы приличий, не говоря уж про обычаи и закон.

— Исключительно для защиты вашего доброго имени, Тетка Лидия. Позволите присесть?

Я указала на стул. Мы сели.

— Не раз и не два упершись в тупик, мы пришли к заключению, что микроточки, о которых я вам говорил, передавались от «Моего дня» неизвестному лицу в Ардуа-холле и обратно посредством ни в чем не повинных брошюр, которые распространяли Жемчужные Девы.

Тут он сделал паузу — посмотреть на мою реакцию.

— Вы меня поражаете! — сказала я. — Какое бесстыдство!

Я гадала, почему они соображали так долго. Впрочем, микроточки очень малы, да и кому придет в голову заподозрить нашу обаятельную и ортодоксальную печатную пропаганду? Не сомневаюсь, что Очи кучу времени потратили зря, обследуя туфли и нижнее белье.

— У вас есть доказательства? — спросила я. — И если да, кто же оказался паршивой овцой в нашем стаде?

— Мы произвели обыск в типографии Ардуа-

холла и задержали Тетку Венди для допроса. Нам казалось, это самый прямой путь к истине.

— Я ушам своим не верю, — сказала я. — Вы подозреваете Тетку Венди? Эта женщина неспособна выдумать такую аферу. У нее мозгов — что у гуппи. Я вам рекомендую незамедлительно ее отпустить.

— Мы и сами сделали похожий вывод. Она отойдет от потрясения в клинике «Настои и Устои», — сказал он.

Это хорошо. Не делай больно без надобности, но если надобно — будет больно. Тетка Венди — полезная идиотка, однако мухи не обидит.

— Что выяснилось? — спросила я. — На новом тираже наших брошюр нашлись эти, как вы их называете, микроточки?

— Нет, хотя в результате обследования брошюр, недавно привезенных назад из Канады, мы обнаружили несколько микроточек с картами и прочими сведениями от, надо полагать, «Моего дня». Неизвестный предатель в наших рядах, видимо, понял, что после уничтожения «Борзой модницы» подобный способ передачи ему отныне заказан и перестал разукрашивать брошюры секретной информацией из Галаада.

— У меня давно водятся подозрения относи-

тельно Тетки Видалы, — сказала я. — Допуск в типографию есть также у Тетки Хелены и Тетки Элизабет, а Жемчужные Девы, отбывая из Ардуа-холла, получают новые брошюры из моих рук лично, так что я тоже должна быть под подозрением.

На это Командор Джадд отвечал улыбкой.

— Вам, Тетка Лидия, все шуточки, — сказал он, — даже в такое время. Допуск есть и у других: там работают несколько помощниц типографа. Но никаких доказательств их правонарушений не имеется, а субститут в данном случае не годится. Нельзя оставлять подлинного виновника на свободе.

— То есть мы по-прежнему в неведении.

— К сожалению. К великому моему сожалению, а следовательно, и к вашему великому сожалению, Тетка Лидия. Мои акции в Совете дешевеют стремительно: я пообещал, что добьюсь результатов. Я чувствую холодность при встречах, резкость приветствий. Я распознаю симптомы неминуемой чистки: нас с вами обвинят в халатности вплоть до предательства — «Мой день» плел заговоры среди нас прямо у нас под носом, в Ардуа-холле.

— Положение критическое, — заметила я.

— Есть способ искупить наши грехи, — сказал он. — Надо немедленно предъявить и выставить на всеобщее обозрение Младеницу Николь. Телевидение, плакаты, большой общенародный митинг.

— Достоинства такого решения я вполне понимаю, — сказала я.

— А еще действеннее было бы объявить о нашей с нею помолвке и транслировать свадебную церемонию по телевидению. Вот тогда нас с вами никто и пальцем тронуть не посмеет.

— Блистательно, как и все ваши планы, — сказала я. — Однако вы женаты.

— И как здоровье моей Жены? — осведомился он, укоризненно задрав брови.

— Лучше, чем прежде, — ответила я, — но могло быть и лучше.

Как ему в голову пришло воспользоваться крысиным ядом — это же так очевидно? Крысиный яд распознается запросто даже в малых дозах. В школьные годы Сонамит не пробуждала в людях расположения, но я не желала дополнить ею коллекцию невест, сгинувших в замке Синей Бороды Джадда. Сказать правду, Сонамит поправлялась; выздоровлению, впрочем, препятствовал ее ужас при мысли о возвращении в объятия

любящего мужа.

— Я опасаюсь, что у нее вот-вот случится рецидив, — сказала я.

Он вздохнул:

— Я буду молиться о том, чтобы Господь избавил ее от страданий.

— И я уверена, что ваши молитвы скоро будут услышаны.

Мы поглядели друг на друга через стол.

— Как скоро? — не удержался Командор Джадд.

— Довольно скоро, — ответила я.

XXII
Стоп-сердце

Протокол свидетельских показаний 369А

60

За два дня до того, как мы с Беккой должны были получить свои жемчужные ожерелья, нас во время уединенной вечерней молитвы нежданно посетила Тетка Лидия. Дверь открыла Бекка.

— Ой, Тетка Лидия, — в некотором замешательстве сказала она. — Хвала.

— Будьте любезны пропустить меня и закрыть дверь, — сказала Тетка Лидия. — Времени у меня в обрез. Где Николь?

— Наверху, Тетка Лидия, — сказала я.

Пока мы с Беккой молились, Николь обычно удалялась к себе тренироваться.

— Позовите ее, пожалуйста. У нас ЧП, — сказала Тетка Лидия. Она несколько задыхалась.

— Тетка Лидия, вы здоровы? — встревожилась Бекка. — Хотите воды?

— Давайте без суеты, — сказала та.

Вошла Николь:

— Все нормально?

— Вообще-то нет, — сказала Тетка Лидия. — Положение сложное. Командор Джадд только что разгромил нашу типографию в поисках улик измены родине. Немало перепугал Тетку Венди, но ничего изобличительного не нашел; однако он, к сожалению, узнал, что Агата — не настоящее имя Николь. Ему стало известно, что Агата — Младеница Николь, и он вознамерился жениться на ней как можно скорее, дабы повысить свой престиж. Свадьбу он собирается сыграть на галаадском телевидении.

— Трижды епта! — сказала Николь.

— Следи за языком, будь добра, — сказала Тетка Лидия.

— Меня же не могут заставить! — сказала Николь.

— Уж они заставят, — сказала Бекка. Она совсем побелела.

— Какой ужас, — сказала я. Я же читала досье на Командора Джадда — это не просто ужас, это смертный приговор. — Что нам делать?

— Вам с Николь надо уезжать завтра, — сказала мне Тетка Лидия. — Как можно раньше. Посольский самолет не годится — Джадд узнает и его завернет. Придется другим путем.

— Но мы не готовы, — сказала я. — У нас нет ни ожерелий, ни платьев, ни канадских денег, ни брошюр, ни рюкзаков.

— Все необходимое я вам попозже принесу, — сказала Тетка Лидия. — Я уже сделала для Николь пропуск на имя Тетки Иммортель. Я, увы, не успею перенести визит Тетки Иммортель в Дом Отдыха. Этой махинации все равно не хватило бы надолго.

— Тетка Хелена заметит, что Николь нет, — сказала я. — Она всегда считает по головам. И все удивятся, почему Бекка… почему Тетка Иммортель до сих пор здесь.

— Это правда, — сказала Тетка Лидия. — Посему вас, Тетка Иммортель, я попрошу об особой услуге. После их отъезда будьте любезны сокрыться по меньшей мере на сорок восемь часов. В библиотеке, например?

— Там нельзя, — сказала Бекка. — Слишком много книг. Мне там не будет места.

— Я уверена, вы что-нибудь придумаете, — сказала Тетка Лидия. — От вас зависит вся наша миссия, не говоря уж о личной безопасности Тетки Виктории и Николь. Это большая ответственность — обновленный Галаад не случится без вас; и вы же не хотите, чтобы Тетку Викторию

и Николь поймали и повесили.

— Не хочу, Тетка Лидия, — прошептала Бекка.

— Включите голову! — бодро посоветовала Тетка Лидия. — Пошевелите мозгами!

— Вы слишком много на нее взваливаете, — сказала ей Николь. — А почему я не могу одна? Тогда Тетка Иммортель и Агнес… Тетка Виктория поедут вместе, когда надо.

— Не дури, — сказала я. — Нельзя. Тебя мигом арестуют. Жемчужные Девы всегда ходят парами, и даже если ты не наденешь форму, девушка твоего возраста никогда не выходит на улицу без сопровождения.

— Надо сделать вид, будто Николь перелезла через Стену, — сказала Бекка. — Тогда не будут искать в Ардуа-холле. Мне надо спрятаться где-то внутри.

— Какая разумная мысль, Тетка Иммортель, — сказала Тетка Лидия. — Возможно, Николь сделает нам одолжение и напишет соответствующую записку. В ней она, допустим, сообщит, что постигла, насколько не годится в Тетки, — в это несложно будет поверить. Затем напишет, что бежала с Экономужем — каким-нибудь мелким деятелем, который занимается у нас тут ремонтом: он пообещал ей свадьбу и семью. По крайней

мере, это докажет, что она питает завидное стремление плодиться и размножаться.

— Да щас. Но без проблем, — сказала Николь.

— Без проблем… что? — отчеканила Тетка Лидия.

— Без проблем, Тетка Лидия, — сказала Николь. — Записку я напишу.

В десять вечера, когда стемнело, Тетка Лидия вновь появилась на пороге с громоздким мешком из черной ткани. Бекка открыла дверь.

— Благословен плод, Тетка Лидия.

Тетка Лидия формальностями пренебрегла.

— Я принесла все необходимое. Выйдете через восточные ворота в шесть тридцать утра ровно. Справа от ворот вас будет ждать черная машина. Вас вывезут из города и доставят в Портсмут, в штат Нью-Гэмпшир; сядете там на автобус. Вот карта, маршрут отмечен. Выходите там, где «икс». Пароли — «мой день» и «Джун». Связник отведет вас к следующему пункту. Николь, если ваша миссия удастся, убийцы твоих приемных родителей станут известны, хотя к ответственности их привлекут и не сразу. Сейчас я могу сказать вам следующее: если вопреки известным препонам вы доберетесь до Канады, есть отнюдь не нулевая вероятность, что, возможно — и я

говорю *возможно,* — там вы снова встретитесь с матерью. Она такую возможность сознает уже некоторое время.

— Ой, Агнес, хвала. Это же прекрасно, — очень тихо сказала Бекка. — Для вас обеих, — прибавила она.

— Я безмерно вам благодарна, Тетка Лидия, — сказала я. — Я так давно молилась о подобном исходе.

— Я сказала: если ваша миссия удастся. А это очень жирное «если», — ответила она. — Успех — итог не предрешенный. Прошу меня извинить. — Она огляделась, затем тяжело опустилась на диван. — Я все-таки попрошу у вас воды.

Бекка пошла за водой.

— Вы здоровы, Тетка Лидия? — спросила я.

— Мелкие немощи старости, — ответила она. — Надеюсь, вы проживете долго и тоже до них дотянете. И еще одно. Тетка Видала имеет привычку рано утром прогуливаться вблизи моей статуи. Если она вас увидит — тем более в платьях Жемчужных Дев, — она постарается вас задержать. Действуйте быстро, чтоб она не успела поднять шум.

— А что нам делать? — спросила я.

— Вы сильные, — сказала Тетка Лидия, глядя

на Николь. — Сила — это дар. Дары надо употреблять в дело.

— То есть врезать ей? — уточнила Николь.

— Это весьма прямолинейное выражение моей мысли, — сказала Тетка Лидия.

Когда Тетка Лидия ушла, мы открыли черный тканый мешок. Там лежали два платья, два жемчужных ожерелья, две белые шляпки, два серебристых рюкзака. Еще была кипа брошюр и конверт с галаадскими талонами на еду, пачка бумажных канадских денег и две кредитные карты. И два пропуска, чтобы пройти через ворота и КПП. И два билета на автобус.

— Я, пожалуй, напишу записку и лягу, — сказала Николь. — Давайте, до утра.

Она изображала храбрость и беспечность, но я видела, что она нервничает.

Когда она ушла, Бекка сказала:

— Я так хочу с вами.

— Я тоже хочу, чтобы ты с нами. Но ты нам поможешь. Ты нас защитишь. А я потом придумаю, как тебя вытащить, честное слово.

— По-моему, тут ничего не придумаешь, — сказала Бекка. — Но я молю Бога, чтоб ты придумала.

— Тетка Лидия сказала, сорок восемь часов.

То есть всего два дня. Если ты сможешь столько прятаться…

— Я знаю где, — сказала Бекка. — На крыше. В цистерне.

— Бекка, ты что! Опасно, не надо!

— Да нет, я сначала спущу всю воду, — сказала она. — Через нашу ванну прогоню.

— Заметят, — сказала я. — В квартирах «А» и «Б». Если воды не будет. У них та же цистерна.

— Заметят. Но не сразу. Нам же нельзя так рано принимать ванну и душ.

— Не надо, — сказала я. — Давай я не поеду?

— У тебя нет выбора. Если останешься, что будет с Николь? И Тетка Лидия не захочет, чтоб тебя допросили и выпытали ее планы. Или тебя Тетка Видала захочет допросить — тогда вообще конец.

— Что ты хочешь сказать — она меня убьет?

— В конечном итоге. Или еще кто, — сказала Бекка. — Они всегда так.

— Можно же как-то взять тебя с собой. В машине спрятать или…

— Жемчужные Девы ходят только парами. Далеко мы не уедем. Я душой буду с вами.

— Спасибо тебе, — сказала я. — Ты мне *по правде* сестра.

— Я буду представлять, что вы две птицы и улетаете, — сказала Бекка. — Птица крылатая перескажет речь твою.

— Я буду за тебя молиться, — пообещала я. Прозвучало как-то вяло.

— А я за тебя. — Она слегка улыбнулась. — Я, кроме тебя, никого никогда не любила.

— Я тоже тебя люблю, — ответила я.

Тут мы обнялись и немножко поплакали.

— Поспи, — сказала Бекка. — Тебе завтра понадобятся силы.

— И тебе.

— Я не лягу, — сказала она. — У меня будет всенощное бдение.

Она ушла к себе и мягко прикрыла дверь.

61

Наутро мы с Николь тихонько выскользнули из квартиры «В». Облака на востоке были розово-золотые, чирикали птицы, утренний воздух был еще свеж. Вокруг — ни души. Мы быстро и беззвучно шагали по тропинке вдоль фасада Ардуа-холла, к статуе Тетки Лидии. И едва мы приблизились, из-за угла соседнего корпуса решительно вывернула Тетка Видала.

— Тетка Виктория! — сказала она. — Вы почему

в этом платье? Следующее Блага Дарение только в воскресенье! — Она вгляделась в Николь. — А с вами кто? Это же новенькая! Агата! Ей не положено…

Она протянула руку и цапнула Николь за жемчужное ожерелье, которое тут же порвалось.

Николь что-то сделала кулаком. Стремительно — я толком и не заметила — ударила Тетку Видалу в грудь. Тетка Видала рухнула. Лицо белое, глаза закрыты.

— Ой нет… — начала я.

— Помоги, — сказала Николь. Она взяла Тетку Видалу за ноги и заволокла за постамент статуи. — Может, обойдется, — сказала она. — Пошли. — И взяла меня под локоть.

На земле лежал апельсин. Николь его подобрала и сунула в карман серебристого платья.

— Она умерла? — прошептала я.

— Не знаю, — ответила Николь. — Давай, ноги в руки.

Мы дошли до ворот, показали бумаги, Ангелы нас выпустили. Николь придерживала накидку на груди, чтоб никто не заметил, что у нее нет ожерелья. Как и обещала Тетка Лидия, справа дальше по улице стояла черная машина. Мы забрались внутрь; шофер и головы не повернул.

— Порядок, дамочки? — спросил он.

Я сказала:

— Да, спасибо, — но Николь сказала:

— Мы не дамочки.

Я пихнула ее локтем.

— Не надо с ним так разговаривать, — прошептала я.

— Он же не настоящий Хранитель, — ответила она. — Тетка Лидия не дура.

Она достала из кармана апельсин и принялась чистить. Резкий апельсиновый запах затопил машину.

— Хочешь половинку? — спросила она у меня. — Могу поделиться.

— Нет, спасибо, — сказала я. — Нехорошо его есть.

Это же все-таки было как бы священное подношение. Николь съела апельсин целиком.

«Она оступится, — думала я. — Кто-нибудь заметит. Нас из-за нее арестуют».

Протокол свидетельских показаний 369Б

62

Я жалела, что ударила Тетку Видалу, но не очень сильно жалела: если б не ударила, она бы

заорала и нас бы задержали. Но все равно сердце колотилось. А вдруг я ее по-честному убила? Как только ее найдут, живой или мертвой, нас будут искать. Как сказала бы Ада, вляпались мы по самые уши.

Между тем Агнес была в претензии — молча поджимала губы, Тетки всегда так делают, если хотят внушить, что ты в очередной раз переступила какую-нибудь черту. Из-за апельсина, скорее всего. Может, зря я его взяла. Тут меня посетила плохая мысль: собаки. Апельсины — они же сильно пахнут. Я запереживала, куда девать кожуру.

Левая рука опять зачесалась там, где «О». Чего она не заживает-то?

Когда Тетка Лидия совала мне в руку микроточку, я считала, что это гениальный план, но теперь уже сомневалась, что это была прямо потрясающе удачная идея. Если мое тело и послание — одно, что будет, если мое тело не доберется до Канады? Я же не смогу отрезать руку и по почте послать.

Машина проехала пару КПП — паспорта, Ангелы заглядывали в окна, проверяли, что мы — это мы, — но Агнес сказала, что пускай с ними разговаривает шофер, и он разговаривал: Жемчужные Девы, то и се, да какие мы благородные, да какие

жертвы приносим. На одном КПП Ангел сказал:

— Удачи вам с вашей миссией.

На другом КПП — дальше от города — они шутили между собой:

— Хоть бы не уродин и не шлюх с собой притащили.

— Либо то, либо это.

И оба Ангела заржали.

Агнес положила руку мне на локоть.

— Не огрызайся, — сказала она.

Когда мы выехали на шоссе меж полей, шофер выдал нам пару сэндвичей — оба с галаадским липовым сыром.

— Это, видимо, завтрак, — сказала я Агнес. — Грязь ногтевая на белом хлебе.

— Мы должны возблагодарить Господа, — сказала Агнес этим набожным теточным тоном — видимо, еще дулась.

Странно было, что она моя сестра: мы друг на друга совсем не походили. Но поразмыслить и разобраться мне пока что было некогда.

— Я рада, что у меня есть сестра, — сказала я, чтобы помириться.

— Я тоже рада, — ответила Агнес. — И я благодарна Господу.

Судя по голосу, она как-то не очень его благо-

дарила.

— Я тоже благодарна, — сказала я.

На этом разговор завершился. Я подумывала спросить, сколько еще нам прикидываться и говорить вот так по-галаадски, нельзя ли перестать и вести себя по-нормальному, раз уж мы бежим? Но, может, для нее это и было по-нормальному. Может, она больше никак не умела.

В Портсмуте шофер высадил нас на автовокзале.

— Удачи вам, девчонки, — сказал он. — Задайте им жару адского.

— Видишь? Он ненастоящий Хранитель, — сказала я, надеясь снова разговорить Агнес.

— Конечно, ненастоящий, — ответила она. — Настоящий никогда бы не сказал «адского».

Автовокзал был старый и ветхий, женская уборная — инкубатор микробов, и негде было обменять наши галаадские талоны на пищу, которую захотелось бы взять в рот. Я порадовалась, что съела апельсин. Агнес, однако, была не брезглива — привыкла же к этой бурде, которую в Ардуа-холле выдавали за еду, — и на два талона купила какой-то левый пончик.

Минуты тикали; меня уже потряхивало. Мы все ждали, ждали, и в конце концов автобус все-таки

пришел. Когда мы туда взобрались, кое-кто нам кивнул, как военным: отсалютовал головой. Одна пожилая Эконожена сказала даже:

— Да благословит вас Господь.

Спустя миль десять прибыли на очередной КПП, но Ангелы были с нами жуть какие вежливые. Один сказал:

— Вы очень храбрые, что едете в Содом.

Если б не было так страшно, я бы заржала — истерически смешно представить Канаду Содомом, там же в основном все обыкновенное и скука смертная. Не то чтобы оргия на всю страну с утра до ночи.

Агнес сжала мне руку — мол, разговаривать будет она. В Ардуа-холле она классно научилась делать пустое и спокойное лицо.

— Мы просто служим Галааду, — сказала она этим своим теточным голосом, как робот, и Ангел ответил:

— Хвала.

Дорога стала ухабистее. Деньги на ремонт, наверное, перебрасывают на те дороги, которыми люди будут хотя бы пользоваться: торговлю с Канадой почти свернули, и кому охота в Северный Галаад, кроме тех, кто там живет?

Народу в автобусе было не битком; все из Эко-

нокласса. Ехали мы живописным маршрутом, петлявшим вдоль побережья, только он был не очень-то живописный. Сплошь закрытые мотели, придорожные рестораны, то и дело — ветхие вывески с большими и красными улыбчивыми омарами.

Чем севернее, тем меньше дружелюбия: на нас злобно косились, и у меня сложилось впечатление, что наша Жемчужная миссия и даже весь этот Галаад здесь уже не очень-то популярны. В нас никто не плевался, но хмурились так, будто плюнули бы с удовольствием.

Я прикидывала, далеко ли мы заехали. Карта Тетки Лидии была у Агнес, но не хотелось просить ее достать: если мы вдвоем станем пялиться в маршрут на карте, выйдет подозрительно. Автобус тащился еле-еле, и я все сильнее нервничала: когда в Ардуа-холле заметят, что нас нет? Поверят они моей фиктивной записке? Позвонят кому-нибудь, поставят КПП, тормознут автобус? Мы ужасно бросались в глаза.

Потом автобус свернул, дорога была односторонняя, и Агнес заерзала руками. Я пихнула ее локтем:

— Нам же подобает безмятежность, нет?

Она слабо мне улыбнулась и сложила руки на

коленях; я чувствовала, как она вдыхает поглубже и медленно выдыхает. Паре-тройке полезных вещей в Ардуа-холле все-таки учили — в том числе владеть собой. *Та, что не в силах владеть собой, не властвует над назначенной ей дорогой. Не сопротивляйся волнам гнева — пусть он станет тебе топливом. Вдох. Выдох. Шагни вбок. Обойди. Уклонись.*

Из меня никогда не вышла бы настоящая Тетка.

Около пяти вечера Агнес сказала:

— Выходим здесь.

— Уже граница? — спросила я, а она ответила, что нет, здесь у нас встреча с тем, кто нас дальше подвезет.

Мы сняли рюкзаки с полки и вышли из автобуса. Город — сплошь заколоченные витрины и побитые окна, однако с бензоколонкой и убогой лавкой.

— Обнадеживает, — угрюмо буркнула я.

— Иди за мной и ни слова не говори, — сказала Агнес.

В лавке пахло горелыми тостами и грязными носками. На полках толком ничего не было, лишь ряды консервных банок с зачеркнутыми надписями: тушенка и крекеры, а может, печенье. Агнес

подошла к кофейному прилавку — красный такой, с барными стульями — и села, и я тоже села. За прилавком стоял унылый немолодой Экономуж. Были бы мы в Канаде, за прилавком стояла бы унылая немолодая женщина.

— Ну? — сказал он.

Наши Жемчужные наряды явно не пришлись ему по душе.

— Два кофе, пожалуйста, — сказала Агнес.

Он разлил кофе по двум кружкам и пихнул их по прилавку. Кофе этот ждал нас там, наверное, целый день, потому что я такого гнусного кофе в жизни не пила — еще гнуснее, чем в «Коврыке». Не хотелось раздражать мужика, выпить кофе было надо, и я высыпала туда пакетик сахару. Стало хуже.

— Хороший день нынче. По мне, так лучший мой день, — сказала Агнес.

— Так дело-то к ночи уже, — ответил мужик.

— И правда, — согласилась она. — Не поспоришь. Луна в июне как в джунглях.

Теперь мужик улыбался.

— Идите-ка в уборную, — сказал он. — Обе-две. Вон та дверь. Я отопру.

Мы вошли. Там была никакая не уборная, а сарай — старые рыбацкие сети, сломанный топор,

штабель ведер и еще одна дверь.

— Не понял, куда вы запропастились, — сказал мужик. — Автобус этот сраный вечно опаздывает. Вот вам одежда. Фонарики там. Платья суньте в рюкзаки, потом выкину. Жду снаружи. Надо поторапливаться.

Он нам выдал джинсы, и футболки с длинными рукавами, и шерстяные носки, и походные ботинки. Клетчатые пиджаки, флисовые шапки, непромокаемые куртки. С левым рукавом футболки у меня немножко не получалось — что-то зацепилось за «О». Я сказала:

— Ебаный в рот, — а потом: — Извиняюсь.

Я, по-моему, никогда в жизни так быстро не переодевалась, но, едва содрала с себя серебристое платье и натянула эти шмотки, меня несколько отпустило.

Протокол свидетельских показаний 369А

63

Одежда, которую нам дали, не понравилась мне до крайности. Белье совсем не такое, как простые и прочные вещи, которые носили в Ардуа-холле: мне показалось, оно скользкое и развратное. А наряд поверх белья был мужской. Пугало то, как

эта грубая ткань касается ног, и никакая нижняя юбка ей не мешает. Надевать такое — Гендерная Измена, это против Божьего закона: в том году одного мужчину повесили на Стене, потому что он надевал белье Жены. Она его разоблачила и сдала, как и требовал от нее долг.

— Мне надо это снять, — сказала я Николь. — Это мужская одежда.

— Ничего не мужская, — ответила она. — Это женские джинсы. Другой покрой и серебряные купидоны, видишь? Точно женские.

— В Галааде ни за что не поверят, — сказала я. — Меня высекут, а то и что похуже.

— Нам, — сказала Николь, — надо не в Галаад. Нам через две минуты надо выйти к нашему другу наружу. Так что подбери сопли.

— Прошу прощения?

Порой я не постигала, что говорит моя сестра.

Она усмехнулась:

— Это значит «храбрись».

Мы направляемся туда, где ей будет внятен язык, подумала я. А мне — не будет.

У мужчины был помятый пикап. Мы втроем втиснулись на переднее сиденье. Зарядила морось.

— Спасибо за все, что вы делаете, — сказала я.

Мужчина хрюкнул.

— Мне платят, — ответил он. — За то, что голову в петлю сую. Стар я уже для таких забав.

Пока мы переодевались, он, наверное, пил: я чуяла алкоголь. Я помнила этот запах по званым ужинам, что устраивал Командор Кайл, когда я была маленькая. Роза и Вера порой допивали, что оставалось в стаканах. А Цилла обычно нет.

Сейчас, навеки уезжая из Галаада, я тосковала по Цилле, и Розе, и Вере, и по бывшему своему дому, и по Тавифе. В те первые годы я не была сиротой, а теперь казалось, что была. Тетка Лидия была мне как бы матерью, хотя и суровой, и Тетку Лидию я больше не увижу. Она сказала нам с Николь, что наша настоящая мать жива и ждет нас в Канаде, но я боялась, что умру по дороге. Если так, в этой жизни я с матерью не повстречаюсь вовсе. В ту минуту она была лишь порванной в клочки фотографией. Отсутствием, прорехой во мне.

Несмотря на алкоголь, мужчина вел пикап хорошо и быстро. Дорога петляла и от мороси была скользкая. Пролетали мили; над облаками восстала луна, посеребрила черные контуры древесных крон. Порой попадались дома — темные или с редкими огоньками. Я старательно давила

в себе страх; потом я уснула.

Приснилась мне Бекка. Она сидела рядом со мной в пикапе. Я ее не видела, но знала, что она рядом. Во сне я сказала ей: «Так ты все же поехала с нами. Я так счастлива». Но она ничего не ответила.

Протокол свидетельских показаний 369Б

64

Ночь ускользала прочь в тишине. Агнес спала, а мужик за рулем был не очень-то, что называется, разговорчивый. Считал нас, видимо, грузом, доставил и забыл, кто станет разговаривать с грузом?

Спустя некоторое время мы свернули на узкую дорогу; впереди замерцала вода. Мы подъехали к какой-то, похоже, частной пристани. У пристани стояла моторка, в ней кто-то сидел.

— Разбуди ее, — сказал водитель. — Собирайте манатки, вон ваша лодка.

Я ткнула Агнес под ребра, и она подскочила.

— Проснись и пой, — сказала я.

— Который час?

— Лодочный. Пошли.

— Доброго пути, — сказал наш водитель.

Агнес принялась было опять его благодарить, но он ее оборвал. Выкинул наши новые рюкзаки из пикапа и исчез, не успели мы и полпути пройти до лодки. Я светила нам на тропу фонариком.

— Выключи, — тихонько окликнул человек из лодки. Мужчина, в непромокаемой куртке с поднятым капюшоном, голос молодой. — И так нормально видно. Не спешите. Сядьте на среднюю банку.

— Это океан? — спросила Агнес.

Он засмеялся:

— Пока нет. Это Пенобскот, река такая. Океан скоро тоже будет.

Мотор был электрический и очень тихий. Лодка вышла прямо на середину реки; вставал лунный серп, и он отражался в воде.

— Смотри, — прошептала Агнес. — Какая красота! Я такого никогда не видела. Словно тропа света!

В этот миг мне почудилось, будто я старше ее. Мы уже почти выбрались из Галаада, и правила менялись. Она направлялась в неведомые места, она не знает, как там все делается, а я-то возвращалась домой.

— Мы же прямо на виду. А если кто заметит? — спросила я мужчину. — А если стукнет? Очам?

— У нас тут никто с Очами не разговаривает, — ответил он. — Мы ищеек не любим.

— Вы контрабандист? — спросила я, вспомнив, что рассказывала Ада.

Сестра пихнула меня локтем: опять я плохо себя веду. В Галааде избегают лобовых вопросов.

Он засмеялся:

— Границы — линии на карте. Вещи перевозятся туда-сюда, люди тоже. Я делаю доставку, и все.

Река все ширилась и ширилась. Сгущался туман; берега расплывались.

— Вон она, — наконец сказал мужчина. Вдали на открытой воде я различила пятно темноты. — «Нелли Дж. Бэнкс»[72]. Ваш билет в рай.

---

[72] Сноски: 72

Изначально «Нелли Дж. Бэнкс» *(Nellie J. Banks)* — спущенная на воду в 1910 г. двухмачтовая рыболовецкая шхуна, на которой в период «сухого закона» перевозили алкоголь; закончила свою бутлегерскую карьеру в 1938 г. после поимки и в 1941 г. была переименована в «Леону Дж. Магуайр», а в 1953 г. сожжена владельцем земельного участка, где стояла в ожидании ремонта.

XXIII
Стена

Автограф из Ардуа-холла

65

Тетку Видалу в коматозном состоянии обнаружили за моей статуей престарелая Тетка Клевер и две ее семидесятилетние садовницы. Фельдшеры пришли к выводу, что Тетку Видалу хватил инсульт — диагноз, который подтвердили и наши врачи. По Ардуа-холлу на всех парах полетели слухи, имел место обмен грустными кивками, зазвучали обещания молитв о выздоровлении. Вблизи тела Тетки Видалы нашли порванное ожерелье Жемчужной Девы — некто, видимо, когда-то потерял: оплошность весьма расточительной природы. Выпущу меморандум, напомню о необходимости бдительно следить за материальными ресурсами, которые нам надлежит хранить бережно. Жемчуга не растут на деревьях, сообщу я, даже искусственные жемчуга;

и бросать их перед свиньями тоже не следует[73]. Не то чтобы в Ардуа-холле водятся свиньи, жеманно прибавлю я.

Я навестила Тетку Видалу в Отделении Реанимации. Тетка Видала лежала на спине — глаза закрыты, одна трубка в носу, другая в руке.

— Как дела у нашей дорогой Тетки Видалы? — спросила я дежурную Тетку-медсестру.

— Я за нее молюсь, — сказала Тетка Анонимка. Я не в состоянии запоминать имена медсестер — такова уж их планида. — Она в коме, это может способствовать исцелению. Частичный паралич не исключен. Есть опасения, что у нее пострадает речь.

— Если она выздоровеет, — сказала я.

— Когда она выздоровеет, — укоризненно поправила меня медсестра. — Мы предпочитаем не говорить дурного при больных. Кажется, что они спят, но зачастую они в полном сознании.

Я сидела подле Видалы, пока медсестра не удалилась. Затем я быстро произвела осмотр имеющихся фармацевтических средств. Повысить дозу анестетика? Повредить трубку у нее в руке?

---

[73] Сноски: 73

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6).

Перекрыть ей кислород? Я не сделала ничего подобного. Я верю в труды, но не верю в избыточные труды: вероятнее всего, Тетка Видала успешно отчаливает из этого мира своим ходом. Собравшись отбыть из Отделения Реанимации, я припрятала в карман флакончик морфина, ибо предусмотрительность — кардинальная добродетель.

Когда мы рассаживались перед обедом в Трапезной, Тетка Хелена вслух отметила отсутствие Тетки Виктории и Тетки Иммортель.

— Мне кажется, они постятся, — сказала я. — Я мельком видела их вчера в Читальном Зале Библиотеки Хильдегарды — они изучали Библию. Надеются на наставление в преддверии своей миссии.

— Похвально, — сказала Тетка Хелена. И продолжила незаметно пересчитывать присутствующих по головам. — А где наша новообращенная Агата?

— Вероятно, заболела, — ответила я. — Женские дела.

— Пойду проверю, — сказала Тетка Хелена. — Может, ей нужна грелка. Квартира «В», да?

— Как это любезно, — сказала я. — Да. Если не ошибаюсь, она живет в чердачной спальне на

третьем этаже.

Я надеялась, что Николь оставила записку о побеге на виду.

Тетка Хелена прибежала из квартиры «В», опьяненная волнующим открытием: юная Агата тайно бежала с мужчиной.

— С сантехником по имени Гарт, — прибавила Тетка Хелена. — Утверждает, что влюблена.

— Прискорбно, — сказала я. — Надо отыскать их обоих, наложить взыскание и проследить, чтобы брак был заключен как полагается. Впрочем, Агата весьма неотесанна — почтенной Тетки из нее бы не вышло. Есть и плюсы: вполне вероятно, благодаря этому союзу население Галаада приумножится.

— Но как ей удалось познакомиться с этим сантехником? — спросила Тетка Элизабет.

— Сегодня утром в квартире «А» жаловались на отсутствие воды в ванне, — сказала я. — Должно быть, сантехника вызвали чинить. Ясно, что у нас тут случай любви с первого взгляда. Молодежь — пылкий народ.

— В Ардуа-холле не полагается принимать ванны по утрам, — сказала Тетка Элизабет. — Или же кто-то нарушил правила.

— Чего исключить, увы, нельзя, — сказала я. —

Плоть немощна[74].

— О да, совсем немощна, — согласилась Тетка Хелена. — Но как она вышла за ворота? У нее не было пропуска, ее бы не выпустили.

— Девочки в этом возрасте весьма подвижны, — ответила я. — Полагаю, она перелезла через Стену.

Мы вернулись к обеду — сухие сэндвичи, какая-то причиненная помидорам пагуба и сопливое бланманже на десерт, — и к концу нашей скромной трапезы опрометчивый побег юной Агаты, и ее акробатические таланты к промышленному альпинизму, и ее своевольный замысел исполнить женское предназначение в объятиях предприимчивого сантехника из Эконокласса стали общеизвестны.

---

[74] Сноски: 74

«И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:40–41).

XXIV
«Нелли Дж. Бэнкс»

Протокол свидетельских показаний 369Б

66

Мы приблизились к судну. На палубе вырисовывались три тени; мигнул фонарик. Мы взобрались по штормтрапу.

— Сядьте на край, перебросьте ноги, — сказал чей-то голос.

Кто-то взял меня за локоть. Спустя миг мы стояли на палубе.

— Капитан Мисимэнго, — сказал голос. — Давайте-ка внутрь.

Что-то низко загудело, и я почувствовала, как двинулось судно.

Мы вошли в тесную рубку с черными шторами на иллюминаторах, и какими-то приборами, и, видимо, судовой радиолокационной станцией, хотя я не приглядывалась.

— Рад, что добрались, — сказал капитан Мисимэнго.

Он пожал нам руки; у него не хватало двух

пальцев. Коренастый, лет шестидесяти, загорелый и с черной бородой.

— Значит, история у нас такая — на случай если спросят: вы на рыболовецкой шхуне, ходит на солнечной энергии плюс дизель. Порт приписки — Ливан. Мы доставили треску и лимоны по особому разрешению, то есть на серый рынок, и идем назад. Днем на глаза никому не показывайтесь — мой связник через Берта, который вас до пристани подвозил, сообщает, что скоро вас точно будут искать. На ночлег устроим вас в трюме. Если проверка, береговая охрана усердствовать не будет, мы этих ребят знаем. — И он потер два пальца — это я знала, это значило «деньги».

— А еды у вас нет? — спросила я. — Мы весь день толком ничего не ели.

— А, точно, — сказал он.

Затем велел ждать, ушел и вернулся с двумя кружками чаю и сэндвичами. С сыром, но не галаадским, а настоящим сыром — козьим со шнитт-луком, Мелани такой любила.

— Спасибо, — сказала Агнес.

Я уже вгрызлась, но пробубнила «спасибо» с полным ртом.

— Ваша подруга Ада передает привет и что

вы скоро увидитесь, — сказал мне капитан Мисимэнго.

Я проглотила.

— Откуда вы знаете Аду?

Он засмеялся:

— Все друг другу родня. По крайней мере здесь. Мы с ней когда-то вместе охотились на оленей в Новой Шотландии.

На ночлег мы спустились по трапу. Капитан Мисимэнго пошел первым и включил свет. В трюме стояли какие-то холодильники и большие прямоугольные железные ящики. У одного ящика на боку была откидная петля, а внутри два спальника, на вид не очень чистые: мы, наверное, не первыми в них спали. Трюм насквозь провонял рыбой.

— Если все тихо, крышку можете не опускать, — сказал капитан Мисимэнго. — Спите крепко, ваша репка.

И его шаги удалились.

— Довольно-таки жуть, — шепнула я Агнес. — Рыбой пахнет. Спальники эти. Наверняка там вши.

— Мы должны возблагодарить Господа, — сказала она. — Давай спать.

Татуировка БОГ / ЛЮБОВЬ болела, и спать при-

шлось на правом боку, чтоб на нее не давить. Может, у меня заражение крови, думала я. Тогда беда, потому что врача на борту явно нет.

Проснулись мы еще затемно, потому что судно качало. Агнес вылезла из железного ящика и пошла наверх посмотреть, что происходит. Я тоже хотела пойти, но мне было очень нехорошо.

Она вернулась с термосом чая и двумя вареными яйцами. Мы вышли в океан, сказала она, и зыбь качает судно. Она даже представить не могла, что бывают такие волны, хотя капитан Мисимэнго сказал, что ничего такого особенного.

— О господи, — сказала я. — Надеюсь, не разгуляется. Ненавижу, когда тошнит.

— Пожалуйста, не используй имя Господа всуе вместо ругательств, — сказала она.

— Извини, — ответила я. — Хотя ты меня прости, конечно, но если Господь есть, он мою жизнь знатно разъэтосамое.

Я думала, она рассердится, но она только сказала:

— Ты не одна такая во вселенной. Легкой жизни не бывает ни у кого. Но, может, Господь разъэтосамое, как ты выражаешься, твою жизнь не просто так, а зачем-то.

— Прямо не терпится выяснить, бля, зачем же.

Рука болела, и я ужасно бесилась. Сарказм надо было, конечно, прикрутить, и материться при Агнес не стоило.

— А я думала, ты постигаешь подлинную цель нашей миссии, — сказала она. — Спасение Галаада. Очищение. Обновление. Вот зачем.

— Ты считаешь, эту гнилую кучу говна можно обновить? — сказала я. — Да гори она синим пламенем!

— Почему ты хочешь причинить зло стольким людям? — мягко спросила она. — Это моя страна. Я там выросла. Ее разрушают вожди. Я хочу, чтоб она стала лучше.

— Ладно, пусть, — сказала я. — Я понимаю. Извини. Я не про тебя. Ты моя сестра.

— Я принимаю твои извинения, — сказала она. — Спасибо, что понимаешь.

Несколько минут мы посидели в сумрачной тишине. Я слышала, как Агнес дышит, а иногда вздыхает.

— Как думаешь, получится? — наконец спросила я. — Мы доберемся?

— На то не наша воля, — ответила она.

Протокол свидетельских показаний 369A

67

К утру второго дня я уже сильно беспокоилась за Николь. Она утверждала, что не больна, но у нее был жар. Я вспомнила, как в Ардуа-холле нас учили ухаживать за больными, и старалась следить, чтоб Николь пила побольше жидкости. На судне нашлись лимоны, и я смешивала их сок с чаем, и солью, и добавляла немножко сахара. Я наловчилась лазать вверх-вниз по трапу и отмечала, что в длинной юбке мне было бы гораздо сложнее.

Туман был очень густ. Мы еще не вышли из галаадских территориальных вод, и около полудня береговая охрана провела инспекцию. Мы с Николь закрыли крышку нашего железного ящика изнутри. Она сунула руку мне в ладонь, и я сильно ее сжала, и мы ни звука не проронили. Слышались голоса, грохотали шаги, но потом все стихло, и сердце у меня перестало так часто колотиться.

Позднее в тот день случилась какая-то поломка двигателя, что я обнаружила, когда пошла наверх за лимонным соком. Капитан Мисимэнго,

кажется, переживал: приливы и отливы в этом районе очень высокие и быстрые, сказал он, а без двигателя нас унесет в море или, наоборот, затянет в залив Фанди и выбросит на канадский берег, и тогда судно задержат, а команду арестуют. Судно уносило на юг; это что значит, мы возвращаемся в Галаад?

Наверное, думала я, капитан Мисимэнго жалеет, что согласился нас взять. Сказал мне, что, если судно догонят и захватят, а нас найдут, его обвинят в контрабандной перевозке женщин. Шхуну у него отнимут, а поскольку сам он из Галаада, бежал из Галаадских Земель Предков через канадскую границу, с ним поступят как с гражданином, будут судить за контрабанду, и тогда ему конец.

— Вы из-за нас слишком рискуете, — сказала я на это. — Вы же уговорились с береговой охраной? Про серый рынок?

— Они буду отрицать — на бумаге-то ничего нет, — ответил он. — Кому охота встать к стенке за взятки?

На ужин были сэндвичи с курицей, но Николь не хотела есть — хотела только спать.

— Тебе совсем плохо? Можно я тебе пощупаю лоб?

Кожа у нее была обжигающая.

— Я только хочу, чтоб ты знала: я очень благодарна, что ты у меня есть, — сказала я Николь. — Я счастлива, что ты моя сестра.

— Я тоже, — ответила она. А спустя минуту спросила: — Как думаешь, мы увидим маму?

— Я верю, что да.

— А мы ей понравимся?

— Она нас полюбит, — сказала я, чтоб ее утешить. — А мы полюбим ее.

— Если люди родственники, необязательно их любишь, — прошептала она.

— Любовь — это дисциплина, как молитва, — сказала я. — Я хочу за тебя помолиться, чтоб тебе полегчало. Ты не против?

— Не поможет. Мне не полегчает.

— А мне полегчает, — сказала я.

Тогда она согласилась.

— Милый Бог, — сказала я, — пусть мы примем прошлое со всеми его изъянами, пусть мы придем в лучшее будущее с прощением и нежной добротой. И пусть обе мы будем благодарны, что у нас обеих есть сестра, и пусть мы обе вновь увидим нашу мать и обоих наших отцов. И пусть мы помним Тетку Лидию, и прости ее за грехи ее и недостатки, и мы надеемся, что и наши ты тоже

сможешь простить. И пусть мы навсегда останемся благодарны нашей сестре Бекке, где бы она ни была. Пожалуйста, благослови их всех. Аминь.

К тому времени, когда я договорила, Николь уже спала.

Я и сама постаралась уснуть, но в трюме было ужасно душно. Потом я услышала, как по железному трапу спускаются шаги. Пришел капитан Мисимэнго.

— Вы извините, но нам придется вас выгрузить, — сказал он.

— Сейчас? — спросила я. — Ночь ведь еще.

— Извините, — повторил он. — Двигатель мы раскочегарили, но он еле фурычит. Мы в канадских водах, но до места высадки еще идти и идти. Соваться в гавань нельзя, для нас слишком опасно. Течение против нас.

Он сказал, что мы находимся у восточного берега залива Фанди. Нам с Николь надо, главное, добраться до берега, и все будет хорошо; а вот он рисковать судном и командой не может.

Николь крепко спала; пришлось ее трясти.

— Это я, — сказала я. — Твоя сестра.

Капитан Мисимэнго пересказал все то же самое ей: нам надо сию секунду высаживаться с «Нелли Дж. Бэнкс».

— Нам что — вплавь? — спросила Николь.

— Дадим вам надувную лодку, — сказал он. — Я предупредил, вас ждут.

— Она нездорова, — сказала я. — А нельзя подождать до завтра?

— Не, — сказал капитан Мисимэнго. — Скоро отлив. Упустите шанс — вас в море унесет. Оденьтесь потеплее, жду на палубе через десять минут.

— «Оденьтесь потеплее»? — переспросила Николь. — Мы что — к арктической экспедиции тут готовились?

Мы натянули на себя все, что было. Ботинки, флисовые шапки, непромокаемые куртки. Николь поднималась по трапу первая: ее пошатывало, и она цеплялась только правой рукой.

На палубе нас ждал капитан Мисимэнго с одним матросом. Они выдали нам спасательные жилеты и термос. С левого борта накатывали туманные валы.

— Спасибо вам, — сказала я капитану. — За все, что вы для нас сделали.

— Жалко, что не по плану, — сказал он. — Храни вас Бог.

— Спасибо, — повторила я. — Храни Бог и вас.

— Постарайтесь не заходить в туман.

— Шикарно, — сказала Николь. — Туман. Только этого нам и не хватало.

— Может, это, наоборот, благо, — сказала я.

Нас спустили на воду. В лодке был моторчик на солнечных батареях, там все проще простого, объяснил капитан Мисимэнго: включить, холостой ход, вперед, назад. И два весла.

— Отваливай, — сказала Николь.

— Прошу прощения?

— Оттолкни лодку от «Нелли». Да не руками! На, возьми весло.

Оттолкнуться мне удалось, хотя и не очень хорошо. Я в жизни не держала весла в руках. Чувствовала себя недотепой.

— До свидания, «Нелли Дж. Бэнкс», — сказала я. — Да благословит тебя Господь!

— Нечего махать, им тебя не видно, — сказала Николь. — Радуются небось, что от нас избавились, — мы им жизнь отравляли.

— Они были добры, — сказала я.

— Ты считаешь, это они за спасибо или за кучу денег?

«Нелли Дж. Бэнкс» удалялась. Я надеялась, что им улыбнется удача.

Чувствовалось, как отлив подхватывает лодку. Идите под углом, велел капитан Мисимэнго:

навстречу отливу опасно, лодка может перевернуться.

— Подержи фонарик, — сказала Николь. Она правой рукой щелкала кнопками моторчика. Моторчик завелся. — Не отлив, а река прямо какая-то.

Двигались мы и впрямь быстро. Слева, далеко-далеко, виднелись огни на берегу. Было холодно — такой холод, который пробирает сквозь любую одежду.

— Мы ближе? — через некоторое время спросила я. — К берегу?

— Надеюсь, — сказала Николь. — Иначе мы скоро вернемся в Галаад.

— Можно прыгнуть за борт, — сказала я.

Возвращаться в Галаад никак нельзя: там, наверное, уже поняли, что Николь исчезла, но ни с каким Экономужем никуда не бежала. Нельзя предать Бекку и все, что она для нас сделала. Лучше умереть.

— Блядь, — сказала Николь. — Двигатель гикнулся.

— Ой, — сказала я. — А ты можешь?..

— Я пытаюсь. Вот говно блядское!

— Что? Что такое?

Пришлось повысить голос: со всех сторон нас

обступал туман, ревела вода.

— Закоротило, по-моему, — сказала Николь. — Или батарея села.

— Они это нарочно? — спросила я. — Может, они и хотели, чтоб мы умерли.

— Да щас! — сказала Николь. — На фига им гробить клиентов? Придется грести.

— Грести?

— Веслами, ага, — сказала Николь. — У меня только одна рука нормальная, другая, как гриб-дождевик, и не спрашивай, бля, что такое гриб-дождевик!

— Я же не виновата, что не знаю таких вещей, — сказала я.

— Ты хочешь об этом поговорить прямо сию минуту? Я, блядь, извиняюсь, но у нас тут совсем ЧП! Давай, бери весло!

— Ладно, — сказала я. — Вот. Взяла.

— В уключину вставь. В уключину! Вон в ту дырку! Так, берись двумя руками. Теперь смотри на меня! Когда скажу, опусти весло в воду и тяни, — сказала Николь. Точнее, прокричала.

— Я не умею. Я, по-моему, какая-то бесполезная.

— Не реви, — сказала Николь. — Мне плевать, что там по-твоему. Работай! Ну! Когда скажу, тяни

весло на себя! Видишь свет? Уже ближе!

— По-моему, ничего не ближе, — сказала я. — Мы очень далеко. Нас унесет.

— Ничего не унесет, — сказала Николь. — Будешь стараться — не унесет. И — давай! Еще! Отлично! Давай! Давай! Давай!

XXV
Подъем

Автограф из Ардуа-холла

68

Тетка Видала открыла глаза. Пока ничего не говорит. У нее мозги-то работают? Она помнит, что видела юную Агату в серебристом платье Жемчужной Девы? Помнит удар, который ее свалил? Расскажет о том, что помнит? Если на первые вопросы ответ — «да», на последний ответ тот же. Она сложит два и два — кто, кроме меня, мог подстроить такой сценарий? Любой ее донос медсестры мигом передадут Очам; а затем часы остановятся. Надо принять меры. Но какие и каким образом?

В Ардуа-холле ходят слухи, что инсульт у Тетки Видалы приключился не просто так, но в результате некоего потрясения или даже нападения. Судя по следам в грунте, ее оттащили за мою статую. Из Отделения Реанимации ее перевели в общую палату, Тетка Элизабет и Тетка Хелена по очереди сидят у ее одра, ждут первых слов,

подозревают друг друга, а посему остаться с ней наедине мне не удается.

Множатся гипотезы вокруг записки о побеге. Сантехник — прекрасный штрих, такая убедительная деталь. Я горжусь находчивостью Николь и верю, что это качество немало поможет ей в ближайшем будущем. Не стоит недооценивать таланта изобретать правдоподобную ложь.

Со мной, естественно, консультировались относительно уместной процедуры. А разве не надо отправиться на поиски? Нынешнее местонахождение девушки несущественно, ответила я, коль скоро цели наши — брак и рождение потомства; но Тетка Элизабет возразила, что мужчина может оказаться распутным самозванцем или, того хуже, агентом «Моего дня», который под чужой личиной внедрился на территорию Ардуа-холла; так или иначе, он злоупотребит юной Агатой, а затем бросит ее, после чего ей останется разве что пойти в Служанки, и посему надлежит отыскать ее немедленно, а мужчину арестовать и допросить.

Если бы мужчина и вправду был, такого курса мы бы и придерживались: в Галааде благоразумные девушки не убегают, а благонамеренные мужчины не убегают с девушками. Поэтому я

вынуждена была согласиться, и поисковый отряд Ангелов отправился прочесывать окрестные улицы и дома. Трудились они без воодушевления: ловля обольщенных девиц не входит в их понятие о героизме. Надо ли говорить, что юную Агату так и не нашли; равно не обнаружили ни единого самозваного сантехника, сотрудничающего с «Моим днем».

Тетка Элизабет высказала ценное мнение, что дело это пахнет очень дурно. Я согласилась и прибавила, что озадачена не меньше. Но что, спросила я затем, тут поделать? След простыл — значит, след простыл. Подождем развития событий.

Отбиться от Командора Джадда было сложнее. Он вызвал меня к себе в кабинет на безотлагательное совещание.

— Вы потеряли Младеницу Николь.

Он трясся, давя в себе ярость, но и от страха: Младеница Николь была почти у него в руках, а он ее проворонил — в Совете ему этого не простят.

— Кто еще знал, что это она?

— Больше никто, — ответила я. — Вы. Я. И сама Николь, разумеется, — я сочла необходимым с ней поделиться, дабы внушить ей мысль о ее высоком предназначении. Больше никто.

— И никто не должен узнать! Как вы это допустили? Вы же привезли ее в Галаад! И чтоб ее вот так у вас умыкнули… Пострадает репутация Очей, не говоря уж о репутации Теток.

Никакими словами не передать, до чего я наслаждалась, глядя на его корчи, однако лицом я изобразила смятение.

— Мы приняли все меры предосторожности, — сказала я. — Либо она действительно бежала, либо ее похитили. В последнем случае виновники наверняка работают на «Мой день».

Я хотела выиграть время. Мы вечно тщимся что-нибудь выиграть.

Я вела счет часам. Часам, минутам, секундам. У меня были веские резоны надеяться, что посланницы мои унесли семена падения Галаада уже очень далеко. Не зря я столько лет фотографировала совершенно секретные уголовные дела в Ардуа-холле.

У поворота на заброшенную туристическую тропу в Вермонте обнаружили два рюкзака Жемчужных Дев. В рюкзаках лежали два серебристых платья, апельсиновые очистки и одно жемчужное ожерелье. В окрестностях провели поиски с собаками-ищейками. Безрезультатно.

Финты ужасно отвлекают.

По жалобе Теток, занимающих квартиры «А» и «Б», Технический Отдел расследовал перебои с водой и обнаружил, что сток в цистерне блокирован бедной Теткой Иммортель. Бережливая девочка сняла верхнее платье, дабы оно пригодилось еще кому-нибудь: аккуратно сложенное, оно висело на первой ступеньке лестницы. Белье она скромности ради оставила. Ничего иного я от нее и не ожидала. Не думай, читатель, что ее кончина не печалит меня; однако я напоминаю себе, что Тетка Иммортель принесла себя в жертву добровольно.

Весть об этом породила новые пересуды; ходили слухи, что Тетку Иммортель убили, а кто, всего вероятнее, мог такое совершить, если не пропавшая канадская новообращенная, известная под именем Агаты? Многие Тетки — в том числе и те, что с такой радостью и удовлетворением приветствовали ее прибытие, — утверждали теперь, что всегда подозревали в ней мошенницу.

— Ужасный скандал, — сказала Тетка Элизабет. — Он бросает на нас такую тень!

— Ничего, замнем, — сказала я. — Тетка Иммортель просто хотела выяснить, что произошло с цистерной, дабы избавить ценных работников от лишних трудов, — я намерена придержи-

ваться такой позиции. По всей видимости, она поскользнулась или потеряла сознание. Она бескорыстно выполняла свой долг и пала жертвой несчастного случая. О чем я и объявлю на достойных и лестных для покойницы похоронах, которые мы сейчас устроим.

— Гениальный ход, — с сомнением сказала Тетка Хелена.

— Думаете, кто-нибудь этому поверит? — спросила Тетка Элизабет.

— Все поверят тому, что в интересах Ардуа-холла, — твердо ответила я. — То есть в их собственных интересах.

Гипотезы, однако, продолжали плодиться. Две Жемчужные Девы прошли через ворота — в чем клялись дежурные Ангелы, — и бумаги у обеих были в порядке. Одна из них — не Тетка ли Виктория, которая по-прежнему не выходит к трапезам? А если нет — где она? А если да, почему она поспешила выйти в путь со своей миссией еще до Блага Дарения? Тетки Иммортель с ней не было — кто в таком случае другая Жемчужная Дева? Возможно ли, что Тетка Виктория была сообщницей в двойном побеге? Ибо история эта все больше походила на побег. Сделали вывод, что записка о мужчине была отвлекаю-

щим маневром — пустить по ложному следу, задержать погоню. Сколь коварны и хитроумны порой бывают юные девицы, перешептывались Тетки, — особенно иностранки.

Затем прилетела весть о том, что двух Жемчужных Дев видели на автовокзале Портсмута, в Нью-Гэмпшире. Командор Джадд распорядился о поисковой операции: самозванок — это он их так назвал — надо поймать, вернуть и допросить. Им нельзя говорить ни с кем, кроме него. На случай попыток побега он приказал стрелять на поражение.

— Жестковато, — заметила я. — Они же неопытные. Кто-то, видимо, сбил их с пути.

— В нынешних обстоятельствах мертвая Младеница Николь гораздо полезнее живой, — ответил он. — Вы же сами прекрасно понимаете, Тетка Лидия.

— Прошу прощения за свою глупость, — сказала я. — Мне представлялось, что Младеница Николь была неподдельна — в смысле, неподдельно желает присоединиться к нам. Если бы так, это был бы оглушительный успех.

— Ясно, что она была подсадной, ее внедрили в Галаад обманным путем. Оставшись в живых, она может свалить нас обоих. Вы вообще созна-

ете, что́ нам грозит, если она попадется кому-то другому и ей развяжут язык? Я лишусь всякого доверия. На свет извлекут длинные ножи, и не для меня одного: придет конец вашему царствованию в Ардуа-холле, а также, не будем лукавить, и вам самой.

Любит не любит: я перехожу в разряд простого инструмента, который используют и выбрасывают. Однако это игра на двоих.

— Истинная правда, — сказала я. — К несчастью, кое-кто в нашей стране одержим злопамятством и жаждой мести. Они не верят, что вы всегда поступали как лучше, особенно в вопросах веяния пшеницы.

Это выжало из него улыбку, хоть и натужную. Мне привиделась давняя картина — уже не впервые. В бурой власянице я подняла винтовку, прицелилась, выстрелила. Боевой патрон или холостой?

Боевой.

Я снова навестила Тетку Видалу. При ней дежурила Тетка Элизабет — вязала шапочку для недоношенных, это нынче в моде. Изо дня в день я благодарю судьбу за то, что так и не научилась вязать.

Глаза у Видалы были закрыты. Дышала она

ровно — не везет.

— Заговорила? — спросила я.

— Нет, ни слова, — ответила Тетка Элизабет. — При мне, во всяком случае.

— Ваша доброта и забота делают вам честь, — сказала я, — но вы, должно быть, устали. Я вас ненадолго отпущу. Идите, выпейте чаю.

Она покосилась на меня подозрительно, однако отбыла.

Едва она вышла за порог, я наклонилась и громко сказала Видале в ухо:

— Подъем!

Глаза у нее открылись. Сфокусировались на мне. А затем она внятно, ничуть не мямля, прошептала:

— Это все ты, Лидия. Ты у меня будешь болтаться в петле.

Лицо ее искажали мстительность и торжество: наконец-то она нашла обвинение, от которого мне не отвертеться, и вот-вот займет мою должность.

— Вы утомились, — сказала я. — Поспите.

Она снова закрыла глаза.

Я рылась в кармане в поисках припасенного флакона с морфином, и тут вошла Элизабет.

— Забыла вязание, — пояснила она.

— Видала заговорила. Как раз когда вы ушли.

— Что сказала?

— У нее, наверное, повредился рассудок, — ответила я. — Она утверждает, что ее ударили вы. Говорит, что вы сотрудничаете с «Моим днем».

— Да кто ей поверит? — сказала Элизабет, белея. — Если ее кто и ударил, так, наверное, эта Агата!

— Вера — дело непредсказуемое, — ответила я. — Кое-кто сочтет целесообразным вас уничтожить. Не всем Командорам пришелся по душе постыдный уход доктора Гроува. Я слыхала, по мнению некоторых, на вас положиться нельзя: если вы обвинили Гроува, кого еще вы можете обвинить? И в таком случае показания Видалы против вас они примут без вопросов. Люди любят козлов отпущения.

Элизабет села.

— Это катастрофа, — сказала она.

— Нам на долю и прежде выпадали непростые испытания, Элизабет, — мягко ответила я. — Вспомните палату «Исполать». Мы обе оттуда выбрались. И с тех пор делали, что надлежало сделать.

— Вы так меня ободряете, Лидия.

— Жаль, что у Видалы такая тяжелая аллер-

гия, — сказала я. — Надеюсь, с нею во сне не случится приступа астмы. Мне пора бежать — совещание. Оставляю Видалу в ваших ласковых руках. По-моему, ей надо поправить подушку.

Одним выстрелом — двух зайцев: если так, сие весьма отрадно и в эстетическом, и в практическом ключе, а вдобавок отвлечет внимание и даст больше места для разбега. В итоге, правда, не мне: едва ли я уцелею после откровений, что наверняка воспоследуют, как только в канадских теленовостях появится Николь и будет обнародована собранная мною и доставленная ею коллекция улик.

Тикают часы, минуют минуты. Я жду. Я жду.

Доброго вам полета, посланницы мои, серебристые мои голубки, мои ангелы-разрушительницы. Благополучно вам вновь оказаться на земле.

XXVI
Земля

Протокол свидетельских показаний 369А

69

Не знаю, сколько времени мы провели в этой лодке. Мне показалось, многие часы. Простите, что не могу точнее.

Был туман. Волны очень высокие, нас поливало брызгами и просто водой. Холод был смертельный. Стремительный отлив уносил нас в море. Сказать, что я перепугалась, — ничего не сказать: я думала, мы умрем. Лодку затопит, нас выбросит в океан, мы будем погружаться все глубже и глубже. Послание Тетки Лидии будет потеряно, и все жертвы окажутся напрасны.

«Милый Бог, — про себя молилась я. — Пожалуйста, помоги нам благополучно добраться до земли. А если кто-то должен умереть, пусть умру только я».

Мы все гребли и гребли. У каждой было по веслу. Я никогда не плавала на лодке и грести не умела. Я ослабела, устала, руки сводило болью.

— Не могу, — сказала я.

— Давай-давай! — закричала Николь. — Нормально!

Где-то поблизости волны грохотали о берег, но в кромешной тьме я не понимала, где этот берег есть. А потом на лодку накатила громадная волна, и Николь крикнула:

— Греби! Греби, и хоть ты что!

Что-то заскрежетало — видимо, гравий, — и опять накатила большая волна, и лодка перевернулась набок, а нас выбросило на землю. Я на коленях стояла в воде, новая волна сбила меня, но я как-то умудрилась встать, а потом из темноты появилась рука Николь и затащила меня на какие-то большие валуны. А потом мы поднялись на ноги, и океану уже было до нас не добраться. Я вся дрожала, зубы у меня стучали, руки и ноги онемели. Николь бросилась мне на шею.

— Выбрались! Выбрались! Я думала, конец! — вопила она. — Я, блин, надеюсь, это какой надо берег! — Она хохотала, но задыхалась.

В сердце своем я сказала: «Милый Бог. Спасибо тебе».

Еще бы чуть-чуть — и все. Мы едва копыта не отбросили. Нас могло унести отливом — угодили бы в Южную Америку, но скорее Галаад подобрал бы нас и вздернул на Стене. Я так горжусь Агнес — после той ночи она мне по правде сестра. Она старалась, даже на последнем издыхании. Без нее я бы на этой лодке не выгребла.

Валуны были коварные. Везде скользкие водоросли. Видела я не очень хорошо, потому что темно. Рядом была Агнес — это плюс, потому что я уже бредила. Левая рука была как не моя — будто ее от меня отрезали и она просто на рукаве болталась.

Мы перелезли через валуны и заплюхали по лужам, оскальзываясь и оступаясь. Я не знала, куда мы идем, но если в горку, значит, прочь от волн. Я так устала, что засыпала на ходу. Прикидывала: надо же, сюда добралась, а здесь отключусь, и упаду, и башку себе разобью. Бекка сказала: *Осталось чуть-чуть*. Я не помнила, чтоб она была в лодке, но она шла с нами по пляжу, только я ее не видела, потому что слишком темно. Потом

она сказала: *Вон туда посмотри. Иди на свет.*

Кто-то закричал нам с утеса. Наверху суетились фонари, чей-то голос заорал:

— Вон они!

Потом другой окликнул:

— Сюда!

Я так устала, что орать не могла. Потом стало песчанее, а справа и сверху к нам двинулись фонари.

С одним фонарем появилась Ада.

— Получилось, — сказала она.

А я сказала:

— Ага, — и упала.

Кто-то поднял меня и понес. Гарт. Он сказал:

— А я тебе что говорил? Умница! Вот я знал, что ты победишь.

Я в ответ ухмыльнулась.

Мы поднялись в горку, а там были яркие огни, и люди с телекамерами, и кто-то сказал:

— Ну-ка улыбочку.

И тут я вырубилась.

Нас по воздуху доставили в медицинский центр для беженцев на Кампобелло и накачали меня антибиотиками, так что, когда я проснулась, рука была не такая распухшая и не очень ныла.

У постели сидела моя сестра Агнес в джинсах

и фуфайке, на которой было написано: «БЕГИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ — ПРОТИВ РАКА ПЕЧЕНИ». Это было смешно, потому что мы тем и занимались — бежали, чтобы выжить. Агнес держала меня за руку. С Агнес были Ада, и Элайджа, и Гарт. И все улыбались, как ненормальные.

Сестра сказала мне:

— Это чудо. Ты спасла нам жизнь.

— Мы вами обеими ужасно гордимся, — сказал Элайджа. — Простите за лодку — вас должны были доставить в гавань.

— Вы в новостях по всем каналам, — сказала Ада. — «Сестры бросили вызов судьбе», «Дерзкий побег Младеницы Николь из Галаада».

— И документы тоже, — сказал Элайджа. — Тоже в новостях. Это бомба. Столько преступлений, в высших галаадских кругах — мы на такое и не надеялись. Канадская пресса обнародует один подрывной секрет за другим — скоро полетят головы. Наш галаадский источник не подвел.

— А Галааду кранты? — спросила я.

Я была счастлива, но все было какое-то ненастоящее, как будто это не я делала все, что мы делали. Как мы могли так рисковать? Что нас держало?

— Пока нет, — сказал Элайджа. — Но уже на-

чалось.

— «Новости Галаада» уверяют, что все это липа, — сказал Гарт. — Заговор «Моего дня».

Ада усмехнулась — коротко так заворчала:

— Ну конечно, а что еще им сказать?

— А где Бекка? — спросила я.

Меня опять повело, и я закрыла глаза.

— Бекки здесь нет, — ласково ответила Агнес. — Она с нами не поехала. Вспоминай.

— Она поехала. Она была на пляже, — прошептала я. — Я ее слышала.

Я, наверное, уснула. Потом опять проснулась.

— Температура-то у нее упала? — спросил чей-то голос.

— Что такое? — спросила я.

— Тш-ш, — сказала моя сестра. — Все хорошо. Мама здесь. Она так за тебя переживает. Смотри, вот она.

Я открыла глаза, и стало очень ярко, но передо мной стояла женщина. Грустная и счастливая разом; она немножко плакала. Она была почти как на фотографии из Родословной, только старше.

Я почувствовала, что это, наверное, и впрямь она, и протянула к ней руки, здоровую и ту, что выздоравливала, и наша мать наклонилась над больничной койкой, и мы с ней обняли друг

друга одной рукой. Она обнимала меня одной рукой, потому что другой она обнимала Агнес, и она сказала:

— Милые мои девочки.

Пахла она как надо. Как будто эхо — эхо голоса, который толком не расслышать.

Она слегка улыбнулась и сказала:

— Вы меня, конечно, не помните. Вы были слишком маленькие.

А я сказала:

— Нет. Не помню. Но это ничего.

А моя сестра сказала:

— Пока нет. Но я вспомню.

А потом я опять уснула.

XXVII
Прощай

Автограф из Ардуа-холла

71

Наше время на исходе, мой читатель. Быть может, эти страницы тебе видятся хрупкой шкатулкой с сокровищами, кою открывать надлежит очень бережно. Быть может, ты разорвешь их в клочки или сожжешь — со словами нередко такое происходит.

Возможно, ты будешь историком, в каковом случае я надеюсь, что ты сможешь извлечь из меня пользу: честный портрет без прикрас, самое полное повествование о моей жизни и эпохе, достойно откомментированное; хотя я удивлюсь, если ты не упрекнешь меня в вероломстве. Или не удивлюсь: я буду мертва, а мертвых трудно удивить.

Мне ты представляешься молодой женщиной, умной и честолюбивой. Ты ищешь свое место в тех сумрачных гулких пещерах университетской науки, что еще сохранились в твои времена.

Я воображаю тебя за столом: волосы заложены за уши, лак на ногтях потрескался — потому что лак возвратился, он всегда возвращается. Ты слегка хмуришься — привычка, которая с годами только усугубится. Я витаю у тебя за спиной, заглядываю через плечо — твоей музой, твоим незримым вдохновением, что гонит тебя вперед.

Ты корпишь над моей рукописью, читаешь и перечитываешь, по ходу придираешься, и в тебе зреет завороженная, но и скучливая ненависть, какую биографы нередко питают к предметам своих исследований. «Как могла я поступать так дурно, так жестоко, так глупо?» — спрашиваешь ты. Вот ты бы никогда не сделала ничего подобного. Но тебе никогда бы и не пришлось.

Итак, вот он, мой финал. Поздно: Галаад опоздал, ему уже не предотвратить неминуемой гибели. Жаль, что я не доживу и не увижу — ни пожара, ни крушения. И жизнь моя добралась до поздних своих дней. И час тоже поздний — безоблачная ночь, я созерцала ее по дороге сюда. Полная луна осияла весь мир двусмысленным трупным светом. Когда я проходила, трое Очей отдали мне честь: в лунном свете лица у них обернулись черепами — и мое, вероятно, тоже.

Они опоздают, Очи. Посланницы мои улетели.

Когда дойдет до худшего — а до худшего дойдет очень скоро, — я удалюсь стремительно. Шприц-другой морфина — и готово. Так лучше: дозволив себе еще пожить, я извергну слишком много правды. Пытки — они как танцы: я для них чересчур стара. В бесстрашии пусть упражняется молодежь. У нее, впрочем, может, и не быть выбора, поскольку моих привилегий она лишена.

А теперь я должна окончить наш разговор. До свидания, моя читательница. Постарайся не думать обо мне слишком дурно — ну или хуже, чем я сама.

Сейчас я спрячу эти страницы в кардинала Ньюмена и вновь поставлю его на полку. Как некогда сказал некто: «Мой конец — мое начало». Кто это был? Мария Стюарт, королева Шотландии, если история не врет. Ее девиз и восстающий из пепла феникс вышиты на гобелене. Женщины прекрасно вышивают, этого у них не отнять.

Шаги все ближе — стучит сапог, затем другой. Вдох, еще вдох, а между ними раздастся стук в дверь.

Тринадцатый симпозиум

комментарий историка

Ниже представлен фрагмент стенограммы Тринадцатого симпозиума по истории Галаада в рамках съезда Международной исторической ассоциации, Пассамакводди, Мэн, 29–30 июня 2197 года.

Председатель: *Профессор Марианн Лунный Серп, президент, Университет Анишинаабе, Кобальт, Онтарио.*

Докладчик: *Профессор Джеймс Дарси Пихото, директор Архивов двадцатого и двадцать первого столетий, Кембриджский университет, Англия.*

Лунный Серп:

Для начала я хотела бы отметить, что наш симпозиум проходит на исконной территории народа пенобскот, и я благодарю старейшин и предков за то, что сегодня принимают нас здесь. Я также хотела бы подчеркнуть, что местоположение наше — Пассамакводди, в прошлом Бангор — был не только важнейшим перевалочным пунктом для беженцев из Галаада, но и ключевой узловой

станцией Подпольной Железной Дороги в предвоенную эпоху, уже более трехсот лет назад. Как говорится, история не повторяется — история рифмуется.

С превеликим наслаждением я приветствую всех вас на Тринадцатом симпозиуме по истории Галаада! Наша организация замечательно разрослась — и тому есть веские причины. Мы обязаны снова и снова напоминать себе обо всех неверных шагах, сделанных в прошлом, дабы не повторять их впредь.

Кратко по организационным вопросам: для тех, кто хочет половить рыбу в реке Пенобскот, запланированы две экскурсии; пожалуйста, не забудьте средства от загара и репелленты. Все подробности, касающиеся этих экспедиций, а также экскурсии «Городская архитектура эпохи Галаада», вы найдете в материалах симпозиума. Мы добавили любительскую спевку «Гимны Галаадской эпохи» в Церкви святого Иуды, где вам составят общество три городских школьных хора. Завтра у нас Исторический Маскарад для тех, кто заранее подготовился. Убедительно прошу вас не увлекаться, как случилось на Десятом симпозиуме.

А теперь поприветствуйте, пожалуйста, до-

кладчика, с которым мы все знакомы — и по его публикациям, и по его недавнему телевизионному проекту «Внутри Галаада: повседневная жизнь пуританской теократии». Его повествование об экспонатах музейных коллекций всего мира, особенно предметов рукоделия, поистине захватывает. Профессора Пихото, прошу вас.

Пихото:

Благодарю вас, профессор Лунный Серп — или лучше «мадам президент»? Мы все поздравляем вас с повышением — событием, которое ни при каких условиях не могло случиться в Галааде. *(Аплодисменты.)* Теперь, когда женщины в столь устрашающих масштабах узурпируют властные позиции, вы, я надеюсь, обойдетесь со мною не слишком сурово. Я очень близко к сердцу принял ваши замечания по поводу моих шуточек на Двенадцатом симпозиуме — я признаю, что не все они свидетельствовали о тонкости моего вкуса, и сегодня постараюсь повторного правонарушения не совершать. *(Сдержанные аплодисменты.)*

Радостно видеть настолько полный зал. Кто бы мог подумать, что история Галаада — область, которая столько десятилетий пребывала в запустении, — внезапно обретет такую популярность? Те из нас, кто давным-давно корпит

в сумрачных и смутных пределах университетской науки, непривычны к ошеломительному сиянию софитов. *(Смех.)*

Все вы наверняка помните фурор, имевший место несколько лет назад, после обнаружения армейского сундука, содержавшего магнитофонные кассеты, автором которых считается галаадская Служанка, известная как «Фредова». Эта находка была обнаружена здесь, в Пассамакводди, за фальшстеной. Наши исследования и предварительные выводы были представлены на предыдущем симпозиуме и уже привели к появлению впечатляющего количества рецензированных статей.

Тем, кто выражал сомнения касательно и самого материала, и его датировки, могу уверенно заявить, что наши первоначальные результаты подтверждены полудюжиной независимых исследований, хотя тут я вынужден сделать некую оговорку. Цифровая Черная Дыра двадцать первого столетия, в которой столько всего исчезло из-за высокого уровня деградации информационных хранилищ — вкупе с уничтожением множества серверных ферм и библиотек галаадскими агентами, стремившимися во что бы то ни стало стереть с лица земли любые данные, противо-

речившие их собственным, а также народным восстаниям против репрессивного цифрового надзора во многих странах, — означает, что многие галаадские источники датировать точно не удается. Следует допускать погрешность от десяти до тридцати лет. Однако в этих пределах мы в своих результатах уверены, насколько вообще может быть в чем-то уверен любой историк. *(Смех.)*

После обнаружения этих судьбоносных кассет были открыты еще два волнующих источника — если их подлинность подтвердится, они существенно расширят наше понимание этого давно ушедшего периода нашей коллективной истории.

Первый источник — рукопись, известная под названием «Автограф из Ардуа-холла». Это собрание рукописных страниц было обнаружено внутри издания «Apologia Pro Vita Sua» кардинала Ньюмена, выпущенного в девятнадцатом столетии. Книга была приобретена на открытом аукционе Дж. Гримсби Доджем, который провел конец жизни в Кембридже, штат Массачусетс. Библиотеку унаследовал его племянник — он продал ее антиквару, а тот распознал ее потенциал; так этот материал попал к нам.

Перед вами фотография первой страницы. Почерк разборчив для тех, кто осваивал архаическую скоропись; страницы обрезаны, дабы помещаться в выемку внутри текста кардинала Ньюмена. Радиоуглеродный анализ не исключает период Позднего Галаада, а чернила, используемые на первых страницах, — стандартная тушь того периода, черного цвета, хотя спустя ряд страниц начинает применяться синяя тушь. Письмо было под запретом для всех женщин и девочек, за исключением Теток, однако дочерей высокопоставленных семей в школах учили рисованию, поэтому такая тушь была доступна.

В «Автографе из Ардуа-холла» утверждается, что он написан некоей «Теткой Лидией», которая в весьма нелестном виде фигурирует на магнитофонных кассетах. Из текста также следует, что она может оказаться и «Теткой Лидией», идентифицированной археологами как центральный персонаж крупной и грубо сработанной статуи, найденной на заброшенной куриной птицефабрике через семьдесят лет после падения Галаада. Нос у центральной фигуры был отколот, а одна из других фигур осталась без головы, что наводит на мысли о вандализме. Посмотрите на слайд — за освещение я извиняюсь. Фотографировал я сам,

а я не лучший в мире фотограф. Нанять профессионала не позволил бюджет. *(Смех.)*

В ряде рапортов глубоко законспирированных агентов «Моего дня» персонаж «Лидии» характеризуется как безжалостный и хитроумный. Нам не удалось отыскать ее в скудных сохранившихся материалах телевизионных съемок той эпохи, однако в развалинах школы для девочек, разрушенной в период падения Галаада, была найдена обрамленная фотография с рукописной пометкой «Тетка Лидия» на обороте.

Многое указывает на эту «Тетку Лидию» как источник нашего автографа. Однако нам, как обычно, следует проявить осторожность. А вдруг эта рукопись — подделка? Не топорная фальшивка, с мошенническими целями созданная в наше время — бумага и тушь быстро разоблачили бы подобное жульничество, — но подделка, возникшая в самом Галааде или даже в Ардуа-холле.

Что, если наша рукопись создавалась в качестве ловушки, дабы скомпрометировать предмет изображения, как «Письма из ларца» использовались для того, чтобы обречь на смерть Марию

Стюарт[75]? Возможно ли, что одна из предполагаемых соперниц «Тетки Лидии», подробно описанных в самом автографе — Тетка Элизабет, к примеру, или Тетка Видала, — негодуя на масштабы влияния Лидии, жаждая занять ее должность и будучи знакомой и с ее почерком, и с ее речевым стилем, составила этот изобличающий документ в расчете, что его обнаружат Очи?

Небольшая вероятность есть. Тем не менее в целом я склонен считать, что наш автограф подлинен. Нам достоверно известно, что некое лицо изнутри Ардуа-холла предоставило микроточку с важнейшими данными двум единоутробным сестрам, бежавшим из Галаада, — их странствие мы далее тоже рассмотрим. Обе они утверждали, что этим лицом была Тетка Лидия, — отчего же не поверить им на слово?

Если, конечно, их история про «Тетку Лидию» —

---

[75] Сноски: 75

«Письма из ларца» — восемь писем и сонеты, якобы написанные Марией Стюарт в 1567 г. ее третьему мужу Джеймсу Хепберну, графу Ботвеллу; использовались ее противниками в качестве доказательства того, что она и граф Ботвелл сговаривались убить ее второго мужа Генриха Стюарта, лорда Дарнли, который в начале 1567 г. погиб при невыясненных обстоятельствах. Сторонники Марии Стюарт утверждали, что «Письма из ларца» поддельны; их обнаружение в итоге привело к падению королевы Шотландии, их подлинность неясна до сих пор, а оригиналов не сохранилось.

сама по себе не обманный маневр с целью скрыть личность настоящего двойного агента «Моего дня» на случай возможных предательств в рядах этого движения. Такая возможность тоже всегда есть. В нашей профессии таинственная шкатулка, открыв свое нутро, зачастую являет взору другую таинственную шкатулку.

Это подводит нас к двум другим документам, подлинным почти наверняка. Они обозначены как протоколы свидетельских показаний двух молодых женщин, которые, по их же собственным словам, в Генеалогическом Архиве Родословных, хранившемся у Теток, обнаружили, что являются единоутробными сестрами. Свидетельница, называющая себя Агнес Емимой, утверждает, что выросла в Галааде. Другая, именующая себя Николь, судя по всему, младше Агнес Емимы на восемь или девять лет. В своих показаниях она описывает, как со слов двух агентов «Моего дня» узнала, что ее вывезли из Галаада в младенчестве.

Может показаться, будто «Николь» слишком незрела — и по возрасту своему, и по опыту, — чтобы получить рискованное задание, которое эти девушки совместно выполнили с таким успехом, однако «Николь» ничуть не моложе

многих других шпионов и участников движений Сопротивления, действовавших в разные века. Некоторые историки даже утверждают, что в таком возрасте человек лучше всего приспособлен для подобных эскапад, поскольку молодые люди идеалистичны, у них еще не вполне развито ощущение собственной смертности и ими владеет чрезмерная жажда справедливости.

Считается, что описанная миссия заронила семена окончательного падения Галаада, поскольку документы, вывезенные младшей сестрой — на микроточке, вживленной в шрамированную татуировку, что, должен сказать, оригинальный метод передачи информации *(смех),* — разоблачили великое множество постыдных личных тайн, касавшихся многообразных высокопоставленных чиновников. Особенно примечательна горстка заговоров Командоров с целью ликвидировать других Командоров.

Обнародование этих данных вызвало так называемую Ваалову Чистку, которая проредила ряды высшего класса, ослабила режим и спровоцировала военный путч, а также народное восстание. Наступившие в результате гражданская смута и хаос открыли дорогу подрывной кампании, скоординированной движением Сопротивле-

ния «Мой день», и серии успешных атак из ряда регионов бывших Соединенных Штатов, в том числе из горных районов Миссури, из Чикаго, Детройта и их окрестностей, из Юты — возмущенной произошедшей там резней мормонов, — из Республики Техас, с Аляски и из большинства районов Западного побережья. Но это другой сюжет — сюжет, который до сих пор складывают из осколков военные историки.

Я же сосредоточусь на самих свидетельских показаниях, записанных и расшифрованных, вероятнее всего, для движения Сопротивления «Мой день». Эти документы были обнаружены в библиотеке Университета Инну в Шехатшиу, Лабрадор. Ранее их никто не находил — возможно, потому, что папку не пометили как полагается, а назвали «Хроника «Нелли Дж. Бэнкс»: две авантюристки». Любой, кому попался бы на глаза такой набор означающих, счел бы, что наткнулся на древнее повествование о контрабанде спиртного, поскольку «Нелли Дж. Бэнкс» — знаменитая бутлегерская шхуна начала двадцатого века.

Лишь когда Мия Смит, одна из наших аспиранток, открыла эту папку в поисках темы для диссертации, выяснилась подлинная природа содержавшихся внутри документов. Когда Мия

Смит передала эти материалы мне для оценки, я был в восторге: галаадские повествования от первого лица чрезвычайно редки — особенно повествования о жизни девушек и женщин. Тем, кого лишили грамотности, затруднительно оставлять по себе заветы.

Но мы, историки, научены сомневаться в собственных скоропалительных умозаключениях. Быть может, этот двоякий нарратив — остроумная подделка? Команда наших аспирантов отправилась по пути, описанному предположительными свидетельницами, — сначала проложили вероятный маршрут на картах, по суше и по морю, а затем прошли этим маршрутом лично в надежде раскопать хоть какие-нибудь сохранившиеся улики. К великой нашей досаде, сами тексты не датированы. Я надеюсь, все вы, если вам придется участвовать в аналогичных эскападах, поможете будущим историкам и в документах укажете месяц и год. *(Смех.)*

Проработав и отбросив ряд бесперспективных гипотез и одну ночь проведя в обществе многочисленных крыс на ветхой фабрике по производству консервов из омара в Нью-Гэмпшире, наша команда побеседовала с пожилой женщиной, которая живет здесь, в Пассамакводди. По

ее словам, прадед ее рассказывал, что ввозил людей — главным образом женщин — в Канаду на рыбацком судне. У прадеда была даже карта этого района, которую его правнучка подарила нам, сказав, что как раз собиралась выбросить эту древнюю макулатуру, чтобы после ее, правнучки, смерти никому не пришлось возиться.

Я вам просто покажу слайд.

Следите за лазерной указкой — вот наиболее вероятный маршрут, которым прошли две молодые беженки: этот отрезок на машине, этот на автобусе, сюда на пикапе, сюда на моторке, а затем на борту «Нелли Дж. Бэнкс» вот до этого пляжа вблизи Харборвилла в Новой Шотландии. Отсюда их, видимо, по воздуху доставили в центр приема и медицинской помощи для беженцев на острове Кампобелло в Нью-Брансуике.

Далее наша аспирантская команда посетила остров Кампобелло, а на острове — летний дом, построенный в девятнадцатом веке семейством Франклина Д. Рузвельта, — в этом доме временно располагался центр приема беженцев. Галаад желал оборвать все связи с этим зданием и взорвал дамбу, которая вела туда с его континентальной территории, чтобы те, кто предпочитал более демократическое государственное устройство,

не смогли бежать по земле. Дом тогда переживал тяжелые времена, но с тех пор был восстановлен, и сейчас там музей; к сожалению, почти вся оригинальная мебель оттуда исчезла.

Две наши молодые женщины могли провести в этом доме по меньшей мере неделю, поскольку, по их собственным свидетельствам, обе нуждались в лечении от переохлаждения и перегрузок, а младшая сестра — и от сепсиса, вызванного инфекцией. Осматривая здание, наша предприимчивая молодая команда обнаружила занятные насечки на деревянном полотне подоконника на втором этаже.

Вот, посмотрите на слайде — резьба закрашена, но по-прежнему видна.

Вот «Н» — что может означать «Николь», вот здесь различима вертикальная черта, а также «А» и «Г» — быть может, относящиеся к «Аде» и «Гарту»? Или «А» указывает на «Агнес»? Вот здесь, чуть ниже — «В»: «Виктория»? А здесь буквы «ТЛ» — обозначающие, возможно, «Тетку Лидию», фигурирующую в их показаниях.

Кто была мать этих сестер? Нам известно, что одна беглая Служанка действительно не один год была активной оперативной сотрудницей «Моего дня». Пережив по меньшей мере два покушения

на свою жизнь, она несколько лет проработала под тройной охраной под Барри, Онтарио, в разведывательном отделе, замаскированном под ферму по производству продукции из органической конопли. Мы не смогли совершенно исключить, что эта женщина могла быть создательницей кассет с «Рассказом Служанки»; и, согласно этому же источнику, у нее было по меньшей мере двое детей. Однако скоропалительные выводы могут сбить нас с пути истинного, так что я полагаюсь на будущих исследователей — пусть они изучат вопрос внимательнее, если это возможно.

Для всех заинтересованных — на данный момент, правда, такую возможность только для участников нашего симпозиума, а в дальнейшем, если позволит финансирование, мы рассчитываем предоставить ее и более широкому кругу читателей — мы с моим коллегой, профессором Тернистым Бродом, подготовили факсимильное издание этих трех собраний материалов, расположив их в порядке, который виделся нам плюс-минус осмысленным с точки зрения логики нарратива. Можно вытравить историка из рассказчика, но не вытравишь рассказчика из историка! *(Смех, аплодисменты.)* Для упрощения поиска и перекрестных ссылок мы пронуме-

ровали фрагменты; незачем и говорить, что в оригиналах никакой нумерации нет. Экземпляры нашего издания можно запросить на стойке регистрации; по одному в руке, будьте любезны, потому что тираж у нас ограничен.

Доброго вам путешествия в прошлое; и пока вы странствуете там, поразмыслите о значении таинственных отметин на подоконнике. Я же отмечу, что соответствие первых букв нескольким ключевым именам в наших расшифровках, мягко говоря, настойчиво наводит на определенные соображения — и тем ограничусь.

Свой доклад я завершу еще одной поразительной деталью этой головоломки.

На слайдах, которые вы сейчас увидите, изображена статуя, в настоящее время находящаяся в парке Бостон-Коммон. Доказано, что она не галаадского периода: имя скульптора совпадает с именем художника, творившего в Монреале спустя несколько десятилетий после падения Галаада, и статую, судя по всему, перевезли на нынешнее место через несколько лет после постгалаадского хаоса и дальнейшей Реставрации Соединенных Штатов Америки.

В надписи на статуе, по всей видимости, перечисляются ключевые действующие лица,

фигурирующие в наших материалах. Если так, две наши юные связные, похоже, в самом деле выжили и не только успели поведать свою историю, но и воссоединились со своей матерью и обоими отцами, а затем сами обзавелись детьми и внуками.

Лично мне эта надпись представляется убедительным доказательством подлинности расшифровок показаний обеих наших свидетельниц. Коллективная память славится своей ущербностью, и по большей части прошлое погружается в океан времени и тонет там навеки; но порой воды расступаются, и хотя бы на миг пред нами кратко вспыхивает тайное сокровище. История изобилует нюансами, и мы, историки, не смеем и надеяться на единодушное согласие, но я верю, что хотя бы в этом случае вы сможете разделить мое мнение.

Как видите, статуя изображает молодую женщину в костюме Жемчужной Девы: обратите внимание на безошибочно узнаваемую шляпку, жемчужное ожерелье и рюкзак. В руках у нее букет мелких цветочков, которые наш консультант-этноботаник идентифицировал как незабудки; на правом плече у нее сидят две птицы — похоже, семейства голубиных: голуби или

горлицы.

На экране вы видите надпись. Буквы от времени стерлись, со слайда читать трудно, поэтому я взял на себя смелость расшифровать их на следующем слайде, вот. И на этой ноте я умолкаю.

светлой памяти
БЕККИ, ТЕТКИ ИММОРТЕЛЬ

этот мемориал воздвигнут ее сестрами
Агнес и Николь,
их матерью, обоими их отцами,
их детьми и внуками.
также с признательностью
за бесценный вклад Т. Л.

птица небесная может перенести слово твое,
и крылатая — пересказать речь твою.
крепка, как смерть, любовь.

Благодарности

«Заветы» я писала много где: под стеклянным куполом железнодорожного вагона, застрявшего на путях из-за оползня, на паре судов, в нескольких гостиничных номерах, в чаще леса, в центре города, на скамейках в парке, а также в разных кафе, где слова возникали на пресловутых бумажных салфетках, в тетрадках и в ноутбуке. Над оползнем я была не властна, как и над некоторыми другими событиями, неблагоприятно повлиявшими на обстановку, в которой я писала. Прочие же — исключительно моя вина.

Но, прежде чем слова попали на бумагу, «Заветы» отчасти создавались в умах людей, которые читали их предшественника, «Рассказ Служанки», и все спрашивали и спрашивали, что же было дальше, когда роман закончился. Тридцать пять лет — долгий срок, хватит времени обдумать ответы, а ответы меняются по мере того, как меняется общество и возможности оборачиваются реальностями. Граждане многих стран, в том числе и Соединенных Штатов, живут сейчас под напряжением гораздо более острым, нежели три

десятилетия назад.

Про «Рассказ Служанки» мне снова и снова задавали, помимо прочих, один вопрос: как пал Галаад? Ответом на этот вопрос и стали «Заветы». Тоталитарные режимы рушатся изнутри, поскольку не в состоянии выполнить все те обещания, что привели их к власти; или их могут атаковать снаружи; или то и другое разом. Беспроигрышного рецепта нет, ибо в истории очень мало неизбежного.

Первым делом я благодарю читателей «Рассказа Служанки»: меня вдохновляют их интерес и любопытство. И большое спасибо огромной команде, которая оживила эту книгу, превратив ее в увлекательный, восхитительно снятый и отмеченный наградами телесериал *MGM* и *Hulu*: Стиву Старку, Уоррену Литтлфилду и Дэниэлу Уилсону — со стороны продюсеров; шоураннеру Брюсу Миллеру и его великолепной команде сценаристов; прекрасным режиссерам; и изумительному актерскому составу, для которого все это явно не просто очередной сериал, — Элизабет Мосс, Энн Дауд, Самире Уайли, Джозефу Файнсу, Ивонне Страховски, Алексис Бледел, Аманде Бругел, Максу Мингеллу и многим-многим другим. Телесериал соблюдает одну из аксиом романа:

в нем не допускаются события, не имеющие прецедента в истории человечества.

Всякая опубликованная книга — коллективный проект, и поэтому огромное спасибо причитается дикой банде редакторов и первых читателей по обе стороны Атлантики, которые помогли этому мысленному эксперименту бесчисленными способами — от «Обожаю!» до «Тебе это с рук не сойдет!» и «Я не понимаю, объясни». В эту группу входят — хотя этими людьми она и не ограничивается — Бекки Харди из *Chatto / Penguin Random House UK*; Луиза Деннис и Марта Канья-Форстнер из *Penguin Random House Canada*; Нэн Талиси и Луэнн Уолтер из *Penguin Random House US*; беспощадная Джесс Этвуд Гибсон; и Хэзер Сэнгстер из *Strong Finish*, демоническая редактор, которая ловит всех блох, в том числе еще не вылупившихся. И спасибо командам корректоров и технических редакторов, которые в *Penguin Random House US* возглавляют Лидия Биклер и Лоррейн Хайленд, а в *Penguin Random House Canada* — Кимберли Хесас.

Спасибо вам, Тодд Даути и Сюзанн Херц из *Penguin Random House US*; Джаред Блэнд и Эшли Данн из *Penguin Random House Canada*; а также Фрэн Оуэн, Мари Ямадзаки и Хлои Хили из *Penguin*

Random House UK.

Спасибо моим ныне отошедшим от дел агентам Фиби Лармор и Вивьен Шустер; Каролине Саттон и Кейтлин Лейдон, Клэр Нозьерес, Софи Бейкер и Джоди Фаббри из *Curtis Brown*; Алексу Фейну, Дэвиду Сейбелу и команде *Fane Productions*; и Рону Бернстайну из *ICM*.

По разделу особых услуг: спасибо Скотту Гриффину — за консультации по мореходству; Оберону Зеллу-Рэйвенхарту и Кёрстен Джонсен; Мие Смит, чье имя появилось в тексте в результате благотворительного аукциона в пользу организации «Свобода от пыток» *(Freedom from Torture);* и нескольким участникам Сопротивления периода Второй мировой войны из Франции, Польши и Нидерландов, с которыми я успела познакомиться за многие годы. Персонаж Ада названа в честь жены моего дяди Ады Бауэр Этвуд Брэннен — она была одной из первых женщин-проводниц в Новой Шотландии и водила охотников и рыболовов по лесам.

Спасибо тем, кто помогает мне и дальше колтыхаться сквозь время и напоминает, какой у нас день на дворе, в том числе Лючии Чино из *O. W. Toad Limited* и Пенни Кавано; В. Дж. Бауэру, который рисует и поддерживает веб-сайт; Рут Этвуд

и Ральфу Сайферду; Эвелин Хескин; а также Майку Стояну и Шелдону Шойбу, Дональду Беннетту, Бобу Кларку и Дэйву Коулу.

Спасибо Колин Куинн, что я порой выбираюсь из Писательской Колеи на открытую дорогу; спасибо, Сяолань Чжао и Вики Дон; спасибо Мэттью Гибсону, который все чинит; а также Терри Кармену и *The Shock Doctors* за то, что не гаснет свет.

И, как всегда, спасибо Грэйму Гибсону, который почти пятьдесят лет остается моим напарником по многим странным и чудесным приключениям.